

НАЦИЯ И КУЛЬТУРА
новые исследования

Ю. Е. Березкин
МИФЫ ЗАСЕЛЯЮТ
АМЕРИКУ

АРЕАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ
ФОЛЬКЛОРНЫХ МОТИВОВ
И РАННИЕ МИГРАЦИИ
В НОВЫЙ СВЕТ

В-ЕМ

0000000000

НАЦИЯ И КУЛЬТУРА / НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ФОЛЬКЛОР

Российский государственный гуманитарный университет
Институт высших гуманитарных исследований
Центр типологии и семиотики фольклора

Ю. Е. Березкин
МИФЫ
ЗАСЕЛЯЮТ
АМЕРИКУ

*Ареальное распределение
фольклорных мотивов
и ранние миграции
в Новый Свет*

О·Г·И
Москва
2007

УДК 39
ББК 63.5(3)
Б48

Редакционная коллегия:

А. С. Архипова (*редактор серии*), Д. С. Ицкович, А. П. Минаева,
С. Ю. Неклюдов (*председатель редакционной коллегии*), Е. С. Новик

Научный редактор А. С. Архипова

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» и поддержано грантом РФФИ № 04-06-80238а и грантом INTAS 05-1000008-7922

Художник серии Н. Козлов

Березкин Ю. Е.

Б48 Мифы заселяют Америку: Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет / Ю. Е. Березкин. — М.: ОГИ, 2007. — 360 с.: карт. — (Нация и культура / Новые исследования: Фольклор).

ISBN 978-5-94282-285-9

В книге дан обзор истории заселения Америки от появления человека до эпохи европейских контактов. Используются материалы археологии, этнографии, лингвистики, физической антропологии. Основное внимание уделено вопросам преемственности культурного развития в отдельных регионах от Арктики до Огненной Земли. Предлагается реконструкция прошлого по данным фольклора и мифологии, выявлены тенденции распространения среди индейцев и эскимосов более тысячи фольклорных мотивов. На основании этих данных предложен сценарий заселения Северной и Южной Америки.

Книга может быть использована в качестве учебного пособия по археологии и этнологии Нового Света.

УДК 39
ББК 63.5(3)

ISBN 978-5-94282-285-9

© Ю. Е. Березкин, 2007

© Вяч. Вс. Иванов, предисловие, 2007

© ОГИ, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Вяч. Вс. Иванов. <i>Предисловие</i>	9
От автора	12
Введение	15
Часть 1	
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ КАРТА НОВОГО СВЕТА К МОМЕНТУ ПОЯВЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙЦЕВ И ЕЕ ФОРМИРОВАНИЕ (данные археологии и языкознания)	21
Арктика	23
Этноязыковая карта	23
Эскимосы и алеуты: прошлое по данным археологии	24
Древнейшие находки на Аляске	30
Субарктика	31
Атапаски	31
Заселение зоны тайги по археологическим данным	34
Северо-Западное побережье и Плато	36
Природные условия	36
Этноязыковая карта	37
Материалы археологии: Северо-Западное побережье	40
Плато: миграция сэлишей	43
Центрально-восточная область Субарктики и Северо-Восток	44
Юг Северо-Западного побережья и Калифорния	48
Древнейшие находки	48
Этноязыковая карта и ее формирование	48
Большой Бассейн	52
Этноязыковая карта	52
Древнейшие находки	55

Большой Юго-Запад	57
Юго-Запад по данным археологии:	
предки пуэбло, юма, пима и папаго	58
Анасази	60
Могольон	61
Хохокам, патаян	62
Южные атапаски	64
Юго-Запад: основные внешние связи	67
Великие Равнины	68
Восток — Юго-Восток США	72
Этноязыковая карта ко времени европейских контактов	72
Архаический период	75
Вудленд	78
Миссисипская культурная общность	81
Миссисипская периферия	84
Мезоамерика	85
Материалы археологии	86
Этноязыковая карта	88
Западная Мексика и контакты с Южной Америкой	90
Экспансия науа	91
Юго-восточная периферия Мезоамерики и Центральная Америка	93
Древняя история	94
Этноязыковая карта	98
Северные Анды	99
Палеоиндейские памятники	99
Культуры среднего и позднего голоцена	102
Поздние культуры и этническая карта к моменту европейского завоевания	105
Эквадор, Центральные и Южные Анды	108
Природные условия	108
Древнейшие памятники горного Эквадора	109
Древнейшие памятники тихоокеанского побережья	110
Древнейшие памятники горных районов Центральных и Южных Анд	112
Культуры среднего голоцена	113
Эпоха сложных обществ, 5000–1250 л. н.	116
Предынковский и инкский периоды	119
Этноязыковая карта	120
Итоги обзора данных по Андскому региону	123
Южный Конус	125
Древнейшие памятники	125
Южный Конус в голоцене	127
Языки Огненной Земли, Пампы, Патагонии, Чако	128
Юго-западная Бразилия	130

Бразильское нагорье	133
Древнейшие памятники	133
Распространение земледелия и этническая карта	135
Восточная Амазония	138
Древнейшие памятники	138
Полихромная традиция	140
Расселение тупи	141
Гвиана, Льяносы, северо-западная, западная и южная Амазония	144
Докерамические памятники	144
Расселение араваков	145
Расселение карибов	148
Расселение пано-такана	149
Прочие этносы: северо-западная и западная Амазония	151
Прочие этносы: Венесуэла и Гвиана	152
Прочие этносы: Восточная Боливия, Рондония, центральная и южная Амазония	154
Амазонская мифология на фоне этноязыковой карты	155
Большие Антилы	156
Археолого-лингвистический обзор: общие итоги	157
Древнейшие следы человека по археологическим данным	157
Данные лингвистики	159
Материалы физической антропологии	161
Часть 2. МИФОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОР КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ	
Мифологические мотивы как репликаторы	164
Сюжет не является репликатором. Элементарные и сюжетообразующие мотивы	168
Мифология и фольклор. Относительная нефункциональность мифологии	170
Франц Боас о мифологии	172
Кризис «историко-географического» направления	172
Мифологическая американистика вне и после Боаса	174
Указатель мотивов Томпсона	177
Ареалы, выделенные для учета и статистической обработки данных о территориальном распределении фольклорно-мифологических мотивов	178
Статистическая программа для обработки данных. Первая главная компонента	186
Североамериканский комплекс мотивов	189
Амазонский комплекс мотивов	201

Вторая главная компонента	208
Северо-западный комплекс мотивов	211
Мезоамериканско-Канзасский комплекс мотивов	225
Третья главная компонента (Евразийский и Американо-Канзасский комплексы мотивов)	227
Четвертая главная компонента	235
Западный комплекс мотивов	237
Восточный комплекс мотивов	242
 Заключение ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИЙ НА РАННИХ ЭТАПАХ ЗАСЕЛЕНИЯ НОВОГО СВЕТА	 249
 Summary	 258
 Иллюстрации	 262
 Библиография	 282
 Указатель этноязыковых групп	 338

Вяч. Вс. ИВАНОВ

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой совершенно новую веху в истории изучения мифологии, в особенности (но не только) мифологии исконного населения Нового Света. Ее автору — Ю. Е. Березкину, крупнейшему русскому специалисту в этой области — принадлежит как основная идея труда, так и работа по осуществлению этой идеи — исключительно сложная из-за объема и разнообразия материала. Поставлена задача рассмотреть мотивы мифологии разных групп первоначального населения двух Америк в качестве исходного материала для выяснения их происхождения, путей расселения и ранних связей. Подобного рода исследования привлекают внимание все большего числа ученых благодаря наметившимся возможностям сравнения результатов, получаемых лингвистами, антропологами, археологами и специалистами по молекулярной биологии. Общими усилиями удастся получить гипотетическую картину вероятного расселения предков современного Человека Разумного. Эта проблема принадлежит к числу тех главных вопросов о Началах, к которым принадлежит и Большой взрыв. Подобные вопросы занимают умы всех, кому по душе направление знания первого десятилетия наступившего века. Вклад автора настоящей книги в решение задачи определения путей движения древнего человека значителен. Березкин не только наметил еще одну научную дисциплину, способную — вместе с другими вышеперечисленными — помочь в решении проблемы заселения Нового Света, но и показал на огромном проработанном им материале, как к этому подойти практически.

Главные результаты получены благодаря статистическому обследованию компьютерной базы данных по американской туземной мифологии и по мифам, записанным в прилегающих к Америке с северо-запада притихоокеанских областях Азии. Эта база данных составлена автором на основе проработки исчерпывающе-

го собрания книг и статей на разных языках. В качестве итогов Березкин излагает свою схему вероятного расселения древнейших обитателей Америки.

Для более широкого круга читателей значительный интерес представит первый на русском языке обзор лингвистических, археологических и антропологических данных о каждой из групп коренного населения Нового Света, которым автор предвзывает изложение своих результатов. Обзор учитывает самые новейшие данные, в частности относящиеся к черепу женщины из Лапа-Вермелья и другим находкам, свидетельствующим о немонголоидном характере самых древних образцов. При описании возможных лингвистических связей автор следует предельно осторожным точкам зрения тех современных американских лингвистов среднего поколения, которые не признают макросемей, намеченных с большой долей вероятности Сепиром, Гринбергом и задолго до последнего — Метсон (в книге об американском индейском праязыке, изданной в Европе 30 лет назад, но в США оставшейся без отклика). Нет теоретических оснований для модного непринятия таких объединений, как семья языков на-дене (предположительно связываемая с северо-кавказско-енисейско-сино-тибетской). На пути поиска таких синтетических сравнений, которыми по отношению к языкам Евразии вслед за В. М. Илличем-Свитычем заняты многие наши лингвисты, можно ждать более эффективного сближения языковых сопоставлений с мифологическими. Поскольку Березкин склонен в последних видеть отражение прежде всего ареальных, а не этнических процессов, к приведенным им данным языковой классификации в будущем было бы полезно добавить и результаты начавшегося сравнения языковых союзов, объединяющих (независимо от их родственных отношений) многие языки таких ареалов, как Мезоамерика или Амазония.

Из предложенных гипотез, касающихся макросемей Евразии, особенно полезным для уяснения хода заселения Севера Америки может быть рассмотрение эскимосско-алеутской семьи как части ностратической макросемьи — или евразийской, в смысле, используемом Гринбергом (GREENBERG J. H. *Indo-European and its Closest Relatives // The Eurasian Language Family. Vol. 1. Grammar.* Stanford: University Press, 2000). В частности, упоминаемые в книге Березкина возможные связи алеутов с Японией подтверждаются и рядом разительных алеутско-японских лексических сходств, которые наряду с древними (алеутско-алтайскими) могут включать и ареальные.

О широких перспективах вероятных продолжений тех исследований, которые могут последовать за трудом Березкина, говорит недавно вышедшая книга известного генетика Луки Кавалли-Сфор-

ца «Языки, народы и гены» (Cavalli-Sforza L. Genes, Peoples and Languages. Stanford, 2000), где (в частности, на основе новейших данных о митохондриальной ДНК) предположена картина расселения древнего человека, в своей части, относящейся к Америке, во многом близкая к построениям Березкина.

Можно расходиться с автором предлагаемой книги в отношении некоторых теоретических предпосылок (скажем, касающихся вероятности независимых параллельных изобретений в разных частях света). Но несомненно, что перед нами — выдающееся научное достижение, которое на много лет вперед определит будущий облик всей этой новой области знания.

От автора

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ этой книги был написан для издательства Edwin Mellen Press, которому я благодарен за возможность напечататься. Однако монография под названием «Мост через океан. Заселение Нового Света и мифология индейцев и эскимосов Америки», вышедшая в США в 2001 г., была выпущена ничтожным тиражом и почти не дошла до читателя. В новом варианте исправлены неточности и добавлены новые данные в части 1, посвященной археологии и лингвистике Нового Света. Основная, исследовательская, часть 2 полностью переписана. Объем издания сокращен на треть. В частности, пришлось отказаться от карт распространения отдельных мотивов. Часть из них можно найти в статье [Березкин 2003а].

За последние годы исследование продвинулось как за счет все более полного учета материалов по Америке, так и благодаря включению в базу данных сведений по мифологии и фольклору Евразии. Сопоставление отдельных фольклорно-мифологических комплексов Старого и Нового Света предполагается осуществить позже. Сейчас я ограничиваюсь рамками Нового Света и теми вопросами, которые были затронуты в издании 2001 г.

Исследование на его различных этапах поддержали International Research & Exchange Board (IREX), Смитсоновский институт в Вашингтоне, фонд Джеймса Сороса, Российский гуманитарный научный фонд (грант 97-00-00085), Dumbarton Oaks Libraries and Collections (2000), Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии», Президиум СПбНЦ РАН (грант 2004 г.), Российский фонд фундаментальных исследований (грант 04-06-80238). Во время поездок в Англию в 1990, в США в 1992–1993, 2000 и 2003 гг. и в Швецию в 1994 и 1997 гг. я имел возможность заниматься в библиотеках, обладающих прекрасными собраниями литературы по археологии и этнографии Нового Света. Я глубоко благодарен всем, кто эти поездки

организовал, в частности директору Дамбартон Оукс Е. Keenan и заведующему отделом Доколумбовой Америки J. Quilter.

Время, проведенное в читальных залах зарубежных библиотек, было все же короче, чем того бы хотелось. Я бы не сумел подготовить книгу без помощи друзей и коллег, которые доставали для меня необходимые публикации, помогали вовремя получить нужные сведения. Пользуюсь случаем выразить огромную признательность А. С. Архиповой, М. В. Ахметовой, А. К. Байбуриной, В. А. Башилову, Д. Д. Беляеву, С. И. Блюмхену, С. А. Боринской, А. А. Бородатовой, С. А. Васильеву, Я. В. Василькову, Н. Б. Вахтину, А. В. Ващенко, Е. В. Головки, А. И. Давлетшину, Г. В. Дзибелю, Б. Б. Дашибалову, Вяч. Вс. Иванову, Р. В. Кинжалову, А. Г. Козинцеву, А. В. Козьмину, А. В. Коротаеву, С. А. Корсуну, И. И. Крупнику, Г. А. Левинтону, Е. В. Лярской, Н. Б. Марголиной, С. А. Маретиной, М. А. Станюкович, В. М. Массону, Б. Р. Рифтину, С. Ю. Неклюдову, В. Г. Сорину, Н. и Н. Стависким, М. В. Станюкович, И. М. Стеблин-Каменскому, А. В. Табареву, И. В. Утехину, М. В. Хаккарайнен, М. М. Хасановой, Е. Г. Царевой, J.-A. Alvarsson, L. Anderson, G. Baer, P. Bagnell, A. Barabas, M. Barnes, M. Bartolome, E. P. Benson, D. Bonavía, M. Bozzoli de Wille, W. Bray, J. P. Brochado, R. Carneiro, M.-S. Cipolletti, A. Constela Umaña, J. Cruikshank, T. D. Dillehay, D. Eisleb, A. Fienup-Riordan, D. Harris, R. Howard-Malverde, P. Lyon, E. Margery Peña, R. Matos, C. McClelland, M. Mashiko, W. Neves, K. Olsen Bruhns, Y. Onuki, I., L., I. & S. Peyton, H. Pollard, S. Purin, G. Reichel-Dolmatoff, D. Proulx, J. Rick, J. H. Rowe, A.-L. Schaffer, I. & M. Shimada, E. Szathmary, T. Tannberg, J. W. Vanstone, G. Weiss, S. Wichmann, J. Wilbert.

Прошу простить меня тех, кто остался неназванным. Подобный список вообще несколько формален. Некоторые из перечисленных в нем дарили свои оттиски или одалживали книги, другие копировали для меня сотни страниц, регулярно снабжали новыми изданиями. Невозможно упомянуть всех, кто так или иначе, с университетских лет и до сего дня, влиял на мои взгляды, определял круг интересов, оказывал свое дружеское расположение, будь то в Санкт-Петербурге, Москве, Эстонии, Швеции, Англии или США. В особенности я хочу выразить самые теплые чувства коллегам по работе в Институте истории материальной культуры РАН, в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) и в Европейском университете в Санкт-Петербурге.

Хотя российские библиотеки и нельзя назвать Меккой американиста, я высоко ценю помощь их сотрудников, нередко выходящую за рамки их служебных обязанностей. Речь идет прежде всего о библиотеках Института истории материальной культуры РАН и Музея антропологии и этнографии РАН. Работа, особенно на ее ранних этапах, была бы неосуществима без компьютерных программ, написанных для меня Б. А. Козинцевым и А. Б. Ястребовым,

и без консультаций С. Н. Муравьева во всем, что касается компьютерного обеспечения.

Хотелось бы особо оговорить мою транскрипцию этнонимов. Она крайне непоследовательна, хотя для этого есть и объективные причины. Во времена фрегата «Паллада» нормой было «в Нагасаках», в начале XX в. писали о культуре «майясов». Однако русский язык становится, по-видимому, менее флективным, и неспособность журналистов склонять сложные числительные не случайна. Этнонимы, давно вошедшие в обиход, обычно воспринимаются как склоняемые, а новые или редкие — как несклоняемые. Соответственно я пишу *апачи, команчи, тлинкиты*, но *мохаве, цельталь, пайют*. Все мезоамериканские этнонимы на «ль» даны как несклоняемые (*цоциль, пипиль, чоль*). Для разных читателей привычной может оказаться та или другая форма, и я прошу извинить меня, если вызову чье-либо раздражение. Я также не придавал большого значения следованию определенной системе в выборе того или иного этнонима при наличии двух — прежнего и нового. Поэтому я пишу *нутка* (а не *нучанульт*), но *ашанинка* (а не *кампа*). *Астеки* остались *ацтеками* как дань традиции. *Мезоамерику* уважение к сингармонизму заставляет меня отличать от *Месопотамии*.

Все иллюстрации, на которые в тексте даются ссылки, помещены в конце книги (с. 262–281).

Введение

Эта книга — о происхождении коренных обитателей Нового Света. Уже современников Колумба занимал вопрос, кто такие индейцы и откуда они появились. Если произошли от Адама, то как попали за океан? В XVI в. преобладало мнение, что индейцы — потомки колен израилевых, рассеявшиеся по миру после разрушения ассирийцами Самарии. Но появилась и гипотеза о приходе американских аборигенов из Азии — об этом свидетельствовала их не всегда резко выраженная, но все же заметная монголоидность.

Сибирь от Аляски отделяет лишь неширокий пролив, превращавшийся в эпохи оледенений в обширную сушу, однако конкретный сценарий древних миграций и сейчас не вполне понятен. Палеоклиматические реконструкции показали, что главным препятствием на пути из Азии в Новый Свет было не море, а оледенения, блокировавшие Аляску с востока и юго-востока. Даже если 12 000–13 000 лет назад (далее везде сокращенно: л. н.) в леднике уже протаял проход или если такой проход между Лаврентийским и Кордильерским ледниковыми щитами вовсе не закрывался, этот, как его принято называть, коридор Маккензи представлял собой арктическую пустыню. Самые ранние фаунистические остатки в его пределах датируются временем 11 300 л. н. [Meltzer 1995: 38]. По выходе из межледникового прохода людей ожидала засушливая и бедная пищевыми ресурсами область [Steele et al. 1998], и лишь достигнув 40–45° с. ш. они могли рассчитывать на хорошую охотничью добычу.

Временные оценки типа «11 300 л. н.» соответствуют условным датам по радиоуглероду, отсчитываемым от 1950 г. В 90-е гг. было установлено, что для палеоиндейской эпохи реальные календарные даты должны быть удревлены почти на две тысячи лет, а даты для среднего голоцена — почти на тысячу [Дергачев и др. 1996; Fiedel 1999a]. Поскольку для нашей темы абсолютный возраст не имеет существенного значения, радиоуглеродные даты оставлены в их исходной форме,

без поправки. Со II тыс. до н. э. расхождение между календарными и радиоуглеродными датами быстро сокращается, и для поздних периодов я пользуюсь привычной системой «столько-то до н. э.» или «н. э.».

Помимо коридора Маккензи существовал другой потенциальный путь из Сибири в Америку. Ледник можно было миновать, двигаясь в лодках или пешком вдоль морского припая. Однако подобное путешествие местами напоминало бы следование вдоль берегов Антарктического полуострова. Трудности носили не только технический, но и психологический характер. Одно дело — отправляться по чьим-то следам, и совсем другое — идти в неизвестность. Вряд ли жившие в Берингии люди позднего палеолита обладали информацией о состоянии дел по другую сторону ледника. И тем не менее материалы археологии ясно свидетельствуют о том, что как минимум 11 500–11 000 л. н. индейцы уже широко распространились по американскому континенту. В Северной Америке эти материалы связаны с культурой кловис (см. рис. 1).

Изучение палеолита Северной Америки требует особо тщательной специальной подготовки. К тому же ни в одной другой области археологии Нового Света накопление новых данных не происходит сейчас столь быстро, как здесь. Поэтому я выражаю особую благодарность С. А. Васильеву, предоставившему мне данные для соответствующего краткого обзора. Все неточности лежат, естественно, на моей совести. Ссылки на другие источники даются только там, где я не следую за Васильевым непосредственно.

Главная зона распространения стратифицированных стоянок культуры кловис — область Великих Равнин и Скалистых гор, хотя в совокупности кловисских материалов больше на востоке США. Восточный вариант кловиса, гейни, распространен от Новой Англии и Виргинии до района Великих озер и Миссисипи. Радиоуглеродные определения лежат в диапазоне от 11 600 до 10 900 л. н., в среднем около 11 000 л. н. В литературе часто встречается датировка кловиса временем 11 200–10 900 л. н. [Beck, Jones 1997: 187–188; Meltzer 1995: 24]. Этот интервал выведен на основе наиболее крупной и непротиворечивой серии дат, которые получены для стоянок Ленер и Муррей-Спрингс в Аризоне [Fagan 1995: 81]. Поскольку, однако, соответствующие памятники не обязательно должны быть древнейшими, даже дата 12 000 л. н. (хотя все же не раньше) для начала кловиса не выходит за пределы возможного.

Каменные орудия кловисцы делали из сырья, нередко добытого далеко (до 500 км) от места стоянки, что может свидетельствовать об отсутствии информации о местных природных ресурсах и о высокой мобильности. Самый характерный тип орудий — двусторонне обработанные ланцетовидные наконечники с продольным желобком в нижней части. Их силуэт напоминает лодку с острым носом и тупой или вогнутой кормой. Изготовление подобных тонких бифасов требует

виртуозной техники обработки камня, наиболее близкие параллели которой известны в палеолите Западной Европы. Продольный желобок — черта, вообще свойственная лишь палеолиту Америки. Кловисский инвентарь включает также бифасы-преформы, скребла, скребки, проколки, выемчатые орудия. Была развита костяная индустрия — отжимники, шилья, острия, наконечники, цилиндры из бивня; изредка встречаются орудия типа «жезла начальника». Для внеевропейских палеолитических индустрий умение обрабатывать мамонтовую кость необычно.

Время первой миграции или миграций и основной период существования кловиса совпадает с резким потеплением, которое завершилось столь же резким похолоданием, так называемым периодом позднего (или «молодого», как принято сейчас писать) дриаса, датируемого 10 800–10 300 л. н. Палеоиндейские культуры, следующие за кловисом и различающиеся прежде всего формой наконечников, существовали в условиях этого похолодания. Они сложились, по-видимому, на основе кловиса, хотя некоторые из них на ранних этапах с кловисом сосуществовали. Приход в это время новых групп населения с Аляски или даже из Азии также нельзя полностью исключать.

Культура гошен в зоне предгорьев и массивов Скалистых гор датируется временем около 10 900 л. н. Она открывает серию культур, основанных на массовой добыче бизона. В каменном инвентаре, помимо наконечников и бифасов, встречены ретушированные отщепы и пластины, скребки, долотовидные изделия, чопперы. Наконечники общими контурами напоминают кловисские, но желобка не имеют.

Культура фолсом (или фолсом-мидленд) на раннем этапе, вероятно, сосуществовала с кловис и гошен, а на позднем — с культурой эгейт-бейсин. Серии радиоуглеродных определений позволяют отнести ее к периоду 11 000–10 300 л. н., в среднем около 10 500 л. н. Основной ареал охватывал Скалистые горы и запад Великих Равнин, но есть и находки на Среднем Западе. Наконечники фолсом имеют особенно сильно выраженный желобок, и их изготовление требовало еще более совершенной техники раскалывания камня, чем изготовление наконечников кловис. Они короче кловисских и в случае повреждения нижней части подправлялись снова и снова, что свидетельствует о дефиците сырья [Boldrurian, Cotter 1999: 105–106]. Костяная индустрия включала наконечники, отжимники, иглы.

Культура эгейт-бейсин в основном занимает ту же территорию в пределах Скалистых гор и запада Великих Равнин, что и гошен, и примерно на тысячу лет моложе фолсома. Основу хозяйства составляла добыча бизона, а также антилопы и оленя. Наконечники эгейт-бейсин, силуэтом напоминающие лодку или торпеду, имеют плоское или чуть округлое основание и, как и гошен, лишены желобка [Frison, Stanford 1982, figs. 2.48–59]. Некоторые отличаются вытянутыми пропорциями, достигая в длину почти 20 см, но есть и экземпляры длиной 4–5 см.

В районе Великих озер культура паркхилл датируется периодом 11 500–10 400 л. н. Помимо характерных наконечников типа бернз в каменном инвентаре присутствуют долотовидные изделия и сверла с желобчатым сколом. В приатлантической зоне стоянки культуры деберт-вейл датируются временем от 11 100 до 10 000 л. н.

Культура суванн во Флориде ориентировочно отнесена к периоду 11 000–10 000 л. н. На западном побережье Флориды в затопленной после трансгрессии моря пещере Ворм-Минерал-Спрингз, материал из которой датирован $10\,000 \pm 200$ л. н. [Powell et al., в печати], найдены кости наземного ленивца и махайрода, а также человеческие останки. Вместе с погребенным мужчиной лежал сделанный из раковины крючок для копьеметалки [Fagan 1995: 116]. Женский череп из этой же пещеры описан как немонголоидный (см. ниже раздел об антропологии). Не ясно, связаны ли эти находки с кловисом.

Наличие европейских параллелей кловису привело к появлению экзотической гипотезы о миграции людей в Америку через замерзшую северную Атлантику [Boldrurian, Cotter 1999: 122; Haynes 1999]. Это предположение слишком неправдоподобно, чтобы рассматривать его всерьез. Что же до высокой концентрации кловисских наконечников в определенном районе на востоке США, то она вызвана экологическими причинами. Демографическая емкость листопадных лесов Теннесси или Алабамы была намного выше, чем у экосистем остальных областей континента, поэтому именно здесь сконцентрировалось основное палеоиндейское население. Тем не менее определенное сходство между кловисом и европейской палеолитической традицией солютре отрицать не приходится. Возможно, оно свидетельствует о каких-то трансъевразийских контактах [Haynes 1987], хотя фактами для конкретизации такого сценария мы не располагаем.

Некоторые археологи полагали и полагают, что ледниковой преграды на пути палеоиндейцев в Новый Свет не существовало. По их мнению, палеолитические охотники прошли по тундре на юг еще в тот период, когда ледниковые щиты имели сравнительно небольшие размеры, т. е. ранее 20 000–25 000 л. н. [Gruhn 1988]. Здесь нет необходимости вникать в историографию вопроса, очередной раз разбирая ошибки, домыслы, фантазии и прямые фальсификации, на которые опирался этот тезис (критику южноамериканских материалов можно найти в [Lynch 1990; 1991; 1994], а критику самой концепции заселения Нового Света в докловисскую эпоху в [Adams et al. 2001]). Сейчас возникли сомнения относительно даже самых, казалось бы, надежно датированных докловисских памятников.

Один из них — Монте-Верде на юге Чили, раскопанный в начале 1980-х гг., — был признан в качестве бесспорного эталона рядом авторитетных специалистов [Adovacio, Peddler 1997; Dillehay 1994; Dillehay, Collins 1991]. Помимо галек, использование которых в качестве орудий доказывается лишь трассологическим методом,

в Монте-Верде найден по крайней мере один хорошо обработанный крупный бифас, а фаунистические остатки представлены скоплением костей мастодонтов. Но хотя для памятника получена серия радиоуглеродных дат возрастом 14 500–15 500 л. н., их связь с артефактами все же недостоверна. Не исключено, что в Монте-Верде мы имеем дело с остатками селевого потока, в которые позже погрузились орудия [Fiedel 1999b; Haynes 1999].

Скальный навес Медоукрофт в Пенсильвании был раскопан в 70-х гг. Здесь получено восемь дат, укладываемых в период между 13 000 и 18 000 л. н. в соответствии со стратиграфией. Обугленный кусочек корзины или циновки датирован $196\ 000 \pm 2400$ л. н. К сожалению, в почве не сохранились кости животных, однако анализ пыльцы указывает на растительность, близкую к современной. Для стоянки, которая должна была бы находиться в нескольких десятках километров от края ледника (рис. 1), это невероятно [Keeley 1987; Tankersley 1992]. Скорее всего, образцы для анализов были загрязнены ископаемым углеродом. Сам автор раскопок готов ручаться лишь за даты начиная с 12 000 л. н. [Adovasio et al. 1990: 352].

Проблема заселения Америки — не чисто археологическая. Существуют такие стороны культуры, о которых по данным раскопок судить невозможно. Я предлагаю привлечь к решению этой проблемы новые источники, которые ранее не принимались в расчет либо использовались не вполне квалифицированно. Речь идет о материалах мифологии, точнее об анализе ареального распределения фольклорно-мифологических мотивов.

Сразу же подчеркну: никакие исторические сценарии не могут строиться только на основании подобного рода свидетельств. Ни сравнение мифов, ни анализ систем родства, ни сопоставление особенностей материальной культуры этнографически известных народов не заменяют археологических фактов. Однако при наличии подобных фактов материалы других дисциплин значительно обогащают реконструкцию. В этой книге читатель не найдет однозначного ответа на вопрос о том, как заселялась Америка. Скорее будут поставлены новые вопросы, которые раньше не возникали. Но я все же надеюсь, что некоторые обстоятельства станут яснее.

Собирать и сравнивать индейские тексты я начал четверть века назад, работая над книгой по иконографии перуанской культуры мочика [Березкин 1983а]. Целью тогда был достаточно наивный поиск повествовательных аналогий древним изображениям на керамике. То, что ни карибы Гвианы, ни майя, ни боливийские такана к индейцам побережья Перу прямого отношения не имеют, было очевидно, но не менее очевидными (и притом избирательными) казались и соответствующие мифологические параллели. Решающим шагом на пути поиска адекватной методики изучения древних изображений и текстов оказался отказ от самого представления о «мифе» (мифологическом

сюжете) как о предмете реконструкции. Применение компьютерных программ для обработки массового материала позволило перейти от подготовительной стадии накопления и классификации материала к основному исследованию. Включение в единую систему не только южно- и центральноамериканских мифологий, но и североамериканских, а затем и некоторых азиатских позволило увидеть в знакомых мифах андских или амазонских индейцев такие особенности, которые иначе остались бы незамеченными.

Необходимость определения адекватных территориальных рамок исследования важно особенно подчеркнуть. С подобной проблемой сталкивается каждый историк. Все происходящее на планете есть единый процесс, и, искусственно выделяя его фрагменты, мы рискуем исказить целое. Для мифологии это особенно очевидно.

Вот пара примеров. Восточноевропейско-сибирские версии мифа о добывании земли со дна моря явно родственны. Североамериканские тоже вряд ли возникли самостоятельно, учитывая географическую близость Северной Америки и Сибири. Но как только мы узнаем, что миф о ныряльщике хорошо известен также и в Индии [Prasad 1989], картина делается менее ясной. Надо либо объяснять индийско-сибирские связи, либо признать, что южноазиатские мифы имеют независимое происхождение. Тогда почему не предположить, что и в Америке миф появился самостоятельно?

Ацтекская история о Солнце и Луне, вознесшихся с костра в небо, выглядит в одном свете, если рассматривать ее изолированно (как чаще всего и делается), в другом, если проанализировать ее многочисленные варианты, записанные у различных индейцев Мексики, и в третьем, если вспомнить о параллелях в западной Амазонии и Северной Америке. Мотив рогатого кролика у западноамериканских уичоль нет смысла объяснять спецификой биологии этого животного в Мезоамерике [Burkhart 1986], раз ему есть параллели у североамериканских индейцев (тагиш, внутренних тлинкитов, тутчоне, каска, тилламук, юрок, алсеа, помо, майду), а может быть, и у айну Хоккайдо [Batchelor 1927: 376].

Поэтому, хотя в книге речь идет об американских мифологиях, следует помнить, что Аляска в культурном отношении была тесно связана с Чукоткой, Чукотка — с Камчаткой и Колымой, Колыма с Якутией и т. д. В книге наряду с индейскими и эскимосскими рассматриваются и мифологии народов Северо-Западного побережья Тихого океана. Мотивы, ареальное распространение которых анализируется, выделены из примерно 25 тысяч опубликованных текстов. Еще около 10 тысяч текстов, связанных с фольклором Евразии и Австралии, также находятся в каталоге автора. Конечной — пусть и отдаленной — задачей является создание базы данных по всем мифологиям мира.

Часть 1

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ КАРТА НОВОГО СВЕТА К МОМЕНТУ ПОЯВЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙЦЕВ И ЕЕ ФОРМИРОВАНИЕ (данные археологии и языкознания)

В РАБОТЕ ИСПОЛЬЗОВАНЫ МАТЕРИАЛЫ ПО МИФОЛОГИИ шестисот аборигенных этнических групп Нового Света. Полученные на этой основе карты ареальной встречаемости мотивов и статистические показатели, определяющие степень сходства фольклорных традиций, несут огромную историческую информацию вне зависимости от того, насколько обоснована конкретная интерпретация, предлагаемая в работе. Но оценить эти данные можно лишь имея представление о самих народах, у которых записаны тексты.

Дело даже не в том, чтобы читатель стал отличать туконо от тукуна (они же тикунa) и такана, оти от ото и офо, бара от баре и от боро, хупа от юпа и юпа от юма, маку от мака Парагвая и маках (или мако) штата Вашингтон. Для предоставления подобных сведений достаточно карты-схемы и указателя. Существеннее понять, почему в фольклоре индейцев верховьев Шингу много гвианских мотивов, а у эскимосов Лабрадора — мало алгонкинских, чем могут быть вызваны амазонские параллели в мифологии Анд, а мезоамериканские — у пуэбло Аризоны. Для этого необходимо знать историю доколумбовой Америки.

В задачу главы не входит подробное изложение этой истории или последовательный обзор результатов археологических изысканий. Речь идет главным образом о выявлении основных направлений культурных контактов, которые могли повлиять на характер мифологий отдельных этносов и регионов. Подобные контакты не могли не внести коррективы в картину ареального распределения мотивов, сложившуюся после первоначального освоения челове-

ком обеих Америк. Соответственно, в книге будет уделено мало внимания проблемам, которые чаще всего привлекали внимание археологов-американистов — возникновению производящего хозяйства и цивилизаций. В фокусе наших интересов — история отдельных сообществ вне зависимости от характера их социально-политической и экономической организации.

Подобный обзор все же имеет и некоторую ценность безотносительно к главной исследовательской теме, поскольку на русском языке информация о прошлом Нового Света вне Мезоамерики и Централных Анд в сколько-нибудь систематическом изложении никогда не публиковалась. Англоязычные обобщающие работы, разумеется, есть. Наиболее значительные из них — «Введение в американскую археологию» Г. Уилли [Willey 1966; 1971], «Древние южноамериканцы» под редакцией Дж. Дженнингса [Jennings 1983], «Древняя Южная Америка» К. Олсен Брунс [Olsen Bruhns 1994] и три обзора по Северной Америке [Fagan 1995; Jennings 1968; Snow 1976]. Однако некоторые важные материалы, особенно касающиеся палеоиндейской эпохи и археологии восточной Бразилии и Амазонии, в них также не вошли. Что же касается лингвистики, то здесь я ориентируюсь на таких представителей «консервативного» направления, как Л. Кэмпбелл. Даже если некоторые из выдвинутых к настоящему времени гипотез относительно родства далеких друг от друга языковых семей опираются на определенные доказательства, принимать их в расчет могут лишь языковеды-компаративисты. Чтобы оценить корректность подобного рода предположений, необходима соответствующая квалификация, которой я не обладаю.

В этой части изложение ведется по культурным ареалам.

В американистике концепция культурного ареала была предложена в конце XIX в. Отисом Мейсоном и окончательно сложилась в начале XX в. в работах Кларка Уисслера и Олфреда Кребера (напр., [Kroeber 1923: 336; Wissler 1914; 1929: 341–355]). Джулиан Стюард перенес акцент с материальной культуры и религиозной жизни на формы хозяйства и политической организации [Steward 1949], а Гордон Уилли превратил «ареал» в «традицию», придав термину временное измерение [Willey 1966; 1971; Willey, Phillips 1958]. «Культурные традиции» Уилли напоминают «локальные цивилизации» Арнольда Тойнби, но только без уподобления обществ живым организмам и без установления стадиальной черты, выше которой только и начинается «цивилизация». Я в данном случае рассматриваю культурный ареал так, как его понимал Эдвард Сэпир, т. е. как чисто описательную, а не историческую единицу [Sapir 1949: 426]. Границы ареалов обычно расплывчаты, местами почти произвольны, и обсуждать, где именно их все же следует проводить, не входит в мою задачу.

Арктика

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ КАРТА

К началу европейских контактов берега холодных морей и некоторые прилегающие к ним внутренние районы Северной Америки от Гренландии до южной Аляски населяли эскимосы и алеуты (см. рис. 2). Расовые и культурные отличия этих народов от индейцев заметили уже первые путешественники, а родство эскимосских и алеутских языков между собой было установлено в начале XIX в. [Campbell 1997: 108]. Алеуты говорили на двух или трех близкородственных языках. Языки эскимосов различались более значительно.

На западе Аляски севернее залива Нортон и далее на восток вплоть до Гренландии и Лабрадора были распространены языки инуит-инуиак. Соседние диалекты в пределах всей этой огромной территории очень близки, и даже удаленные друг от друга (например, гренландские и аляскинские) до определенной степени взаимопонимаемы [Spencer 1959: 39]. Выделяются по крайней мере четыре диалектные группы: 1) инуиак Аляски, 2) медные, карибу и нетсилик западной и центральной канадской Арктики, 3) эскимосы востока канадской Арктики, т. е. лабрадорские (или коксоагмиут), иглулик и эскимосы Баффиновой Земли, 4) эскимосы Гренландии, в том числе полярные (или туле), западные и восточные (ангмассалик).

На юго-западе и юге Аляски, а также на восточном побережье Чукотки эскимосы говорили на языках юпик. Аляскинские юпик делятся на центральных (от залива Нортон до полуострова Аляска) и тихоокеанских, или алютик. Среди последних были чугач на полуострове Кенаи и коняг на Кадьяке и прилегающей части материка. Языки азиатских эскимосов включали чаплинский (распространенный также на острове Св. Лаврентия), науканский и сиреникский. Специфика последнего может быть столь значительной, что это ставит его на равное расстояние от юпик и от инуит [Вахтин 1996: 72; Fortescue et al. 1994].

Алеуты населяли Алеутские острова и западную оконечность полуострова Аляска. Протоэскимосский язык отделился от протоалеутского примерно 4000 л. н. Абсолютные даты в лексикостатистике, естественно, ненадежны, но важно, что предполагаемое время расхождения между инуит и юпик (1000–1500 л. н.) много меньше времени отделения протоалеутского [Вахтин 1996; Campbell 1997: 109].

Описанная картина распространения эскоалеутских языков сложилась всего лишь около 1000 л. н., когда на крайнем севере американского континента произошли значительные перемещения населения. Их причиной было формирование в прилегающих

к Беринговому проливу районах хорошо приспособленной к условиям Арктики традиции туле. Ее создатели, по-видимому, сумели эффективно воспользоваться наступившим потеплением — Средневековой климатической аномалией 800–1350 гг. Более чем в любой другой природной зоне, жизнь в Арктике при традиционных формах хозяйства зависит от колебаний климата. При потеплениях и стечении других обстоятельств, благоприятных для размножения промысловых животных, население увеличивается. При изменении условий в худшую сторону люди могли покидать обширные области или вообще вымирать [Крупник 1989]. Незначительная численность даже процветающих популяций, дальние миграции в поисках источников питания, резкие перемены в культуре при переходе от одних объектов охоты к другим — все это открывало возможность быстрых и радикальных изменений этнической карты.

ЭСКИМОСЫ И АЛЕУТЫ: ПРОШЛОЕ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Данные археологии позволяют в общих чертах восстановить ход культурных процессов на Аляске на протяжении довольно длительного времени — четырех-пяти тысяч лет. Но лишь начиная с рубежа эр материалы достаточны для ориентировочной реконструкции этноязыковой карты.

Одним из компонентов, легших в основу всех эскимосских культур, был, по-видимому «кремневый комплекс денби», сформировавшийся в районе залива Нортон около 5000 л. н. [Dumond 1977; Murragy 1999]. Именно отсюда ведет свое начало Арктическая традиция Малых орудий, к которой принадлежат и более поздние древнеэскимосские культуры. Наличие в каменном инвентаре микронуклеусов и микропластин дает некоторые основания связывать эту традицию с памятниками конца плейстоцена и начала голоцена (комплекс денали, см. ниже), хотя прямая преемственность нигде не прослежена, а корреляция археологических и языковых данных для столь отдаленного времени вообще проблематична.

Начиная с 4000 л. н., или чуть ранее, создатели Арктической традиции Малых орудий стали совершать далекие продвижения на восток. Уже первая такая миграция достигла наиболее продвинутых к полюсу участков земной суши на о. Элсмир и в северо-восточной Гренландии [Andreasen 2000; Bielawski 1988; Mobjerg 1999]. Свое название — индепенденс-I — этот комплекс получил по фьорду на Земле Пири (рис. 2А). Самые западные проявления соответствующей культуры обнаружены севернее Баффиновой Земли на острове Дэвон в канадской Арктике. Возможно, что стимулом миграции стала охота на овцебыков. Научившись легко убивать этих неспособных к бегству животных, люди пошли на восток, истребляя стада.

Продвижение осуществлялось столь быстро, что обнаружить его следы на западе канадской Арктики не удастся.

Что стало с людьми индепенденс-1 — неясно. Надо полагать, что вслед за ними с Аляски на восток вскоре двинулись создатели культуры пре-дорсет, освоившие два основных ареала обитания: территории к северу от Гудзонова залива (с центром в бассейне Фокс) и запад Гренландии (культура саркак). Возможно, что в саркак влились и остатки создателей комплекса индепенденс-1. Есть и мнение, что индепенденс-1 и пре-дорсет были первоначально связаны не с отдельными потоками мигрантов, а с одним, позже разделившимся на северную и южную ветви. В таком случае синхронные индепенденс-1 следы людей в юго-западной Гренландии просто не найдены [Fagan 1995: 184–187].

На юго-востоке своего ареала, т. е. на Лабрадоре, культура пре-дорсет появляется столь же рано, как и индепенденс-1 в Гренландии [Fitzhugh 2002], но на Ньюфаундленд она проникает лишь в самом конце своего существования в первой половине I тыс. до н. э. [Dumond 1977: 89; Pintal, Martijn 2002: 224; Renouf 1999: 407–409]. На запад канадской Арктики (до устья Маккензи) культура пре-дорсет распространилась уже с востока, ее самых ранних памятников здесь нет. Примерно в XIII в. до н. э., во время предположительного похолодания, пре-дорсет распространяется далеко в глубь американского континента. В это время охотники на карибу западнее Гудзонова залива достигают Большого Невольничьего озера и северной Манитобы. Через тысячу лет они отходят назад к океану.

Материалы археологии позволяют предполагать, что контакты между палеоэскимосами и жившими южнее индейцами всегда были минимальны [Fitzhugh 2002: 135]. О враждебности эскимосов и индейцев по всей линии их соприкосновения в Арктике свидетельствуют и данные этнографии.

В середине I тыс. до н. э. пре-дорсет на востоке канадской Арктики и на западе Гренландии эволюционирует в дорсет, что почти наверняка сопровождалось приходом нового населения [Fitzhugh 2002: 136–137]. Переход от более раннего комплекса к более позднему был связан не только с появлением новых культурных черт (полуземлянки, прямоугольные жирники, резцы из нефрита, снеговые ножи, снегоступы и пр.), но и с непонятным обеднением технологии — исчезновением сверл, а также лука и стрел [Tuck 1987].

Люди дорсет вновь (после людей индепенденс-1) освоили высокую Арктику вплоть до Земли Пири (рис. 2В), однако ушли отсюда в начале нашей эры. В конце I тыс. н. э. начинается повторное продвижение дорсет на север. Поздний расцвет этой культуры неожиданно обрывается с появлением новых мигрантов — эскимосов туле (рис. 2Г). С Ньюфаундленда дорсет была вытеснена индейцами в VII–VIII в. н. э. [Renouf 1999: 409; Renouf, Murray 1999: 130].

Наряду с восточной экспансией из района Берингова пролива происходили и миграции в западном направлении, так что во второй половине II тыс. до н. э. эскимосы достигают острова Врангеля (стоянка Чертов овраг [Диков 1979: 165–168]).

На западе Аляски в районе мыса Крузенштерна обнаружена древнейшая культура морских охотников — так называемая Древнекитобойная (Old Whaling). Она датируется концом II тыс. до н. э. и существовала очень недолго, возможно не оставив потомков [Dumond 2000: 13–14]. Затем к середине I тыс. до н. э. здесь появляется культура чорис — ранняя стадия традиции нортон [Ackerman 1998: 256; Dumond 2000: 14]. На памятниках чорис найдена первая на Аляске керамика. Она сделана с использованием растительного отошителя и ее технология заимствована с Чукотки [Stimmell 1994: 37–39]. Конечным источником может являться белькачинская культура IV–III тыс. до н. э., представленная от южной Якутии до Таймыра и Чукотки [Dumond 2000: 15], хотя столь важное для исторических реконструкций заключение требует проверки. Традиции пре-дорсет, чорис-нортон и Чертов овраг на острове Врангеля родственны, хотя невозможно назвать конкретный комплекс или комплексы, к которым они восходят. В то же время шлифованный сланец и жировые лампы указывают на южные связи — с предками алеутов и обитателями Кадьяка. Создатели традиции нортон стали впервые систематически использовать ресурсы моря и вели более оседлый образ жизни, чем их предшественники [D. Griffin 2002: 53–58].

Результатом развития нортон на западе Аляски после рубежа эр является культура ипиутак, просуществовавшая до IX в. н. э. В ней исчезают керамика, а также орудия из шлифованного сланца и жирники. Наземная охота на карибу играет большую роль, чем раньше. Ипиутак знаменита искусством резьбы по кости, в том числе сложными зооморфными и геометрическими изображениями и составными погребальными масками [Larsen, Rainey 1948; Willey 1974, Taf. 436]. На юго-западе Аляски, в дельте Юкона-Кускоквима, в I тыс. н. э. сохранялась культура нортон.

По тихоокеанскую сторону полуострова Аляска, на Кадьяке и полуострове Кенаи развитие шло иначе, чем на западе и севере Аляски. Не позже 5000 л. н. здесь формируется традиция оушен-бей, приспособившаяся к эксплуатации морских ресурсов [Workman 1998: 149–154]. Выявлены параллели между оушен-бей и бойсмановской культурой Приморья 6500–5000 л. н. [Вострецов 1998: 366; Yesner 2003]. Если они свидетельствуют о миграции, то ее конкретные пути пока совершенно неясны. Более ранние следы посещения Кадьяка создателями индустрии микропластин немногочисленны и относятся ко времени около 8000 л. н. [Moss, Erlandson 1995: 16]. В III тыс. до н. э. из традиции оушен-бей, с одной стороны, развиваются культурные комплексы острова Кадьяк, полуострова Кенаи

и полуострова Аляска, а с другой — оушен-бей, по-видимому, находилась во взаимодействии с культурой Алеутских островов. Последняя приводит к историческим алеутам.

Стоянка Анангула на Лисьих островах (8000 л. н.) остается уникальным памятником, чьи создатели к традиции оушен-бей прямого отношения не имеют и, возможно, не оставили потомков. Правда, на востоке Алеутской цепи обнаружены памятники, чей каменный инвентарь содержит аналогии с индустрией Анангулы [McCartney, Veltre 1996: 449]. Часть из них не датирована, два относятся к V тыс. до н. э.

Возможно, что в генезисе алеутов участвовал субстрат, вызвавший такие физические отличия алеутов от эскимосов, как немного волнистые волосы, прогнатизм и прочие «южные» элементы [Козинцев 1988: 66–67, 77–78]. Подобные признаки могли, вероятно, возникнуть и в результате поздних контактов с айну, поэтому придавать им большое значение, может быть, и не стоило. Однако южные элементы прослеживаются и в материальной культуре алеутов, что случайными эпизодическими контактами объяснить трудно. Прежде всего это свободная непоясная одежда из шкурок птиц и морских (но не наземных) животных, радикально отличная от эскимосского костюма [Ляпунова 1987: 34].

Следует учесть, что, несмотря на многочисленные спекуляции по данному поводу, археологических свидетельств древних связей Алеут с Камчаткой не существует. Сохранение до самого плавания Беринга у берегов Командор морской коровы (которую по причине ее уязвимости и одновременно ценности как источника мясной пищи люди повсюду истребляли в кратчайшие сроки) ставит под сомнение гипотезу о далеких целенаправленных плаваниях в северной Пацифике до появления европейцев. Упомянутые контакты с айну (как и в дальнейшем с японцами) случались лишь потому, что лодки с Японских островов бывали захвачены течением Куро-Сию и отнесены к побережью Северной Америки. Поэтому южные элементы в культуре и физическом типе алеутов наиболее правдоподобно связать с эпохой первоначального заселения Берингии и продвижения людей с юга на север вдоль затопленных ныне морских побережий.

Свой наивысший расцвет культура Кадьяка и смежных территорий переживает после сложения традиции качемак [Clark 1998: 178; Fagan 1995: 178; Workman 2002]. Население достигает максимума, появляются крупные поселки. Предметы искусства в захоронениях и обилие изделий из человеческих костей свидетельствуют о сложной обрядности. Во второй половине I тыс. до н. э. качемак распространяется на полуостров Кенаи, откуда через тысячу лет исчезает — возможно, под давлением атапасков, предков танайна. В эпоху существования традиции качемак между ареалом Кадьяка

и Алеутскими островами сохраняются связи, о чем свидетельствуют сходные формы гарпунов и прочих изделий из кости [Diamond 1977, figs. 33, 34]. Однако каменные индустрии двух ареалов в это время различны.

В самом конце I тыс. до н. э. на чукотском побережье Берингова пролива и на острове Св. Лаврентия появляются специализированные культуры морских охотников. Первыми возникают оквикская и древнеберингоморская, на смену им приходят пунук и бирнирк. Последняя распространяется на запад вдоль Ледовитого океана до устья Колымы. Создатели этих культур, объединяемых в традицию туле, в совершенстве осваивают охоту с лодок на крупных морских животных, создают своеобразный стиль искусства, лучше всего известный по находкам в могильниках Эквен и Уэлен на Чукотке [Арутюнов, Сергеев 1969] и в захоронениях на островах Пунук к востоку от Св. Лаврентия [Rayneу 1941]. Для туле характерны зимние жилища-землянки, собачья упряжка, орудия из шлифованного камня, каменные лампы-жирники.

Около 1000 г. н. э. люди туле поглощают позднюю традицию нортон на юго-западе Аляски, а затем, преодолев просуществовавшую несколько тысячелетий границу по водоразделу полуострова Аляска, приносят свои традиции на тихоокеанское побережье вплоть до Кадьяка и полуострова Кенаи. На западной оконечности полуострова Аляска с этими событиями, по-видимому, связано появление фазы поздняя изембек (750–1125 н. э.), обнаруживающей эскимосские черты в домостроительстве, производстве керамики и орудий из сланца. Ее сменяет фаза глейзинап, от которой уже прослеживается преемственность к историческим алеутам [Maschner 1999]. Языковыми потомками туле являются на юго-востоке Аляски центральные юпик, а на тихоокеанском побережье — коняг и чугач.

Двигаясь из района Берингова пролива на север и затем на восток, люди туле достигают Гренландии и, обогнув этот остров с севера и юга либо только с севера [Koch 2002: 194–196], поглощают сперва потомков культуры дорсет, а затем и норвежских переселенцев на юго-западе острова (рис. 2Г). Дольше всего, примерно до эпохи Колумба, эскимосы дорсет продержались на Лабрадоре и, может быть, на острове Саутхемптон, замыкающем с севера Гудзонов залив [Fagan 1995: 202]. Утратившие как лук и стрелы, так и собачью упряжку люди дорсет с туле конкурировать не могли.

Итак, материалы археологии вносят определенные коррективы в данные лингвистики о распространении в прошлом народов, говоривших на эскоалеутских языках. Просматриваются минимум три культурных комплекса, вошедших — в разной пропорции — в состав эскимосов и алеутов. Это кремневый комплекс денби, приморская традиция Алеутских островов — южной Аляски и, вероятно, плохо понятный сибирский (белькачинский?) компонент. С ка-

ким из этих источников надо связывать языковых предков эскимосов и алеутов, неизвестно. Нет даже полной уверенности, что люди пре-дорсет говорили по-эскимосски. Вплоть до недавнего времени южное побережье Аляски занимали группы, которые могли быть родственны скорее алеутам, чем эскимосам (качемак и прочие комплексы, восходящие к традиции оушен-бей). Тысячу лет назад местное население сменило язык, но вряд ли было истреблено, поэтому какие-то более ранние элементы культуры должны были у коняг и чугач сохраняться вплоть до контактов с русскими. То же касается и центральных юпик — потомков традиции нортон, подвергшихся воздействию туле и, по-видимому, также сменивших язык. На севере Аляски, в Канаде и Гренландии воздействие туле оказалось более мощным, чем на юге Аляски, поскольку предшествующее население было здесь крайне рассеянным и немногочисленным. Многие группы дорсет могли исчезнуть бесследно. Предполагается, однако, что в восточной Канаде туле вступили с дорсет в контакт, заимствовав от них, в частности, сосуды из мыльного камня (вытеснившие керамику), снеговой нож и, возможно, постройки из снега — иглу [Dumond 1977: 145]. Смешение туле с дорсет в Гренландии осторожно предполагается по кранеологическим и лингвистическим данным [Koch 2002: 195–203]. Если так, то туле могли воспринять от предшественников и определенные элементы духовной культуры.

Хотя туле распространились по Арктике в период потепления (900–1200 н. э.), воспользовавшись преимуществами своей китобойной техники и следуя за стадами морских млекопитающих, с началом Малого Ледникового периода они вынуждены были отчасти вернуться к тем способам хозяйства, которые были характерны для дорсет. В результате на континенте к западу от Гудзонова залива эскимосы снова стали охотниками на карибу.

Во многих районах своего обитания эскимосы были первыми и единственными доевропейскими поселенцами. Однако на Лабрадоре и на так называемых пустошах (Barren Grounds) западнее Гудзонова залива индейцы и эскимосы попеременно сменяли друг друга. Хотя отношения обычно бывали враждебными (о чем сохранилось немало исторических преданий), определенный культурный обмен мог иметь место.

Оценивая мифологию эскимосов на фоне истории отдельных народов этой языковой семьи, можно полагать, что наибольшие отличия в наборе мотивов должны быть у коняг и чугач, с одной стороны, и у лабладорских и гренландских инуит — с другой. Во всяком случае, на Кадьяке и Кенайском полуострове не зафиксирован ряд типичных для инупиак мотивов, таких как *инцест солнца-женщины и месяца-мужчины* и *брат и сестра превращаются в гром и молнию*.

ДРЕВНЕЙШИЕ НАХОДКИ НА АЛЯСКЕ

Высказывалось мнение, что оушен-бей и Арктическая традиция Малых орудий имеют общие корни [Dumond 1977: 36–39] и что искать их следует в Древнеарктической традиции, известной также под названием Раннеберингийской [West 1996]. Опосредованная связь эскоалеутов с этой традицией, наверное, возможна, но ясной картины здесь нет.

Есть мнение, что Древнеарктическая (Раннеберингийская) традиция восходит к палеолитической дюктайской культуре бассейна Лены и северо-востока Сибири и даже вообще является ее частью [Васильев 1999; Диков 1983; Carlson 1998: 30; Clark 1988: 5; Dumond 1977: 44; Dumond, Bland 1995: 403–406; West 1996: 549–550]. Это вполне естественно, раз в плейстоцене реальным географическим рубежом был не Берингов пролив (в то время не существовавший), а Лаврентийский и Кордильерский ледниковые щиты. Соответственно Аляска принадлежала скорее Евразии, чем Америке. Но являются ли комплексы дюктайского круга древнейшими в плейстоцене хотя бы некоторых районов Аляски — на этот вопрос ответить пока затруднительно.

В палеолите Аляски представлены два основных культурных комплекса: денали и ненана [Васильев 1999; West 1996]. Первый относится ко времени 10 500–9500 л. н., но есть и стоянки (Муз-Крик и Драй-Крик), радиоуглеродные датировки которых приходятся на 10 700–11 700 л. н. Для денали характерны дюктайские конические и клиновидные микронуклеусы и микропластины [Hoffecker et al. 1996, fig. 7.9], а также листовидные острия, бифасиальные ножи, резцы, скребла [Васильев 1999: 48]. Памятники второго комплекса, ненана, в среднем относятся к более раннему времени — примерно 11 700–10 500 л. н., но иногда до 9600 л. н. Орудия изготовлялись на пластинах и отщепах, снятых с плоских ядрищ [Васильев 1999: 48]. Ведущим типом являются небольшие листовидные, точнее каплевидные, наконечники чиндадн, а микропластины отсутствуют [Goebel et al. 1996, fig. 7.14; Hoffecker et al. 1996, fig. 7.8]. Оба комплекса представлены только в Центральной Аляске в долинах рек Танана, Ненана и Текланика, где существуют благоприятные геологические условия для выявления стратифицированных памятников плейстоценового возраста. Как время существования, так и характер орудий ненаны не исключают того, что кловис развился именно из этого комплекса. В Азии явные параллели для ненаны отсутствуют.

Кроме ненаны и денали на Аляске есть памятники со своеобразной индустрией, которые не вписываются ни в тот, ни в другой из двух главных комплексов. Такова Северная Палеоиндейская традиция в арктической Аляске, датируемая на стоянке Мейза 11 700–9700 л. н. Типологически эти материалы сходны с тради-

цией эгейт-бейсин (11 000–10 300 л. н.; см. введение) на основной территории США [Васильев 1999: 49].

Объединяя все плейстоценовые и раннеголоценовые каменные индустрии Аляски и северо-востока Сибири в одну Раннеберингийскую традицию, Ф. Уэст принимает во внимание некоторые общие признаки, отражающие верхнепалеолитический характер комплексов, но его мнение о едином дюктайском происхождении древнейших берингийцев основано скорее на интуиции и при современном уровне знаний доказано быть не может [West 1996: 550]. Различия между материалами отдельных стоянок касаются не только типов каменных орудий, но и форм хозяйства, поскольку некоторые памятники расположены на берегу моря [Davis 1996: 415], а другие вдали от него. Как неоднократно отмечалось, основные следы палеолитического населения прибрежных районов безвозвратно утрачены. Они могли сохраниться лишь там, где береговой склон был крутым, а люди по каким-то причинам жили хотя бы на несколько десятков метров выше уреза воды.

Берингийская традиция существовала несколько тысячелетий, по крайней мере до 7000 л. н. Ее поздний этап Ф. Уэст связывает с проникновением из Сибири сумнагинской культуры, будь то прямая миграция либо только распространение новых идей. С. А. Васильев [личн. сообщ., 1999] полагает, однако, что на протяжении всего периода между 11 000 и 7000 л. н. в развитии культур Аляски не прослеживается резких перемен и что речь идет о сохранении той же самой традиции, к которой относится денали. Если иметь в виду только микронуклеусы как ведущую форму, то они встречались на Аляске вплоть до недавних пор, причем как в прибрежных, так и во внутренних районах [Moss, Erlandson 1995: 17]. В частности, в долине Тананы на стоянке Свон-Пойнт подобные материалы представлены во всех слоях от 12 000 до 1500 л. н. [Holmes et al. 1996].

В целом добытые на Аляске археологические материалы не позволяют пока ни выделить определенные «волны» в заселении Нового Света, ни тем более связать их с теми или иными группами языков. То же самое можно заключить и при рассмотрении данных по народам языковой семьи на-дене и материалов по археологии соответствующих внутренних таежных и прибрежных районов.

Субарктика

АТАПАСКИ

В 1915 г. Э. Сэпир предположил, что языки тлинкитов (побережье юго-восточной Аляски), хайда (острова Королевы Шарлотты) и атапасков (главным образом зона тайги на Аляске и западе Канады) родственны,

образуя семью на-дене. После того как Дж. Гринберг пришел к заключению, что эта семья — единственная, не входящая в суперобъединение, охватывающее все остальные индейские языки, и особенно после того, как гипотеза обособленности на-дене получила некоторую поддержку со стороны популяционных генетиков и антропологов, представление о трех «волнах» заселения Америки (америндской, на-дене, эскоалеутской) стало для многих доказанным фактом (напр., [Crawford 1998: 23; Layrisse, Wilbert 1999; Renfrew 1996: 73]). Это не так. Даже если бы построения Гринберга в их чисто лингвистической части оказались в основном верными (дождаться соответствующих подтверждений придется долго), совпадение языковых делений с распространением генов может быть только частичным.

Большинство индейских языков, включенных в семью на-дене, относится к атапаскской группе (см. рис. 3). Северная и западная границы расселения атапасков примерно совпадали с границей тайги. Южная экологическими факторами определялась в меньшей мере.

Языки северных (альяскинских и канадских) атапасков представляют собой цепь диалектов, в которых трудно наметить более крупные объединения. При распределении атапаскских мифологий по нескольким кластерам учитывались не диалектные различия, а то, с какими инокультурными народами те или иные атапаскские группы соседствовали и с кем они могли обмениваться мотивами мифологии.

На северо-востоке атапаскского языкового массива — от Гудзона залива к устью Маккензи — располагались пять близкородственных групп: чипевайян, слейви, йеллоунайф, догриб, хэа. В некоторых классификациях отдельно выделяются также группы, обитающие вокруг Большого Медвежьего озера [Parr 1974]. С севера они граничили с эскимосами инуит, а с юга — с алгонкинами (западными кри). Север Аляски занимали кучин (лушо), к которым на юго-востоке примыкали хан, жившие по долине Юкона. Хан сейчас исчезли и изучены плохо. Кучин граничили с эскимосами инупиак и с эскимосами дельты Маккензи. На восточных склонах Скалистых гор обитали каска и бивер, первые из которых находились целиком внутри атапаскского окружения, а вторые на юго-востоке соприкасались с кри. Так называемые «горные индейцы» жили между каска, хэа и слейви. Хотя данных об их мифологии нет, их близкое языковое родство с хэа [Gillespie 1981] позволяет ориентировочно присоединить их территорию к тому же, что и хэа, ареальному кластеру. Центральную и южную Аляску занимали коюкон, танана, танайна, атна, ингалик, верхние кусковим и другие более мелкие общности. К началу европейской колонизации эти народы соседствовали с эскимосами — главным образом, с юпик. Наиболее специфичны танайна, вышедшие к заливу Кука и оказавшиеся единственными среди северных атапасков, кто переориентировал хозяйство на использование ресурсов моря.

Те атапаски, которые жили восточнее атна (верхние танана, тутчоне, тагиш), контактировали уже не с эскимосами, а с тлинкитами. Тлинкитский язык был усвоен частью атапасков, в результате чего сформировалась группа «внутренних тлинкитов», по культуре близких тагиш. Еще дальше на юго-восток жили талтан и цецот, граничившие с тлинкитами и цимшиан. Языковая близость [Honigman 1981: 442] и береговые контакты позволяют объединять талтан в один кластер с тагиш и каска, куда несколько условно (на основе территориальной близости) включены также цецот и тутчоне, данных по фольклору которых довольно мало. На юго-западной оконечности территории северных атапасков располагались карьер и чилкотин, с трех сторон окруженные инокультурными неатапаскскими группами и в отношении мифологии во многом близкие им. Горные районы к северу от карьер и к востоку от талтан занимали родственные бивер секани (данные по их мифологии оказались мне недоступны).

Отдельные группы атапасков неоднократно отрывались от основного массива и уходили на юг, радикально меняя свою культуру. Таковы атапаски Орегона и Юго-Запада США. Атапаски сарси, хотя и продолжали граничить с бивер, восприняли культуру Великих Равнин, сблизившись с черноногими. Все эти отколовшиеся группы мы сейчас не рассматриваем.

Атапаскские языки имеют единственного несомненного родственника — язык ияк, на котором в XVIII–XIX вв. говорили индейцы южного побережья Аляски к западу от залива Якутат (т. е. между территориями тлинкитов и эскимосов чугач). Языковеды предполагают, что разделение протоатапаскского и ияк завершилось к середине II тыс. до н. э. Иначе говоря, степень расхождения между атапаскскими и ияк почти столь же велика, как между эскимосскими и алеутскими языками. Сами атапаскские языки разделились во второй половине I тыс. до н. э. [Краусс 1981: 154–155; Campbell 1997: 110]. Это значит, что распространение атапасков по тайге и, в частности, освоение ими Аляски происходило сравнительно поздно. Такой вывод подтверждается отсутствием в атапаскских языках ранних заимствований из эскимосских, а в восточных диалектах инуит — отсутствием атапаскских заимствований [Foster 1996: 75]. Прародиной атапасков мог быть район в верховьях Юкона [Campbell 1997: 110–112; Foster 1996: 74]. Анализ слов для обозначения «реки» и «горы» показывает, что в пределы Аляски атапаски вошли с востока и постепенно заселяли ее западные и южные районы [Narcus 1998: 74].

Как уже говорилось, лексико-статистические оценки времени расхождения языков условны и дают возможность судить главным образом об относительной хронологии. Археологические материалы позволяют отнести расселение атапасков по тайге к несколько

более раннему времени, чем лексико-статистические. Так, в районе Большого Невольничьего озера (области, где в XIX в. обитали чипевайян, слейви, догриб и йеллоунайф) последняя резкая смена культуры произошла около 200 г. до н. э. Именно в это время здесь появляются наконечники с черешком и зазубринами, считающиеся характерными для атапасков. Ранее, с начала I тыс. до н. э., этот район занимали носители Арктической традиции Малых орудий, т. е., скорее всего, эскимосы. Примерно та же последовательность отмечена и восточнее на реке Телон, где появление связываемой с атапасками культуры относится к рубежу эр [Dumond 1977: 52–53].

Этноязыковые процессы в таежной зоне, равно как и в тундре, определялись низкой плотностью и большой подвижностью населения. Новые этносы распространялись здесь очень быстро, а старые нередко исчезали, не оставив прямых потомков. О том, насколько быстро протекали процессы ассимиляции, свидетельствует превращение группы атапасков коюкон в верховьях реки Кобук в эскимосов-инуиак. В XIX в. на это потребовалось всего лишь два-три десятка лет, несмотря на традиционный межэтнический антагонизм и глубокие культурные различия между обеими группами [Burch 1999]. Позднее расселение северных атапасков не означает, что до того на Аляске и северо-западе Канады не могли обитать какие-то «пара-атапаскские» этносы, не оставившие языковых потомков и родственные не непосредственно атапаскам, а в целом атапаскам-ияк. Чтобы оценить такую возможность, следует рассмотреть более ранние археологические материалы.

ЗАСЕЛЕНИЕ ЗОНЫ ТАЙГИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

В пределах территории, которую в конечном итоге заняли атапаски, можно выделить три области. Одна включает центральную Аляску и прилегающую часть Юкона, изначально свободную ото льда. Вторая охватывает горы и плоскогорья, где Кордильерский ледник стоял на рубеже плейстоцена и голоцена. Третья соответствует области распространения Лаврентийского ледникового щита, в раннем голоцене еще медленно отступавшего на северо-восток. На Лабрадоре он окончательно исчез лишь около 6000 л. н. [Fagan 1995: 187].

Внутренние районы Аляски в период между 6000 и 4500 л. н. населяли создатели Северной Архаической традиции, делавшие листовидные и ланцетовидные наконечники, часто имеющие выпуклое основание и глубокие выемки близ него (например, комплекс палисейд; [Dumond 1977: 47–52, fig. 22]). Зона распространения подобных каменных индустрий тянется на восток в Канаду примерно до Большого Невольничьего озера, но не до Гудзонова залива [Du-

mond 1977: 52–53]. Северная Архаическая традиция может происходить все от той же Древнеарктической (Раннеберингийской) традиции, поскольку некоторые Архаические комплексы включают микропластины. Стратиграфия, однако, во всех случаях ненадежна [Dumond 1977: 51]. Для более раннего периода в зоне тайги просматриваются связи скорее с центральными районами США, чем с Аляской. Утверждения, будто Северная Архаическая традиция ассоциируется с атапасками [Fagan 1995: 188–189], не учитывают данных лингвистики, свидетельствующих о гораздо более позднем разделении атапаскских языков. Нет и необходимых антропологических материалов, которые бы позволили детально сравнить физический тип древних и современных обитателей северной тайги.

Археологические материалы показывают, что с отступлением ледника районы Канады восточнее Скалистых гор могли заселять шедшие с юга потомки кловисцев. Речь идет прежде всего о распространении кремневых наконечников определенных типов — плейнвью, скоттсблаф, ангостура и особенно эгейт-бейсин [Wright 1981: 87–88]. Эти типы орудий восходят либо прямо к кловису, либо к близким кловису желобчатым и нежелобчатым наконечникам конца плейстоцена — начала голоцена. В начале голоцена крупные нежелобчатые наконечники с параллельной отжимной ретушью распространились по всей зоне Великих Равнин и отчасти Среднего Запада от Техаса до Альберты. Они являются характерным признаком культуры охотников на крупную дичь [Ларичева 1986]. Но данные наконечники встречаются и за пределами Великих Равнин — вплоть до устья Маккензи и до Аляски. Крайним северо-западным пунктом их продвижения следует считать мыс Денби. Найденные здесь типы скоттсблаф и ангостура [Dumond 1977: 104, fig. 68] могут относиться к культуре чорис начала I тыс. до н. э., но могут быть и значительно более древними.

Важным для понимания направления миграций или влияний в раннем голоцене является Путу — археологический памятник на севере Аляски на обращенных к морю Бофорта склонах хребта Брукса, датированный промежутком времени между 9000 и 6000 л. н. [Reanier 1996]. Здесь найдены как ланцетовидные (с прямым основанием), так и желобчатые наконечники, но не микронуклеусы и микропластины. На Аляске есть и другие аналогичные находки, прежде всего Батза-Тена в долине реки Коюкук на среднем Юконе [Clark, Clark 1993], где возраст изделий точными методами не определен. Поскольку в индустриях, несомненно относящихся к периоду ранее 9000 л. н., желобчатые наконечники никогда не встречаются, существуют основания полагать, что на Аляске они синхронны даже не фолсому, а еще более поздним индустриям Великих Равнин [Boldrurian, Cotter 1999: 118; Clark, Clark 1980]. Все это, скорее всего, свидетельствует о движении потомков кловисцев на северо-восток через Канаду вдоль Скалистых гор.

Более ранний, чем Путу, момент этого движения, возможно, отражен в материалах нижнего слоя пещеры Чарли-Лейк на северо-востоке Британской Колумбии на восточных склонах Скалистых гор, которые датированы примерно 10 500 л. н. [Fladmark et al. 1988]. Найденный здесь желобчатый наконечник — короткий, с выемчатым основанием, подправленным мелкой ретушью, — отличается от классических кловисских форм и напоминает находки из Новой Англии, также синхронные не кловису, а фолсому.

По-видимому, шедший с юго-востока возможный кловисский (по происхождению) культурный импульс смешался на Аляске с наследием Раннеберингийской традиции, а возможно, и с новыми влияниями из Азии. О каких-либо подробностях такого взаимодействия говорить пока невозможно. Ясно лишь, что культура внутренней Аляски, конечными наследниками которой являются атапаски, имеет смешанное происхождение. В атапаскской мифологии поэтому менее всего следует искать некий чистый «пласт» или комплекс, соответствующий особой волне заселения Америки.

Восточнее Аляски в Канаде кловисское наследие, скорее всего, абсолютно преобладало, о чем, в частности, свидетельствуют систематические находки крупных наконечников с параллельной ретушью в ареале Великих озер в хорошо стратифицированном культурном контексте — так называемая традиция аква плано [Ларичева 1986: 157–177]. Четкой культурной границы между северо-западом и востоком таежной зоны в раннем голоцене, однако, не прослеживается.

Ситуацию, характерную для ареала Скалистых гор, целесообразно рассмотреть вместе с данными по прилегающему северо-западному побережью Северной Америки.

Северо-Западное побережье и Плато

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ

Этот регион включает собственно побережье с прилегающими островами и занятый горами и плоскогорьями хинтерланд. На севере природно-климатические условия двух зон сильно отличны. Побережье подвержено действию теплых и влажных морских ветров, а горные области — воздушных масс Арктики. Кроме того, на севере Скалистых гор межгорные долины в основном связаны с бассейнами рек, текущих на восток и на север, и лишь некоторые сравнительно короткие реки впадают в Тихий океан и, следовательно, богаты лососевыми рыбами. Эти различия определили культурно-

хозяйственную специфику приморских и внутриконтинентальных районов. Далее на юг контраст смягчается. Впадающие в Тихий океан реки Фрейзер и Колумбия имеют истоки, находящиеся далеко в глубине материка. Хотя лососевые и не достигают верховьев этих рек из-за перегораживающих течение порогов, территория, обеспеченная богатыми рыбными ресурсами, здесь все же гораздо обширнее, чем севернее 53° с. ш. Данный географический и культурный ареал принято называть Плато.

Что касается побережья, то в пределах штатов Вашингтон, Орегон и севера Калифорнии оно менее благоприятно для ведения присваивающего хозяйства, чем в пределах южной Аляски и Британской Колумбии. К югу от мыса Фленнери береговая линия значительно менее изрезана и очень узка, горы нередко подступают к океану вплотную. Этнографические материалы по местным индейцам свидетельствуют о более бедной культуре, чем на севере. Правда, отчасти такая картина может быть вызвана и ранним распространением в этом ареале занесенных из Европы болезней, что обусловило упадок культуры. Археологические данные свидетельствуют в пользу того, что вплоть до северной Калифорнии хозяйство (ориентированное на ресурсы моря) и социальная организация (значительная стратификация при отсутствии относительно долговременных и централизованных политических образований типа вождеств) были примерно того же типа, что и на побережье Британской Колумбии.

Благодаря как более богатым и стабильным источникам питания, так и горному ландшафту, способствовавшему изоляции небольших групп, регион Северо-Западного побережья — Плато оказался очень пестрым в языковом отношении. К моменту европейских контактов его населяли представители десятка языковых семей.

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ КАРТА

Область от юго-западной границы Аляски с Канадой до залива Якутат или немного далее на запад занимали тлинкиты (см. рис. 3). Родство тлинкитского языка с ияк-атапаскскими весьма вероятно, хотя не доказано окончательно, поскольку общей лексики мало [Campbell 1997: 114; Thompson 1996]. Неоднозначность атапасско-тлинкитских языковых связей, видимо, вызвана огромной ролью субстратного языка или языков в формировании тлинкитских диалектов [Campbell 1997: 114]. Предполагается, что тлинкитский проник на побережье в южной части своего ареала, а затем распространялся на север. Из района залива Якутат тлинкиты вытеснили ияк незадолго до появления европейцев; ияк в свою очередь продвинулись на запад до залива Принс-Уильямс [De Laguna 1990: 189;

Yarborough, Yarborough 1998: 133]. Язык ияк демонстрирует следы более интенсивных контактов с хайда, нежели тлинкитский [Campbell 1997: 332], а от языка соседних атапасков атна он удален настолько же, насколько от языков навахо и апачей, ушедших в Аризону 1000 л. н. [Foster 1996: 64]. Все это свидетельствует о раннем появлении ияк на побережье, где они, скорее всего, оказались отделенными от атапасков тлинкитами. Культура ияк, в том числе их мифология, известна хуже, чем культуры соседних народов. В фольклоре ияк есть атапаскские, эскимосские и тлинкитские элементы, но последние, по-видимому, преобладают.

Южные соседи тлинкитов — хайда и цимшиан. Язык (точнее, два родственных языка) хайда Сэпир включил в семью на-дене, хотя немногочисленная общая хайда-тлинкитская лексика объяснима ареальными языковыми взаимодействиями [Campbell 1997: 115]. Хайда жили на островах Королевы Шарлотты. Несколько веков назад они стали переселяться и на юг острова Принца Уэльского, войдя в прямой контакт с тлинкитами.

Побережье Британской Колумбии напротив островов Королевы Шарлотты занимали цимшиан. В языковом отношении цимшиан являются ушедшими далеко на север представителями семьи пенути, прочие члены которой к моменту европейских контактов жили в основном в Орегоне и Калифорнии. Поскольку отдельные ветви этой семьи разошлись очень давно, соответствующая принадлежность цимшиан была строго доказана лишь несколько лет назад [Tarrent 1997]. Есть доводы в пользу того, что среди пенути к цимшиан ближе всего народы побережья Орегона (кус, сиуслав, алсеа), хотя это мнение не общепринято [DeLancey, Golla 1997: 181]. Цимшиан расселены не только у моря, но и вглубь страны вдоль богатых лососевыми рыбами рек Скина и Несс. Языки внутренних цимшиан (нэсс и гитксан) отличаются от прибрежных диалектов примерно в той же степени, как различаются между собой два языка хайда (на уровне различий между шведским и датским).

Тлинкиты, хайда и цимшиан вместе образуют северную подгруппу среди народов Северо-Западного побережья. Некоторыми этнографическими особенностями (типы корзин и рыболовных крючков, т. е. признаками, лишенными приспособительного значения), тлинкиты и хайда отличаются от жителей более южных районов Северо-Западного побережья, говорящих на вакашских и сэлишских языках. Те памятники последних шести (на севере) — трех (на юге) тысячелетий, где в отложениях сохранилась органика, свидетельствуют об устойчивости соответствующих традиций. Хотя в остальных отношениях цимшиан и усвоили северные стандарты, они сохранили отличные от тлинкитских способы плетения [Croes 1997: 601].

Вакашские языки делятся на северные и южные. Северная группа включает квакиутль (на острове Ванкувер и в прилегающей

части материка), близкий ему хейлцук (или беллабелла) далее к северу и более обособленный хайсла (еще севернее, с запада и с севера граничащий с цимшиан). В культурном отношении хайсла занимали промежуточное положение между северными и центральными этносами Северо-Западного побережья. Их фольклор плохо известен.

В составе южной группы вакашей помимо собственно нутка представлены еще два диалекта — нитинат и маках. Первый был локализован на юге Ванкувера, а второй занимал крошечную территорию на мысе Фленнери по южную сторону пролива Хуан-де-Фука. Выделяются также локальные группы, например невети, не имеющие серьезных языковых отличий. Маках и нитинат также очень близки нутка, но в них прослеживаются специфические ареальные черты, характерные также для сэлишей и чемакум. Лексика всех вакашских языков свидетельствует об исключительно долгом обитании на морском побережье [Campbell 1997: 115].

Между ареалами хайсла и беллабелла вклинивается сэлишский язык беллакула. Основная территория сэлишей расположена южнее и охватывает побережья проливов Джорджия и Хуан-де-Фука со стороны как Ванкувера, так и материка, а далее простирается в глубь континента до верховьев реки Фрейзер на границе Британской Колумбии и Альберты и почти до верховьев Миссури в Монтане. Анализ лексики свидетельствует, что прародина сэлишей находилась на побережье, хотя эта связь не столь несомненна, как у вакашей [Campbell 1997: 117–118]. Большинство данных указывают на территорию к югу от реки Фрейзер в направлении к Каскадным горам. Расселение сэлишей шло вверх по Фрейзер, Колумбии и их притокам.

Первыми от основного сэлишского массива отделились беллакула, в своем движении на север, видимо, следовавшие по долинам рек. Выйдя опять к побережью, они заимствовали морскую лексику от вакашей. Позже (не сразу после своего языкового обособления от береговых сэлишей) в глубь континента ушли внутренние сэлиши — шусвап, лиллуэт, томпсон, оканагон, санпуаль, флетхед и пр. Различия между языками внутренних сэлишей находятся на уровне различий между славянскими языками. В пределах сэлишского массива есть маленькие анклавы языков семьи чемакум — квилеут (он граничит с квинолт и маках) и собственно чемакум (у залива Пьюджет-Саунд). Отдаленное родство чемакум с сэлишами допустимо, но не доказано.

Сэлиши расселялись также по побережью на юг. Две особые подгруппы этой семьи образованы языками побережья штата Вашингтон (квинолт, коулиц и чехалис) и языком тилламук на побережье Орегона. Тилламук отделен от основного массива береговых сэлишей языками чинук, на которых говорили индейцы низовьев реки Колумбии. Выше по течению этой реки и далее на восток по

долине Снейк-Ривер до границы с Монтаной локализованы языки сахаптин и каюз. Семья сахаптин состоит из двух языков — нэ персэ и собственно сахаптин, включающего несколько диалектов (кликитат, якима, тенино и др. [Rude 1997]). Юго-западный угол Британской Колумбии вдоль восточных склонов Скалистых Гор занимал изолированный язык кутенаи. Существует высокая вероятность того, что языки бассейна Колумбии (чинук, сахаптин и, возможно, каюз) родственны и входят в семью пенути (см. ниже). В таком случае граница между сэлишами и пенути соответствует природному рубежу между лесной и лесостепной частями Плато.

В культуре индейцев, говоривших на сахаптин, каюз, кутенаи и на языках внутренних сэлишей, много общего. Северная граница Плато как историко-этнографической области условно проводится по северной границе распространения внутренних сэлишей — шусвап и лиллуэт. В действительности она не столь резкая. Как отмечалось выше, атапаски карьер и особенно чилкотин, живущие в горах между цимшиан на северо-западе и сэлишами на юге, находились в контакте со своими иноязычными соседями и поэтому демонстрируют с ними ряд общих черт в культуре, во всяком случае, в мифологии. Еще дальше на север другие атапаскские группы, цецот и талтан, таким же образом контактировали с цимшиан и тлинкитами. Все эти группы образуют своего рода буферную зону между народами Северо-Западного побережья и Плато, с одной стороны, и основным атапаскским массивом — с другой.

МАТЕРИАЛЫ АРХЕОЛОГИИ: СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

В пределах Северо-Западного побережья и Плато синхронных началу кловиса материалов не найдено. Их и трудно было бы ожидать, поскольку канадскую часть региона занимал ледник, а внутренние районы Плато на территории США ранее 12 000 л. н. представляли собой полярную пустыню [Steele et al. 1998: 231]. На островах (Кадьяке, Принца Уэльского, Королевы Шарлотты) значительного оледенения никогда не было [Ames 1998: 71; Yesner 1998: 206–207], а полуостров Кенаи к этому времени уже освободился ото льда [Workman 1998: 149], однако конкретных данных в пользу продвижения человека по морю вдоль ледника в конце плейстоцена нет. На островах Королевы Шарлотты первые комплексы с индустрией микропластин появляются лишь 9000–8000 л. н., тогда как более ранние памятники, если они существовали, должны были быть уничтожены морской трансгрессией [Fedje, Christensen 1999: 62; Moss, Erlandson 1995: 13]. Согласно некоторым реконструкциям экологической обстановки, в пределах южноаляскинской акватории и свободных ото льда участков суши надежных источников пропи-

тания для человека в конце плейстоцена не было [Yesner 1998: 206–207], но все оценки подобного рода основываются больше на допущениях, чем на твердых фактах.

Ко времени появления на Аляске Раннеберингийской традиции климатическая ситуация изменилась. На юге Аляски (территория тлинкитов) известно несколько памятников с индустрией микропластин, относящихся к раннему голоцену (10 000–7000 л. н.; [Ackerman 1996; Ames, Maschner 1999: 67–71; Davis 1996; Moss 1998]). Освоение побережья людьми, по-видимому, связанными своим происхождением с Древнеарктической традицией, сопровождалось переходом от наземной охоты к морской охоте и собирательству, о чем свидетельствует само расположение памятников. Кроме того, под скальным навесом Он-йо-Низ (49-РЕТ-408) обнаружены человеческие останки, из которых удалось извлечь коллаген. Анализ показывает, что женщина, захороненная здесь почти 10 000 л. н. (даты 9730 ± 60 л. н. и 9880 ± 50 л. н.), питалась исключительно продуктами моря [Carlson 1998]. На Чак-Лейк (остров Хесета, 8200 л. н.) обнаружены очень ранние свидетельства использования морских моллюсков и рыбы и найден обломок зубчатого костяного гарпуна.

На связи с центральной Аляской указывают каменные индустрии не только северной, но и центральной зоны Северо-Западного побережья в пределах Британской Колумбии [Carlson 1998]. Высказанное в свое время предположение, будто осваивавшие приморские районы группы шли из глубин континента по рекам к устью и далее распространялись на побережье [Kroeber 1937], не подтверждается. Местные индустрии периода 10 000–9000 л. н. с листовидными бифасами и микропластинами больше напоминают памятники Раннеберингийской традиции, чем кловис. Это касается, в частности, стоянки Наму в прибрежном районе Британской Колумбии [Карлсон 1983; Ames, Maschner 1999: 71–72]. В ее нижнем слое (10 000–8000 л. н., так называемая зона 2) найдены микронуклеусы и микропластины, бифасиальные (ножи, метательные наконечники) и галечные орудия. Раковины и кости в этом слое не сохранились, но само расположение стоянки, как и в случае с памятниками юго-восточной Аляски, заставляет предполагать, что хозяйство местных обитателей было связано с эксплуатацией морских ресурсов; относительно вышележащих слоев это не вызывает сомнений [Carlson 1998: 27].

В центральной Аляске в долине Ненаны на стоянке Броукен-Маммут, индустрия нижних слоев которой включает мало готовых форм, но все же обнаруживает некоторые параллели с древнейшими памятниками Северо-Западного побережья [Yesner 1998: 207–208], найдены кости водоплавающих птиц и лососевых рыб [Holmes et al. 1996: 314]. Это свидетельствует о существовании определенных предпосылок для освоения морских побережий уже в культуре древнейших берингийских охотников.

Высказано предположение, что древнейшая каменная индустрия Северо-Западного побережья отличалась наличием прежде всего листовидных бифасов, на смену которым примерно 8000 л. н. пришла техника микропластин [Fedje, Christensen 1999: 62]. Поскольку позже, 7000–6000 л. н., листовидные бифасы встречаются дальше на юг, близ устья р. Фрейзер [Carlson 1990: 63–64], где, весьма вероятно, находилась прародина сэлишей, выстраивается схема, хорошо согласующаяся с теми независимыми от археологии данными, анализу которых посвящена эта книга. А именно: сперва вдоль побережья прошли предки сэлишей, изготовлявшие листовидные бифасы, за ними — создатели традиции микропластин (вакаши, на-дене?). К сожалению, на данный момент археологические основания этой конструкции ненадежны, ибо слишком скудны материалы, полученные из древнейших слоев прибрежных памятников.

Если говорить о создателях индустрии микропластин, то некоторые археологи смело называют их на-дене [Croes 1997; Davis 1996: 415]. Учитывая все сказанное о проблематичности столь глубоких лингвистических реконструкций, соответствующая гипотеза не может быть ныне ни опровергнута, ни подтверждена. Учитывая позднее проникновение тлинкитского на побережье, прародина на-дене находилась во внутриконтинентальных районах. В любом случае за десять тысячелетий языки-потомки могли не только утратить признаки, позволяющие доказать их родство, но и вовсе исчезнуть. Но вот для того, чтобы бесследно оборвалась культурная традиция в целом (будь то преемственность в способах плетения корзин или в наборе мифологических мотивов), необходимо полное вымирание соответствующих популяций в отсутствии контакта с другими. Такое, быть может, случалось в Арктике, но для более южных районов это практически невероятно. Не подлежит сомнению, что культурная традиция Северо-Западного побережья крайне своеобразна, причем не только в области мифологии. Хотя в историческое время носителями этой традиции выступали индейцы всех распространенных в этом ареале языковых групп, считается общепризнанным, что северные группы (тлинкиты, хайда, цимшиан) демонстрируют соответствующие признаки в наиболее чистом виде [Croes 1997: 594; Wissler 1914] — вполне возможно, благодаря общему древнему субстрату. Развитие культуры Северо-Западного побережья в среднем и позднем голоцене, безусловно, сопровождалось значительными изменениями в технологии (сперва исчезли микропластины, затем распространились орудия из камня и кости, обработанные не оббивкой, а шлифовкой). Причиной отказа от прежних форм и перехода к новым являлись, скорее всего, как вторжения новых мигрантов, так и изменения климата и все более успешная адаптация к местным природным условиям [Ames, Maschner 1999: 87–96; Davis 1996: 415–416].

Что касается атапасков, то ряд данных популяционной генетики свидетельствует об их большой близости к эскимосам [Lathrap, Troike 1988a: 17 (со ссылкой на Ubelaker, Jantz 1985); Layrisse, Wilbert 1999]. Вполне вероятно, что атапаски откололись от общей для них, ияк и тлинкитов предковой популяции, жившей в верховьях Юкона, и, расселяясь по тайге, включили в себя местный субстрат.

ПЛАТО: МИГРАЦИЯ СЭЛИШЕЙ

Как только что было сказано, область Плато, точнее ее центральные, северные и юго-восточные районы, в историческое время населяли сэлиши (см. рис. 3), причем лингвисты доказывают прибрежное происхождение сэлишских языков. Археологические материалы с подобным заключением хорошо согласуются.

В раннем голоцене Плато заселялось с востока людьми иного происхождения, нежели первые жители побережья. Судя по находкам желобчатых наконечников и по значительной серии радиоуглеродных определений, датирующих самые ранние культурные слои в пещерах, Плато и север Большого Бассейна были заселены вскоре после 11 000 л. н. [Carlson 1998: 30; Hanes 1988: 154]. 10 000–9000 л. н. здесь распространяются наконечники типов линд-коули и уиндаст с черешком и с плоским основанием [Карлсон 1983: 68–69; Carlson 1998: 30; Fagan 1995: 239–240; Hanes 1988: 40–52, 154–155]. Как и одновременные им наконечники фолсом в регионе Великих Равнин, линд-коули и уиндаст считаются дериватами кловисских, хотя конкретных доказательств соответствующей эволюции не существует. Черешковые и прочие нежелобчатые наконечники были оставлены небольшими подвижными группами охотников, преследовавших бизонов и других крупных животных. Навыков рыболовства эти люди, скорее всего, не имели. Анализ костного протеина из обнаруженного при строительных работах погребения близ городка Бул на севере Айдахо показал, что захороненная женщина (10 675±95 л. н.) почти или вовсе не употребляла в пищу рыбу, хотя протекающая рядом река Снейк богата лососем. То же касается погребения молодого мужчины из Гор-Крик в бассейне реки Фрейзер (8250±115 л. н.).

По мнению Р. Карлсона, чуть позже наконечников линд-коули и уиндаст в ареале Плато появляются листовидные бифасы, имеющие прибрежное происхождение, и что люди, освоившие побережье, стали затем подниматься на Плато по долинам рек [Carlson 1998: 30–31]. Однако бесспорные свидетельства такого проникновения относятся к более позднему времени. Археологи полагают, что материалы фазы лочнор (3550–2050/1550 до н. э.) отражают распространение вверх по реке Фрейзер сэлишей, ранее обитавших

только в приморских районах [Pokotylo, Mitchel 1998: 84–85]. По-видимому, сэлиши переселялись туда, где можно было ловить лососей, хотя охота и собирательство сперва играли в их хозяйстве не меньшую роль. Не позже конца первой половины II тыс. до н. э. люди лочнор начинают использовать для жилья землянки, и эта традиция в итоге приводит к историческим сэлишам.

На крайнем севере Плато сэлиши были затем вытеснены атапасками карьер и чилкотин, в культуре которых (особенно у чилкотин) есть особенности, более характерные для Плато, чем для региона Субарктики. В некоторых позже занятых чилкотин районах сэлиши, видимо, жили вплоть до середины минувшего тысячелетия [Pokotylo, Mitchel 1998: 89–93].

На каких языках говорило досэлишское население, неизвестно. Вполне вероятно, что значительная часть его относилась к пенути. К пенути принадлежит, как уже говорилось, ушедший далеко на север, на побережье язык цимшиан, а калифорнийские пенути проникли на юг в ходе трех отдельных и разновременных миграций, самая ранняя из которых относится к III тыс. до н. э. [Campbell 1997: 130; DeLancey, Golla 1997; Lathrap, Troike 1988b: 99–100]. Эти миграции пенути на юг и на север трудно связать с какими-то экономическими факторами, но они объяснимы давлением сэлишей. Другой интригующий вариант возможной идентификации части досэлишского населения — отнесение его к алгонкинам, точнее, к общим предкам алгонкинов и северокалифорнийской семьи ритва. Об основаниях для подобной идентификации будет сказано в следующем разделе.

Среди населявших Плато групп наиболее глубокие местные корни имеют, скорее всего, сахаптин. Что же касается кутенаи, то носители этого языка, возможно, проникли на Плато с севера. Аргументом в пользу такого мнения считается выраженная сезонная адаптация и важная роль зимней лыжной охоты [Brunton 1998: 224]. Если так, то в кутенаи можно видеть потомков части древнего населения канадской тайги, вытесненного или ассимилированного атапасками 2500–1500 л. н.

Центрально-восточная область Субарктики и Северо-Восток

К моменту европейских контактов огромная территория от северо-восточной Альберты до юго-восточного Лабрадора была занята народами, говорившими на языках алгонкинской семьи, причем север всей этой зоны — диалектами одного языка — кри-монтанье. Археологически присутствие алгонкинов к северу от Великих озер про-

слеживается примерно до 2200 л. н. (культура лорел [Rajnovich 1989]). У алгонкинских языков есть отдаленные родственники — языки юрок и вийот в северной Калифорнии (рис. 4), отделившиеся друг от друга чуть позже, чем их предок от протоалгонкинского, и образующие семью ритва. На основании археологических и этнографических данных предполагается, что в Калифорнию юрок и вийот проникли в X–XI вв. н. э., а до этого были распространены в ареале Плато, вероятно, в бассейне Колумбии [Campbell 1997: 154]. Учитывая локализацию ритва и наличие сходных элементов в фонетических системах алгонкинов и сэлишей, было сделано предположение, что протоалгонкины начали свое продвижение в регион Великих озер с далекого запада [Foster 1996: 97; Sapir 1949: 456–457]. В свете подобной гипотезы интерпретировались некоторые археологические материалы [Denny 1991]. Вместе с тем лингвисты убеждены в том, что локализованные на севере Великих Равнин и наиболее отличные от остальных языки черноногих и гровантр распространились из региона Великих озер в ходе (обратного?) движения с востока на запад [Foster 1996: 99; Goddard 2001: 77–78].

Материалы фольклора и мифологии содержат доводы в пользу западной прародины алгонкинов [Березкин 2003е; Berezkin 2003]. Полтора десятка мотивов, характерных для притихоокеанских областей Северной Америки, на востоке континента встречаются исключительно у центральных и восточных алгонкинов, преимущественно у меномини и оджибва. Эти мотивы отсутствуют у индейцев Равнин, что делает маловероятным их позднее заимствование алгонкинами от индейцев Плато. В притихоокеанской же зоне их ареалы перекрывают друг друга в пределах единственной области — бассейна реки Фрейзер и прилегающего побережья, где были локализованы сэлишские языки.

Обратимся к материалам археологии. Древнейшие следы человека на востоке Канады (Лабрадор, Ньюфаундленд, Нью-Брансуик, Новая Шотландия) и севере Новой Англии представлены Архаической Приморской традицией, появляющейся в период более теплого, чем сейчас, климата, — на Ньюфаундленде 5000 л. н., а на Лабрадоре 8500 л. н. [Pintal, Martijn 2002: 222–223; Renouf 1999: 407]. Для нее характерны прекрасно изготовленные тонкие и длинные наконечники копий из сланца и разнообразные костяные орудия, в том числе гарпуны — как зубчатые односторонние, так и поворотные [Tuck 1974]. Наиболее известные памятники — могильники Порт-о-Шуа на Ньюфаундленде, 4350 л. н. [Fagan 1995: 380; Tuck 1974], и Лянс-Амур на юге Лабрадора, 7500–7225 л. н. [Boldrurian, Cotter 1999: 97]. В последнем случае речь идет о древнейшем подкурганном захоронении и древнейшем поворотном гарпуне в Новом Свете. Предполагается, что часть года создатели Архаической Приморской традиции проводили вдали от берега, охотясь на карibu.

Высказывалось мнение, что каменная и костяная индустрия Архаической Приморской традиции, а также сам факт освоения морских побережий свидетельствуют о связях с культурами Северо-Западного побережья и Аляски [Lathrap, Troike 1988a: 9–10]. Конкретных доказательств столь древних трансконтинентальных контактов нет, так что менее рискованно предполагать независимое изобретение поворотного гарпуна на берегах Атлантики и в северной Пацифике. Предполагалось, что истоки Архаической Приморской традиции находятся в ареале Великих озер [Tuck 1974: 114], т. е. в Архаической традиции востока США, но учитывая ранние даты для памятников Лабрадора, можно допустить прямую линию развития от кловиса.

Язык беотук, на котором говорили индейцы Ньюфаундленда, 1500 л. н. вытеснившие оттуда эскимосов дорсет [Renouf 1999: 408–409], плохо известен, и предположение о его родстве с алгонкинскими вряд ли верифицируемо [Campbell 1997: 155]. Если алгонкинские языки действительно пришли с запада, связь с ними беотук маловероятна. В целом нет никакой возможности определить этнические связи доалгонкинского населения американского северо-востока. Однако в культуре алгонкинов Новой Англии (в том числе в мифологии микмак, пенобскот и других местных индейцев) вполне могли сохраниться традиции, восходящие к культуре людей, захороненных в Порт-о-Шуа и Лянс-Амур.

Единственная известная нам языковая семья, представители которой со значительной вероятностью могут считаться лингвистическими потомками древнейших обитателей северо-восточного региона (хотя и не его приморских районов), — ирокезская (рис. 6). В исторический период ирокезы занимали два ареала, которым соответствуют две главных ветви этой языковой семьи, разделившиеся примерно 4000 л. н. [Campbell 1997: 150]. Северный охватывал территорию штата Нью-Йорк, кроме его юго-восточного угла, и сопредельные районы Канады вокруг озера Онтарио и к северу от озера Эри, а также долину реки Св. Лаврентия. Длинный прерывистый шлейф северо-ирокезских этносов тянулся из Нью-Йорка на юг вплоть до Чесапикского залива (сусквеханнок) и востока Северной Каролины (тускарора). Южный ирокезский ареал (язык чироки) включал территории от северной Джорджии и Алабамы до юга Западной Виргинии. О языках населения промежуточных территорий нет точных данных, но, скорее всего, это могли быть восточные сиу, о чем см. ниже в разделе о Юго-Востоке. Материалы сравнительной лингвистики не противоречат локализации прародины ирокезов в пределах штатов Нью-Йорк, Пенсильвания и восточного Огайо, т. е. непосредственно к югу от озер Эри и Онтарио. Земледельческой лексики в протоирокезском не прослеживается [Campbell 1997: 151–152].

В раннем и даже в среднем голоцене — синхронно существованию Архаической Приморской традиции на Лабрадоре — внутренние районы Северо-Востока, где затем жили северные ирокезы, были заселены слабо. Около 6000 л. н. здесь появляются кремневые наконечники нового типа (оттер-крик), а не позже 3500 л. н. — керамика [Curtin: 5–7]. Хотя эпизодическое выращивание культурных растений не исключено для более раннего времени, переход к производящей экономике происходит лишь около 1000 г. н. э. Он связан с формированием культуры оваско. Исследователи единодушны в ее ирокезской атрибуции [Fagan 1995: 461–462], хотя наиболее восточные памятники в долине реки Гудзон могли принадлежать также алгонкинам — предкам мохеган («могиканов») и делаваров [Curtin: 9]. В последнее время на основании прямого радиоуглеродного датирования фасоли появились свидетельства в пользу более позднего, чем предполагалось, распространения на Северо-Востоке развитого земледелия, окончательно утвердившегося лишь в XII–XIII вв. н. э. [Hart et al. 2002].

Пока складывается впечатление, что ирокезы родственны тем потомкам кловисцев, которые по мере отступления ледника заселяли Северо-Восток США и прилегающие районы современной Канады. В период между 5000 и 1000 л. н. на территории к юго-востоку от Великих озер прослеживается много культур, близких друг другу по типу хозяйства, но различных во многих иных отношениях (формы орудий, жилищ, погребений и пр. [Fagan 1995: 381–386, 458–460]). Выделить среди них предков исторических ирокезов невозможно. Создатели некоторых (если не большинства) культур скорее всего не оставили языковых потомков, из-за чего ирокезская семья выглядит весьма изолированно. Более южная локализация ирокезов по сравнению с алгонкинами делает маловероятным наличие у них языковых родственников где-то далеко на западе. Если алгонкины, подобно атапаскам, расселялись прежде всего в пределах тайги, где плотность населения невелика и миграции осуществляются быстро, то ирокезы — как южные, так и северные — жили исключительно в зоне листопадного леса, не имеющей в Америке трансконтинентального широтного протяжения. Мотивы, характерные для ирокезского основного мифа (одного из немногих мифов Америки, в полной мере заслуживающего название космогонического), в разных сочетаниях встречаются у алгонкинских народов к югу, западу и востоку от ирокезов. Это может быть результатом заимствования, но может быть и следствием ассимиляции алгонкинами каких-то «параирокезских» групп.

Хотя начиная со II тыс. до н. э. северные ирокезы и вступали в те культурные взаимодействия, которыми были охвачены территории к востоку от Миссисипи (см. ниже о культуре Юго-Востока), они оставались на периферии соответствующих процессов. Характерно,

что, когда во второй половине XIV в. у ирокезов Онтарио возникли огромные поселения с числом жителей 1500–2000 чел. [Fagan 1995: 463–464], это не сопровождалось заимствованием давно выработанных на юге форм социальной иерархии, а лишь привело к усложнению горизонтальных связей в пределах общины [Vonhage-Freund, Kurland 1994]. Южные ирокезы (чироки) находились ближе к эпицентрам миссисипского культурогенеза, но с какого именно времени, пока не ясно.

Юг Северо-Западного побережья и Калифорния ДРЕВНЕЙШИЕ НАХОДКИ

Вернемся с Северо-Востока снова на западное побережье Америки.

Южнее мыса Фленнери на западе штатов Вашингтон, Орегон и далее в северной Калифорнии ледника не было, и человек проник сюда еще в клувисскую эпоху, о чем свидетельствуют соответствующие находки. Однако собственно побережье оставалось слабо освоенным вплоть до среднего голоцена [Erlandson et al. 1998]. Правда, соответствующие следы могли быть уничтожены морской трансгрессией, оползнями и цунами. Так или иначе, явных доказательств проникновения Древнеарктической традиции столь далеко на юг нет.

Недалеко от побережья Орегона и Калифорнии найдены желобчатые наконечники, датируемые периодом 11 000–9000 л. н. [Jones 1991: 429; Moss, Erlandson 1995: 10–11]. В Калифорнии (стоянка Мостин в районе Клеар-Лейк к северу от залива Сан-Франциско) обнаружено одно из древнейших в Новом Свете захоронений. Радиоуглеродный анализ органической фракции из костей дал дату 10 470±490 л. н. [Taylor et al. 1985: 138]. К 10 500–10 000 л. н. относятся первые следы пребывания человека на островах Сан-Клементе и Сан-Мигель у побережья южной Калифорнии [Fagan 1995: 227]. Период раннего голоцена на побережье Калифорнии изучен недостаточно. Более многочисленные данные появляются с началом так называемого горизонта Терочных орудий (7000–5000 л. н.), о появлении которого см. ниже.

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ КАРТА И ЕЕ ФОРМИРОВАНИЕ

Область между сэлишским массивом в Вашингтоне, Большим Басейном и южной Калифорнией — одна из самых разнообразных в языковом отношении во всем Новом Свете (см. рис. 4). Ситуация

осложняется тем, что предложенное Сэпиром объединение многих изолированных языков и мелких семей в две крупные общности — пенути и хок (названия даны по обозначению числа «два») — современными лингвистами подвергается критике. Обе эти семьи не имеют четких границ, а само существование хок находится под вопросом.

К началу европейских контактов на территории Калифорнии были представлены следующие языковые группы.

На севере внутренние районы занимали карок, шаста, чимарико, близкородственные ачوماви и ацугеви и яна. Все эти языки и микросемьи были включены Сэпиром в семью хок, но ни одна пара подобных связей, не говоря уже о семье в целом, не считается вполне доказанной [Campbell 1997: 122–123]. К западу от этого блока вдоль моря локализованы упоминавшиеся выше вийот и юрок (родственная алгонкинам семья ритва), а к юго-западу — группа атапасских языков, проникших с севера не ранее I тыс. н. э. Среди них мы располагаем данными по мифологиям хупа, чилула, като, лассик, вайлаки и синкион. С юго-запада лассик и като граничили с областью языка юки, затем шли языки помо, а затем язык ваппо. По лексико-статистическим оценкам, ваппо и юки отделились друг от друга 3000 л. н., но сопоставление языковых данных с материалами археологии позволяет удревнить эту дату на тысячу или, скорее, две тысячи лет. Исследование лексики, касающейся растительного и животного мира, показывает, что язык протопомо происходит примерно из того же района западной Калифорнии, где его потомки фиксируются и позже. Его история здесь охватывает по меньшей мере пять тысяч лет (предковая культура — поздняя боракс-лейк [Whistler 1988]). Ранняя боракс-лейк относится к началу V тыс. до н. э. Прото-юки/ваппо (точнее — его предок) — наиболее вероятный кандидат на то, чтобы считаться языком первых обитателей Калифорнии — поздних кловисцев (так называемый комплекс постпэттерн) 11 000 л. н.; Campbell 1997: 132; Lathrap, Troike 1988b: 101].

Долину Сакраменто, восточно-центральную Калифорнию и юг Центральной Долины занимали языки пенути. Важнейшим достижением американской лингвистики конца 80–90-х гг. стало доказательство того, что калифорнийские пенути не образуют единства, а являются здесь не только относительно поздними, но и одновременными пришельцами [Campbell 1997: 130; De Lancey, Golla 1997; Lathrap, Troike 1988b: 99–100]. Раньше других появились южные языки — йокуц (Центральная Долина), костаньо (побережье) и мивок (внутренние районы с выходом к морю у залива Сан-Франциско). Костаньо и мивок вместе образуют группу ути и, возможно, шли раньше, чем йокуц, которые затем вклинились между ними. Эти события происходили примерно в III тыс. до н. э., когда в дельте Сакраменто появляется новая культура уиндмиллер [Fagan 1995: 246].

Степень дифференциации внутри одних лишь костаньо находится примерно на уровне различий между романскими языками, т. е. более 1500 лет [Callaghan 1992]. Следующими в Калифорнию проникли языки винту, двигавшиеся от залива Сан-Франциско (где остался язык патвин) на север по долине Сакраменто (номлаки и собственно винту). Самыми поздними мигрантами (вероятно, из северо-западной Невады) были майду (включая нисенан и конков), расселившиеся во внутренних районах центральной Калифорнии. Не исключено, что из северных пределов Большого Бассейна пайют вытеснили их окончательно лишь в XVI–XVII вв. [DeLancey, Golla 1997: 180].

Прародина пенути могла находиться на севере Большого Бассейна — юге Плато в бассейне Снейк-Ривер, где культурная преемственность тянется от исторических нэ персэ к чуть ли не палеоиндейцам, поскольку все культурные изменения на протяжении голоцена легко объяснимы эволюцией форм хозяйства [Ames et al. 1998; Fagan 1995: 240]. Кроме калифорнийских пенути и упоминавшихся цимшиан к данной семье могут относиться индейцы Орегона и юга Вашингтона: такельма, кус, алсеа, сиуслав, калапуя, молала, чинук, кламат, сахаптин, каюз. Наиболее достоверным считается взаимное родство языков южной части Плато — сахаптин, молала, кламат и, может быть, каюз [DeLancey 1999], а также родство калапуя с такельма [Campbell 1997: 120]. Под наибольшим вопросом остается статус прибрежных языков — кус и особенно сиуслав и алсеа. По-прежнему нельзя исключать, что языковая общность пенути возникла в результате взаимовлияния двух или более первоначально неродственных групп, поскольку родство даже калифорнийских пенути (майду — винту, с одной стороны, и мивок — костаньо вместе с йокуц — с другой) окончательно не доказано [Callaghan 2001].

До вторжения костаньо значительная территория побережья к югу от залива Сан-Франциско была заселена людьми, говорившими на языке, близком эсселен, который сохранялся до XIX в. на небольшой территории к югу от Монтеррея [Shaul 1988; 1995]. Вместе с соседним более южным языком салинан эсселен условно отнесен к семье хок, но реально между салинан и эсселен мало сходства. Еще дальше вдоль побережья, между Санта-Барбарой и Лос-Анджелесом, локализованы языки чумаш, не имеющие сколько-нибудь явных родственников. Их носители контролировали наиболее богатую пищевыми ресурсами акваторию Калифорнии, что обеспечило высокую демографическую плотность и способствовало развитию социальной стратификации [Fagan 1995: 252–255].

Независимо от того, входят ли отдельные группы калифорнийских хок (как и пенути) в более крупные объединения, несомненно, что относимые (пусть условно) к хок народы жили здесь раньше, чем появились пенути. Что касается происхождения самих

хок, то по крайней мере часть из них (во всяком случае, помо, для которых вероятны языковые параллели с юма низовьев Колорадо [Campbell 1997: 127, 295]) могли быть связаны с массовым распространением в начале альтиермала, около 7000 л. н., терочных орудий, а также наконечников типа пинто с боковыми выемками у основания [Lathrap, Troike 1988b: 101–105; Meighan 1977: 236; Whistler 1988: 84–85; Willey 1971: 368–369]. Наиболее известная культура этого времени — южнокалифорнийская ла-холья [Fagan 1995: 228; Jennings 1968: 155]. В Калифорнию упомянутые орудия, по-видимому, проникли из южных районов Большого Бассейна. Эксплуатацией ресурсов морских побережий данные группы занимались в меньшей мере — возможно, из-за временного уменьшения продуктивности моря в связи с изменением теплового режима [Fagan 1995: 229]. Прародину тех же помо исследователи единодушно локализируют на некотором отдалении от океана.

Для чумаш связей с горизонтом Терочных орудий не намечается. Их культура надежно прослеживается до III в. н. э. (комплекс каналиньо) и, может быть, до 4000 л. н. (так называемая Охотничья культура [Lathrap, Troike 1988b: 130–132]), а далее предполагается культурный разрыв. В то же время некоторые традиции культуры чумаш тянутся едва ли не к периоду первоначального заселения данного ареала. Найденные в пещере Дейзи-Кейв на острове Сан-Мигель остатки веревок и плетеных изделий, относящихся ко времени 9000–8000 л. н., сделаны из волокон, скрученных Z-образно — как у чумаш. Жившие южнее габриэлино (юто-ацтеки така) скручивали волокна S-образно [Connolly et al. 1995: 315]. Подобного рода нефункциональные признаки считаются хорошим маркером для выявления этнических границ.

Каждый шаг в глубь времен в сопоставлении этноязыковых и археологических материалов уменьшает надежность реконструкций и требует огромных усилий. Проверить подобные гипотезы я, естественно, не в состоянии. Отмечу лишь обстоятельство, действительно важное для исследования. Языковые и археологические материалы не дают оснований предполагать, что Калифорния когда-либо в голоцене являлась конечным пунктом дальних миграций. В то же время она контактировала с пограничными ареалами — Плато и Большим Бассейном. Высокая этническая дробность при небольшой территории, занимаемой каждым этносом, не могли не привести к интенсивному обмену мифологическими мотивами между отдельными группами, независимо от их языковых и прочих особенностей. Выделенные в пределах Калифорнии мифологические кластеры имеют главным образом ареальную, а не языковую основу. К сожалению, у нас или мало, или вовсе нет данных по приморским мифологиям южной Калифорнии — костаньо, эсселен и салинан. В какой-то мере спасает ситуацию богато представленная

мифология чумаш — достаточно отличная от мифологий как йокуц, так и южнокалифорнийских така.

Юго-восточная часть Калифорнии к западу от чумаш и юго-западу от йокуц отличается большей этнической однородностью, нежели прочие ареалы. К началу испанской миссионерской колонизации XVII–XVIII вв. эту область занимали юто-ацтеки. Исключение составляла узкая полоса вдоль современной мексиканской границы, где начинается уходящий на юг и восток массив племен юма. Большинство калифорнийских юто-ацтеков (луизеньо, кауилья, габриэлино, серрано и пр.) образуют группу така, а живущие севернее тубатулабаль составляют отдельную ветвь.

Значительные этнические перемещения в Калифорнии, Большом Бассейне и на Юго-Западе были вызваны Средневековой климатической аномалией 800–1350 гг., когда стало теплее и суше [Jones et al. 1999]. На юге Калифорнии суровая засуха приходится на 1110–1250 и особенно на 1120–1150 гг. н. э. Экономика специализированных собирателей, основанная на сборе и длительном хранении продуктов, получаемых от единственного или немногих видов растений (в Калифорнии это были желуди, переработка которых трудоемка и неэффективна), особенно уязвима в периоды климатических изменений. В XII–XIII вв. многие калифорнийские поселения были покинуты. На костяках в погребениях этого времени обнаруживается гораздо больше следов насильственной смерти, нежели в предшествующий и последующий периоды. Это связывается с ростом демографической и социальной напряженности в период засухи и с переселением юма и така из внутренних районов к побережью [Jones et al. 1999:149–150].

Передвижения, однако, не были дальними. Предполагается, что именно южная Калифорния являлась прародиной юто-ацтеков. В более ранний период прото-юто-ацтеков могли потеснить йокуц [Lathrap, Troike 1988b: 106], но все равно речь идет о перемещениях в пределах данного ареала. Дальнейшая история главных юто-ацтекских групп связана, однако, уже с Юго-Западом, Мезоамерикой и Большим Бассейном.

Большой Бассейн ЭТНОЯЗЫКОВАЯ КАРТА

Несмотря на предполагаемую значительную древность расхождения (4000–5000 л. н.) и большое количество вовлеченных в классификацию языков, юто-ацтекская семья является одним из наиболее бесспорных лингвистических объединений Нового Света. Практически общепризнано, что она состоит из двух главных ветвей — юж-

ной и северной [Campbell 1997: 133–138] и что северная, в свою очередь, — из четырех подразделений. Это нума Большого Бассейна, упомянутые тубатулабаль, хопи Юго-Запада (Аризона) и така. Южная ветвь включает пима и папаго Аризоны и Соноры, а также языки Западной Мексики и Мезоамерики, которые удобнее рассмотреть позже. Группа нума делится на западную (павиоцо, баннук, северные пайют, моно), центральную (панаминт и шошони, включая ушедших на Равнины команчей) и южную (кавайису, юте, чемеуэви, южные пайют). Разделение прото-юто-ацтекского языка произошло в то время, когда соответствующая этническая группа не была знакома с земледелием [Miller 1984: 20].

Большим Бассейном принято называть обширный ареал бессточных котловин от южного Орегона до Аризоны и от калифорнийской Сьерра-Невады на западе до Юты на востоке. С историкокультурной точки зрения в тот же ареал входит и примыкающее к Большому Бассейну с востока плато Колорадо. В плейстоцене Большой Бассейн покрывали огромные пресноводные озера, но затем произошло иссушение климата. Как и во многих других аридных зонах, на жизнь обитателей Большого Бассейна стали оказывать влияние даже незначительные колебания в количестве осадков, а серьезные засухи имели катастрофические последствия. В голоцене с юга по Большому Бассейну начала распространяться сосна пиньон, семена которой превратились в важнейший продукт питания местных собирателей [Kelly 1997: 13]. Специфичные для индейцев Большого Бассейна мифы, повествующие о добывании пиньон, структурно аналогичны некоторым текстам об обретении культурных растений, записанным у земледельческих народов.

Недавняя доколумбова история Большого Бассейна и экологически близких сопредельных районов являет пример хозяйственного и культурного взлета, завершившегося практически полной утратой всех достижений и возвращением к древнему состоянию. Ранее самого конца I тыс. до н. э. здесь жили редкие группы охотников-собирателей, скорее всего прямые потомки раннеголоценовых обитателей этого региона. Дальнейшие (со II в. до н. э. и особенно с V в. н. э.) изменения хорошо прослеживаются на примере культурной общности фремонт на востоке собственно Большого Бассейна и на западе Колорадского плато [Kelly 1997; Madsen, Simms 1998].

В рамках традиции фремонт постепенно распространяются земледелие (кукуруза, фасоль, тыквы), оседлость (колоколовидные ямы-хранилища, полуземлянки, реже наземные постройки из глины и камня), лук и стрелы (пришедшие на смену копьеметалке), характерная серая (а примерно с 1000 г. расписная) керамика [Fagan 1995: 281], мелкая антропоморфная пластика, многочисленные терочные орудия, специфический способ плетения и, наконец, своеобразный стиль наскальных изображений (см. ниже о навахо). Большинство инноваций

пришло с юга, от культурной общности анасази на Юго-Западе (а в конечном счете, из Мезоамерики), но лук и стрелы — с севера (в конечном счете, из Сибири [Yoke 1998]). Расцвет приходится на вторую половину I — начало II тыс. н. э., когда в зону фремонт попадают не только Юта, но и юг Айдахо, восток Невады, юго-запад Вайоминга и северо-запад Колорадо. При этом распространение культурных черт мозаично, они присутствуют в разных сочетаниях, то пропадают, то появляются вновь. Предполагается, что люди фремонт легко переходили от собирательства и охоты к земледелию и обратно.

Похожие тенденции развития, выразившиеся в усилении оседлости, употреблении в строительстве глины и камня, увеличении плотности населения и (кроме крайнего северо-запада) в распространении земледелия и появлении керамики, наблюдаются и в других районах Большого Бассейна, а также в юго-западной части пустынной зоны, на Рио-Гранде (комплекс хорнада). С XII–XIII вв. начинается упадок фремонт и других однотипных с ним комплексов, завершившийся к XVI в. исчезновением этой традиции и возвращением к целиком присваивающему хозяйству [Upham 1994]. К приходу испанцев с земледелием были знакомы лишь южные пайют, занявшие территорию на юге Юты и юго-востоке Невады [Lyneis 1995: 233], которая ранее входила в ареал распространения культурной общности анасази, точнее ее периферийного варианта верджин (рис. 5).

Юто-ацтеки ветви нума расселялись в трех направлениях из небольшого района на юго-востоке Калифорнии [Kelly 1997]. Именно здесь локализованы поблизости друг от друга языки моно, панаминт и кавайису, которые принадлежат соответственно к трем группам нума (западной, центральной и южной), но занимают в каждой из них наиболее обособленное положение (рис. 4). Здесь же или поблизости локализованы и языки других юто-ацтекских ветвей (тубатулабаль, пима-папаго). Одно время считалось, что нума смели фремонт и прочие переходившие к земледелию и оседлости группы. Сейчас эта гипотеза оставлена, а культурно-хозяйственный кризис в Большом Бассейне, так же как и на соседнем Юго-Западе, объясняется, как уже говорилось, засухами эпохи Средневековой климатической аномалии. Хотя в Айдахо и Орегон нума вряд ли проникли ранее трех веков назад [Wright 1978], вполне допустимо, что некоторые их группы вышли из Калифорнии значительно раньше. Затем хозяйственные потрясения XII–XV вв. способствовали перемешиванию населения в пределах ареала, унификации этнической карты и исчезновению более древних языков. Часть людей фремонт, например, могла уйти в оазисы юга и слиться с хопи либо вообще говорила на языке хопи.

Мифологии нума в ряде отношений очень близки, подтверждая тесное языковое родство юте, шошони и северных пайют, но в других отношениях они существенно различаются. Это можно

объяснить как разным субстратом, так и влиянием со стороны весьма непохожих друг на друга соседей.

Помимо юто-ацтеков нума в пределах Большого Бассейна европейцы застали представителей еще двух языковых семей.

Крайний западный угол Невады и сопредельную часть Калифорнии занимали вашо, чей язык гипотетически включен в семью хок. Образом жизни вашо напоминали своих соседей пайют — таких же охотников-собирателей. Весьма вероятно, что до экспансии нума вашо занимали большую территорию, и что кроме них в пределах Большого Бассейна существовали другие такие же изолированные языки. В довольно плохо известной мифологии вашо есть мотивы, характерные как для Калифорнии, так и для Большого Бассейна.

На юге ареала в низовьях Колорадо располагался массив языков юма (рис. 4, 5). Их территория охватывала всю западно-центральную Аризону, крайний юг штата Калифорния и большую часть полуострова Калифорния, кроме ее южной оконечности. Наиболее своеобразен язык кочими Нижней Калифорнии. Остальные образуют четыре группы: 1) три близкородственных языка валапай, хавасупай, явапай, а также пайпай, 2) собственно юма, мохаве и марикопы, 3) кокопа и диегеньо (ипай, типай), 4) килива. По жившим в Нижней Калифорнии кочими и пайпай мифологических материалов практически нет, по килива их мало. Мифологии остальных юмаязычных этносов, входящих в группы (2) и (3), близки между собой, а мифологии валапай-хавасупай-явапай, напротив, отличны от них и во многом напоминают мифологии нума. Географическое распространение языков и анализ лексики позволяют предполагать, что языки юма были ответственны за разрушение юто-ацтекского единства и отделение северной ветви (нума, така, тубатулабаль) от южной (пима, папаго и др. [Fowler C. 1983]), однако направление подобной древней (III–II тыс. до н. э.?) миграции не ясно.

К моменту европейских контактов явапай-хавасупай-валапай были бродячими охотниками-собираателями, но их предки (археологические комплексы сербат, прескотт, кохонина) в период до засухи XIII в. занимались возделыванием растений [Upham 1994]. Основная часть юма, бывшая во второй половине I — начале II тыс. н. э. создателями традиции патаян низовьев Колорадо, сохранила навыки земледелия и позже.

ДРЕВНЕЙШИЕ НАХОДКИ

Проследить историю этнических групп ареала в период ранее появления керамики в I тыс. н. э. сложно. Мы вернемся к этому вопросу в связи с индейцами Юго-Запада, а сейчас обратимся к нижнему концу временной шкалы — эпохе первого появления человека в пределах Большого Бассейна.

Выделение этапов в древнейшей истории региона опирается главным образом на анализ типологии и материала каменных наконечников и на сопоставление полученных результатов с привязкой находок к элементам ландшафта [Beck, Jones 1997]. С высокой вероятностью следует, что желобчатые наконечники предшествуют другим типам, хотя не обязательно исчезают сразу после их появления, и что наименее друг с другом связаны ланцетовидные (желобчатые и нежелобчатые, с приостренным и с прямым основанием) и черешковые формы (линд-коули и др.). Многие типы наконечников в ареале Большого Бассейна те же, что и в ареале Плато.

Для Большого Бассейна известен десяток стоянок с материалами, датированными в пределах 11 950–10 900 л. н. [Willig 1996: 244–245]. На них найдены как желобчатые, так и — реже — другие наконечники (с вогнутым основанием, листовидный). В пещере Фишбоун в Неваде обнаружено погребение человека, завернутого в циновку из коры можжевельника и датированное 11 250–10 900 л. н.

В период вероятного преобладания черешковых наконечников следы деятельности человека в пределах Большого Бассейна появляются не только в долинах, но и на возвышенностях, свидетельствуя о поисках новых ресурсов. Появляются полулунные лезвия (видимо, использовавшиеся для охоты на водоплавающих птиц либо для резки тростника), сокращается мобильность. Примерно к 8000 л. н. окончательно исчезают полынные степи и высыхают болота. Начинается альтитермаль, приведший к существенной перестройке хозяйства и, скорее всего, к оттоку населения из подвергшихся опустыниванию районов. Такой отток мог быть направлен скорее в сторону Калифорнии, чем на восток, где охотники Великих Равнин сами столкнулись с аналогичной проблемой. Именно в это время как в Большом Бассейне, так и в Калифорнии (а также на Великих Равнинах) появляется уже упомянутый принципиально новый тип каменных наконечников пинто с узкими и глубокими боковыми выемками близ основания. Терочные орудия в это время делаются особенно многочисленными.

Учитывая более раннюю датировку классических кловисских наконечников в центральных и юго-восточных областях США, можно предположить, что Большой Бассейн первоначально заселялся с востока кловисцами. Два момента остаются непроясненными. Во-первых, как уже говорилось в связи с находками в ареале Плато, возникновение черешковых наконечников на основе кловисского прототипа не очевидно, а значит, их происхождение по сути дела не известно. Во-вторых, пока трудно сказать, насколько далеко на юг проникли потомки Раннеберингийской традиции, шедшие вдоль тихоокеанского побережья. Хотя аналогии аляскинской индустрии микронуклеусов и микропластин не прослеживаются далее Британской Колумбии, какое-то воздействие либо этот

культурный комплекс, либо гипотетический более ранний комплекс листовидных бифасов могли оказать на весь американский Запад.

В пустынных районах восточной Калифорнии встречаются нефигуративные петроглифы (ломаные линии, ряды точек), для которых получены даты $10\ 800 \pm 800$ и $11\ 500 \pm 2250$ л. н. [Whitley, Dorn 1987: 155]. Совпадение самых ранних дат с предполагаемым временем первого появления человека на западе США можно считать аргументом в пользу достоверности соответствующих результатов. Однако соседние петроглифы того же типа датированы голоценом, вплоть до этнографической современности, сам же метод определения абсолютного возраста по соотношению химических элементов в пустынном загаре пока недостаточно апробирован. Следует также учитывать, что один из авторов соответствующей публикации был позднее обвинен в использовании заведомо некорректной методики [Malakoff 1998].

Большой Юго-Запад

Засушливые области на юго-западе США в пределах Аризоны, Нью-Мексико и отчасти Юты, Колорадо и Техаса, а также сопредельные территории Мексики образуют историко-этнографический ареал Юго-Запада, или Большого Юго-Запада (см. рис. 5). К началу проникновения европейцев здесь жили три основные группы народов: во-первых, пуэбло, во-вторых, южные атапаски и, в-третьих, юма и юто-ацтеки группы сонора, а именно пима и папаго, которые уже были названы выше. Особняком находились сери — охотники-собиратели восточного побережья Калифорнийского залива.

Пуэбло, занимавшиеся орошаемым земледелием в оазисах и жившие в долговременных поселениях с домами из камня и глины, составляли ядро системы. При значительном сходстве культуры отдельные группы пуэбло резко различались в языковом отношении.

Самую западную составляли хопи (рис. 5Б), чей язык, как уже было сказано, образует особое подразделение в рамках северной ветви юто-ацтекской семьи. Основные данные по культуре хопи собраны в селениях Орайби и Вальпи. Юго-восточнее хопи, на границе Аризоны и Нью-Мексико жили зуньи, или зунни. Этот язык не только не имеет родственников, но даже сколько-нибудь правдоподобные гипотезы о его отдаленных связях выдвинуть не удастся [Ramer 1996].

Еще восточнее, уже в бассейне не Колорадо, а Рио-Гранде, локализованы керес и таньо (или тано). В отличие от хопи и зуньи, соответствующие группы представлены не одним, а многими диалек-

тами и языками. Керес включает сильно различающиеся западные (селения Акома и Лагуна) и восточные диалекты (селения Кочити, Сиа, Санто-Доминго, Санта-Ана, Сан-Фелипе, Пагуате, Сеама). Язык керес не обнаруживает явных родственников, хотя отдаленное сходство с кэддо (и конкретно с самой западной группой кэддо — вичита) не исключено (см. ниже в связи с Великими Равнинами и Юго-Востоком [Campbell 1997: 138]). Языки таньо, точнее кайова-таньо, делятся на четыре ветви, разделившиеся 2000–3000 л. н. [Campbell 1997: 139]. Представители одной из них, кайова, к началу европейских контактов обитали на севере Великих Равнин и к кругу культур пуэбло не принадлежали. Три другие группы — тева (селения Сан-Хуан, Санта-Клара, Сан-Ильдефонсо, Тесукэ, Намбэ), тива (селения Таос, Пикурис, Сандиа, Ислета) и това (селение Хемес), насколько можно судить, всегда были локализованы в верховьях Рио-Гранде. Языки самых восточных (пекос) и самых южных (пиро) пуэбло исчезли и плохо описаны, но их принадлежность к семье таньо несомненна. Гипотеза о близости юто-ацтекской и кайова-таноанской семей не имеет достаточных доказательств.

Между западными и восточными пуэбло прослеживаются определенные культурные отличия, касающиеся прежде всего социальной организации [Brandt 1994; Fox 1967], но также и ритуалов и мифологии. Граница между обоими подразделениями разделяет западных и восточных керес. В колониальный период часть тева переселилась на запад из Нью-Мексико в Аризону, основав на территории хопи селение Хано, однако к существенному культурному обмену между двумя этносами это не привело.

ЮГО-ЗАПАД ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ: ПРЕДКИ ПУЭБЛО, ЮМА, ПИМА И ПАПАГО

Юго-Запад входит в основной ареал распространения культуры кловис, а в Аризоне и Нью-Мексико находятся одни из важнейших и ранних по времени обнаружения памятников этой традиции — Блэквотер-Дро, Ленер, Нако, Сандиа и др. [Haugy et al. 1959; Jennings 1968: 75–89; Huckell 1982; Willey 1966: 37–42]. На восточной окраине Юго-Запада люди могли появиться еще 12 000 л. н., судя по датировке нижнего слоя скального навеса Бонфайер в юго-западном Техасе [Fagan 1995: 300]. Наконечники из пещеры Сандиа отличаются от собственно кловисских, хотя, по-видимому, одновременны им. Среди них есть два типа — с округлым и с прямым основанием.

В раннем и среднем голоцене Юго-Запад вряд ли существенно отличался по культуре от Большого Бассейна. Г. Уилли включил все культурные проявления этой эпохи в пределах Большого Бассейна, южной Калифорнии, Юго-Запада, Техаса, северной Мексики и частично Мезоамерики и Великих Равнин в рамки единой тради-

ции Пустынь [Willey 1966: 55–60, 181, 458]. Это заключение в принципе не оспаривается и сейчас. Материалы из верхнего слоя стоянки Ленер, перекрывающие основной, кловисский слой и датированные 9900–9800 л. н., хотя и маловыразительны, достаточны для того, чтобы свидетельствовать о резких отличиях от кловисской традиции [Huckell 1996: 328]. Такое отличие было бы особенно значимо, если бы архаические (по типу) материалы оказались синхронны палеоиндейским, свидетельствуя о разном происхождении их создателей. Пока вопрос остается открытым. Есть памятники, указывающие на возможность появления Архаической традиции (точнее, стадии салфер-спринг традиции кочиз) в период ранее 9000 л. н. и, следовательно, на частичную синхронность кочиз палеоиндейцам Великих Равнин и Востока США [Huckell 1996: 329]. Однако достоверных находок остатков плейстоценовой фауны с артефактами кочиз не обнаружено, что заставляет отвергнуть чересчур ранние даты (С. А. Васильев, личное сообщение, 2003).

На протяжении Архаического периода от раннего голоцена до появления керамики 2200–1500 л. н. на Юго-Западе сосуществуют несколько традиций (пинто, ошара, кочиз, чиуауа и др.), идентифицируемые главным образом по типам каменных наконечников [Fagan 1995: 296–298; Huckell 1996: 328–341]. Создатели всех этих традиций занимались в большей мере собирательством, чем охотой, и жили в составе мелких мобильных групп. Начиная со среднего этапа Архаического периода (4100–3000 л. н.) в регионе появляются памятники искусства — петроглифы, наскальные росписи, а также крайне своеобразные плоскостные, довольно натуралистически выполненные фигурки животных из расщепленных веточек. Такие фигурки находят в пещерах, удаленных от мест предполагаемых поселений. Вероятно, их использовали при совершении каких-то охотничьих ритуалов [Jett 1987; Huckell 1996: 342–343].

Во второй половине II тыс. до н. э. на Юго-Запад из Мезоамерики через северную Мексику проникают кукуруза и ее обычные спутники — тыквы и фасоль [Berry 1985]. Был ли переход к производящему хозяйству постепенным или, напротив, быстрым — вопрос спорный [Prencel 1990], но к рубежу эр, по крайней мере в ряде районов, разведение кукурузы уже стало важнейшей отраслью экономики. Об этом свидетельствуют как остатки кукурузы в копролитах, так и анализ коллагена, выделенного из костей в захоронениях [Matson, Chisholm 1991]. Анализ вероятных заимствований из языка, предкового для северной ветви юто-ацтеков, в язык прото-таньо показывает, что земледелие на Юго-Запад принесли именно юто-ацтеки [Hill 2000].

Благодаря появлению керамики с конца I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э. локальные традиции Большого Юго-Запада выделяются надежнее и четче, чем для более раннего времени. В истории

местных культур выделяются три главных этапа, хотя хронологические рамки этапов для отдельных традиций совпадают лишь приблизительно [Cordell 1984; Cordell, Plog 1979; Adler et al. 1996: 380–381].

На первом этапе (примерно от I–II до VIII в. н. э.) усиливается ареальная дифференциация культуры, возникают небольшие оседлые поселения, жилищами служат шалаши и землянки. На втором (VIII–X вв. н. э.) — размеры поселений увеличиваются, появляются долговременные наземные постройки. На третьем — возникают крупные поселения, иногда из многоэтажных домов-массивов, в ряде районов, по-видимому, формируются надобщинные политические структуры, распространяется фигуративное изобразительное искусство. С середины XII в., видимо, под воздействием серии засух, начинается оставление отдельных центров, а в середине XV в. рушится вся система культур пуэбло. Занятая ими территория сокращается до тех небольших анклавов, которые существуют и до сих пор.

АНАСАЗИ

Среди культур — предшественников современных пуэбло — наиболее значительна анасази, возникшая в начале — середине I тыс. н. э., по-видимому, на основе традиции охара [Fagan 1995: 297]. Ее главные центры располагались в области пересечения границ штатов Юта, Колорадо, Аризона и Нью-Мексико, а наиболее выдающиеся проявления связаны с каньоном Чако в Аризоне. Периферийные комплексы (верджин анасази) распространены вплоть до южной Юты и юго-восточной Невады включительно, уже в пределах Большого Бассейна [Lyneis 1995]. В пределах позднего анасази выделяются полтора десятка вариантов, различающихся особенностями архитектуры и орнаментации керамики. Предполагается, что эти варианты соответствуют отдельным этнополитическим общностям [Graves 1994]. Создателями анасази могли быть представители всех четырех основных языковых групп пуэбло, прежде всего, вероятно, таньо.

В Чако между 950 и 1300 гг. были построены два десятка многоэтажных каменных комплексов с жилыми комнатами и святилищами-кива [Lekson 1984]. Картографирование поселений разного размера показывает, что Чако являлся фокусом какой-то общности, занимавшей территорию поперечником 300 км с юга на север и 200 км с востока на запад [Neitzel 1994]. На основании данных по этнографии керес предполагается, что политическая организация Чако была теократической и многоступенчатой и что некоторые ее особенности могли возникнуть в результате контактов с Мезоамерикой [Miller 2001]. Второй по значению центр анасази, Меса-Верде, располагался на юго-западе Колорадо и пережил наивысший расцвет, когда Чако стал клониться к упадку [Plog 1983: 314].

Росписи на керамике анасази почти исключительно геометрические, преимущественно на внутренней поверхности мисок и снаружи горшков. Преобладают двуцветные (коричневый или черный по желтоватому или белому, редко — белый по красному), но встречаются и полихромные. Характерны повторяющиеся зигзагообразные и ступенчатые элементы, нередко выстроенные наклонно, что создает иллюзию кругового движения. В конце X в. на стенах святилищ (кива) анасази появляются полихромные росписи по сухой штукатурке. Самые ранние состоят преимущественно из простых линий и геометрических фигур. В конце XIII в. в Аризоне (Ауатови, Каваика-а) и в бассейне Рио-Гранде в Нью-Мексико (Поттери-Маунд, Куауа) распространяется фигуративная живопись [Smith, Ewing 1952]. Антропоморфные существа изображаются анфас (стоя) либо в профиль (стоя и сидя). Пропорции тел близки естественным. Некоторые росписи Ауатови отличаются сложным переплетением антропоморфных и геометрических элементов. Выделить на этих изображениях мотивы, сопоставимые с мотивами повествовательных текстов, к сожалению, не удается.

Засуха конца XIII в. привела к оставлению поселений в каньоне Чако и других северных оазисах и, по-видимому, к миграции на юг в долину Рио-Гранде [Hawley Ellis, Ellis Dodge 1989]. Поселения верджин анасази были покинуты еще раньше — во второй половине XII — начале XIII в. [Lyneis 1995: 232]. Остается неясным, ушли ли их обитатели на восток и юго-восток, смешавшись с другими группами анасази, или были ассимилированы южными пайют.

МОГОЛЬОН

К югу от анасази в северо-западной Мексике и сопредельных районах Нью-Мексико и Аризоны примерно к III в. н. э. возникает другая важнейшая традиция Юго-Запада — могольон, обнаруживающая преемственность сразу от двух докерамических традиций — кочиз и Юго-Восточной [Fagan 1995: 297–298]. Характерный для нее стиль красной росписи по коричневому фону сосудов появляется в середине I тыс. н. э. Первая нерасписная керамика, как и первые землянки на территории могольон, относится к I–II вв. до н. э. [Willey 1966: 184]. Многокомнатные наземные дома появляются лишь ок. 1000 г. н. э., видимо, под влиянием анасази. Могольон достигает расцвета в IX–XI вв., затем попадает в полосу кризиса и после временного подъема в XIII–XIV вв. окончательно угасает в период засухи XV в. Могольон не оставила прямых потомков, но, возможно, повлияла на культуру зуны.

Ок. 1200 г. в северо-западной Мексике (штат Чиуауа) на территории могольон возникает поселение Касас-Грандес, или Паки-мэ, — политическое образование с территорией поперечником

60–100 км, испытывавшее сильное влияние Мезоамерики [Plog 1997; Whalen, Minnis 2001]. Здесь сохранились руины многоэтажных жилых комплексов, платформы под храмы, площадки для ритуальной игры в мяч, найдены необычные для Юго-Запада изделия из меди и бирюзы [Epstein 1991: 481]. Предполагается, что Касас-Грандес представлял собой центр обмена и производства престижных ритуальных предметов и украшений. В частности, здесь могли выращивать попугаев ради их перьев [Minnis et al. 1993]. Хронология и оценка уровня политической интеграции Касас-Грандес спорны. Согласно последним данным, это объединение больше напоминало руководимые жрецами общины каньона Чако, чем город-государство мезоамериканского типа. Его максимальный расцвет приходится на 1300 г., а гибель — на 1450 г. [Whalen, Minnis 2001: 355–358].

В X–XI вв. в рамках могольон на юге Нью-Мексико развивается культура мимбрес, для которой характерны сюжетно-фигуративные росписи на керамике. Некоторые сцены сопоставимы с мотивами повествовательных текстов, в частности, кролик внутри лунного серпа [Brody 1980, fig. 163] и вытянувший шею журавль со стоящими на ней человеческими фигурками [Cunkle 2000, fig. 380]. Иконография мимбрес не имеет явных мезоамериканских прототипов и скорее напоминает прибрежную перуанскую, хотя никакой исторической связи здесь нет. Несмотря на то что люди мимбрес жили в глубине континента, они поддерживали контакты с побережьем Калифорнийского залива, о чем свидетельствуют многочисленные изображения морских рыб [Jett, Moyle 1986]. Под влиянием мимбрес на поздней керамике анасази (стиль сикьятки, XV–XVI вв.) тоже появляются изображения людей и животных. Они выполнены черным и коричневым по светло-желтому фону [Arnold 1982: 95–96; Fane et al. 1991, fig. 11] и выглядят неумелыми подражаниями росписям мимбрес, а в некоторых случаях прямо копируют их [Brody 1980, figs. 54, 55]. Искусство мимбрес могло также содействовать распространению зоо- и антропоморфных образов в настенной живописи анасази.

ХОХОКАМ, ПАТАЯН

Третья крупная традиция Большого Юго-Запада, хохокам, на поздних этапах отличается от анасази и могольон больше, чем те друг от друга, но вначале, по-видимому, была близка могольон и развивалась на основе той же, что и могольон, докерамической традиции — кочиз [Fagan 1995: 298]. Специалисты единодушно считают создателей хохокам юто-ацтеками — либо предками пима и папаго, либо людьми, говорившими на каком-то близком к пима исчезнувшем языке.

Основные центры хохокам находились на юге Аризоны в бассейне реки Хила. Культурные особенности этой традиции становятся заметны с III в. н. э. [Cordell 1984: 307], хотя, возможно,

зарождаются еще в последних веках до н. э. [Coe et al. 1986: 69]. Расцвет хохокам приходится на XII–XV вв. н. э. [Bauman 2001]. В отличие от анасази и могольон, где сколько-нибудь значительная ирригация не практиковалась, хозяйство хохокам было основано на орошаемой земледелии с использованием мартовско-апрельского (снегового) и августовского (дождевого) паводков для получения двух урожаев. Охота имела небольшое значение. Созданная хохокам оросительная система частично сохраняется до сих пор. Наиболее известное поселение, Снейктаун, состояло из сотни квадратных (позже овальных) домов, крыши каждого из которых поддерживали четыре столба, а стены были сделаны из глины с тростником. Многокомнатных домов-массивов здесь нет. Мертвых чаще кремировали, пепел захоранивали в урнах внутри жилищ или рядом с ними. В случаях труположения замечательно отсутствие на костях каких-либо травм, указывающих на вооруженные конфликты [Fish, Fish 1989: 125].

В хохокам сильнее, чем в других традициях Юго-Запада, ощущается мезоамериканское влияние — возможно, благодаря языковой близости к индейцам северо-западной Мексики. В частности, здесь известны площадки мезоамериканской планировки для игры в мяч, находки каучуковых мячей, а также медных бубенчиков, привезенных из Мексики. Различия в типах поселений предполагают сложность политического устройства, а отсутствие укреплений — мирные условия жизни. Углубленные, с возвышениями по краям, площадки длиной до 120 м найдены в более крупных центрах. После 1150 г. вместо площадок для игры в мяч появляются прямоугольные храмовые земляные платформы до 30 м длиной [Fish, Fish 1994]. Для хохокам характерна красно-коричневая керамика с нанесенными красной краской геометрическими и повторяющимися биоморфными изображениями, чаще всего фигурками птиц. Засуха в середине XV в. н. э. и, возможно, нападения охотников-собирателей апачей привели к разрушению хохокам. Расписная керамика, общественная архитектура, ирригационные сооружения исчезают. Не исключено, что непосредственные создатели традиции хохокам были поглощены периферийными группами, археологически известными как традиция «пустынной хохокам», и что именно потомками этих групп являются нынешние пима и папаго.

С запада культура хохокам граничила с культурой патаян (она же хакатая), очевидно, оставленной предками юма низовьев Колорадо. В некоторых отношениях обе традиции близки, особенно на ранних этапах, когда в период между 100 г. до н. э. и 600 г. н. э. одна и та же неорнаментированная керамика была распространена как в низовьях Колорадо, так и дальше на юго-восток [Willey 1966: 230]. Небольшие керамические женские статуэтки патаян и хохокам одинаково схематичны: конечности не выделены или слабо выделены,

лицо занимает около трети фигуры [Koerper, Hedges 1996]. В отличие от хохокам, патаян до самого конца остается примерно на той стадии социоэкономического развития, которую основные традиции Юго-Запада миновали в середине I тыс. н. э. Степень преемственности от патаян к докерамической традиции пинто (южная Калифорния — западная Аризона [Fagan 1995: 296]) не исследована.

Смешанный культурный вариант синагуа сформировался в третьей четверти I тыс. н. э. в центральной Аризоне, где после вулканического извержения и выпадения плодородного пепла возникли благоприятные условия для занятия земледелием [Coe et al. 1986: 70]. Первоначальная основа синагуа восходит к патаян; затем на нее наложились влияния анасази и хохокам [Willey 1966: 235]. В начале XIV в. люди синагуа ушли на основную территорию хохокам, создав вариант саладо. Для него характерна трехцветная керамика, которую клали с покойниками, не кремируя их, а также одно- и многоэтажные постройки из необожженного кирпича. Интенсивный культурный обмен происходил также между могольон и хохокам.

ЮЖНЫЕ АТАПАСКИ

Ко времени появления европейцев оседло-земледельческие общины пуэбло можно уподобить островам в море охотников-собирателей, говоривших на атапаскских языках — навахо и апачей. Точное время появления атапасков далеко к югу от их основной территории не установлено, поскольку на Юго-Западе их несомненные следы, относящиеся к доколумбовому периоду, археологически с уверенностью не выделяются. По оценкам лингвистов, южные атапаски отделились от северных около 1000 л. н. [Campbell 1997: 112; Perry 1980]. Скорее всего, навахо и апачи воспользовались уходом пуэбло с большинства своих территорий вследствие засухи XV в., хотя их вторжение могло еще больше усугубить кризис. В XVI–XVII вв. навахо и до известной степени западные апачи заимствовали от пуэбло земледелие, а в конце XVII–XVIII вв. также и употребление камня в строительстве и технику изготовления полихромной керамики [Willey 1966: 233–234]. Однако главной отраслью хозяйства с этих пор становится не столько земледелие, сколько овцеводство, заимствованное от испанцев.

Несмотря на серьезные различия между южными атапасками и пуэбло в сферах социальной организации и религии (атапаскские ритуалы предназначены для излечения от болезней, а не для вызывания дождя), мифология и изобразительное искусство южных атапасков вообще и навахо в особенности близки традициям пуэбло. Кроме того, навахо, западные апачи и чирикауа удивительно точно «вписались» в тот ареал, который пуэбло занимали к 1300 г. н. э. (рис. 5).

Объяснение культурной близости южных атапасков и пуэбло следует, возможно, искать на периферии региона, точнее, в сопредельной с Юго-Западом части региона Великих Равнин в Колорадо, Техасе и Оклахоме. Наряду с подвижными охотниками-собираателями здесь издавна были представлены относительно оседлые группы. С начала Архаики в Колорадо встречаются постройки из обмазанных глиной растительных материалов (Wattle-and-daub), для других районов Равнин совершенно нехарактерные. В I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. местная культура близка предковой для пуэбло культуре корзинщиков, хотя следов земледелия не обнаружено. В конце этого периода здесь появляются круглые в плане дома, сложенные из камней без раствора. Комплекс энтилоуп-крик на северо-западе Техаса (XIII–XV вв. н. э.) включает оседло-земледельческие поселки из примыкающих друг к другу прямоугольных домов, стены которых сложены из каменных плит [Bell, Brooks 2001: 213–216]. Керамика связана с традициями востока США, но есть и импортная посуда пуэбло. Оставление подобных поселений во второй половине XV в. и вероятное превращение их обитателей в обычных для Равнин охотников на бизонов есть один из частных эпизодов общего коллапса Большого Юго-Запада.

Еще Ф. Боас более ста лет назад указывал на внешнее сходство южных атапасков с пуэбло и их несходство с северными атапасками как на классический пример независимости расы от языка [Boas 1940: 153]. Генетические исследования подтвердили, что навахо и апачи близки в этом отношении не своим языковым родственникам в Канаде, а пуэбло [Cavalli-Sforza et al. 1994: 323–324, figs. 6.9.2, 6.10.1, 6.10.2]. Если южные атапаски просто заимствовали новые элементы культуры от обитателей Орайби, Лагуны или Ислеты, но сохраняли свою обособленность, столь глубокая и быстрая ассимиляция необъяснима. Возможно, мигрировавшие на юг численно незначительные группы атапасков были поглощены теми «пуэблоидными» группами Техаса и Оклахомы, которые имели общие с классическими пуэбло традиции духовной культуры и генотип, в прошлом являлись оседлыми земледельцами, но к моменту появления предков апачей и навахо перешли к охоте и собирательству. Распространение среди таких групп языка пришельцев, издавна практиковавших именно эти формы хозяйства, не выглядит удивительным.

Искусство южных атапасков и Юго-Запада в целом заслуживает особого внимания. У навахо оно представлено прежде всего полихромными изображениями из цветного песка и других пигментов на полу ритуальной постройки доган [Brody 1974], а у апачей — полихромной живописью на коже. В отношении цветов, пропорций фигур, композиции параллели этим рисункам

обнаруживаются не в орнаментации сосудов пуэбло, а в сухой живописи на полах святилищ и в росписях на деревянных и кожаных ритуальных щитах, особенно у зуны.

Поскольку сухая живопись эфемерна, проследить ее истоки далеко в глубь времен в пределах центральных районов Юго-Запада не удастся. Наличие аналогий далеко за пределами ареала пуэбло указывает на то, что эта традиция может быть весьма древней и распространенной шире, чем это кажется, если изучать одну лишь керамику. Прежде всего речь идет о полихромных наскальных росписях пекос на юге Техаса и в сопредельном районе Мексики. Ранние полихромные изображения пекос, видимо, датируются 4000 л. н. [Boyd 1996; Fagan 1995: 300–301; Grieder 1966; Kelly 1974]. На них обычно выделяется вытянутая, как бы вырастающая из земли схематичная человеческая фигура с распростертыми руками. Она либо располагается по оси какой-то космологической (?) композиции, либо сопровождает сцены рыбной ловли и охоты на оленей. Тонкие вытянутые туловища и расставленные руки фигур напоминают как сухую живопись навахо, так и наскальные росписи Юты, относимые к культуре фремонт [Fagan 1995: 282]. Параллели заметны также на росписи XVIII в., приписываемой индейцам иллиной, которая покрывает накидку из шкуры бизона и происходит из области Прерий [Феест 1985, рис. 70]. Более общие параллели искусству навахо встречаются вплоть до Мезоамерики и Перу. Это обрамление композиции сверху и по сторонам вытянутой аркообразной фигурой, а также изображения стоящего анфас персонажа с разведенными руками и подвешенными к ним предметами.

Навахо сперва заняли земли на севере Юго-Запада, а в конце XVIII в. сместились на запад, окружив кольцом территорию хопи [Page 1982: 610–611]. Западные апачи локализованы между хопи на севере и пима на юге и граничат на западе с юма (хавасупай и явапай). Кроме этих двух групп атапасков в пределах Юго-Запада находятся еще три — хикарилья, мескалери и чирикауа, занимающие восток и юг ареала. Эти группы подверглись меньшему влиянию пуэбло, но различия касаются главным образом образа жизни и типа хозяйства при значительном сходстве мифологии. Это означает, что характерный для Юго-Запада комплекс мифологических мотивов был заимствован атапасками в начале их проникновения в регион, до разделения на отдельные диалектные группы. Несколько иначе обстоит дело с апачами липан, расселившимися на юге Техаса (рис. 6). Хотя и у них встречаются типичные «юго-западные» мотивы, липан обнаруживают и связи с индейцами Великих Равнин. Что-то они могли заимствовать также от местных племен Техаса и северо-западной Мексики, о которых известно мало.

ЮГО-ЗАПАД: ОСНОВНЫЕ ВНЕШНИЕ СВЯЗИ

Подводя итог обзору вероятных культурных взаимодействий древнего Юго-Запада с соседними областями, можно предположить, что этот регион был первоначально заселен кловисцами и что в самом начале голоцена здесь могла произойти смена населения. Далее культура долгое время развивалась на местной основе. Имеющиеся материалы не позволяют уловить каких-то существенных внешних воздействий, определивших переход от ранней Архаической традиции к памятникам среднего голоцена, а от них — к культурам круга пуэбло. О том же свидетельствует сохранение на Юго-Западе столь изолированного языка, каким является зуны.

Распространение земледелия в начале I тыс. до н. э. свидетельствует о контактах с Мезоамерикой, обусловленных двумя обстоятельствами. Во-первых, культуры обоих регионов формировались на основе одной и той же «традиции Пустынь», т. е. в период раннего и среднего голоцена они были сходны в социально-хозяйственном отношении. Здесь обитали небольшие группы собирателей и охотников, употреблявших двусторонне обработанные наконечники из камня кремнистых пород. Во-вторых, оазисы Юго-Запада соединены с Мезоамерикой узкой, но сплошной полосой пригодных для земледелия территорий, тянущейся через гористые области на северо-западе Мексики [Reff 1991: 17–99]. С появлением в Мексике кукурузы этот знак раньше или позже не мог не проникнуть в регион Юго-Запада. Это произошло не позже I тыс. до н. э., и с этого времени мезоамериканские связи усиливаются. Они особенно заметны для традиции хохокам, непосредственно граничившей с мезоамериканской периферией, и отчасти для могольон.

На основе изучения типов наконечников (появление черешковых форм) предложена также гипотеза о переселении на Юго-Запад из Мезоамерики каких-то групп населения около 4500 л. н., когда количество осадков на севере увеличилось и условия жизни в засушливых областях стали более благоприятны [Fagan 1995: 299].

Среди главных традиций Юго-Запада I — начала II тыс. н. э. хохокам (видимо, предки пима и папаго) ближе к патаян (предки юма), а анасази — к могольон (те и другие — предки пуэбло, повлиявшие также на культуру навахо и апачей). Эта группировка культур соответствует данным мифологии: наборы мотивов у пима, папаго и юма близки, отличаясь от соответствующих наборов у всех пуэбло и окружающих их южных атапасков. Исключение составляют три юмаязычные группы — хавасупай, явапай и валапай, чьи мифологии во многих отношениях стоят ближе мифологиям нума (шошони, пайют) Большого Бассейна, чем к другим мифологиям Юго-Запада.

Хотя все этнографически известные культуры пуэбло сложились на более или менее единой основе (традиция анасази), восточные

пуэбло оказались затем в большей мере, чем западные, подвержены влияниям со стороны Великих Равнин — может быть, через посредство апачей. Во всяком случае, в их мифологиях лучше представлены мотивы, характерные преимущественно для индейцев Равнин.

В связи с Юго-Западом нам осталось упомянуть сери в мексиканском штате Сонора, занимавшихся собирательством и охотой на побережье Калифорнийского залива. Большинство лингвистов признают родство языка сери с юма. Аргументы в пользу этого не теряют своей силы, даже если гипотеза о существовании семьи хок в целом будет отвергнута [Campbell 1997: 160]. Материалов по мифологии сери мало, но то, что известно, позволяет с равным основанием включить эту группу в один кластер как с юма, так и с пима и папаго.

Великие Равнины

Равнины — самый обширный среди североамериканских историко-культурных ареалов, протянувшийся от границ тайги в центральной Альберте и Саскачеване до тexasских субтропиков и от Скалистых гор до Иллинойса. Расположение отдельных районов по линии север — юг (более чем 3000 км) определяет огромные различия в зимних температурах, а по линии восток — запад — в количестве осадков. Объединяющими признаками являются преимущественно равнинный с отдельными гористыми участками открытый ландшафт (редколесья, лесостепи, степи, полупустыни), а также особенности местной фауны. Хотя бизоны не были единственным объектом охоты, а численность стад колебалась по периодам и районам, именно изобилие этих животных неизменно определяло хозяйственную специфику Равнин.

Как особая природная зона Равнины сформировались в раннем голоцене примерно 10 000 л. н. Наименее определена восточная граница ареала, где участки высокотравных прерий на водоразделах и смешанных лесов по долинам рек расположены чересполосно. Восточная область Равнин выделяется в особый субареал — Прерии, более обильный ресурсами, чем западная область — Высокие Равнины. От последних мало отличаются по природным условиям некоторые котловины и плато в пределах Скалистых гор, относящиеся уже к ареалу Большого Бассейна.

С точки зрения культурогенеза Равнины долгое время занимали периферийное положение в пределах североамериканского континента. Изменения климата сказывались здесь на жизни людей особенно сильно, поскольку увеличение или уменьшение количества осадков приводило к резкому смещению природных зон. Так, в конце I тыс. н. э. с наступлением теплого и влажного времени (ви-

кинги воспользовались им для плаваний к Ньюфаундленду и Лабрадору) восток и юг ареала оказались втянутыми в процесс становления производящей экономики и усложнения социальных структур, хотя прямые импульсы Миссисипской цивилизации сюда и не доходили. Однако как только в XV в. количество осадков сократилось, земледелие снова утратило свои позиции и началось почти повсеместное возвращение к охоте на бизонов как основному роду занятий. Климатические изменения не были безразличны и для ранних охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществ. Альтитермаль на Равнинах оказался не климатическим оптимумом, как в большинстве регионов планеты, но эпохой катастрофической аридизации [Dyck, Morlan 2001: 117; Frison 2001: 133–134; Vehik 2001: 148–149]. Оскудение пастбищ привело к сокращению поголовья копытных и, соответственно, — населения. Между 7500 и 4500 л. н. в пределах Равнин обживались лишь небольшие территории, где по тем или иным причинам увлажненность не упала ниже критического уровня. На слабость трансареальных связей в это время указывает разнообразие местных типов каменных орудий.

Начало альтитермаля в Северной Америке совпадает с началом эпохи Архаики. Ее маркером служит смена господствующих типов кремневых наконечников. Как уже говорилось в разделе о Калифорнии, вместо ланцетовидных появляются подтреугольные, имеющие с обеих сторон по выемке в нижней части — с боков или по углам. Эта смена коснулась всех территорий от Атлантики до Тихого океана, но точная синхронизация отдельных локальных эпизодов пока неосуществима. Другая тенденция, характерная для Архаики, — распространение терочных камней для обработки растительных продуктов. Начало данных процессов относится ко времени около 7500 л. н.

Нет оснований считать, что наступление и окончание альтитермаля сопровождались кардинальными изменениями языковой карты. Вместе с тем мы не знаем, представители каких языковых семей могли здесь жить ранее I тыс. до н. э. Почти все известные нам народы Равнин (по языку атапаски, юто-ацтеки, алгонкины, сиу и кэддо) проникли сюда гораздо позже, некоторые уже после Колумба. Исключение, вероятно, составляют тонкава в Техасе и, возможно, кайова. Как уже было сказано, язык кайова родственен языкам тива, тева и других индейцев пуэбло на Рио-Гранде, но непосредственные предки кайова недавно переселились на юг Равнин из северо-западного Вайоминга. Где находилась прародина кайоватаньо, не установлено.

Время, синхронное эпохе викингов в Северной Америке, было климатически благоприятным. В VIII–XIX вв. н. э. на востоке Равнин, а именно на средней Миссури и ее притоке Платте, появляются оседло-земледельческие поселения [Wedel 2001; Wood 2001].

Земледельческая колонизация затрагивает и юг ареала [Bell, Brooks 2001]. Этот процесс был, скорее всего, обусловлен демографическим взрывом на Юго-Востоке США после проникновения туда (из Мексики и, может быть, из Южной Америки) высокоурожайных сортов кукурузы. Внедрившиеся с востока по долинам рек земледельцы говорили на кэддо (вичита, пауни, китцаи, арикара), а также на сиу, точнее на языках этой семьи кроу-хидатса и мандан, которые раньше других отделились от основного ствола (характерно, что у кроу память о далеких переселениях не сохранилась). Прародина сиу находилась в бассейне Огайо, о чем свидетельствуют как маршруты миграций отдельных племен, так и родство протосиу и языка катамба в Каролине. Кэддо распространились с низовьев Миссисипи.

Поселения земледельцев, начиная с XV в. в ряде случаев укрепленные, располагались в поймах главных рек. Жилища представляли собой землянки поперечником от 10–15 до 20 м, чаще прямоугольные, реже круглые. Их крытая дерном крыша опиралась на столбы. Подобный тип дома заставляет вспомнить о северных атапасках и эскимосах, но в ареале Равнин свидетельствует о восточных связях.

В последние века до появления европейцев на Равнины из районов к западу от озера Мичиган переселились три новые группировки сиу: дакота, или собственно сиу (ассинибойн-стоуни, лакота, они же тетон, янктон-янктонаи, санти), чивере (айова, ото, миссури) и дегиха (омаха-понка, канза, осэдж). Большинство из перечисленных групп к периоду европейских контактов утратили навыки земледелия (если имели их раньше), остальные занимались им мало. Несколько позже из района к западу от озера Верхнего продвинулись шейены — охотники-собиратели, по языку алгонкины. Выйдя из лесов в степи, они перешли к специализированной охоте на бизонов и научились от индейцев средней Миссури некоторым навыкам огородничества. Вместе с кри и оджибва шейены оттеснили на юг и запад те алгонкинские группы (черноногих, гровантр и арапахо), которые проникли в ареал раньше них. Чивере (вместе с родственными им, но оставшимися на Среднем Западе виннебаго) считаются потомками создателей культуры онеота, сформировавшейся в X в. в центральном Висконсине близ условной восточной границы ареала Равнин (см. ниже о миссисипской периферии). Ее создатели сеяли кукурузу, но присваивающие отрасли могли играть в их хозяйстве не меньшую роль. Что касается кэддо, то их самая северная группа, арикара, вышла на Миссури и образовала единую культурную общность с мандан и хидатса. К XIX в. арикара даже в неурожайные годы обеспечивали себя земледельческими продуктами, а обычно еще и выменивали кукурузу на мясо и шкуры бизонов. Вичита же и пауни после появления лошади от земледелия почти отказались.

Кризис земледелия на Равнинах начинается в XIII–XIV вв., в период засухи. В XVI в. после заимствования от европейцев лошади значение земледелия падает еще больше и в регионе складывается новый для американского континента культурно-хозяйственный тип конных охотников, а вместе с ним и та этноязыковая карта, которую застали здесь европейцы и которую в наибольшей степени определяли сиу, алгонкины и кэддо.

Сиу ко времени контактов с европейцами образовали сплошной этнический массив, протянувшийся от низовьев Миссисипи до южной Канады и включавший ветви дакота, дегиха и чивере, а также более отличные по культуре и языку кроу на северо-западе региона и мандан на Миссури. Алгонкины жили по северо-западной (гровантр, черноногие), северной (степные кри и степные оджибва) и западной (шейены, арапахо) периферии Равнин. Кэддо были представлены на юге (вичита) и в центре (пауни, арикара). Кайова располагались между пауни и вичита, к юго-западу от них, гранича с апачами (конкретнее — с мескалоро и хикарилья), находились команчи, недавно отделившиеся от шошони Большого Бассейна. Особая группа апачей кочевала вместе с кайова. Другая атапаскская группа, сарси, занимала крайний северо-западный угол Равнин и находилась в тесном контакте с черноногими.

По культуре этнографически известные народы Равнин можно разделить на следующие категории [Beckwith 1938; Сое et al. 1986: 65; DeMallie 2001].

1. Хидатса, мандан и арикара, поселившиеся вдоль Миссури на границе Южной и Северной Дакоты, единственными в регионе сохранили преимущественно земледельческую экономику и образовали союз, направленный против дакота [Wood 1967: 3, 9].

2. Остальные сиу, а также шейены (алгонкины) и пауни (кэддо) перешли от оседлой жизни вдоль речных пойм к подвижной конной охоте, однако навыки земледелия чаще всего сохраняли.

3. Вичита, подобно сиу, в основном перешли от земледелия к конной охоте, но исторически были теснее, чем сиу, связаны с миссисипской цивилизацией (о ней ниже).

4. Кайова, по-видимому, представляли собой остатки коренного доземледельческого населения Равнин.

5. Черноногие, гровантр, арапахо, апачи, команчи были в прошлом расселены к северу и к западу от региона Равнин, занимались охотой и собирательством и никогда не имели навыков земледелия.

6. Степные оджибва и кри позже других проникли на Равнины и сохраняли многие культурные традиции, характерные для лесных алгонкинов Среднего Запада (в том числе оджибва — навыки земледелия). Оказавшись в пределах Равнин, они сперва воевали с ассинибойн, а затем вступили с ними в тесный союз, что привело к вражде между ассинибойн и дакота [DeMallie, Miller 2001; Skinner 1914:

317–318]. Все это отразилось и на фольклоре ассинибойн, который к началу XX в. (когда он был зафиксирован) оказался сильно отличным от фольклора дакота.

7. Тонкава, как и соседние, но хуже известные племена юго-западного Техаса и северо-восточной Мексики, скорее всего, практиковали элементарное земледелие на протяжении многих столетий. Однако в ареале, где дожди выпадают редко и, главное, нерегулярно, эта отрасль не могла стать основой хозяйства и тем более конкурировать с конной охотой.

Если говорить о наборах мифологических мотивов, то наиболее существенные расхождения прослеживаются между югом и севером Равнин. При этом мифологии севера наиболее сходны с мифологиями индейцев Среднего Запада. Похоже, что именно область к западу и юго-западу от Великих озер была «эндемичной» зоной для носителей соответствующих мотивов. Эти группы людей то проникали в пределы Равнин, то — в периоды засухи — откатывались назад.

Восток — Юго-Восток США

Историко-культурный регион Восток США имеет довольно расплывчатые границы. В общем и целом он соответствует флористической зоне листопадных лесов, поэтому на западе соответствующие культурные комплексы далеко проникали в степь по долинам рек и отступали на водоразделах. Северная граница неопределенна по другой причине. Для раннего голоцена, а также для конца I тыс. н. э. и вплоть до эпохи европейских контактов целесообразно выделять особую историко-культурную область Северо-Востока, включающую районы вокруг Великих озер, Новую Англию, Новую Шотландию. Этнической карты этой области мы уже касались. Для других периодов весь Восток (в том числе Средний Запад и Северо-Восток) лучше рассматривать как единую культурно-хозяйственную область.

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ КАРТА КО ВРЕМЕНИ ЕВРОПЕЙСКИХ КОНТАКТОВ

Центральные и северные области Востока были в основном населены народами тех языковых семей, которые упоминались при описании Равнин и восточной Субарктики, — алгонкинами, ирокезами, сиу (см. рис. 6).

Алгонкины на Востоке США представлены тремя ареальными группами. Приатлантическая занимала территории между морем и Аппалачами от Северной Каролины и далее до самой Новой Шот-

ландии. Все местные языки близкородственны и входят в ту же восточноалгонкинскую ветвь, что микмак и пенобскот [Campbell 1997: 153]. Рядом с алгонкинами, но чуть дальше от моря располагались и некоторые ирокезы — тускарора и сусквеханнок.

Вторая алгонкинская группировка представлена языками Среднего Запада, распадающимися на четыре отдельные ветви: меномини Висконсина, майями и иллиной Индианы и Иллинойса, а также фокс (включая саук и кикапу) и потауатоми Мичигана. Шони, представители третьей группы, располагались в бассейне Огайо в отрыве от остальных племен, хотя в прошлом, по-видимому, интенсивно контактировали с ленапе (делаварами). Если судить по мифологии шони, к концу своего независимого существования они оказались гораздо теснее связаны с народами Юго-Востока, чем с алгонкинами Великих озер или Северо-Востока.

Из перечисленных групп мифологические материалы по майями и иллиной слишком незначительны, чтобы их можно было статистически сопоставить с другими традициями. Среди приатлантических групп к югу от Новой Англии данные есть только по ленапе.

Южные ирокезы, т. е. чироки, жили, как уже говорилось, в верховьях реки Теннесси (плато Камберленд) от северной Джорджии до юга Западной Виргинии. Сиу, как и алгонкины, занимали несколько разрозненных ареалов. Катавба располагались в Южной и Северной Каролине к югу от тускарора и приатлантических алгонкинов на территории от Аппалачей до моря. В пределах семьи сиу язык катавба наиболее удален от остальных [Campbell 1997: 140–141]. В том же районе говорили, по-видимому, на нескольких родственных ему языках, исчезнувших к XIX в. Отделение катавба от сиу ориентировочно произошло 4000 л. н., а разделение остальных ветвей сиу — 3000 л. н. [Campbell 1997: 142]. В языках сиу, ирокезских и кэддо есть общие элементы. Свидетельствуют ли они об отдаленном родстве или о долгих контактах, не ясно, но в любом случае являются доводом в пользу расположения прародины сиу-катавба где-то на востоке США [Campbell 1997: 262–269].

К северу от катавба, в Виргинии, господствовал язык тутело, также образующий особую ветвь сиу, обособившуюся позже катавба и кроу, но раньше, чем отдельные группы сиу Великих Равнин друг от друга. Наиболее близки к тутело не катавба, а два языка, на которых говорили сиу штата Миссисипи — билокси у побережья Мексиканского залива и офо (не путать с ото) на реке Язу. Существенные мифологические материалы собраны только по билокси и катавба. О населении бассейна Огайо в источниках колониального времени надежных сведений нет. Вполне вероятно, что в основном это были именно сиу, родственные либо тутело, либо катавба.

Виннебаго Висконсина, жившие на северо-востоке региона между меномини и иллиной, в языковом отношении ближе всего к сиу Великих Равнин, точнее к ветви чивере. От айова, миссури и ото они отстоят немного дальше, чем те друг от друга [Cambell 1997: 141]. Что же касается мифологии, то здесь виннебаго больше похожи не на сиу Равнин, а на соседних алгонкинов — меномини и даже канадских оджибва. Последняя группа сиу, которую надо упомянуть в данном разделе, — квопо, жившие на Миссисипи в пределах восточного Арканзаса. Язык квопо относится к ветви дегиха, куда входит и соседний с квопо язык осэдж. Данные о мифологии квопо незначительны, но позволяют включить их в один кластер с осэдж.

Основное население Юго-Востока составляли мускоги, делившиеся на западную (чоктав и чикасо) и восточную (коасати, алабама, хичити, крики) группировки. Этнографические сведения о прибрежных мускогах, таких как апалачи, гуале или кусабо, крайне отрывочны, а их мифологии вообще не известны. К юго-западу от мускогов на нижней Миссисипи и у побережья Мексиканского залива зафиксированы четыре изолированных языка, родственные связи которых (друг с другом, с мускогами или с кем-то еще) дискуссионны. Это туника, натчез, атакапа и читимача. Среди возможных языковых родственников туника и атакапа лингвисты называют ючи — западных соседей чироки в Теннесси и Кентукки. Ючи представляют собой единственный лингвистический изолят во внутриконтинентальных районах востока и центра Северной Америки. Это не значит, конечно, что другие языки, не родственные алгонкинам, сиу и ирокезам, не могли быть здесь представлены в прошлом.

Нам осталось назвать два языка во Флориде — тимукуа на севере и калуза на юге. Ни лингвистических, ни мифологических материалов по калуза нет. Мифы тимукуа также не известны, а язык считается изолированным, несмотря на многократные попытки сопоставить его с языками Южной Америки, в частности с аравакскими (например: [Swadesh 1964: 548]) и языком варрау устья Ориноко. Следует напомнить, что семинолы, широко известные благодаря роману Майн Рида, не имели отношения к коренным обитателям Флориды и являлись недавно попавшей туда группой криков.

На западной окраине Юго-Востока (юго-западный Арканзас, северо-западная Луизиана, а также сопредельные районы Техаса и Оклахомы) жили кэддо, т. е. кэддо собственно. Их язык более своеобразен, чем языки остальных членов этой семьи — вичита, пауни и арикара [Campbell 1997: 142], но культурная граница между кэддо и вичита достаточно зыбкая. В мифологии кэддо встречаются в примерно равной пропорции мотивы, типичные для Юго-Востока и для Равнин. В отличие от вичита, кэддо после появления лошади остались в основном земледельцами и не превратились в специализированных охотников на бизонов.

С точки зрения мифологии регион Востока делится на южную и северную половины.

Южные мифологии представлены традициями шони, ючи, чироки, катамба, мускогов, натчез, читимача, атакапа, туника, билокси и кэддо. В двух последних заметны связи с мифологиями индейцев Равнин, а у шони — с мифологиями ирокезов и алгонкинов Северо-Востока. Тутело включены в один кластер с катамба и чироки условно (сведений по ним ничтожно мало). К северным мифологиям из перечисленных в данном разделе относятся традиции алгонкинов (кроме шони), виннебаго и северных ирокезов, причем мифологии виннебаго и алгонкинов Среднего Запада близки мифологиям индейцев Равнин и алгонкинов Канады. В фольклоре ленапе (делаваров) есть некоторые южные мотивы, что соответствует их географическому положению.

Резкость деления на юг и север отчасти обусловлена тем, что обе этнокультурные группировки пространственно разобщены — между ними находятся территории, для которых нет или почти нет фольклорно-мифологических и мало этнографических материалов. Тем не менее, как будет показано ниже, данное деление отражает также и определенные исторические процессы, связанные с формированием Миссисипской цивилизации на юге региона при сохранении на севере более древних традиций, объединяемых понятием вудленд.

АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Как указывалось во введении, на востоке США в бассейнах Теннесси и Огайо найдено особенно много кловисских наконечников, поскольку в тот период именно здесь доступные охотникам-собираателям пищевые ресурсы были наиболее обильны [Steele et al. 1998]. Здесь встречается также несколько типов ланцетовидных наконечников, вероятно, восходящих к кловису, но датированных несколько более поздним временем. Восток США оставался благоприятным для жизни людей и в период альтитермаля, 8000—4500 л. н. Разнообразие наборов каменных и костяных орудий свидетельствует о растущей технологической специализации, в том числе все более совершенных методах обработки продуктов растительного происхождения [Jennings 1968: 116—119]. Можно полагать, что с наступлением климатического оптимума в культурах Востока начинают происходить перемены, связанные с зарождением земледелия, развитием технологии и усложнением социальной организации. Эти перемены едва заметны в период ранее конца II тыс. до н. э., становятся все отчетливее с I тыс. до н. э. и приобретают взрывной характер в конце I тыс. н. э.

Выращивание культурных растений началось на востоке США еще в VI—V тыс. до н. э., но их ассортимент долго был ограничен

несъедобными тыквами (*Lagenaria siceraria* и *Cucurbita pepo* var. *ovifera*), шедшими на изготовление поплавков к сетям, сосудов и пр. В период между 4500 и 3500 л. н. в культуру, видимо, вводится ряд в основном местных зерновых из семейств маревых, сложноцветных и злаковых (*Iva annua* var. *macrocarpa*; *Helianthus annuus* var. *macrocarpus*, *Chenopodium berlandieri* ssp. *jonesianum*). Все они были недостаточно урожайны, чтобы сделаться основой питания. Кроме того, далеко не всегда понятно, действительно ли растения выращивались или же речь идет о специализированном собирательстве. Сообщения о находках кукурузы в слоях ранее рубежа эр не подтвердились [Crites 1993; Doran et al. 1990; Ford 1985: 342; Fritz 1999: 418–419; Heiser 1990; Riley et al. 1990]. Если 4500–3000 л. н. земледелие на Востоке США все же практиковалось, не ясно, были ли попытки окультуривания местной флоры спонтанными или же не обошлось без мезоамериканских влияний.

С 4500 л. н. в культуре Востока наблюдается существенный технологический прогресс — распространяются керамика и изделия из самородной меди — сперва мелкие, затем более массивные (орудия и оружие). Кроме того, впервые появляются художественные изделия из точеного камня, которые позже делаются столь характерными для региона. Они могут рассматриваться как свидетельство усиливающейся социальной дифференциации (престижные предметы клали в погребения лиц особого статуса). Для нашей темы важно прежде всего развитие дальнего обмена, например движение меди с севера, а предметов из морских раковин — с юга [King 1985: 95]. Подобный обмен способствовал культурной унификации обширных территорий.

Так называемая культура Древней меди к югу от озера Верхнего и к западу от озера Мичиган уникальна в истории ранних сложных обществ. Благодаря значительным залежам самородной меди производство этого металла у местных охотников-собирателей достигло масштабов, которые в двух других самостоятельных центрах ранней металлообработки — на Ближнем Востоке и в Центральных Андах — соответствуют эпохе развитой земледельческой экономики [Patterson 1971]. Культура Древней меди датируется периодом 5000–4500 л. н. [Fagan 1995: 383–384]. Ее верхняя граница условна, ибо сама по себе добыча меди не прекращалась и позже. Набор орудий включает разнообразные и сложные формы — кельты, ножи, гарпуны, копья с полуоткрытой втулкой и пр. В то же время плавка меди оставалась неизвестной до самого появления европейцев и металл обрабатывался исключительно путем холодной или горячей проковки [Jennings 1968: 126; Willey 1966: 261–264].

Центр добычи меди у Великих озер связан скорее с Северо-Востоком, чем с Востоком в целом, о чем напоминают формы орудий, близких к более древним изделиям из точеного сланца, харак-

терным для Архаической Приморской традиции [Jennings 1968: 125]. В утилитарных целях медь использовалась в радиусе порядка 500 км от центров добычи, а в качестве материала для престижных изделий проникала и на Юго-Восток.

Первая североамериканская керамика появляется на юге атлантического побережья. Ее делали люди, в хозяйстве которых ведущую роль играло морское и наземное собирательство [Larsen 1982: 162; Larsen, Thomas 1982]. Многие из самых ранних поселений, расположенных непосредственно близ берега моря, имеют кольцообразную, а во Флориде подковообразную в плане форму [Bullen 1972: 11; Russo, Heide 2001; Stoltman 1972b: 50; Waring 1968]. Некоторые достигают 250 м в диаметре [Russo, Heide 2002: 73]. Сосуды кругло- и плоскодонные, с простым накольчатом, прочерченным и штампованным орнаментом, а самая ранняя керамика, возможно, вся гладкая. В качестве отощителя использовалась растительная примесь.

Большинство соответствующих памятников было раскопано до появления надежных методов абсолютного датирования, и их возраст определен лишь примерно. Древнейшие радиоуглеродные даты для поселений с керамикой, содержащей в тесте примесь органики, находятся в пределах 3500–3200 л. н. [Hoopes 1994: 23], а самые поздние приходятся на начало I тыс. до н. э., хотя в основном новая керамика с примесью песка вытесняет сосуды с растительной примесью уже во второй половине II тыс. до н. э. [J. Griffin 1977: 59, 61]. Во Флориде керамика с песком и мелом середины III тыс. до н. э. — древнейшая [Russo, Heide 2001: 80]. Самые ранние находки керамики с растительной примесью сосредоточены в прибрежных районах Джорджии и Флориды, а также на реке Теннесси; более редкие и поздние памятники встречаются вдоль побережья Мексиканского залива и вверх по Миссисипи примерно до Мемфиса [Peterson 1980; Smith 1986: 30].

Наличие на востоке и севере Южной Америки еще более ранней (как минимум IV — начало III тыс. до н. э.) керамики с растительной примесью в сходном природно-хозяйственном, а отчасти и культурном контексте (кольцевые и подковообразные поселения северной Колумбии и Эквадора) вызвало к жизни предположения о миграции каких-то групп населения вдоль морских побережий [Ford 1969: 185; Reichel-Dolmatoff 1971b; Stoltman 1972a]. Однако убедительных доказательств подобной гипотезы так и не появилось. Следует отметить, что, в отличие от металлургии, производство керамики во всех основных регионах планеты возникало, по всей видимости, независимо и что большая вероятность первоначального использования органических, а не минеральных добавок в качестве отощителя обусловлена технологически [Жущиховская 1995: 68]. Возможно также, что самая ранняя керамика

с растительной примесью в Северной Америке появилась вообще не на побережье, а во внутриконтинентальных районах. Так для керамического комплекса небо-хилл в Канзасе и Миссури получены даты в пределах от 4500 до 3500 л. н. [Hoopes 1994: 24; Reid 1984: 58].

Не позже начала III тыс. до н. э. в сравнительно однородной массе памятников архаического периода намечаются ареальные различия — вначале между внутриконтинентальной и восточной традициями [Jennings 1968: 122], а затем и более дробные. Природной границей, разделявшей две основные области, были, по-видимому, Аппалачи, причем усложнение культуры внутриконтинентальных районов шло быстрее. В бассейне Огайо уже в V тыс. до н. э. появляются фигурные — орнитоморфные и геометрические — каменные утяжелители для копьеметалки, которые, несомненно, имели не только практическое назначение [Jennings 1968, fig. 4.7; Willey 1966: 266, fig. 5.5].

В середине II тыс. до н. э. на территории от юга Онтарио до Айовы, Иллинойса, Огайо и Индианы на основе традиций Древней меди появляются первые культуры с погребальными курганами и относительно богатым инвентарем — глейшал каме и культура Красной охры (не путать с культурой Красной краски в Новой Англии). Если протоалгонкины действительно пришли сюда с запада, то именно эти культуры могут быть связаны с подобной миграцией [Denny 1991]. В первой половине I тыс. до н. э. глейшал каме и культура Красной охры сосуществуют с культурой адена в бассейне Огайо. Формирование последней знаменует собой окончательное наступление новой эпохи — вудленда. Для всех этих культур характерны двусторонне оббитые наконечники из кремнистого сланца с черешковым основанием в форме «хвоста индюшки», крупные (до 50 см длиной) кремневые листовидные лезвия (их назначение неизвестно), медные изделия (в том числе ножи и кельты), засыпка могил охрой, скорченное положение костяков, реже кремация [Ritzenthaler, Quimbry 1962]. Продолжают встречаться точеные сланцы со схематичной головкой птички (так называемые *bird stones* [Ritzenthaler, Quimbry 1962, fig. 121]). На рубеже I и II тыс. до н. э. широко распространяется кругло- и реже плоскодонная керамика с минеральными добавками (обычно дресвой) в тесте. Ее поверхность покрыта отпечатками веревки или ткани, которыми обматывали лопаточку, служившую для формовки сосуда.

ВУДЛЕНД

В начале I тыс. до н. э. на Востоке формируются два главных центра культуругенеза — один на нижней Миссисипи, второй в бассейне Огайо.

Миссисипский центр возникает в последних веках II тыс. до н. э. и представлен культурой поверти-пойнт, распространенной

от дельты Миссисипи до устья Огайо [Lindig 1979: 283–295]. Местная экономика была основана на рыболовстве, охоте и собирательстве, для которых в пойме большой реки существовали самые благоприятные условия. Использование в пищу культурных растений не подтверждено. С культурой поверти-пойнт связано появление первых в Северной Америке по-настоящему монументальных общественных сооружений. Соответствующий центр на берегу Миссисипи, по-видимому, представлял собой комплекс концентрических земляных насыпей поперечником 1,5 км, а также включал несколько отдельных искусственных холмов высотой до 17 м [Webb 1968: 317]. Сейчас комплекс имеет форму полукольца, так как часть его смыта рекой.

Каменные стеатитовые сосуды поверти-пойнт изредка украшены схематичными рельефными одиночными фигурами птиц и животных [Fundaburk, Fundaburk Foreman 1957, pl. 73; Webb 1977, fig. 18]. Изображение птицы типа орла в геральдической позе (анфас с повернутой вбок головой) — самое раннее в своем роде. Позже оно известно практически всем культурам к востоку от Скалистых гор, вплоть до этнографической современности. Судя по этнографическим материалам, индейцы неизменно истолковывали его как громовую птицу. На керамике поверти-пойнт встречаются преимущественно накольчатые и прочерченные узоры (линии, заполняющие треугольные, прямоугольные, полосчатые участки, меандры и зигзаги, реже спирали [Webb 1968, figs. 25–29]). Маленькие керамические фигурки обнаженных женщин с хорошо моделированным торсом (иногда со сложенными под грудью руками) лишены ног. Голова нередко разделена поперечной бороздкой, возмозжно, указывающей на пробор в волосах [Webb 1968, fig. 3; 1977, fig. 17]. Подобный прием находит аналогии в Эквадоре на статуэтках культуры вальдивия III тыс. до н. э. [Di Carua 1994; Marcos, Manrique 1988], т. е. там же, где и орнамент определенного вида — гладкие полосы в форме зигзагов, меандров и ромбов на покрытом штриховкой фоне [Ford 1969, fig. 24].

Центр в бассейне Огайо формируется несколько позже, чем нижнемиссисипский, и представлен уже упомянутой культурой адена X–III вв. до н. э. (рис. 6). Она создана охотниками и собирателями, знавшими некоторые навыки земледелия. Судя по ареалу распространения отдельных типов изделий, влияние адены ощущалось вплоть до Атлантики. Для адены характерны круглые, квадратные, пятиугольные обвалованные площадки размером 100 м² и более, видимо, служившие для церемоний, а также ямные и срубные погребения под курганами, находящимися как внутри площадок, так и вне их. В ряде случаев курганы явно возводились на месте предварительно сожженных круглых в плане построек (сохранились следы столбов). Крупнейшие курганы достигают высоты 20 м. В бедных

могилах обычны остатки трупосожжений, в богатых — трупоположений, причем тела посыпались охрой или графитом. Срубные камеры использовались для подхоронения новых покойников.

Из ковanej самородной меди люди адены изготовляли браслеты, кольца, подвески. Керамика найдена только на поселениях и обычно неорнаментирована, за исключением банкообразных сосудов, покрытых прорезанными меандрами и концентрическими прямоугольниками [Willey 1966, fig. 5.22]. Среди обнаруженных в погребениях предметов искусства преобладают прямоугольные, H-образные и более сложные каменные палетки с криволинейными изображениями с одной или обеих сторон. В орнаменте угадываются зооморфные мотивы, главным образом изображения хищных птиц [Jennings 1968, fig. 6.14]. Другой тип предметов из погребений — каменные курительные трубки, некоторые в виде человеческой фигуры [Willey 1966, fig. 5.19]. Эти древнейшие североамериканские трубки можно расценивать как свидетельство проникновения именно в начале I тыс. до н. э. на восток США табака — скорее всего, из Гвианы через Вест-Индию.

Во II в. до н. э. адена влилась в традицию хоупвелл, распространившуюся от Великих озер до Мексиканского залива (рис. 6) и развившуюся где-то на юге Огайо или в Иллинойсе из культуры Красной охры начала I тыс. до н. э. Для хоупвелл характерны курганы высотой до 10 м и длиной до 150 м, под которыми находятся захоронения: трупоположения в срубах либо трупосожжения в ямах. В Иллинойсе рядом с курганами расположены довольно крупные поселения. В Огайо могильники были центрами, куда лишь изредка собирались жители, рассеянные по большой территории.

Если для адены, как и для поверти-пойнт, еще можно предполагать какую-то единую этноязыковую основу, то для хоупвелл она исключена. Перед нами кросскультурная элитарная традиция, этнографической моделью которой могут служить общества Северо-Западного побережья. Погребения хоупвелл содержат предметы искусства из камня, а также металла — самородной меди и реже фольги из золота, серебра, метеоритного железа. Стиль хоупвелл отличается натурализмом и экспрессией, особенно в объемных изображениях. В частности, животные показаны в динамичных позах — готовыми к прыжку, с приоткрытой пастью. Знамениты стеатитовые курительные трубки в виде человеческих голов [Henshaw 1883, figs. 31–35] и фигур животных (выдра, медведь, собака, лягушка, орел, дятел, сова, куропатка и прочие птицы, гремучая змея, возможно ламантин [Coe, Snow, Benson 1986: 52–53; Henshaw 1883, figs. 4–26; Jennings 1968, fig. 6.24]). Из слюды или листовой меди вырезаны силуэтные изображения свастик [Grieder 1982, fig. 46], змей, птиц, звериных и птичьих когтей [Snow 1976, fig. 6], антропоморфных существ и частей их тел — рук, голов [Феест 1985, рис. 91].

Найдены сделанные из ковanej меди части головных уборов, гравировки на костях животных и человека, фрагменты тканей с росписью, большие (до 30 см в длину) тщательно обработанные обсидиановые лезвия ритуального назначения. Пронизки из пресноводных раковин могли использоваться как средство накопления ценностей. В эпонимном кургане Хоупвелл их оказалось примерно сто тысяч.

В отличие от адены, среди престижных орнаментированных изделий хоупвелла встречаются и керамические сосуды. В основном они покрыты криволинейными геометрическими и отчасти зооморфными (голова птицы на длинной изогнутой шее) орнаментальными элементами. Орнамент либо наносился штампом-лопаточкой и равномерно покрывал поверхность сосуда, либо выделялся в виде гладких, обведенных бороздкой участков на фоне, мелко заштрихованном с помощью «шагающего штампа» [Fundaburk, Fundaburk Foreman 1957, pls. 111–112; Jennings 1968, fig. 6.25–6.28]. В этой технике выполнено, например, изображение левосторонней свастики. Некоторые сосуды круглодонные либо имеют подквадратное в плане основание. По-видимому, как и в культуре повертипойнт, они воспроизводят прототипы из камня и бересты. В качестве отощителя использовался песок.

В хоупвелле встречаются земляные насыпи в форме кругов, восьмиугольников и соединяющих их линий. В Ньюарке (Огайо) такие насыпи занимают площадь около 10 км² [Prufer 1974: 224], хотя по объему перемещенного грунта уступают насыпям повертипойнт.

МИССИСИПСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ

В V в. н. э. культурная общность хоупвелла распадается. Этот процесс вряд ли был связан с общим кризисом, так как запустение одних ареалов сопровождалось расцветом других. Скорее, речь идет об ослаблении межареальных контактов и каких-то не очень пока понятных изменениях в социальной организации, приведших к сокращению престижного потребления. Существуют, правда, гипотезы о кризисе, вызванном массовым истреблением дичи после появления около 400 г. н. э. лука и стрел, или о похолодании, отразившемся на продуктивности лесов, однако подобные предположения крайне спекулятивны [Fagan 1995: 424–425]. Примерно в VIII в. н. э. начинается новая интеграция, обусловленная в конечном итоге изменениями в системе хозяйства.

Кукуруза была известна в бассейне Миссисипи примерно с рубежа эр [Hart et al. 2002: 379], но широкое распространение получила лишь в VIII в. [Chapman, Crites 1987; Riley et al. 1990: 526–527]. В это время здесь, по-видимому, появились или были выведены новые сорта, приспособленные к местному климату. Даже если бы мы

не имели палеоботанических материалов, необычайно быстрый рост населения Юго-Востока в IX–X вв. н. э. сам по себе свидетельствовал бы о формировании новой хозяйственной базы. В данных условиях это могло быть только эффективное земледелие. Источник инноваций (Мезоамерика, Юго-Запад или же Антилы) дискусионен [Riley et al. 1990]. Импортные вещи с Антил на памятниках Юго-Востока США крайне редки [Sturtevant 1960: 7], но если мифы о происхождении кукурузы распространялись вместе с самим растением, то основной импульс должен был исходить не из Мексики, а из Южной Америки.

Миссисипская традиция представлена четырьмя главными вариантами (рис. 6) — среднемиссисипским (северный центр в Кахокии, южный и более поздний в Маундвилле), южноаппалачским (крупнейший центр в Этоуа на северо-западе Джорджии), нижнемиссисипским (бывшая территория поверти-пойнт) и юго-западным (территория кэддо, главный центр — Спиро-Маунд на границе Оклахомы и Арканзаса). Каждый из них восходит к более ранним местным культурам эпохи вудленда, а интеграция происходит позже.

Южноаппалачский центр вырастает из культуры уидин-айленд (200–1000 н. э.), а та, в свою очередь, восходит к местным архаическим комплексам и так, может быть, вплоть до кловиса [Fagan 1995: 427–429]. Очень вероятно, что именно отсюда распространялись языки мускогов. Более южная культура сейнт-джонс во Флориде связывается не с мускогами, а с тимукуа.

Наиболее масштабные памятники расположены в северо-западном ареале среднемиссисипского варианта с центром в Кахокии — напротив впадения в Миссисипи Миссури. Расцвет Кахокии приходится на 1050–1250 гг. н. э., т. е. предшествует возвышению большинства других центров. Характерный миссисипский художественный стиль в это время еще не вполне сложился. К середине XII в. в районе Кахокии было сосредоточено 10–20 тыс. жителей, а сам город с его земляными платформами высотой более 30 м (четырёхступенчатый Манкс-Маунд), обводной стеной из мощных лиственничных бревен и богатыми захоронениями с десятками сопроводительных жертв, мог быть столицей крупного политического образования [Fowler M. 1983; Iseminger 1996]. В XIII в. население Кахокии начало сокращаться, а социальная дифференция возрастать [Trubitt 2000]. После 1300 г. город опустел, возможно, подвергся разгрому, и на первый план вышли другие центры.

На каком языке говорили обитатели Кахокии, неизвестно. К приходу европейцев лучше всего традиции миссисипской культуры сохранили натчез на нижней Миссисипи. Их культура имеет местные корни, хотя почти наверняка испытала в свое время влияние Кахокии [Fagan 1995: 451].

С начала XI в. от Техаса до Северной Каролины распространяются многочисленные фигуративные изображения на крупных раковинах, а также на изделиях ритуального назначения из меди, камня, керамики, дерева. Изображения выполнены профессионально в рамках разработанного канона. Большинство из них найдено в захоронениях знати в монументальных центрах, таких как Маундвил, Этоуа и Спиро-Маунд. Принятое для данного стиля название «южный культ» связано с меньшей распространенностью подобных изображений на средней Миссисипи. «Южный культ» отличается систематическим употреблением серии специфических символов. Это глаз на открытой левой или правой ладони, череп и кости, равноконечный крест, стрела, обрамленная двумя полукружиями, вилочкообразное обрамление глаза, крылатые и рогатые змеи. Среди популярных образов — люди-орлы, два персонажа, добывающие огонь высверливанием, человек с отрубленной головой-трофеем в руках, люди в позе коленопреклоненного бега. Характерны также миниатюрные маскоиды с круглыми глазами и длинным острым носом [Snow 1976, fig. 40]. Иконография «южного культа» во многом продолжает художественные традиции хоупвелла, т. е. основана на натуралистической передаче антропо- и зооморфных фигур и их частей.

В экспрессивной, иногда гротескной манере, с тщательно проработанными деталями выполнены скульптурные изображения на каменных курительных трубках [Fundaburk, Fundaburk Foreman 1957, pls. 99–102]. Они, безусловно, восходят к хоупвеллу, а у чироки и криков в обедненном виде сохраняются до периода европейских контактов [Fundaburk, Fundaburk Foreman 1957, pls. 105–106]. По-видимому, миссисипские трубки изображают людей, вовлеченных в ритуальные действия (например, мужчина в сложном наряде, отрезающий голову скорченному у его ног пленнику). Часто изображены также лягушки, различные птицы, иногда пумы. Сходные трубки с изображениями птиц и людей крики делали из керамики [Fundaburk, Fundaburk Foreman 1957, pls. 129–130].

От хоупвелла миссисипская культура унаследовала и традицию создания фигурных земляных насыпей. Всего их известно около 400 [Mallam 1982], например Слоновый Холм в графстве Грант в Висконсине в виде профильной фигуры четвероногого, примерно 20 × 40 м [Henshaw 1883, fig. 27] и Крокодилий Холм в Огайо в виде распластанной фигуры животного с растопыренными лапами и длинным хвостом (размеры не указаны; [Henshaw 1883, fig. 30]). Наиболее известен Змеиный Холм в округе Адамс (Огайо), долгое время ошибочно относимый к культуре адена. Насыпь имеет форму извивающейся змеи, заглатывающей какой-то овальный предмет. В длину композиция превышает 150 м.

В целом хоупвеллская основа миссисипской культуры не вызывает сомнений. Сложнее обстоит дело с мезоамериканскими

влияниями. Так, в парадной керамике интересно наличие круглокамерных сосудов со стремевидным горлом [Fundaburk, Fundaburk Foreman 1957, pl. 118; Jennings 1968, fig. 6.38]. Эта специфическая форма появляется в середине II тыс. до н. э. в Эквадоре, становится характерной для северного побережья Перу и в I тыс. до н. э. проникает в Мексику, а оттуда на Юго-Запад [Andersen 1978; Dixon 1964]. На Миссисипи она могла попасть как с Юго-Запада, так и непосредственно из Мезоамерики. Сам тип монументального центра, состоящего из прямоугольных в плане усеченно-конических платформ и площадей перед ними, очень близок мезоамериканскому, но сходство это может быть вызвано не копированием, а параллельным развитием одной и той же древней традиции, уходящей корнями глубоко в архаический период. Тем более это касается некоторых иконографических мотивов южного культа, таких как «глаз на ладони». Они встречаются не только на Юго-Востоке и в Мезоамерике, но и на Северо-Западном побережье [Rands 1957], не говоря уже о параллелях в Старом Свете.

Миссисипская традиция и, в частности, иконография «южного культа» доживают до периода европейских контактов. При всех локальных вариантах сходство художественных проявлений в пределах всего Юго-Востока исключительно велико, соответствуя такому же сходству мифологии, зафиксированной в XIX–XX вв. Северная граница распространения «южного культа» близко совпадает с северной границей встречаемости соответствующих повествовательных мотивов.

МИССИСИПСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ

Три ареала, расположенных по периферии миссисипской общности, заслуживают упоминания. Во-первых, это Флорида, где до самого прихода испанцев нет не только иконографии южного культа, но и сколько-нибудь заметных признаков земледельческой экономики. Это тем более парадоксально, что по типу социальной организации (видимо, крупные вождества), размаху монументального строительства (с VI в. н. э. — погребальные курганы, с IX в. — дороги на насыпях, земляные платформы под храмы), а также по степени профессионализма в искусстве (натуралистически выполненные расписные и скульптурные изображения животных) центр калуза в Ки-Марко вполне соответствует если не Кахокии или Маундвиллу, то по крайней мере миссисипским центрам второго ранга [Carneiro 1992: 27–29; Coe et al. 1986: 55; Fundaburk, Fundaburk Foreman 1957, pls. 58–60, 139]. Можно предпологать, что этническая граница между криками и обитателями Флориды была весьма резкой, поэтому отсутствие для этого ареала мифологических материалов особенно досадно.

Второй ареал — приатлантические территории, где европейцы встретились с алгонкинами. «Неолитическая революция», при-

ведшая к сложению миссисипской культуры, на первых порах совершенно не затронула эту зону. Переход от морского и наземного собирательства к выращиванию кукурузы осуществился здесь лишь в XII в. н. э. [Larsen 1982: 162, 165–166; 1992: 26]. Миссисипские художественные традиции сюда также не проникли.

Третий ареал — область от реки Миссури до озера Мичиган (штаты Миссури, Айова, Миннесота, Висконсин), где к XI в. формируется культура онеота, почти наверняка принадлежавшая предкам сиу — виннебаго, айова, ото, миссури, осэдж [Willey 1966: 310–311]. Ранее (с VIII в.) в этих районах существуют культуры позднего вудленда, для которых характерны фигурные земляные насыпи, в основном в форме животных и птиц. Создатели некоторых из этих культур были знакомы с выращиванием кукурузы, фасоли и тыкв, другие вели присваивающее хозяйство. Частоколы вокруг поселений конца I тыс. н. э. свидетельствуют об участвовавших военных конфликтах. Онеота окончательно вытесняет культуру строителей насыпей к середине XII в. После этого широко распространяются появившиеся уже раньше грядковые поля, свидетельствующие об интенсификации земледелия [Gartner 1999]. На среднем Иллинойсе онеота внезапно появляется в начале XIV в., что сопровождается исчезновением богато орнаментированной высококачественной миссисипской керамики и, по-видимому, упрощением социально-политической организации [Steadman 1998]. Кем бы этнически ни являлись строители Кахокии, их отношения с создателями онеоты были, скорее всего, враждебными.

Таким образом, в период после VIII–X вв. н. э. область, занятая миссисипской культурой, была, с одной стороны, внутренне достаточно однородна, а с другой — довольно резко отграничена от соседних. Как и возможные контакты с Карибским бассейном, это должно было способствовать усилению местной специфики в области мифологии. Если бы Юго-Восток оставался всего лишь частью традиции вудленда, такая специфика была бы, скорее всего, не столь явной.

Мезоамерика

Мезоамерика — область древних цивилизаций со сложной политической и культурной историей, проследить детали которой здесь не место. С середины II тыс. до н. э. этот культурный ареал стал все больше обособляться от соседних и вместе с тем интегрироваться в некое целое. Видимо, здесь протекал тот же процесс, что и на Миссисипи. Тем интереснее, что различия в наборах мифологических мотивов между отдельными территориями в пределах Мезоамерики, основа которых может быть очень древней, ко времени европейского завоевания окончательно не исчезли.

МАТЕРИАЛЫ АРХЕОЛОГИИ

Среди палеоиндейских желобчатых наконечников, обнаруженных в центральной и южной Мексике и Гватемале, встречаются как типичные кловисские, так и с выраженным сужением в нижней части. Начиная с Чьяпаса (Лос-Грутос [MacNeish 1986, fig. 2.2]) и Белиза (комплекс лоуэ-ха [MacNeish et al. 1980: 37]), отмечены характерные для Эквадора, северного побережья Перу и Южного Конуса наконечники фелл, контуры которых напоминают силуэт рыбки [Bray 1978]. У некоторых из них сужение очень сильное, так что нижняя часть практически превращается в черешок [MacNeish et al. 1980, fig. 15.2].

Древнейшие стратифицированные и датированные находки обнаружены в нижних слоях пещер Оахаки вместе с современной фауной и относятся к периоду после 10 000 л. н., возможно, даже после 9500 л. н. [Flannery 1986, table 14.1; Johnson, MacNeish 1972].

Докерамический период в истории Мезоамерики изучен слишком плохо, что наметить границы каких-либо крупных культурных общностей. В засушливых горных районах культуры охотников-собирателей среднего голоцена напоминают культуры Большого Бассейна и Юго-Запада (двусторонне обработанные каменные наконечники, терочные орудия). Культуры влажных низменностей мало известны. Для выделения Мезоамерики в особую историко-культурную область решающее значение имело появление здесь земледелия.

На протяжении нескольких десятилетий становление мезоамериканского земледелия мыслилось как постепенное окультуривание кукурузы, фасоли и других растений обитателями горных долин, менявших на протяжении года места обитания и род занятий (охота, собирательство, начальное земледелие). Эта картина реконструировалась на основании изучения макроостатков растений в горных пещерах Оахаки и Тамаулипаса [Byer 1967; Flannery 1986]. Однако в 90-х гг. подобная модель была поставлена под сомнение [Buckler et al. 1998]. Генетические исследования указывают на то, что первая кукуруза появилась в низменностях западной Мексики в долине реки Бальсас в результате мутации местного злака теосинте [Benz, Iltis 1990; Doebley 1990; Piperno, Pearsall 1998: 159–163]. Соответственно, именно в теплых и влажных низменностях земледелие получило первоначальное распространение. Находки микро- и макроостатков кукурузы возрастом 7000 л. н. от Панамы до Аргентины и Чили и от эквадорского побережья до западной Амазонии указывают на то, что первые опыты окультуривания в самой Мексике начались раньше, как минимум 8000 л. н. Правда, надежность реконструкции становления земледелия на основе анализа одних лишь макроостатков растений ставится под сомнение [Staller 2003]. Однако и прямое датирование макроостатков окультуренной тык-

вы из пещеры Ги́ла-Накиц в Оахаке показало возраст 9000 л. н. [Smith 1997] — такой же, как и датирование микроостатков тыквы с побережья Эквадора [Piperno 1998: 437]. При этом очевидно, что теплолюбивые тыквы были окультурены в низменностях, а не в горах.

В то же время лишь после 5000–4500 л. н. земледелие в Мезоамерике становится значимой отраслью экономики, о чем свидетельствуют как находки остатков растений в пещерах, так и следы выжигания леса под огороды в низменностях Белиза [Piperno 1998: 441]. Керамика в Мезоамерике распространяется не ранее 4000 л. н. (датировка трех комплексов начала III тыс. до н. э. сомнительна [Hoopes 1994: 22]), долговременные жилища и поселения — лишь около 3750 л. н. С этого времени и до VII–IX вв. н. э. рост населения происходит по экспоненте [Sanders 1982: 56]. К концу II тыс. до н. э. в рамках ольмекской культуры формируются многие типичные черты мезоамериканской цивилизации — типы жилищ и общественных сооружений, типы предметов ритуального назначения, специфическая иконография, скорее всего, основы календаря. С появлением около рубежа эр или чуть раньше государственных или протогосударственных образований в Оахаке (Монте-Альбан [Balkansky 1998]), в Центральной Мексике (Теотиуакан) и в низменностях Чьяпаса — Петена — Белиза [Dunning et al. 1999; Matheny 1987; Willey 1984] и развитием письменности эти процессы достигают своего завершения.

Последняя четверть I тыс. н. э. была ознаменована дезинтеграцией мезоамериканских цивилизаций Классического периода, которая, однако, не сопровождалась сокращением населения, как это предполагали раньше. Произошло перераспределение власти от немногих крупных центров ко многим мелким [Balkansky 2002: 78]. С XIII–XIV вв. наступает новый период культурной и политической интеграции (стиль миштека-пуэбла и государство Ацтеков). В Постклассический период территория Мезоамерики расширяется на северо-запад практически до ареала культур пуэбло и на юго-восток до северо-западной Коста-Рики.

Несмотря на огромный корпус изображений и наличие письменности, доколумбовых материалов по мифологии народов Мезоамерики ничтожно мало, точнее, эти материалы могут быть истолкованы — причем чаще всего ненадежно — лишь принимая во внимание более поздние сведения. Даже для эпохи конкисты понастоящему богатая информация существует лишь по ацтекам и майя-киче. Значительно больше текстов удалось записать в середине XX в., в частности среди различных групп майя, народов Оахаки, Пуэблы и Веракруса. К этому времени, к сожалению, многие традиции уже почти или вовсе угасли. Для западной Мексики и тихоокеанского побережья Гватемалы потери не восстановимы. Для Юкатана и некоторых других районов древняя мифология реконструируема по аналогии с сохранившимися близкородственными традициями.

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ КАРТА

В языковом отношении Мезоамерика делится на две основные части — восточную и западную. Если восточная гомогенна (языки майя, в которых никакого субстрата не обнаруживается), то западная, напротив, представляет собой такой же сложный этнический конгломерат, как и Калифорния (см. рис. 7).

Не считая рано отколовшегося от прочих и оказавшегося далеко на севере Веракруса языка уастек, языки майя образуют единый блок, охватывающий Юкатан, сопредельные тропические низменности Чьяпаса, Петена и Табаско, а также горную Гватемалу. Разделение языков майя ориентировочно началось в III тыс. до н. э. [Campbell 1997: 165]. Эта условная лексико-статистическая оценка хорошо совпадает с первыми свидетельствами земледельческого освоения тропических низменностей, на что указывают находки в озерных отложениях пыльцы кукурузы и маниока, равно как и угольков — результат пожаров леса под огороды [Iceland, Hester 1996; Piperno 1998: 440–441; Voorhies 1982: 67]. Впрочем, тем же временем датируется и древнейшая пыльца кукурузы на западе Гондураса в отложениях озера Йохоа [Rue 1989], где майя вряд ли когда-либо жили. Факт выращивания маниока, окультуренного, как полагают, где-то в низменностях бассейна Ориноко, свидетельствует о ранних связях с Южной Америкой, которые несомненны и в мифологии.

Предполагается, что обитателями городов-государств майя I тыс. н. э. были представители прежде всего чоланской и отчасти юкатекской ветвей этой семьи, точнее, что на этих языках (или на созданном на их основе койне) написаны майяские тексты [Brown 1991: 492; Montgomery 2002: 5]. Что же касается фольклорных текстов XX в., то самые обширные их собрания имеются по лакандонам, цоциль и кекчи, роль предков которых в создании классической майяской цивилизации не очень понятна. Лакандоны Чьяпаса своим образом жизни (полуоседлые земледельцы тропического леса) напоминают далеких предков майя, обитавших здесь в III–II тыс. до н. э., хотя язык лакандонов очень близок юкатекскому. Перед нами могут быть потомки крестьян, оставшихся в лесу после запустения городских центров, либо лингвистически ассимилированные маргинальные группы.

Языковые и фольклорно-мифологические связи между отдельными группами майя редко совпадают. В ряде случаев ближайшие сюжетные параллели обнаруживаются вообще не у соседних майяязычных, а у более далеких этносов, имеющих иную лингвистическую принадлежность. Так, многие параллели эпосу киче «Пополь-Вух» представлены не в Гватемале или на Юкатане, а у индейцев Веракруса — тотонаков, тепеуа, науатль, пополука [Березкин 2003d]. Это обстоятельство соответствует и другим свидетельствам

в пользу формирования культуры киче и какчикель не в горной Гватемале, а ближе к Мексиканскому заливу [Fox 1981: 322; 1986]. Как археологические, так и языковые материалы показывают, что в самом начале и в конце I тыс. н. э. (т. е. при переходе от Доклассического периода к Классическому и от Классического к Постклассическому) в ареале майя происходили значительные перемещения населения [Dahlin et al. 1987]. Они должны были содействовать перемешиванию локальных мифологических традиций.

К западу от майя, в основном в пределах перешейка Теуантепек, распространены языки семьи михе (включая пополука Веракруса) — соке. Несмотря на обилие общей лексики, что естественно при многовековых контактах, михе-соке и майя, по-видимому, не родственны. Поскольку ольмекская цивилизация находилась в пределах территории михе-соке, предполагается, что народы данной семьи и были ее создателями [Lee 1986]. Подобное мнение поддерживается интерпретацией языка эпиольмекских надписей (II в. до н. э. — V в. н. э.) как «пре-прото-соке» [Bartel, Winning 1989: 102; Houston 1996; Justeson, Kaufman 1993] и вероятным фактом заимствования из прото-михе-соке в другие языки терминов, связанных с календарем [Campbell, Kaufman 1976].

Тотонаки и тепеуа на севере Веракруса были, вероятно, создателями прибрежных культур I тыс. н. э. (наиболее известный центр — Тахин), но глубже их традиции плохо прослеживаются. Дальние связи этой семьи не выявлены.

Самая обширная в Мезоамерике как по числу языков, так и по территориальной распространенности — семья ото-манге [Campbell 1997: 157–159]. Ее разделение на отдельные ветви произошло раньше, чем разделение майя (7000–6000 л. н.?). Одна из ветвей, отопаме, представлена как на севере региона (наиболее известный язык — отоми), так и в Оахаке (язык чинантек), а остальные — только в Оахаке и сопредельных районах, что делает вероятным расселение носителей языков ото-манге с юга на север, а не наоборот. Географическая локализация и анализ лексики, в которой много общих названий культурной флоры, допускают предположение, что раннее и широкое расселение ото-манге связано с древним распространением у них земледелия и, соответственно, с ростом демографической плотности.

В ото-манге входят две наиболее известные языковые семьи Оахаки — миштекская (миштеки, куикатеки, трики) и сапотекская (сапотеки, чатино), чья этническая история довольно детально прослеживается как минимум до середины I тыс. до н. э. на основании хорошей корреляции языковых и археологических данных [Balkansky 1998; Christensen 1998]. Предполагается, что сапотеки были создателями первого государственного образования в Новом Свете со столицей в Монте-Альбане. Древняя история чинантеков и масатеков

менее ясна. Помимо языков ото-манге в Оахаке представлен язык текистлатек, родственный гондурасскому хикаке [Oltrogge, Campbell 1980]. Для различных этносов Оахаки имеются значительные собрания мифологических текстов, причем все мифологии весьма сходны вне зависимости от степени близости соответствующих языков. Мало данных лишь по прибрежным районам восточной Оахаки, где локализован изолированный язык уаве. В I тыс. н. э. уаве был, вероятно, распространен дальше на запад, но затем был вытеснен языком сапотеков, которые, в свою очередь, отступили на восток под давлением миштеков [Christensen 1998: 266–267]. Мифология тлапанеков в примыкающем к Оахаке с запада штате Герреро лишена типичных «оахакских» мотивов и может быть условно сближена с центральномексиканской.

С середины I тыс. н. э. некоторые народы ото-манге, такие как чоротега и субтиаба, стали продвигаться из Герреро и Чьяпаса к юго-востоку, достигнув в итоге северо-западной Коста-Рики [Campbell 1997: 159]. В эпоху конкисты культура западного Никарагуа и северо-западной Коста-Рики (полуостров Никоя) содержала черты явно мезоамериканского происхождения (пиктографические рукописи, соответствующие пантеоны богов и календарь [Day 1988: 156–157; Willey 1966: 169]). Появление мезоамериканских мигрантов в Коста-Рике можно, вероятно, синхронизировать с распространением полихромной керамики, росписи на которой содержат смутные аналогии мезоамериканским мотивам [Laurencich Minelli 1983: 36–39, 51–53].

ЗАПАДНАЯ МЕКСИКА И КОНТАКТЫ С ЮЖНОЙ АМЕРИКОЙ

Значительную территорию западной Мексики в Мичоакане и Халиско занимает язык тарасков, не имеющий родственных связей. Мифология тарасков известна только по коротким записям эпохи конкисты [Corona Nuñez 1957]. Этого, впрочем, достаточно, чтобы отметить основное направление связей — скорее восточных (с Веракрусом), чем южных (с Оахакой).

Тараски создали свое государство лишь в середине XIV в. [Fisher et al. 1999]. Остальная западная Мексика также очень долго находилась на догосударственном уровне политического развития, причем языки ее древнего населения неизвестны. Наиболее знамениты культуры Наярита, Халиско и Калимы середины I тыс. до н. э. — середины I тыс. н. э., где в шахтовых могилах найдены тысячи керамических статуэток и сложные моделированные композиции. Для многих культур притихоокеанского пояса Мезоамерики от побережья Гватемалы до Наярита обнаруживаются разнообразные аналогии с культурами Колумбии, Перу и особенно эквадорского

побережья. Эти аналогии относятся ко времени от середины II тыс. до н. э. до Постклассического периода и касаются формы, технологии и декора изделий из меди и золота [Furst 1965: 17; Hosler 1988; 1994; Mayer 1982], керамики [Andersen 1978; Coe 1960], статуэток [Lehmann 1951], ткачества и одежды [Rieff Anawalt 1992], типов захоронений [Furst 1965: 2; Smith 1978]. Однако трудность обратного (против ветров и течений) плавания на бальсовых плотках из Мексики в Эквадор, равно как и отсутствие свидетельств пребывания эквадорских торговцев у берегов Центральной Америки от Панамы до Сальвадора в случае каботажного плавания [Olsen Bruhns 1994: 366–367], заставляют проявлять осторожность в интерпретации этих фактов. В любом случае остается неясным, ограничивались ли контакты двух очагов цивилизаций Нового Света заимствованием отдельных культурных черт (преимущественно в области технологии), или же они имели более глубокий характер.

К сожалению, мифологические материалы как по соответствующим районам Эквадора и северного Перу, так и особенно по западной Мезоамерике недостаточны для оценки возможных связей. Хорошо известна лишь мифология народов Оахаки, однако именно этот ареал демонстрирует наименьшее число археологических параллелей с Южной Америкой. Сходство андских и мезоамериканских мифологий, которое выявляется при статистической обработке встречаемости мотивов, вряд ли объяснимо поздними связями, тем более что некоторые из соответствующих мотивов распространены как раз не на западе Мезоамерики, а в других частях этого региона.

ЭКСПАНСИЯ НАУА

В предыдущих разделах уже говорилось о том, что прародина ютоацтекской семьи находилась в районе современной границы между США и северо-западной Мексикой и что входящие в нее языки образуют две группировки, северную и южную. Южная группировка распадается на три ветви.

Первая включает языки пима и папаго, носители которых в большей мере связаны с Юго-Западом, чем с Мезоамерикой. На родственных пима и папаго, но более южных языках тепеуан (не путать с тепеуа) и тепекано говорили некоторые индейцы Соноры, Дуранго и Халиско.

Вторая ветвь представлена языками северо-западной Мексики — тараумара, кахита (включая яки и майо), варихио и некоторыми другими (для которых нет соответствующих мифологических материалов).

Третья ветвь состоит, во-первых, из языков кора и уичоль на западе Мексики, а во-вторых, из множества близкородственных

языков и диалектов группы науа (науат, науатль), к числу которых относится и ацтекский. Если кора и уичоль занимают компактную территорию в штате Наярит, то науа рассеян по всей Мезоамерике вплоть до Никарагуа и Коста-Рики, куда группы его носителей (пипиль, никарао) пришли по следам ото-манге [Campbell 1997: 134; Miller 1984]. Подобная картина не оставляет сомнений в том, что расселение юто-ацтеков в Мезоамерике происходило недавно.

Этногенетические легенды ацтеков повествуют об их приходе с северо-запада, относя начало миграции к IX в. н. э. [Баглай 1998: 15]. Это не значит, однако, что какие-то «ацтекоидные» группы не могли проникнуть в центральную Мексику раньше. После загадочного коллапса Теотиуакана в середине VIII в. [Kurtz, Nunley 1999; Milion 1988] главным городским центром на Мексиканском плоскогорье становится расположенный севернее Толлан, чье население (тольтеки) большинством исследователей считается науаязычным. На каком языке говорили в долине Мехико в период существования Теотиуакана, неясно. Предполагаются — в равной мере гадательно — тотонакский, отоми (или еще какой-то язык ото-манге, например, матлацинка) и даже михе [Paddock 1987: 27–29; Н. Pollard, личн. сообщ. 2000; L. Anderson, личн. сообщ. 2003]. Однако в середине I тыс. н. э. науа мог быть здесь уже известен.

Ацтеков перед их появлением в долине Мехико порой представляют бродячими охотниками-собираателями, в лучшем случае, знакомыми с самыми примитивными формами земледелия. Материалы археологии опровергают подобный взгляд, свидетельствуя о земледельческом характере экономики населения северо-западной Мексики в I — начале II тыс. н. э., где, скорее всего, находилась прародина науа. Для местной культуры чальчиуитес характерны расписная керамика, оседлые поселения с общественными зданиями на платформах, кукуруза [Kelly 1974; Riley, Hedrick 1978: 85, 125, 187]. По-видимому, обитатели мезоамериканской периферии в массе своей двинулись на юго-восток после развала — в силу каких-то внутренних причин — Теотиуаканского государства, но их медленное просачивание могло начаться и раньше.

Даже в малонаселенных и засушливых районах к северо-востоку от Мезоамерики земледелие местами практиковалось на протяжении многих тысячелетий, о чем свидетельствуют находки культурных растений в пещерах штата Тамаулипас [MacNeish 1958]. Для большей части этого региона, охватывающего, кроме северо-восточной Мексики, также и южный Техас, нет фольклорных и очень мало этнографических данных. Обитавшие в его северной части тонкава после появления лошади вошли в состав культурной общности Великих Равнин (см. выше).

Подведем итог. Оценивая возможные связи в области мифологии между Мезоамерикой и другими территориями, следует под-

черкнуть еще раз, что на северо-западе эта область никогда не имела четкой границы и была связана цепочкой культур с ареалом Большого Юго-Запада. Подобных контактов на северо-востоке в направлении к миссисипскому региону ожидать не приходится. Расселение науа должно было обогатить мезоамериканские мифологии северными мотивами, но влияние это не стоит преувеличивать. В отношении как плотности и численности населения, так и сложности культуры Мезоамерика к концу I тыс. н. э. настолько превосходила соседние ареалы, что любые мигранты со стороны должны были в культурном отношении ассимилироваться. Вполне естественно, что мифологии отдельных групп науа в Сальвадоре, Веракрусе, Пуэбле и Наярите лишены каких-либо специфических сходных черт, но близки мифологиям местных иноязычных народов.

Юго-восточная периферия Мезоамерики и Центральная Америка

На юго-востоке в Гондурасе, Сальвадоре и юго-восточной Гватемале языки майя граничили с языками ленка и шинка. Оба последних не имеют признанных родственных связей, а соответствующие культуры занимают промежуточное положение между типичными мезоамериканскими и теми центральноамериканскими, которые уже явно тяготеют к Южной Америке [Herranz 1987]. К моменту испанского завоевания юго-восточная Гватемала входила в состав государств киче и какчикель, экспансия которых была направлена на восток. В пределах западного Гондураса возникла новая полиэтническая культура — мезоамериканская по общему типу, но вполне своеобразная [Fox 1981]. К сожалению, данных по мифологиям шинка и сопредельных с ними групп майя, таких как рабиналь и поком, практически нет, а по ленка их мало. Видимо, поэтому мезоамериканские мифологии выглядят резче отграниченными от даже ближайших к ним центральноамериканских (хикаке, печ), чем это могло быть в действительности.

Выше говорилось о том, что притихоокеанские районы Никарагуа и северо-западной Коста-Рики за несколько веков до испанцев были заселены мигрантами из Мезоамерики (чоротега, никарао и др.). Мы почти не имеем данных о мифологии этих народов, однако она не обязательно была близка мифологии сапотеков или ацтеков. Характерно, что та самая парадная керамика с полихромной росписью, которая рассматривается как свидетельство появления в северо-западной Коста-Рике ото-манге и позже

науа, вплоть до самой конкисты обнаруживает не только мезоамериканские, но и южноамериканские связи. Наиболее поздний и изощренный стиль «луна» гораздо больше похож на полихромные росписи Амазонии, чем на какие-либо мексиканские стили [Day 1988: 155]. Да и сам переход от двуцветных росписей к полихромным, осуществившийся в середине I тыс. н. э., не означал разрыва с более ранней местной традицией.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

В древней истории Центральной Америки намечается несколько крупных этапов [Snarskis 1982: 57], условно именуемых палеоиндейским, ранним архаическим (до VI–IV тыс. до н. э.), поздним архаическим (до середины или начала I тыс. до н. э.), раннеземледельческим (до середины I тыс. н. э.) и поздним (до прихода испанцев).

Палеоиндейский период отмечен цепочкой памятников (остатки мастерских и случайные находки), для которых характерны желобчатые наконечники разных форм — от ланцетовидных, близких к настоящему кловису, до имеющих силуэт в виде рыбки (тип фелл). Находки сделаны в горном Гондурасе [Bullen, Plowden 1963, fig. 2], в Кордильера-де-Тиларан в северо-западной Коста-Рике [Sheets 1994, fig. 11.10], в Турриальба в восточной Коста-Рике [Snarskis 1979], на озере Мадден в центральной Панаме [Slander 1964, fig. 1], у залива Парита на тихоокеанском побережье Панамы [Lange 1990], а также в Ла-Глория в районе залива Ураба на колумбийской территории [Correal Urrego, Pinto Nolla 1983, fig. 2]. Подобные памятники логично интерпретировать как свидетельство продвижения палеоиндейских охотников из Чьяпаса и Гватемалы далее на юго-восток вплоть до выхода на южноамериканский континент. Основной маршрут, очевидно, проходил по горным районам, которые в конце плейстоцена были покрыты редколесьем или травянистой растительностью. Многие находки не имеют точной датировки, в других случаях (в частности, стоянка Лос-Тапиалес в Гватемале) разброс дат очень велик — от 10 700–11 200 л. н. до 7000–8000 л. н. и еще позже [Gruhn, Bryan 1977; MacNeish 1986]. В отложениях озера Йегуада на тихоокеанской стороне центральной Панамы свидетельства увеличения доли травянистой растительности и участвовавших пожаров внезапно появляются с 9000 л. н., несмотря на увлажнение, а не иссушение климата в этот период. Почти наверняка эти изменения связаны с появлением человека [Piperno 1991: 179; Piperno, Pearsall 1998: 175].

Вплоть до 8000–7000 л. н. Центральная Америка была крайне редко населена. Так, в Панаме, несмотря на интенсивные поиски, была обнаружена лишь одна пещера со следами посещения ее человеком в VII тыс. до н. э. [Cooke, Ranere 1984: 7, 10; Piperno 1989: 545].

Обитатели Центральной Америки в эпоху раннего голоцена могли быть прямыми потомками палеоиндейцев. Во всяком случае здесь, как и в Мексике, в это время сохраняется позже исчезнувшая (хотя с рубежа нашей эры возобновленная [Sheets 1994: 232]) традиция изготовления двусторонне обработанных наконечников из камня кремнистых пород.

С 7000 л. н. или несколько ранее в Центральной Америке наблюдается существенное увеличение плотности населения, возможно, связанное с проникновением кукурузы из Мексики и началом выращивания других культурных растений. Впрочем, данные по североамериканскому региону Плато, где производящего хозяйства никогда не было, но общее направление демографического и культурного развития ничем от земледельческих регионов не отличалось (вместо культурных растений все более интенсивно использовались дикорастущие [Ames et al. 1998: 176; O'Neill et al. 2004: 229–230; Pokotylo, Mitchel 1998: 99]), заставляют не спешить с заключениями. В среднем голоцене в Панаме в бассейне реки Санта-Мария и близ берега Тихого океана по склонам холмов появляются стоянки, обитатели которых занимались собирательством, охотой и рыбной ловлей, не задерживаясь подолгу на одном месте [Cooke, Ranere 1984; McGimsey 1956; Piperno, Clary 1984; Willey 1951; Willey, McGimsey 1954]. Находки пыльцы и фитолитов кукурузы и фитолитов таких клубнеплодов, как *Calathea allouia* и *Maranta arundinacea*, свидетельствуют и о занятиях огородничеством [Piperno 1984; 1989; 1991: 179; 1998: 440]. Скептики, однако, считают, что о наличии земледелия могут надежно свидетельствовать лишь макроостатки культурных растений [Staller 2003; Staller, Thompson 2002]. В любом случае, подвижность населения была связана не с истощением почв (ресурсы которых у земледельцев тропического леса вне пойм больших рек далеко превышают потребности), а с поиском обильных дичью участков леса [Carneiro 1964: 15].

Найденная на стоянках каменная индустрия состоит из отщепов, иногда с ретушью, скорее всего, служивших для обработки дерева, возможно, также кости и шкур. Подобные комплексы, самые ранние из которых известны в Колумбии (см. ниже), У. Херт предложил называть «традицией орудий с подправленным краем» [Hurt 1977: 274–277]. В Панаме, как и в Южной Америке, использование отщепов сочеталось с практикой растирания и разминания растительной пищи с помощью булыжников и галек. Изредка встречаются шлифованные топоры.

4750–4500 л. н. (т. е. одновременно или несколько раньше, чем в Мезоамерике [Hoopes 1994: 20]) в Панаме распространяется керамика типа монагрильо, содержащая в тесте песок. Вначале она лишена орнаментации, позже появляется простейший декор из прочерченных линий и наколов. Другими новшествами появление керамики не сопровождается.

Переход от бифасов к «орудиям с подправленным краем» на юго-востоке Центральной Америки свидетельствует об усиливающихся южноамериканских связях, что и естественно, учитывая сходство природной среды обоих регионов. По мнению А. Ранере, по мере все более полного приспособления к условиям обитания во влажных тропиках унаследованная от палеоиндейцев трудоемкая техника обработки камня была оставлена, ибо люди научились обходиться более простыми средствами [Ranere 1980: 35]. Подобный процесс мог развиваться независимо в разных районах и не свидетельствует о каких-то миграциях. Тем не менее любая унификация в одной сфере культуры могла облегчать взаимообмен и в других сферах. Существенно, что начиная с северной Коста-Рики и дальше, в Мезоамерике, двусторонне обработанные наконечники продолжают изготавливать, а близкие аналогии панамским отщепам в этих районах отсутствуют [Sheets 1994: 248–251].

В I тыс. до н. э. на юго-востоке Центральной Америки происходят значительные изменения в технологии и экономике, отраженные в росте населения, переходе к прочной оседлости, распространении технически совершенной керамики и топоров из шлифованного камня [Hansell 1987]. Предполагается, что после появления высокоурожайных сортов кукурузы и перехода к обработке плодородных пойменных земель, расчистка которых более трудоемка, чем обработка участков на склонах холмов, зернобобовое земледелие превратилось в ведущую форму хозяйства [Cooke, Ranere 1984: 8–9, 12–15; Linares 1980: 240; Linares, Ranere 1971: 351–352; Linares, Sheets 1980: 54; Linares et al. 1975: 144; Piperno 1984: 374]. Керамика центральной Панамы в III–I тыс. до н. э. обнаруживает колумбийские параллели [Lundberg 1978: 82–89].

После рубежа эр продолжается усложнение культуры, причем со второй или третьей четверти I тыс. н. э. можно предполагать появление политических образований уровня вождеств. Развитие отдельных районов не было равномерным. В частности, культуры, локализованные по тихоокеанскую сторону водораздела, отличаются, как правило, большей сложностью, чем находящиеся на карибском побережье. Возможно, это следует связывать с более высоким плодородием почв в районах интенсивного вулканизма. Проследить судьбы локальных культур не входит в нашу задачу. Существеннее отметить главные направления трансрегиональных контактов.

Основной категорией престижных предметов в Коста-Рике в первой половине I тыс. н. э. были каменные топоры с изображениями мифологических персонажей на обушке — так называемые ольмекские нефриты. Они создавались местными мастерами, но их общее сходство с мезоамериканскими образцами несомненно. Сделаны топоры не из нефрита, а из других камней зеленоватых, синеватых и желтоватых тонов, объединяемых термином жад [Дэвлет

2000]. Наиболее надежно датированные относятся к III–IV вв. н. э., т. е. скорее к концу Зонально-Бихромного, чем к началу Полихромного периода [Fonseca et al. 1978: 284]. Сама зонально-бихромная керамика, появляющаяся в III в. до н. э., связана с культурными комплексами Гватемалы и Сальвадора [Lundberg 1978: 88–89].

Подавляющее большинство топориков добыто грабителями могил. Когда район происхождения «нефритов» известен, им почти во всех случаях оказывается полуостров Никоя — конечный пункт более поздних мезоамериканских миграций. Наиболее крупная документированная коллекция связана со сборами и раскопками К. Хартмана в 1903 г. в районе Лас-Уакас, включающая десятки, если не сотни изделий. Таким образом, оказывается, что северо-западные притихоокеанские районы Центральной Америки находились в зоне мезоамериканского влияния еще до начала миграций отоманге и науа. Возможно, что сами эти миграции были стимулированы отсутствием здесь резкого культурного барьера для выходцев из Мексики.

В середине I тыс. н. э. в центральной Панаме (провинции Коклэ и Верагуас) возникает культура коклэ, традиции которой отчасти сохраняются вплоть до испанского завоевания. Наиболее известный памятник — могильник Ситио-Конте [Cremer, Haas 1985: 744–746; Dade 1972; Lothrop 1937–1943]. В захоронениях вождей здесь обнаружены сотни полихромных сосудов и украшений из золота и тумбаги (сплава золота с медью), а также останки сопроводительных жертв. В техническом и художественном отношении изделия соперничают с произведениями искусства цивилизаций Мезоамерики и Центральных Анд. Керамика коклэ найдена также на островах в Панамском заливе [Linne 1929, fig. 23].

Иконография коклэ не имеет предшественников в Центральной Америке и обнаруживает черты, характерные для иконографии Колумбии, Эквадора и северного Перу, хотя не копирует непосредственно ни один из южноамериканских стилей. Наиболее вероятно предполагать диффузию соответствующих мотивов, использовавшихся при создании трансэтнических элитарных стилей. Потребность в изобразительном искусстве такого рода возникла в связи с усложнением общества в Колумбии и Центральной Америке в период после 500–700 гг. н. э.

Продолжением этого процесса стало распространение подвесок из золота и тумбаги и соответствующих мотивов в орнаментации керамики на западе Панамы (провинция Чирики) и в Коста-Рике (провинция Дикис). Самый ранний металл, по-видимому, появляется здесь в последней четверти I тыс. н. э., хотя подавляющее большинство подвесок датируется последними столетиями перед конкистой, т. е. XIII — началом XVI в. [Bray 1981: 166]. Зооморфные существа и антропоморфные монстры, изображенные на подвесках,

в совокупности образуют набор мифологических персонажей примерно того же типа, что и наборы персонажей на «нефритовых» топориках с полуострова Никоя.

Металлургия золота и меди в итоге достигает области майя [Bray 1977: 390–393]. В частности, костариканские бубенцы найдены в священном сеноте (естественном колодце, куда бросали приношения) в Чичен-Ица на полуострове Юкатан [Lothrop 1952, figs. 80–83]. Однако южный иконографический комплекс далее Коста-Рики и, может быть, Никарагуа не проникает.

Наряду с андскими параллелями в иконографии коклэ представлены амазонские. Речь идет об антропоморфных урнах с лицом на горле, выделенным рельефно и росписью [Ladd 1964, pl. 1d]. С конца I — начала II тыс. н. э. подобные урны характерны как для северной Колумбии, так и для Амазонии. Вертикальные полосы ниже губы на урнах коклэ, по-видимому, передают зубы, что находит аналогию в культуре санта-мария (см. ниже о северо-западной Аргентине).

Резкие изменения в направлении культурных связей происходили на северо-востоке Гондураса и в прилегающих районах Никарагуа. В I тыс. до н. э. и особенно в последней трети II тыс. до н. э. местный керамический комплекс близок посуде ольмеков и ольмекоидных комплексов Центральной Мексики [Healy 1984]. В IV в. н. э. контакты с Мезоамерикой неожиданно прекращаются. Памятники середины и конца I тыс. н. э. оставлены небольшими группами охотников, рыболовов и земледельцев. С XI в. н. э. появляются крупные поселения и, вероятно, вождества.

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ КАРТА

Итак, материалы археологии свидетельствуют о том, что северо-запад Центральной Америки чаще всего находился под влиянием Мезоамерики, а юго-восток — под влиянием Южной Америки и что соответствующая граница отделяла полуостров Никоя от остальной Коста-Рики. Это деление приблизительно соответствует этноязыковым рубежам эпохи европейских контактов. На юго-востоке господствовали исключительно чибчаязычные этносы, на северо-западе лингвистическая ситуация была более сложной (см. рис. 8).

Языки чибча были изучены костариканским исследователем А. Констела Уманья [Campbell 1997: 174–176; Constela Umaña 1985]. Прародиной этой семьи должны были быть районы на границе Коста-Рики и Панамы, а время расхождения языков оценивается в пределах 5000 л. н. (больше, чем у майя и даже чем у юто-ацтеков, но меньше, чем у ото-манге). Общая лексика включает слова для обозначения кукурузы, сладкого маниока, тыквы, табака, лодки, керамики, что согласуется с археологическими данными.

Семья чибча делится на две основные ветви. Первая (чибча А) представлена только в западной Панаме (гуайми, бокота) и в Коста-Рике (терраба, брибри, кабекар, борука), причем входящие в нее языки сильно отличаются друг от друга. Вторая ветвь (чибча В) распространена как к северу, так и к юго-востоку от этих центральных районов (печ Гондураса, рама Никарагуа, гуатусо северо-западной Коста-Рики, куна восточной Панамы, а также чибча Колумбии, о которых речь пойдет ниже). Все колумбийские языки чибча отличаются друг от друга меньше, чем, например, куна от печ.

Наиболее богатые материалы по мифологии центральноамериканских чибча имеются для куна и для группы таламанка центральной Коста-Рики, включающей брибри и кабекар.

В пределах северо-западной половины Центральной Америки помимо упоминавшихся выше шинка, ленка, никарао, субтиаба, чоротегга и прочих «полумезоамериканских» этносов расселены еще две группы народов. Одни из них образуют семью мисумальпа, занимавшую большую часть Никарагуа и северо-восток Гондураса. Ограниченные данные по мифологии имеются здесь для суму и мискито. Мискито в колониальный период смешались с потомками негров-рабов, но первоначально были, по-видимому, очень близки суму. Вторая группа — индейцы хикаке (или толупан) центрального Гондураса, возможно, родственные, как уже отмечалось, текистлатек Оахаки и в прошлом занимавшие территорию до самого карибского побережья. К северо-западному ареалу относятся также печ, оказавшиеся на севере Гондураса в отрыве от основного массива чибча. Традиционная культура не только печ, но и хикаке напоминает скорее южно-, нежели мезоамериканские образцы. В частности, те и другие в прошлом не знали ткачества и делали одежду из луба [Hagen 1946: 143; Stone 1957: 78].

Северные Анды

ПАЛЕОИНДЕЙСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Наиболее важные плейстоценовые памятники этого региона находятся в Восточной Кордильере на небольшом плоскогорье Сабана-де-Богота в районе современной столицы Колумбии.

Десять радиоуглеродных дат из нижнего слоя стоянки Текендама-1, расположенной на юго-западе плоскогорья на высоте 2570 м над уровнем моря (далее — н. у. м.), укладываются, в согласии с микростратиграфией, в отрезок времени между 11 000 и 9800 л. н. [Correal Urrego, Hammen 1977: 32]. Здесь найдено несколько орудий, изготовленных с применением отжимной ретуши, в том числе фрагмент двусторонне обработанного наконечника. Его нижняя

часть отломана, что не позволяет судить, имелся ли желобок. Среди костных материалов преобладает олень. Отсутствие лошади и мастодонта, быть может, связано с расположением стоянки в сильно пересеченной местности. Время обживания Текендамы совпадает с горным оледенением [Correal Urrego, Hammen 1977: 16], которое, по-видимому, соответствует молодому дриасу. После этого наступают потепление, плоскогорье покрывают леса.

На северо-восточной оконечности Сабаны-де-Богота исследованы два других памятника, расположенных в сходных с Текендамой природных условиях. Один из них, Тибито, был местом разделки туш мастодонтов, лошадей и оленей [Correal Urrego 1981]. Нижний слой III имеет дату $11\ 740 \pm 100$ л. н. В это время злаковые степи на плоскогорье чередовались с лесами на горных склонах. Каменный инвентарь в основном состоит из ретушированных пластин и скребков. Наконечников нет. Костяные орудия представлены скребками и проколками. Вышележащий слой IIIA относится к периоду похолодания и иссушения климата и, видимо, синхронен материалам нижнего слоя Текендамы. Мастодонты продолжают оставаться объектами охоты, но каменная индустрия, похоже, приходит в упадок (почти нет ретушированных пластин). После 9500 л. н. степная растительность в районе Тибито тоже сменилась лесной.

В 10 км к северо-востоку от Тибито расположены гроты группы Эль-Абра [Correal Urrego 1986; Hurt 1977]. Кости крупных млекопитающих здесь не найдены. Каменная индустрия во всей стратиграфической колонке однообразна и представлена в основном отщепами с подправкой рабочего края или без нее. В гроте 2, где проводились основные раскопки, нижняя свита прослоек (С) очень тонка и несколько оказавшихся в них артефактов вполне могли попасть туда из более позднего слоя D-1 [Hurt 1977: 274–277]. Если это так, то первому появлению людей в Эль-Абра соответствует дата не $12\ 400 \pm 160$ л. н. (для прослойки С-3), а 9325 ± 100 л. н. (для прослойки D-1). Переход от слоя С к D совпадает с границей голоцена, исчезновением открытых пространств и распространением лесов. Логично предположить, что именно эти природные изменения содействовали изменениям в культуре.

В голоценовых слоях стоянки Текендама также исчезают двусторонне обработанные орудия и распространяются отщепы типа эль-абра; появляются раковины пресноводных моллюсков, преобладают кости не оленя, а грызунов [Correal Urrego, Hammen 1977: 108, 186–187]. Аналогичные материалы найдены и в еще одном гроте в пределах Сабаны-де-Богота, Суэва, где они датированы $10\ 090 \pm 90$ л. н. [Correal Urrego 1981: 11; 1986: 125, 127; Lynch 1983: 113]. В Суэва обнаружено и древнейшее в Колумбии погребение. Похожие комплексы представлены в местонахождениях, расположенных на возвышенностях вдоль тихоокеанского побережья и в долине Магдалены [Reichel-Dolmatoff 1986: 47–48].

Переход от палеоиндейской техники двусторонней обработки каменных наконечников к «традиции орудий с подправленным краем», по-видимому, отражает адаптацию к обитанию в новых условиях тропического леса. Освоение экосистем влажных тропиков происходило в Колумбии и по западную сторону континентального водораздела. Так, на средней Магдалене в местонахождении Палестина-2 обнаружены материалы (ретушированный сланцевый нож) с датами 10 230±80 и 10 400±90 л. н. [Lopez Castano 1989]. В верховьях реки Каука исследована открытая стоянка Сан-Исидро, для которой получены даты 9530±100, 10 030±60 и 10 050±100 л. н. [Gnesso, Mora 1997: 683–687]. Остатки флоры и фауны свидетельствуют, что в этот период вокруг рос дождевой лес, близкий к тропическому, но в видовом отношении более бедный. Среди орудий — двусторонне обработанные листовидные наконечники и шлифованный топор. Много галек для растирания растительной пищи. Авокадо и арроурут в это время уже, возможно, выращивали [Gnesso, Mora 1997: 689].

В разных районах горной, прикарибской и притихоокеанской Колумбии найдены отдельные двусторонне обработанные каменные наконечники, в том числе с желобком в основании. За исключением упомянутой выше находки у залива Ураба, связанной скорее с центральноамериканским регионом, ни один из подобных наконечников не относится к типам фелл или кловис. Большинство имеет выраженный черешок, некоторые — сильно отставленные жальца, отношение ширины к длине колеблется от 1:1,1 до 1:3,5 [Lopez Castaño 1989, lam. 5; Olsen Bruhns et al. 1976; Reichel-Dolmatoff 1986, figs. 3–10]. Крупные (8–11 см длиной) ланцетовидные двусторонне оббитые наконечники эль-хобо найдены в нескольких соседних местонахождениях северо-западной Венесуэлы [Crucent, Rouse 1956]. Эти орудия напоминают разные типы посткловисских североамериканских наконечников, более всего те, которые обнаружены в одной из пещер Орегона [Jennings 1968, fig. 3.24]. Наконечники эль-хобо, возможно, служили для охоты на приходивших к водопоям мастодонтов, лошадей и гигантских ленивцев, во всяком случае найдены вместе с их костями. Однако из-за нарушенной стратиграфии датировка памятников ненадежна, несмотря на серию радиоуглеродных дат, укладываемых между 13 000 и 16 000 л. н. [Gruhn, Bryan 1984; Lynch 1990: 18].

Наличие нескольких сильно различных форм наконечников в пределах относительно небольшого, хотя экологически разнообразного региона Северных Анд означает, что с проникновением палеоиндейцев на новые территории исходный тип метательных орудий (если таковой вообще был) легко порождал множество вариантов. Тем более интересно в таком случае, что от Мексики до Патагонии найдены одинаковые наконечники типа фелл.

КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО И ПОЗДНЕГО ГОЛОЦЕНА

Исследования на западе Колумбии позволяют предполагать, что в среднем голоцене эта область и экологически, и культурно была прямым продолжением Центральной Америки и что не позже 7000 л. н. здесь тоже появляются по крайней мере начатки земледелия. Раскопки в долине Калимы выявили следы двух докерамических комплексов [Salgado 1986]. Более древний (7310±140 л. н.) отличается наличием базальтовых топоров с сильными следами сработанности. В более позднем (4090±90 л. н.) увеличивается доля галечных орудий, предназначенных для растирания и разминания растительной пищи. Грубые рубящие орудия на гальках постепенно вытесняют топоры. В это время в составе флоры увеличивается доля трав, что истолковывается как результат расчистки леса под огороды. С подобным выводом согласуются результаты исследований в соседнем районе на восточном склоне Западной Кордильеры и в колумбийской Амазонии, где пыльца кукурузы вроде бы обнаружена в слоях V–IV тыс. до н. э. [Piperno, Pearsall 1998: 202–203, 263; Salgado 1986: 13].

Культура Сабаны-де-Богота, по крайней мере вплоть до III тыс. до н. э., не претерпела существенных изменений по сравнению с VIII–VII тыс. до н. э. Об этом свидетельствует каменная индустрия скальных навесов группы Чиа [Ardila Calderon 1984: 43, 67–68]. Анализ ботанических микроостатков здесь, однако, не проводился.

В прикарибской Колумбии наибольший интерес представляют поселения V(IV?)–II тыс. до н. э. в низовьях реки Магдалена [Bischof 1966; Caycedo 1987; Plazas, Falchetti 1986; Reichel-Dolmatoff 1962; 1971b; 1972; 1985b; 1986: 53–67; Willey 1971: 268–271]. Условно (преемственность между этапами не очевидна) их можно объединить в культуру пуэрто-ормига. Эти памятники расположены по берегам морских лагун и речных протоков, но есть и поселения на возвышенностях близ временных водотоков. Самые ранние даты получены на поселениях Сан-Хасинто 1 (5940±60 л. н., 5700±430 л. н., 5665±75 л. н.), Пуэрто-Чачо (5220±90 л. н.) и Монсу (5300±80 л. н.), причем древность последнего памятника, возможно, завышена, ибо стилистически соответствующая керамика должна относиться ко времени на тысячу лет позже [Hoopes 1994: 16–17].

Площадь поселений находится в пределах 0,25–0,75 га, а толщина культурных напластований — 0,5–3,0 м. Всклопления имеют в плане круглую или слегка овальную форму с западиной посредине. По-видимому, строения располагались кольцом (в Барловенто — полукольцом) по периметру центральной площадки и возводились из недолговечных материалов. В основании Монсу выявлены, однако, следы массивных столбов, возможно, поддерживавших крышу общинного дома типа амазонской малоки.

Керамика культуры пуэрто-ормига украшена прочерченным геометрическим орнаментом. Преобладают шаровидные сосуды типа текомате, первоначально, по-видимому, копировавшие калембасы. В тесте примесь растительных волокон. С конца IV — начала III тыс. до н. э. в качестве отощителя используется песок, на сосудах появляются зооморфные налепы.

На всех поселениях найдены кости рыб, черепа, раковины моллюсков, но насыщенность ими слоя невелика, и значительную роль в питании, несомненно, играли растительные продукты. Это подтверждается и наличием каменных орудий для растирания и разминания растительной пищи, обилие и разнообразие которых со временем росло. Попадают также отщепы и микропластины кремнистых пород, топорики с подшлифовкой. Особый интерес вызывает огромное количество микропластин в слоях III тыс. до н. э. на поселении Сан-Хасинто-2 [Caycedo 1987: 13]. Опираясь на данные этнографии, трудно представить для них иное назначение, нежели оснащение терок для растирания клубней горького маниока. По своим почвенно-климатическим условиям низовья Магдалены хорошо подходят для выращивания этого клубнеплода. Здесь же известен и съедобный дикорастущий маниок.

Каменные индустрии карибского побережья Южной Америки вплоть до восточной Венесуэлы сходны с известными в Центральной Америке, т. е. представлены преимущественно типологически невыразительными орудиями на отщепках [Sanoja, Vargas 1983: 207–210].

Так же, как и в Центральной Америке, в конце II — середине I тыс. до н. э. в Колумбии распространяются культуры, имеющие явно земледельческую основу. На смену пуэрто-ормига в низовья Магдалены приходит культура маламбо [Angulo 1981; Reichel-Dolmatoff 1986: 70–72]. На поселениях маламбо найдены керамические сковороды, которые, судя по этнографическим данным, использовались для прожаривания маниоковой муки. Следов обработки кукурузы, напротив, нет, равно как и остатков съедобных моллюсков, хотя условия для занятий водным собирательством остались благоприятными. К западу от дельты Магдалены в низовьях реки Сину с маламбо сопоставим комплекс момиль-I [Reichel-Dolmatoff 1957; 1986: 72–81]. Само поселение Момиль площадью около 1 га и мощностью культурных отложений 3 м выглядит как земледельческий тель. Насыщенность слоя артефактами, прежде всего керамикой (с прочерченным орнаментом и с белой и черной росписью по красному фону), много выше, чем на поселениях культуры пуэрто-ормига. Комплекс момиль-I был связан с выращиванием маниока, а более поздний комплекс момиль-II — кукурузы. Три радиоуглеродные даты для момиль-I приходятся на III–II вв. до н. э., но стилистические аналогии с Мексикой, Центральной Америкой, Эквадором, Перу

указывают, пожалуй, на более раннее время. Переход от раннего комплекса к позднему был вызван не просто изменениями в хозяйстве, а, скорее всего, приходом нового населения (изменяется, например, тип керамических статуэток).

На юго-западе Колумбии резкие культурные изменения (первая в регионе металлургия золота, скульптурная керамика со сложной иконографией, имущественная дифференциация захоронений) явно обусловлены влиянием со стороны Эквадора и связаны с культурой илама [Bray et al. 1985; 1988]. Она датируется VIII–II вв. до н. э. и именно в ее слоях найдены древнейшие в Колумбии макроостатки кукурузы [Kaplan, Smith 1988: 43]. В I тыс. н. э. на территории горной, притихоокеанской и прикарибской Колумбии и северо-западной Венесуэлы происходит становление обществ того же типа, что и в Центральной Америке: йотоко (она же классическая калима), сан-агустин, тьеррацентро, культура средней Кауки (кимбая) и др.

Хронология всех этих культур пока далека от ясности, равно как и ассоциация керамических комплексов с определенными художественными стилями, отраженными в торевтике и каменной скульптуре. Характерна сильная имущественная дифференциация погребений при отсутствии крупных поселений и храмовых платформ. Лиц высокого статуса хоронили в шахтовых могилах с боковыми камерами, глубина которых на средней Кауке достигала 30 м [Olsen Bruhns 1972: 142]. В верховьях Магадалены в культуре сан-агустин для подобных целей служили обрамленные каменными изваяниями склепы, в которых находились каменные саркофаги [Duque Gomez, Cubillos 1979; Cubillos 1986]. Соответствующие общества, скорее всего, представляли собой группы небольших вождей [Drennan et al. 1991; Olsen Bruhns 1992; 1994: 276].

В изобразительном искусстве культур Северных Анд, так же, как Панамы и Коста-Рики, заметны иконографические параллели с Эквадором и Перу, но этнографические особенности (украшения и одежда), отраженные в памятниках искусства, указывают на преобладающие связи с северо-западной Амазонией [Olsen Bruhns 1983]. Погребения в урнах, появляющиеся в Северных Андах со второй половине I тыс. н. э., связаны с амазонской традицией и совершенно чужды культурам как Центральных Анд, так и Мезоамерики. Судя по материалам из района Калимы на юго-западе Колумбии [Bray et al. 1981: 4; Gahwiler 1983; 1988], первые культуры с погребальными урнами имеют мало общего с более древними местными. Нельзя исключать, что их оставили группы мигрантов из районов к востоку от Анд.

Не ясно, дожила ли хоть одна из «классических» культур юга горной Колумбии до испанского завоевания. Смена керамических стилей в отдельных районах [Bray et al. 1983; Reichel-Dolmatoff 1972: 115–129] свидетельствует о достаточно частых передвиже-

ниях населения. Следует учитывать, что ареалы отдельных земледельческих культур Северных Анд не превышали в поперечнике нескольких десятков километров. Соответствующие группы людей могли быть легко вытеснены со своей территории, а то и истреблены соседями.

ПОЗДНИЕ КУЛЬТУРЫ И ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТА К МОМЕНТУ ЕВРОПЕЙСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Район Дарьена (т. е. север тихоокеанского и крайний запад карибского побережья Колумбии) населяли индейцы семьи чокó, состоящей из языков эмберá (большая часть территории) и нонамá, или ваунáна (крайний юг ареала чоко) (см. рис. 8). Время расхождения между обоими оценивается примерно в 2000 лет [Campbell 1997: 172]. В популярных изданиях языки чоко часто относили к карибским, что нашло отражение и на лингвистической карте континента в «Атласе Древней Америки» [Coe, Snow, Benson 1986: 156]. Однако большинство лингвистов воздерживается от атрибуции чоко [Durbin 1985: 340]. Отдаленное родство возможно (и исторически правдоподобно) скорее с чибча [Campbell 1997: 172]. В XVI в. на эмбера говорили создатели культуры сину, распространенной в бассейне одноименной реки и далее на юг в бассейне Кауки. Люди сину, политически организованные в период контактов с испанцами в три крупных вождества, знамениты своими изделиями из золота и масштабными мелиоративными работами в заболоченных местностях.

Предполагается, что в притихоокеанской зоне чоко появились недавно, так как их культура не была приспособлена к использованию морских ресурсов, а в языке отсутствует соответствующая лексика. В XVI в. близ тихоокеанского побережья жили индейцы идабаэс, о которых мало известно [Jijon у Saamanó 1938: 191–192; Rowe 1950]. Языки побережья, локализованные далее к югу по направлению к Эквадору, плохо изучены и осторожными исследователями считаются изолированными. Речь идет о юруманти [Elias Ortiz 1946] и эсмеральда [Campbell 1997: 172, 184], по которым у нас нет текстового материала.

С кем граничили языки чоко на востоке, не очень понятно, но, скорее всего, это были какие-то группы чибча. Колумбийская ветвь чибча, ближе всего родственная панамским куна, представлена двумя группами языков: северной (коги и ика Сьерра-Невады, а также чимила, жившие в прилегающих к этому горному массиву низменностях низовьев Магдалены) и южной. К последней принадлежат индейцы Восточной Кордильеры — от муисков плоскогорья Сабана-де-Богота до тунебо и бари, обитавших севернее — вдоль нынешней границы между Колумбией и Венесуэлой.

Общества как муисков, так и тайрона — непосредственных предков или, во всяком случае, родственников коги — к моменту конкисты были весьма сложно организованы. Для них характерны поселения с числом обитателей до нескольких тысяч человек (по крайней мере у тайрона [Castaño 1987: 232–235]), могущественные вожди, развитые ремесло и торговля. Соответствующие культуры археологически фиксируются очень поздно, и можно предполагать, что их формирование было связано с расселением чибча из Центральной Америки. Культура муисков прослеживается максимум до VII–IX вв. н. э. [Boada 1987: 10–11; Castillo Espitia 1984: 229–230; Reichel-Dolmatoff 1986: 178], тайрона внезапно появляется в X в. н. э.; более ранние даты (VI–VII вв. и раньше [Bischof 1983: 77; Cadavid, Caucedo 1986]), связаны с иной культурой, негуанхе, поселения которой люди тайрона заняли и отдельные элементы которой унаследовали [Langebaek 1987: 88].

Х. Рейхель-Долматов писал, что в архитектуре тайрона прослеживаются параллели с костариканским поселением Гуаябо [Reichel-Dolmatoff 1986: 195], но мне трудно проверить это утверждение. В культуре коги (и, может быть, также муисков, хотя те известны гораздо хуже) есть весьма специфические мезоамериканские элементы — календарные единицы по 20 дней, представления о четырех сторонах света, имеющих каждая свой цвет, о реке слез на пути в мир мертвых и пр. [Reichel-Dolmatoff 1985a: 229–232, 236; Zuidema 1992: 251]. Не исключено, что предки чибча заимствовали в Центральной Америке отдельные черты мезоамериканской культуры и принесли их в Колумбию. В то же время культура тайрона, как и вообще большинство поздних культур Колумбии, демонстрирует определенные черты, характерные для северной Амазонии XIII–XV вв. н. э. Это, в частности, практика захоронения в антропоморфных урнах и нерасписная керамика. В других поздних культурах Колумбии и Эквадора, особенно локализованных в долинах Кауки и Магдалены, концентрация таких черт еще выше (деформация икр ног с помощью перевязок; фаллокрипт; чаша на поддоне; крышки погребальных урн, увенчанные фигурой, восседающей на скамье; круглый щит в руках подобного персонажа; декоративные полосы, перекрещивающиеся на груди; и пр. [Reichel-Dolmatoff в Castaño, Davila 1984: 98]). Существуют археологические свидетельства продвижения около тысячи лет назад на северо-восток Колумбии с равнин Ориноко традиции, для которой характерны захоронения в антропоморфных урнах [Ardila Calderon 1986: 70–72].

Данных о языковой принадлежности племен, обитавших в XVI в. в долинах Магдалены и средней Кауки, практически нет. На основании нескольких сохранившихся лексем высказывалось предположение, что это были карибы, но доказать подобную ги-

потезу невозможно [Durbin, Seijas 1973; Rowe 1974a: 47]. Исторически она, однако, вполне вероятна, тем более что на северо-востоке Колумбии карибские группы сохранились до наших дней. Это юпа, живущие в горах Сьерра-де-Периха и пришедшие туда из льяносов Венесуэлы [Tarble 1985: 69]. В любом случае, амазонские связи Северных Анд, явствующие из анализа археологических материалов, вполне подтверждаются сравнением материалов по мифологии.

Культуры чибча Восточной Кордильеры весьма различны, несмотря на близкое языковое родство их создателей. Жившие на плоскогорье и достигшие протогосударственного уровня политической интеграции, муиски имеют мало общего с бари — полуоседлыми обитателями тропического леса на восточных склонах Анд. К сожалению, из-за ограниченности мифологических материалов по всем индейским народам горной и приморской Колумбии, кроме коги и чоко, при составлении корреляционных таблиц соответствующие данные пришлось соединять в один кластер.

Для юга горной Колумбии основные мифологические материалы собраны по паэс и гуамбия верховьев Кауки. Язык гуамбия вместе с языком коайкер (авапит), локализованным на границе Колумбии с Эквадором, относится к северной ветви семьи барбакоа. Языки ее южной ветви, колорадо и каяпа, проникли далее в Эквадор. Паэс не имеет явных родственников (возможные разбросаны от устья Ориноко до севера Чили), а гипотеза о его близости к гуамбия была основана на недоразумении — смешении в одной из ранних записей слов, взятых из двух разных языков [Curnow 1998].

Еще два южноколумбийских языковых изолята — камса (сибундой) и кофан. Первые занимают юго-восточный угол горной Колумбии, а вторые — склоны Анд, обращенные к Амазонии. В XVI в. камса был распространен весьма широко, но позже оказался почти вытеснен кечуа, который в южной Колумбии называют инга, или ингано, т. е. «инкский».

Последний изолят, связанный с североандским ареалом, — это тимотэ, язык коренного населения Восточной Кордильеры на западе Венесуэлы. Тимотэ практически не изучен, этнографических данных по его носителям мало, а мифологических нет совсем. Известно, однако, что в культурно-хозяйственном и социально-политическом отношении индейцы тимотэ, наряду с муисками и тайрона, принадлежали к наиболее развитым обществам североандского региона [Acosta Saignes 1952: 54–64]. Находки на территории тимотэ «крылатых» подвесок, видимо, изображающих летучую мышь [Vellard 1938], заставляют подозревать, не являются ли тимотэ близкими родственниками тайрона, поскольку подобные достаточно специфические изделия характерны именно для них [Reichel-Dolmatoff 1986, figs. 174, 175].

Среди индейцев Северных Анд выделяются гуахирос, расселенные на засушливом полуострове того же названия на крайнем северо-востоке Колумбии и в сопредельной части Венесуэлы. Гуахирос еще в XVI в. научились от испанцев разводить крупный рогатый скот, что привело к радикальной трансформации их культуры и значительному росту численности. Сейчас это крупнейший индейский этнос в регионе. Язык гуахирос относится к аравакской семье, причем ближе всего находится к языкам араваков побережья Гвианы и Антильских островов [Campbell 1997: 180–181]. По материалам археологии можно заключить, что араваки переселились с Ориноко на полуостров Гуахирос в третьей четверти I тыс. н. э. [Ardila Calderon 1986]. Сперва они оставались земледельцами, выращивали горький маниок и не селились на побережье. В дальнейшем природные условия полуострова способствовали упадку земледелия и росту значения присваивающих отраслей хозяйства. Более ранними жителями полуострова, ориентированными как раз на эксплуатацию прибрежной зоны, были люди культуры пуэрто-ормига [Angulo 1986; Gallagher 1976: 160–162]. В первых веках нашей эры сюда из устья Магдалены пришли новые группы, продолжавшие заниматься охотой, рыболовством и морским собирательством, но, кроме того, выращивавшие маниок. По следам араваков (традиция орноиде) на полуостров с востока проникли создатели традиции ранчоиде (карибы?), выращивавшие кукурузу и, по-видимому, растворившиеся среди других народов северо-восточной Колумбии за пару веков до появления европейцев [Ardila Calderon 1986: 72].

Эквадор, Центральные и Южные Анды ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ

Северо-запад и юго-восток Центральных Анд представляют собой как бы два сочлененных клина — прибрежный, обращенный острием к юго-востоку, и горный, обращенный к северо-западу.

На севере береговая полоса широкая, речные долины сравнительно крупные, море богато рыбой, зато в горах мало широких ровных участков. Главные центры культурогенеза всегда располагались здесь близ берега океана. На юге, напротив, основные природные ресурсы сосредоточены на обширном Боливийском плоскогорье (выше 3000 м н. у. м.), а горы круто обрываются в море, оставляя очень мало земли, пригодной для хозяйственного освоения. Покрытая травянистой растительностью высокогорная тундростепь пуна достаточно плодородна и представляет собой пре-

красное пастбище для травоядных животных. Соответственно, северо-запад и юго-восток Центральных Анд резко отличаются друг от друга в отношении климата, растительности и ландшафта. Ранее III тыс. до н. э., когда условия влажных тропиков господствовали и на северном побережье Перу, эти отличия были еще более резкими. Природные условия центрального Перу промежуточны между югом и севером.

Эквадор в природном и историко-культурном отношении занимает промежуточное положение между Северными и Центральными Андами. От Колумбии его отделяет горный узел, куда сходятся верховья долин Магдалены и Кауки, а от Перу — значительное сужение и понижение горных хребтов. В этом районе (около 6° ю. ш.) побережье наиболее доступно со стороны Амазонии, а меридиональные контакты между горными областями Эквадора и более южных районов Перу, напротив, затруднены.

Благодаря воздействию текущего из Антарктики холодного течения Гумбольдта побережье Перу засушливо и относительно прохладно. Притихоокеанская же равнина Эквадора орошается обильными дождями, которые несут с запада пассаты. В годы глобального климатического дисбаланса (явление эль-ниньо) климатическая граница сдвигается к югу, и на побережье северного, а иногда и центрального Перу выпадают осадки. Ранее III тыс. до н. э. такое состояние было нормой и природные условия на северном побережье Перу были примерно такими же, как сейчас в Эквадоре [Richardson 1983: 265–267; Rollins et al. 1986; Sandweiss 1983].

ДРЕВНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ ГОРНОГО ЭКВАДОРА

В горном Эквадоре на высоте 2250 м исследовано открытое местонахождение Эль-Инга [Bell 1961; 1965; Mayer-Oakes 1973; 1986]. Здесь найдены «рыбкообразные» (типа фелл), черешковые и листовидные наконечники, как с желобком в основании, так и без него, а также резцы и большие плоско-выпуклые скребки. Мощность отложений составляет 45 см, стратиграфия прослеживается с трудом, но типичных для поздних культур терочных орудий нет. Радиоуглеродные даты дают разброс от 9000 до 4000 л. н. Южнее в гроте Чобчи (высота 2400 м) и на открытой стоянке Кубилан (3100 м) найдены черешковые наконечники разных пропорций [Lynch 1989; 1983, fig. 3.9; Temme 1982]. Ископаемая фауна нигде не обнаружена. Радиоуглеродные даты — в пределах 10 000–7500 л. н. для Чобчи и 10 500–9100 л. н. для Кубилан. Большинство форм наконечников находит параллели среди хуже датированных колумбийских находок.

ДРЕВНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ ТИХООКЕАНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

На западном побережье Южной Америки от Эквадора (п-ов Санта-Элена) до севера чилийской Атакамы (район Писагуа) каменная индустрия древнейших памятников представлена главным образом невыразительными отщепами, напоминающими «традицию орудий с подправленным краем». В Эквадоре это культура векас, начальный этап которой датирован периодом 9800–8000 л. н. [Piperno, Pearsall 1998: 183–199; Stothert 1985; 1990; 1992]. Для нижнего слоя одной из стоянок получены более ранние даты в пределах 10 800–10 100 л. н. Хотя автор раскопок относит их к культуре «до-векас» [Stothert 1985: 618–619], нет оснований считать, что перед нами принципиально отличный комплекс. Изучение фаунистических остатков позволило установить, что более половины животных белков людям векас давала наземная охота, более трети — морское рыболовство и десятую часть — сбор съедобных моллюсков [Stothert 1992: 44].

На севере побережья Перу в районе Талара неподалеку от эквадорской границы Дж. Ричардсоном выделен комплекс амотапе с датами 11 200±115 л. н. и 8125±80 л. н. [Richardson 1978; Stothert 1985: 632]. Индустрия не отличается от более позднего комплекса сичес VI–V тыс. до н. э. [Richardson 1973: 199], фауна в обоих случаях представлена раковинами живущих в манграх моллюсков. Однако памятники амотапе обнаружены не близ моря, как стоянки сичес, а в 16 км от современной береговой линии на возвышенностях, в прямой видимости от расположенных в данном районе выходов тяжелых компонентов нефти [Richardson 1981: 147]. Ричардсон предполагает, что люди добывали здесь оказавшихся в смоляной ловушке животных. По мере иссушения климата в голоцене и вымирания крупной наземной фауны хозяйственная деятельность все более сосредоточивалась на берегу моря. Одновременные лагерям амотапе базовые стоянки близ океана, скорее всего, затоплены.

Группа ранних стоянок открыта на крайнем юге побережья Перу. Благодаря крутизне склона они располагались хоть и вблизи океана, но высоко над водой и поэтому в голоцене не были уничтожены морской трансгрессией. На поселении Ринг-Сайт, имевшем форму кольца, культурный слой состоял в основном из морских раковин, каменная индустрия оказалась сходна с характерной для сичес и амотапе [Richardson 1986; Sandweiss et al. 1989]. Судя по четырем радиоуглеродным датам из разных слоев, поселение существовало в период между 10 500 и 7800 л. н. Для позднеплейстоценовых слоев расположенной примерно в том же районе стоянки Кебрада-Хагуай получена серия дат от 11 100 до 9850 л. н. [Sandweiss et al. 1998; 1999; Wilford 1998]. Фаунистические остатки

свидетельствуют о занятиях рыболовством и морским собирательством. Каменных наконечников нет. Авторы раскопок полагают, что обитатели стоянки временами спускались к морю, а временами уходили в горы. Еще на одной соседней стоянке, Кебрада-Такауай (10 700 л. н.), преобладают кости анчоусов и морских птиц. Анчоусов, по-видимому, ловили сетями [Wilford 1998].

Комплексы данного типа заходят в северную часть чилийской Атакамы, где представлены нижними (с датами 9760 ± 365 , 7850 ± 280 л. н.) слоями стоянки Тиливиче-1b [Llagostera 1992: 90; Nuñez 1983: 181; 1986: 41]. Хотя она и расположена в 40 км от моря, однако оставлена людьми, занимавшимися эксплуатацией ресурсов побережья. Дальше на юг, по крайней мере от района Антофагасты (стоянка Кебрада-лас-Кончас), древнейшие известные материалы также относятся к раннему голоцену (9500 л. н.), но имеют другой характер. Здесь начинается ареал культуры уэнтелаукен центрального побережья Чили, для которой характерны черешковые каменные наконечники и точеные каменные диски с зубцами по краю [Llagostera 1979; 1992: 90–91; Nuñez 1983: 187–190]. Похожие диски есть в упоминавшейся выше культуре ла-холья побережья южной Калифорнии (7000–5000 л. н.; [Eberhart 1961; Jennings 1968: 154–155]). Возможность генетической связи между обоими комплексами трудно комментировать.

В северной части прибрежного ареала представлены еще две ранние традиции. В Эквадоре на п-ове Санта-Элена [Cole 1973: 31], на севере Перу в верховьях Пьюры [Chauchat, Zevallos 1980, pl. 28] и в долине Моче [Ossa 1976, pl. 37] сделаны случайные находки наконечников типа фелл. Наконечник из Пьюры отличается от классических крупными размерами, очень выраженным черешком и отсутствием на нем продольных сколов, а об эквадорском у меня нет точных данных. Наконечник из Моче, однако, вполне идентичен найденным в Центральной Америке, в горном Эквадоре (Эль-Инга) и в Патагонии. В более южных районах перуанского побережья наконечники фелл не обнаружены.

Вторая традиция связана с обработанными двусторонней оббивкой черешковыми наконечниками пайхан. Некоторые из них напоминают черешковые наконечники из Колумбии и горного Эквадора, но большая часть крупнее (12–22 см в длину) и имеет более вытянутые пропорции. Предполагается, что наконечники пайхан служили для охоты на мелкую дичь или для битья рыбы в речках [Chauchat 1988: 58; Lynch 1983: 107–108]. Стоянки пайхан расположены на побережье Перу от Ламбайеке до Ики [Bonavia, Chauchat 1990; Chauchat, Bonavia 1995], а по долине Касма заходят также в горы, где встречены, однако, лишь в самом нижнем слое одного из скальных навесов [Malpass 1985; s. a.: 19]. Ни на крайнем юге перуанского побережья, ни на побережье Эквадора их нет. Хотя на стоянках

пайхан найдены кости морских рыб, памятники расположены не ближе, чем в 10 км от берега [Chauchat, Bonavia 1995: 429]. Даты пайхан в основном ложатся в пределах 10 500–7750 л. н., не считая материалов скального навеса Кириуак, дающих разброс от 12 500 л. н. до 9000 л. н. [Chauchat 1978; 1988: 51, 59; Lacombe, Chauchat 1986].

ДРЕВНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ ГОРНЫХ РАЙОНОВ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И ЮЖНЫХ АНД

Учитывая различие природных условий, неудивительно, что ранние культуры горного Перу имеют мало общего с синхронными им комплексами побережья.

В горах основным типом ранних памятников являются расположенные под скальными навесами охотничьи стоянки, обитатели которых изготавливали небольшие двусторонние листовидные (реже треугольные с выемкой в основании) наконечники. Открытых стоянок очень мало [Rick 1988: 24]. Фауна во всех достоверных случаях современная. В пещере Уарго (департамент Уануко, 4050 н. у. м.) найдено ребро наземного ленивца якобы со следами обработки, по которому получена дата 13 450 л. н. [Cardich 1973], но материалы крайне невыразительны. В пещере Учкумачай (4050 м н. у. м., департамент Хунин) скребок и несколько отщепов найдены вместе с костями лошади [Kaulicke 1980: 48; Rick 1988: 12], однако нет уверенности, что артефакты не проникли из верхних отложений. Радиоуглеродных датировок для этой пещеры нет. Все перуанские наскальные росписи, относимые к рубежу плейстоцена/голоцена или к раннему голоцену, в том числе в Токепала на юге горного Перу, изображают камелидов (видимо, гуанако) и людей [Bonavia 1991, foto 15; Disselhoff 1966: 34; Ravines 1967–1968]. Ископаемые виды животных на них не представлены.

Что касается так называемого комплекса паккайкаса в пещере Пикимачай, департамент Аякучо, который Р. Макниш датировал временем 22 000–13 000 л. н., археологи единодушно отвергают связь соответствующих находок с деятельностью человека, ставя под большое сомнение и реальность более позднего комплекса аякучо [Cohen 1977: 237; Lynch 1990: 23–25; Rick 1988: 12–16]. Признанная стратиграфия пещер в Аякучо (2700–3300 м н. у. м.) начинается с комплекса уанта, который Р. Макниш датировал в пределах 10 750–9650 л. н. [MacNeish et al. 1970: 35]. В этом комплексе найден по крайней мере один наконечник близкий типу фелл, хотя и без желобка. Комплекс уанта плавно переходит в комплекс пуэнте (9650–8550 л. н.), в котором напминающих тип фелл наконечников нет, а представлены вытянутые пятиугольные, позже листовидные, черешковые и другие формы.

Большинство раннеголоценовых памятников с каменными листовидными и треугольными наконечниками сосредоточено

в северо-центральной части Перу в департаментах Анкаш, Уануко и Хунин и на крайнем юге страны в департаменте Такна. Основные материалы получены в пределах небольшого высокогорного района в центральном Перу — Пуна-де-Хунин. Именно здесь расположены скальные навесы Телармачай, Учкумачай, Пачамачай и др., под которыми проводились раскопки. Немного далее на северо-запад в верховьях Мараньон находится пещера Лаурикоча, где, помимо артефактов, обнаружены раннеголоценовые захоронения (антропологический тип долихокранный, близкий лагидам, см. ниже [Bonavia 1991: 80–81; Cardich 1994a: 175]). Зона распространения листовидных и треугольных наконечников тянется далее на юг в северо-западную (пещеры группы Уачочакана [Fernandez Distel 1974; 1975; 1985; 1988]) и западную (пещеры Аямпитин, Интиауси [González, Perez 1976: 24]) Аргентину, а затем, как уже говорилось, выходит на центральное и часть северного побережья Чили.

Самые ранние находки в северо-западной Аргентине сделаны в нижнем слое пещеры Инкакуэва, где вместе с треугольными наконечниками, боковыми и концевыми скребками из кварцита обнаружены остатки корзин и изделий из шерсти верблюдовых, бусы, подвески. Фауна современная, представлена мелкими и средними по размеру видами, четыре даты приходятся на период от 10 620 до 9230 л. н. [Nami 1996: 255–256, 260]. На западе Аргентины в провинции Неукен треугольные наконечники и современная фауна найдены в пещере Трафуль, дата 9430 ± 230 л. н. [Nami 1996: 259, 262]. Ниже располагается еще один недатированный слой, где найдены отщепы, близкие по технологии изготовления индустрии нижнего слоя пещеры Фелл в Патагонии (см. далее).

Если исключить сомнительные случаи, связанные с возможным проникновением небольшого числа артефактов в нижележащие прослойки (как в самом глубоком слое пещеры Пачамачай [Rick 1980]) или резким выпадением одной радиоуглеродной даты из общей серии (дата 12 560 л. н. для пещеры Гитарреро [Lynch 1980; Lynch et al. 1985]), то начало заселения человеком горных районов Центральных Анд вплоть до высоты 4000 м н. у. м. должно быть отнесено ко времени 10 700–10 500 л. н., что совпадает с начальными датировками для комплексов пайхан и ринг-сайт — амотапе [Rick 1987: 70].

КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО ГОЛОЦЕНА

Использование листовидных (позже также подтреугольных, ромбовидных и прочих) двусторонне обработанных наконечников продолжалось в горных районах Центральных Анд до начала II тыс. до н. э. В среднем голоцене такие наконечники появляются также на центральном и южном побережье Перу [Engel 1980: 108; Lanning

1963] и на крайнем севере чилийского побережья [Kolata 1983: 272], что и естественно, учитывая неизбежное взаимодействие жителей узкой приморской полосы с обитателями хинтерланда. Отсутствие наконечников на северном побережье Перу связано с тем, что в раннем и среднем голоцене не только там, но и в прилегающих горных районах господствовали индустрии отщепов. К числу подобных памятников относится пещера Кумбе в департаменте Кахамарка (3405 м н. у. м.) с датой 10 500 л. н. [Cardich 1994a: 174; 1994b: 231]. На западных склонах Анд в верховьях реки Санья индустрия такого же типа датируется периодом 8400–7600 л. н. [Dillehay et al. 1989; Sandweiss 1996: 48]. Различия в культуре между северными и центральными — южными районами горного Перу имеют природно-хозяйственные причины. На севере исчезает высокогорная тундростепь пуна, появляются альпийские луга-парамо, объектом охоты служит исключительно олень, а не гуанако [Cardich 1994a: 183].

В период среднего голоцена на побережье как Эквадора, так и северного Перу распространены не только сходные каменные индустрии, соответствующие «традиции орудий с подправленным краем», но и сходные формы жилищ (маленькая круглая хижина из легких материалов). Правда, в вегас, как и в панамской культуре серро-манготе, встречаются отсутствующие в Перу вторичные захоронения [Stoher 1990: 161]. Не очень понятно, насколько различными в Эквадоре и в Перу были источники питания. Судя по изучению фитоцитов, в культуре вегас не позже 7000 л. н. появляется кукуруза [Pearsall 1988: 151; Pearsall, Piperno 1990: 331], тогда как в Перу она в это время известна только местами в горах, а также, видимо, в пределах ограниченного района на юге северного побережья [Bird 1987: 298; 1990; Bonavia 1998; Burger, Merwe 1990]. Тыква в вегас была окультурена еще раньше, 9000 л. н. [Piperno 1998: 437]. Согласно давней гипотезе Д. Пиарсол (существенных новых данных за четверть века так и не появилось), 8000–7000 л. н. примитивная кукуруза становится известной в северо-западной Аргентине и, видимо, уже оттуда проникает на побережье Чили [Pearsall 1978]. Выборочное — в обход побережья Перу — распространение кукурузы, возможно, связано с необычайно успешным развитием на перуанском побережье присваивающих отраслей и, соответственно, отсутствием стимулов к качественному обновлению хозяйственной базы [Башилов 1999: 151–152].

Принятие ранней датировки появления кукурузы в Аргентине и вообще в Южной Америке не может быть безоговорочным, ибо влечет за собой слишком ответственные заключения относительно времени ее окультуривания в Мексике и обстоятельств распространения. Но и скепсис относительно всех ранних находок [Staller 2003], в частности чилийских и аргентинских, недостаточно обоснован. Если кукуруза использовалась для изготовления пива из со-

держась в стеблях сладкого сока [Swalley, Blake 2003], она могла распространиться за пределы Мексики еще до того, как у этого растения увеличились размеры початков. До появления новых данных вопрос остается открытым. В любом случае ясно, что даже если кукуруза и была известна в Южной Америке ранее 4000 л. н., существенного экономического значения она не имела.

Культура вегас прекращает свое существование в середине IV тыс. до н. э. (по калиброванным датам — не позже начала этого тысячелетия). Через 200–400 лет, примерно 5250 л. н. [Hoopes 1994: 18–19] ей на смену приходит культура вальдивия, для которой характерны высококачественная керамика с прочерченными изображениями и с песком в тесте [Feldman, Moseley 1983: 149; Lathrap 1977: 7], деревни подковообразной планировки из овальных жилищ (сперва односемейных, позже более крупных [Damp 1984a]), а также экономика, в значительной мере — по крайней мере на поздних этапах — основанная на выращивании кукурузы и, может быть, фасоли и тропических клубнеплодов [Piperno, Pearsall 1998: 246–256; Raymond 1993: 26–28; Staller, Thompson 2000; 2002; Tykot, Staller 2002]. Несмотря на лагуну во времени, полного культурного разрыва между вегас и вальдивией нет, причем обе культуры демонстрируют разнообразные параллели с североперуанскими комплексами [Sandweiss 1996].

Выдвинутая в свое время Б. Меггерс теория японского происхождения вальдивийской керамики большинством исследователей сейчас игнорируется. Хотя отдельные фрагменты дземонских и ранневальдивийских сосудов действительно похожи, перенос течением и ветрами рыбацкой лодки из Японии в Эквадор крайне маловероятен [McEwan, Bruce Dickson 1978]. Тот факт, что японские параллели имеются для разновременных вальдивийских комплексов, а не только для самых ранних [Bischof 1979; Bischof, Gamboa 1972], также свидетельствует в пользу изобретения керамики в Южной Америке независимо от Старого Света.

Локализация ранних поселений культуры вальдивия не только на берегу моря (как стоянки вегас), но и в глубине леса близ рек [Damp 1984a, fig. 1; 1984b], амазоно-бразильские параллели деревням с центральной площадью [Lathrap 1977] и интерпретация вальдивийских орнаментов на основе данных по искусству и шаманизму племен Амазонии [Damp 1982; Stahl 1986] заставляют многих исследователей предполагать связи эквадорского побережья с областями к востоку от Анд. Этот вывод кажется оправданным еще и потому, что в Центральных Андах керамика появляется очень поздно (лишь в первой половине II тыс. до н. э.), а в низменностях Колумбии и на нижней Амазонке либо синхронно с вальдивией, либо в более ранний период. Поэтому логично предположить, что в Эквадор идея гончарного производства проникла именно из-за Анд. Следует

учесть, что вальдивийская керамика должна была пройти определенный путь развития, прежде чем достичь того технического совершенства, которое отличает даже ее самые ранние комплексы.

Связи с лесными районами перуанской Монтаньи демонстрирует и культура мачалилья. Предполагалось, что она появилась на прибрежной равнине Эквадора во второй половине II тыс. до н. э. [Lippi 1986: 197–198] и что в мачалилье на основе прототипов, имевшихся в комплексе позднее тутишкайньо на Укаяли [Lathrap 1963; 1970: 90–91], был создан тип сосудов со стремевидной ручкой-горлом, который уже из Эквадора, по-видимому, проникает на север Перу и в Мезоамерику. Сейчас доказывается, что сосуды со стремевидной ручкой существовали уже в финальной вальдивии, что переход от вальдивии к мачалилье осуществился во второй четверти II тыс. до н. э. и что вторая из этих культур развилась из первой [Staller 2001]. Так или иначе, но отмеченные Латрапом параллели между побережьем Эквадора и верховьями Укаяли сомнений не вызывают.

Начиная с 7000 л. н. (а вероятно, и раньше), в горах и предгорьях Перу происходит становление земледелия и, в частности, окультуривание местной фасоли, а также, скорее всего, картофеля и других горных клубнеплодов [Башилов 1999]. Однако, учитывая новые данные о возможности не менее раннего распространения земледелия в тропических низменностях, этот факт больше не ставит Центральные Анды в столь уникальное положение, как то казалось в 1960–1970-х гг. Лишь с появлением монументальных храмовых центров и специфического изобразительного стиля в III тыс. до н. э. можно говорить о сложении основ перуанской цивилизации. Более значимо появление в Андах скотоводства, поскольку возможность использования ламы под вьюк во многом определила специфику местных хозяйственных и политических структур. Но это произошло позже. Ранее того же III (а может быть, и II) тыс. до н. э. домашняя лама была, по-видимому, известна лишь в пределах небольшого высокогорного района в центральном Перу.

ЭПОХА СЛОЖНЫХ ОБЩЕСТВ, 5000–1250 л. н.

Для формирования культурных связей и рубежей в Андах оказались важны два события. Во-первых, в III тыс. до н. э. климатическая граница между теплой и влажной (северной) и прохладной и засушливой (южной) зонами отступила на 400 км ближе к экватору, резко отделив побережье Эквадора от побережья Перу. Во-вторых, в силу многих причин, рассматривать которые здесь не место, в Перу и Боливии становление цивилизации и государств осуществлялось быстрее, чем в Эквадоре. Все это вело к усилению различий между Эквадором и Перу и одновременно к культурной интеграции первоначально резко различных юго-востока (Боливиийского плоско-

горья) и северо-запада (побережья) Центральных Анд. Тем не менее в ряде отношений северо-запад Перу вплоть до эпохи инков (XV в. н. э.) обнаруживает с побережьем Эквадора более тесные связи, нежели с южным Перу. Отметим некоторые параллели такого рода.

1. Керамическая традиция северного побережья Перу (скульптурная моделировка фигуративных изображений, форма парадно-ритуального сосуда со стремевидной ручкой) связана с культурами побережья Эквадора II (мачалилья) — I (чоррера) тыс. до н. э.

2. Очаг металлургии золота и меди на северном и центральном побережье Перу, возникший во второй половине II тыс. до н. э. [Burger, Gordon 1998], был обособлен от боливийского очага металлургии меди и бронзы, но дал толчок добыче и обработке металла в Эквадоре, откуда эта технология распространилась далее в Колумбию и Центральную Америку.

3. Захоронения в шахтовых могилах с подбоем, характерные для североперуанской культуры викус первой половины I тыс. н. э., имеют явные параллели в Эквадоре и Колумбии.

4. Иконография культур гуангала и мантеньо на юге эквадорского побережья (500–1500 гг. н. э.) тематически связана с сюжетами изображений североперуанских культур мочика — чиму, включая «эротические» [Wickler, Seibst 1982], погребальные [Wilbert 1974] и охотничьи [Echeverria 1988] сцены. В Эквадоре речь идет, главным образом, об изображениях на пряслицах.

5. В конце I — начале II тыс. н. э. север Перу (культура сикан) и юг Эквадора (культура милагро) оказываются тесно связаны морской торговлей и имеют общую систему примитивных единиц обмена и накопления — медные пластинки в форме «топоров» и «игральных карт» [Hosler et al. 1990; I. Shimada 1987; 1990].

Во II тыс. до н. э. — середине I тыс. н. э. на северо-западе и на юго-востоке центральноандского региона существуют две группы культур. Первая с главными центрами на северном побережье Перу, отчасти также на центральном побережье и на севере горной области обнаруживает преемственность от самых ранних памятников данного региона и включает такие хорошо известные культуры, как чавин, куписнике, гальинасо, салинар, викус, мочика, рекуай. Вторая локализована на Боливийском плоскогорье и на юге горного Перу и включает такие культуры, как уанкарани, калую, чирипа, маркавалье, пукара, тиауанако.

Не исключено, что уанкарани, локализованная на плоскогорье в Боливии южнее и восточнее других перечисленных культур, на начальном этапе подверглась влиянию с востока и что местная керамика восходит к более древним керамическим комплексам бассейна Параны (традиция пало-бланко [Brochado 1984: 239]). Уже во второй половине II тыс. до н. э. в культуре уанкарани была известна выплавка меди [Kolata 1983: 246].

Южное побережье Перу в середине I тыс. до н. э. испытывает влияние североперуанской культуры чавин, но затем здесь формируется очень своеобразная традиция, ранний период которой (примерно до рубежа эр) известен как паракас, а поздний — как наска.

На центральном побережье до середины I тыс. до н. э. сперва сохраняются те же древние традиции, что и на северном (культурная общность чавин). Затем культура меняется, в орнаментации керамики начинает господствовать белая роспись по красному фону. Появление похожих керамических комплексов в горных районах северного Перу сопровождалось распространением ламы, по-видимому, одомашненной в высокогорьях центрального Перу [Seki 1993; M. Shimada 1988]. К середине I тыс. н. э. на основе культур бело-красной керамики центрального побережья сложилась цивилизация лима.

Многие из упомянутых культур, особенно мочика и наска, обладают богатейшей иконографией, причем на вазовых росписях поздней наски появляются сцены, явно навеянные мочикскими прототипами.

В VI в. н. э. в юго-центральной части горного Перу (департамент Аякучо) возникает цивилизация уари, осуществившая синтез традиций тиауанако, наски, а также уамачуко — культуры на севере горной области. Искусство уари распространяется на центральном и южном побережье Перу, вытесняя иконографию лимы и наски, а на северном побережье оказывает влияние на искусство поздней мочки. Можно полагать, что в это время происходит обмен не только изобразительными, но и повествовательными мотивами между севером и югом Центральных Анд.

В Эквадоре I тыс. до н. э. — начало I тыс. н. э. отмечено появлением как в горах, так и на побережье многих культур с расписной или скульптурной керамикой и мелкой пластикой, для которых можно предполагать политическую организацию на уровне вождеств. На побережье Эквадора для этого времени характерны сосуды со скульптурными изображениями построек, известные также в культурах северного побережья Перу, юго-западной Колумбии (илама) и западной Мексики. Тип некоторых построек с нависающими торцами двускатных прогнутых крыш напоминает жилища Меланезии — Юго-Восточной Азии и не имеет параллелей в этнографически известном эквадорском, перуанском или колумбийском жилище [Meggers 1966, fig. 32, pl. 37]. Теоретически допустимо, что именно в это время потомки культуры лапита пересекли океан и увезли назад в Полинезию батат, имеющий южноамериканское происхождение. Археологических фактов, которые бы свидетельствовали о таких посещениях, нет. В мифологии индейцев Эквадора отсутствуют следы контактов с западом тихоокеанского бассейна, а в мифологии острова Пасхи трудно найти сколько-нибудь конкретные параллели с южноамериканскими мифологиями [Федорова 1978; 1994].

ПРЕДЫНКСКИЙ И ИНКСКИЙ ПЕРИОДЫ

В конце I — начале II тыс. н. э. этнокультурная карта Центральных Анд претерпела резкие изменения. Цивилизации горной области (в VIII–IX в. — уари, в XI в. — тиауанако), уходящие корнями в более ранние культуры, исчезли. Изменилась и иконография культур побережья. Хотя в основном речь идет о передвижениях населения внутри региона, несомненны и воздействия с востока. Наиболее показателен в этом смысле периферийный район — северо-западная Аргентина.

С конца I тыс. до н. э. здесь распространяется ряд культур (тафи, затем кондоруаси, съенега, агуада), чья сложная иконография, отраженная в изображениях на парадной керамике и изделиях из металла и камня, имеет параллели в Боливии и Перу. Можно указать аналогии вплоть до североперуанской культуры рекуай и даже до Колумбии (сан-агустин, тайрона) и Панама (кокле). Обычной темой изображений служит монстр с чертами ягуара. Предполагается, что культура тафи возникла под прямым влиянием боливийской культуры уанкарани [Gonzalez, Perez 1976: 39–43].

В конце I тыс. н. э. эта традиция резко обрывается. Теперь в захоронениях в северо-западной Аргентине встречаются расписные погребальные урны и крышки к ним, сделанные из довольно грубой и хрупкой керамики. Тип санта-мария представлен в долинах Санта-Мария, Кальчаки и Кахон, а тип белен в более южных районах. Урны типа белен — более широкие и приземистые, с почти исключительно геометрическими изображениями [Berberian 1969]. На горле урн санта-мария росписью выделено (женское?) лицо в форме V с зубастым (но без клыков) ртом, маленькими глазками и длинными расходящимися бровями, переходящими в нос. На тулове изображены согнутые полукругом поднятые к лицу руки либо все оно покрыто геометрическими изображениями.

Форма урн (в виде фигуры с зубастым ртом) и сама традиция захоронений в них свидетельствуют о влиянии со стороны Амазонии — Восточной Боливии [Perrotta, Podesta 1978: 537]. Расписной орнамент на урнах культуры санта-марии имеет близкие параллели в искусстве индейцев кадувео, сейчас живущих близ границы Бразилии с Парагваем [Weber 1981]. По форме эти урны напоминают грубую керамику в горах центрального и южного Перу, появляющуюся в третьей четверти I тыс. н. э. и знаменующую резкий разрыв с предшествующей традицией [Lathrap 1970: 173–179]. Не менее явную параллель представляет типичный инкский парадный сосуд для жидкости, так называемый арибалл, форма которого не имеет в Андах предшественников. Плоская инкская мисочка с росписью на двух половинах в виде обращенных друг к другу дуг, равно как и схожие сосуды (в том числе триподы) в поздней керамике перуанского побережья, по-видимому, заимствованы из восточной Боливии [Ryden 1964].

Примерно на рубеже I и II тыс. н. э. новый стиль распространяется в искусстве центрального (культура чанкай) и отчасти северного побережья Перу. Похоже, что он развивается путем все большего упрощения стилей, возникших из смешения иконографии уари (в ее характерном для центрального побережья варианте) с отдельными элементами иконографии мочика и, возможно, других культур. Антропоморфная керамика (большие сосуды для пива-чичи) и настенные росписи отличаются подчеркнутым примитивизмом в сравнении с натуралистическими изображениями середины I тыс. н. э. Некоторые изобразительные элементы (сложенные на груди руки у антропоморфных сосудов, нанесенные темной краской узкие треугольники, отходящие от глаз в стороны и вверх, приплюснутый меандр с лесенкой) напоминают росписи на урнах культуры санта-мария. В том же «примитивном» стиле выполнены росписи на тканях (в отличие от более ранних сложных вытканых композиций) и антропоморфные фигурки из дерева.

Археологические и иконографические параллели между андскими культурами предынковского и инкского времени и древностями низменностей к востоку от Анд складываются пока в мозаичную картину, на основе которой невозможно реконструировать конкретные исторические эпизоды. Ясно лишь, что таких параллелей много и что их появление как-то связано со «смутным временем», наступившим после гибели культур мочика и уари в VII–IX вв. н. э.

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ КАРТА

Центральные Анды — основная территория современного распространения языков семьи кечуа, на которых говорят 5–10 млн человек от южной Колумбии до Чили и Аргентины (см. рис. 9). Однако лингвистическая гомогенность Центральных Анд — явление очень позднее. Возникновение в XV в. империи Инков не только само по себе способствовало языковой и культурной унификации, но и определило политику испанских властей. По понятным причинам те в своей деятельности старались использовать кечуанское койне, а не местные языки.

В 60–70-х гг. А. Тореро и Г. Паркер независимо друг от друга создали классификацию языков и диалектов кечуа [Parker 1963; Torero 1974]. Диалекты кечуа В (по Паркеру), или I (по Тореро), сконцентрированы в горных районах северо-центрального Перу в департаментах Анкаш, Уануко, Паско, Хунин, захватывая небольшие части департаментов Лима и Ика. Диалекты кечуа А, или II, распространены во всех прочих районах — от Колумбии до Аргентины. Диалекты группы II1 (юнгай, по Тореро) до конкисты были представлены не только в горах, но и на центральном побережье Перу, а диалекты II2 (чинчай) — в районе Куско, откуда распространились на север и юг Инкской империи.

В последнее время появились данные о своеобразии кечуанского языка побережья. Именно на нем слово *римак*, т. е. *говорящий* (в смысле *оракул*), звучало как *лима*. Это второе произношение осталось в названии перуанской столицы, а первое — небольшой реки, в долине которой Лима находится. Тореро предполагает, что прародина кечуа находилась на побережье, но эта его идея вызывает сомнения, поскольку наиболее отличные от остальных диалекты (кечуа I) представлены все же в горах. Учитывая материалы археологии, можно полагать, что кечуа проник на побережье во второй половине I тыс. до н. э. вместе с создателями керамики, расписанной белым по красному, и что на нем говорили создатели культуры лима [Torero 1984: 370, 383]. Ранее середины I тыс. до н. э. на центральном побережье была распространена, как уже указывалось, совершенно иная культура, близкая «чавиноидным» культурам северного побережья, где никаких следов кечуа нет.

Тореро принадлежит единственная полная (насколько таковая возможна) реконструкция доинкской языковой ситуации на севере Перу [Torero 1986; 1989].

На побережье от Трухильо (долина Моче) до Касмы либо дальше на юг до Пативильки был распространен язык кингнам, а в крупных северных долинах от Хекетепеке до Лече — мучик (мочика). Граница между кингнам и мучик проходила по долине Чикама. Мучик можно с высокой вероятностью считать языком культуры сикан (IX–XII вв. н. э.), а кингнам — языком государства Чимор (XII?–XV вв. н. э.). Глубже проецировать языковую ситуацию трудно, но языком мочикской цивилизации I–VII вв. н. э., традициям которой люди Чимор явно следовали, мог быть скорее кингнам, чем мучик. Севернее Лече в долинах Чира и Пьюра говорили на тальян, а в поселениях у берега океана — на сечура. Если бы испанцам удалось записать язык моряков, ведших в Эквадор из Перу нагруженные товаром бальсовые плоты, то это должен был быть либо тальян, либо сечура.

Родственные связи большинства этих языков трудно установить ввиду крайне ограниченного материала по ним. Довольно хорошо известен только мучик, но и он не обнаруживает признанных параллелей с другими.

В горах северного Перу в районе Уамачуко (т. е. примыкая с востока к ареалу кингнам) в эпоху конкисты говорили на кульи. Среди некечуанских языков этого ареала он известен сравнительно хорошо. Более северные языки, условно названные Тореро кат и ден, выявляются только по топонимике и ко времени испанского завоевания уже были, по-видимому, вытеснены кечуа [Torero 1986; 1990: 245]. Кульи, ден, кат, тальян могут быть отдаленно связаны с кечуа, но для мучик такие связи исключены, а данных по кингнам слишком мало даже для ориентировочной оценки. Еще дальше на север горного Перу в теплых долинах и на восточных склонах Анд отмечен целый

ряд небольших языков, как изолированных, так и относящихся к семьям, представленным в Амазонии [Тореро 1993].

В горном Эквадоре местные языки давно вытеснены кечуа, а на южном побережье страны — испанским, и данных о них практически нет. Что касается языков семьи барбакоа, то поскольку их эквадорская ветвь отделилась от колумбийской (коайкер) всего лишь около 2000 л. н. и разделилась на колорадо и каяпа примерно 1000 л. н. [Stark 1983: 798–799], можно полагать, что живущие сейчас на побережье Эквадора индейцы не являются языковыми потомками создателей культуры I тыс. до н. э. и более ранних.

В Перу к югу от области древнего распространения кечуа, т. е. от Чинчи до Арекипы (на побережье) и от низовьев Мантаро до верховьев Апуримака и Урубамбы (в горах) в середине I тыс. н. э. были распространены языки семьи хаки (или ару). Сейчас она представлена в основном диалектами аймара в горной Боливии и сопредельных районах Перу. Если Тореро прав, то на хаки говорили создатели таких культур, как паракас, наска и, вероятно, уари, что (учитывая тесные связи наски с уари) правдоподобно. После гибели уари в VIII–X вв. н. э. на месте первоначального ареала хаки остались лишь его небольшие анклавы — языки хакару и кауки, сохранявшиеся до середины XX в., и язык яуйо (XVI в.). В основном же ареал хаки стал смещаться на юг, в результате чего язык аймара сделался преобладающим на Боливийском плоскогорье.

До этого в районах к юго-западу и северо-западу от озера Титикака говорили на языке или языках пукина, а южнее в засушливых районах плоскогорья — на языках урукилья.

Пукина почти наверняка был языком культуры пукара во второй половине I тыс. до н. э., чей ареал располагался к северу от озера Титикака. О проникновении пукина к югу от Титикаки нет сведений, однако следует учитывать, что в историческое время пукина и урукилья имели разный социальный статус — у пукина он был высок, а у урукилья низок. Поэтому создателей цивилизации тиауанако можно скорее считать носителями языка (или одного из языков) пукина. Если у инков и вправду был некий «тайный» язык, то это мог быть, скорее всего, тоже пукина [Hiltunen 1999: 264]; напомним, что в ряде этногенетических мифов инки вели свое происхождение из Тиауанако. В источниках колониального времени пукина перестает упоминаться через сто лет после конкисты [Тореро 1987: 343]. На юго-западе своего ареала он был вытеснен языком аймара, а на северо-востоке — кечуа. Именно на пукина говорили до перехода на кечуа боливийские знахари кальяуйя. Об этом свидетельствуют слова их «тайного» языка [Отеро 1951: 43].

Большой заслугой Тореро является то, что он разделил многие произвольно составленные языковые объединения и показал, что мучик не имеет отношения к кингнам, что урукилья есть не один язык, а языковая семья (в нее входят языки рыбаков уру на Титикаке и ското-

водов чипайя), что урукилья и пукина могут быть вовсе не родственны [Torgo 1987; 1992]. В то же время Тореро выдвинул крайне рискованную и не получившую поддержки гипотезу, основанную на сопоставлении имен перуанских божеств (Уари, Кон, Тикси) с обозначением солнца в языках индейцев Монтаньи — пано и араваков. Согласно этой гипотезе, языки группы пано (и, может быть, аравакские) проникли в горы Перу в период становления ранних цивилизаций в I тыс. до н. э. [Torgo 1990]. Давно замеченный пласт аравакской лексики в пукина и урукилья Тореро считает, однако, результатом контактов, а не указанием на генетическую близость [Torgo 1992].

Язык атакаменьо, или кунса, на севере чилийского побережья и в прилегающем горном районе считается изолированным. Ныне он практически вымер. Создателями упоминавшейся выше культуры санта-мария в северо-западной Аргентине были диагита, но язык их остался не зафиксирован. Данных о фольклоре и мифологии для диагита нет, для атакаменьо их мало.

В центральном Чили от Копьяпо до острова Чилоэ были распространены различные диалекты языка арауканов, или мапуче. Индейцы мапуче сохраняли свою независимость вплоть до второй половины прошлого века и сейчас являются одним из наиболее многочисленных коренных народов континента. В колониальный период они проникли в аргентинскую Патагонию. Ставшие употребительными названия этносов этой области (пуэльче, теуэльче) происходят из арауканского языка. Близких параллелей язык арауканов не обнаруживает. Согласно М. Ки [Key 1978], он родственен языкам семьи пано-такана на востоке Перу и Боливии (см. ниже). На аргентинской стороне Южных Анд самой южной земледельческой группой являлись уарпэ в районе Мендосы, говорившие на двух диалектах или близкородственных языках; жившие восточнее, в районе Кордовы комечингон относились, по-видимому, к этому же этническому массиву. Язык или языки уарпэ сильно выделяются среди окружающих. Фольклорно-мифологические материалы, притом достаточно скудные, в пределах Южных Анд есть только по арауканам, причем происходят они чаще всего из тех районов, где арауканы в колониальный период интенсивно взаимодействовали с патагонцами. Соответственно, данные по арауканам и патагонцам приходится рассматривать в совокупности.

ИТОГИ ОБЗОРА ДАННЫХ ПО АНДСКОМУ РЕГИОНУ

В заселении притихоокеанских областей Южной Америки от Колумбии до центрального Чили либо изначально принимали участие разнотипные популяции, либо соответствующие культурные различия быстро сформировались в результате приспособления к новым и разнообразным природным условиям. Предельно отличаются друг от друга каменные индустрии типа эль-абра — амотапе — ринг-сайт

и горные перуанские и аргентинские комплексы с листовидными и треугольными наконечниками. Колумбийские памятники Текендама и Тибито на плоскогорье Сабана-де-Богота предшествуют по времени всем остальным надежно датированным. К сожалению, добытые там коллекции каменных орудий довольно бедны.

В поздний период притихоокеанский пояс испытывал значительные воздействия со стороны районов к востоку от Анд. Наиболее массивным оно было, по-видимому, в Колумбии и в северо-западной Аргентине, где распространяются характерные для Амазонии захоронения в урнах вместе с соответствующими мотивами изобразительного искусства. Несомненно, имели место контакты между Амазонией и побережьем Эквадора, хотя проследить и оценить их в деталях сложно. Не избежали амазонских влияний и культуры Боливии и Перу, в том числе прибрежные. Мифологии андской зоны, кроме нескольких самых северных, прикарибских (чоко, коги, гуахино), известны недостаточно. Опорными служат собрания кечуа-, аймара- и испаноязычного фольклора, записанного в 30–70-х гг. XX в., а также испанские хроники XVI–XVII вв. Последние содержат бесценные материалы по колумбийским муискам (Педро Симон и Фернандес де Пьедраита), центральному и северному Перу (Франсиско де Авила в районе Лимы, монахи-августинцы в районе Уамачуко, Антонио де ла Каланча в долинах Пакасмайо и Уаура). В андском фольклоре XX в. присутствуют мотивы явно европейского происхождения, но обычно их можно отделить от индейских. Почти полное отсутствие материалов по югу Боливии, северу Чили и северо-западу Аргентины представляет собой одну из самых досадных лакун.

Среди изображений эпохи до Колумба наиболее существенна для нас иконография мочика. К сожалению, интерпретация многих явно мифологических сцен при отсутствии сопоставимых повествовательных материалов невозможна. Великолепная реконструкция мочикской мифологии, осуществленная Г. Гольте [Golte 1993; 1994], не претендует, разумеется, на полную научную достоверность и дополнена художественным вымыслом. Остальные иконографические традиции — от аргентинской агуады до эквадорской вальдивии почти не содержат мотивов, сопоставимых с мотивами повествовательными.

При объединении данных в ареальные кластеры я руководствовался тем обстоятельством, что соседние этносы, даже если они живут в разных природных условиях, легко обмениваются фольклорно-мифологическими текстами. Отдельное рассмотрение мифологий горных и прибрежных районов не имеет смысла, ибо подобные традиции в отношении набора мотивов оказываются почти идентичными. Поэтому помимо упомянутых прикарибских мифологий для андского пояса выделено лишь пять кластеров: горная Колумбия, Эквадор (побережье и горы), север Перу, центральные районы Перу, юг Перу с горной Боливией и севером Чили.

Южный Конус

ДРЕВНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ

В Патагонии и Пампе найдено очень много наконечников типа фелл в ассоциации с остатками ископаемой фауны. Здесь можно назвать сам грот Фелл на Магеллановом проливе [Bird 1946; Empeiraire et al. 1963], расположенную в том же районе пещеру Куэва-дель-Медио [Nami 1989; 1996: 264], слои 9–10 в пещере 3 группы Каньядон-де-лас-Куэвас (она же Лос-Тольдос) в аргентинской Патагонии [Cardich 1977; Cardich et al. 1973], скальные навесы и открытую стоянку группы Серро-ла-Чина и другие памятники в Пампе [Flegenheimer 1987; Martinez 2001; Nami 1996: 256–257; Politis 1985: 16]. Хуже известны находки в центральном Чили и в Уругвае.

Три радиоуглеродные даты из нижнего слоя грота Фелл (комплекс магеллан-I) ложатся в пределы 11 000–10 100 л. н., что согласуется с датами для вышележащих слоев [Ortiz-Troncoso 1981: 191]: второго (несколько более 10 000 л. н.), прослойки между вторым и третьим (9500 л. н.), третьего (более 9000–6500 л. н.). Нижний культурный слой Куэва-дель-Медио содержал материалы, аналогичные нижнему слою грота Фелл, а также кости лошади, наземных ленивцев *Mylodon listai* и палеоламы. Четыре даты по углю из очагов (10 550, 10 310, 12 390, 9595 л. н.) имеют стандартное отклонение в пределах 180–120 лет. В соседнем с Фелл гроте Пальи-Айке были обнаружены палеоиндейские трупосожжения. По найденным рядом обгорелым костям животных там получена дата 8839±450 л. н. [Ortiz-Troncoso 1981: 193].

Три даты из Серро-ла-Чина почти совпадают (около 10 750 л. н.), стандартное отклонение составляет 180–120 лет. На расположенной в том же районе Пампы открытой стоянке Серро-эль-Сомбреро найдено множество наконечников фелл — в стадии производства, готовых и со следами вторичного использования в качестве скребков и резцов. Серия радиоуглеродных анализов датирует памятник в пределах 11 000–10 000 л. н. [Nami 1996: 257–258].

Скальный навес Трес-Арройос с остатками ископаемой фауны (лошадь) и индустрией, близкой к нижнему слою Фелл, исследован и на Огненной Земле. Радиоуглеродный анализ подтверждает уже приведенные датировки: 10 280±110, 10 420±100, 11 880±250 л. н. [Borrero 1997: 42; Dillehay et al. 1992: 170; Nami 1996: 261, 265].

В нижнем слое Фелл, помимо множества наконечников в форме рыбки, найден один, по форме не отличающийся от классического кловиса [Bird 1946, pl. 9]. Три напоминающих кловис тонких бифаса (без сужения в нижней части, но с выемчатым основанием) найдены близ Осорно в юго-центральной Чили [Gruhn, Bryan

1977, fig. 27; Lynch 1983, fig. 3.5]. Они не датированы, а их ассоциация с костями мастодонтов лишь возможна.

В Лос-Тольдос наиболее близкие аналогии с крайним югом Патагонии демонстрирует не датированный точными методами слой 10. В нем вместе с двусторонне обработанными подтреугольными наконечниками, характерными для местной индустрии, найдены отдельные острия фелл. Здесь же, как и в нижнем слое пещеры Фелл, представлены шлифованные каменные диски диаметром 8–15 см [Bird 1970; Cardich 1977: 154]. По размеру они похожи на диски уэнтелаукен и калифорнийской ла-хольи, но не имеют зубцов. На всех упомянутых памятниках наконечники фелл обнаружены вместе с костями лошади и ископаемых неполнозубых.

Самый нижний, 11-й слой пещеры 3 Лос-Тольдос содержал лишь скребла, скребки и орудия, похожие на мустьерские остроко-нечники, но не бифасы. В фауне преобладает гуанако, есть лошадь и палеолама. Получена дата $12\ 600 \pm 600$ л. н. [Cardich et al. 1973: 96–99]. Похожий комплекс выявлен южнее в гроте 7 в Эль-Сейбо [Mansur-Francomme 1984: 64–69] и в Пьедра-Муэсо, где он тоже связан с ископаемой фауной и датирован $10\ 400 \pm 80$ л. н. [Nami 1996: 261, 263]. Сейчас возобладала точка зрения, что различия между индустрией нижнего слоя пещеры Фелл и нижнего слоя Лос-Тольдос имеют не культурные или хронологические, а функциональные причины, тем более что и в 10-м слое Лос-Тольдос наконечников фелл мало [Lynch 1990: 22–23; Nami 1996: 263]. Отдельные даты порядка $12\ 000$ л. н. есть и в других ареалах Южной Америки, поэтому дата из слоя 11 должна быть принята с осторожностью.

Особенностью южнопатагонских пещер является обилие в них наскальной живописи. Прямое датирование обведенных краской отпечатков рук по незначительному количеству углерода показало, что они относятся к разному времени — от 9300 до 3000 л. н. [Gradin 1981–1982; 1994; Schobinger, Gradin 1985; Schobinger 1995: 98]. Точный возраст силуэта кошачьего хищника из пещеры Эль-Сейбо не определен, но если перед нами действительно гигантский ископаемый ягуар (*Panthera onca mesembrina*), плейстоценовый возраст росписи несомненен [Francomme 1994, fig. 3; Mansur-Francomme 1984: 81–82]. Изображения гуанако и людей напоминают аналогичные сцены из Токепала на юге Перу.

В центральном Чили охотничья стоянка близ древнего озера Тагуа-Тагуа датирована $11\ 320 \pm 320$ и $11\ 000 \pm 250$ л. н. [Montane 1968; Palma 1969]. Там найдены крупные чоппинги (возможно, для разбивания костей мастодонтов) и отщепы с односторонней оббивкой. Бифасов нет. В фауне представлены кости лошадей, оленей, мастодонтов, а также грызунов, птиц, рыб, лягушек. В районе Тагуа-Тагуа также сделана случайная находка наконечника фелл [Kaltwasser et al. 1986].

В пределах Южного Конуса имеются и другие палеоиндейские стоянки и отдельные находки, перечислять которые нет необходимости.

В целом для этого региона выявляется вполне ясная картина заселения его человеком. Первые мигранты были знакомы с техникой изготовления тонких бифасов и пользовались наконечниками типа фелл (в форме рыбки), нередко желобчатыми. В отличие от древнейших обитателей Анд, эти люди, безусловно, охотились на вымершие ныне виды — лошадь и палеоламу. Гигантских ленивцев, возможно, не убивали, а подбирали остатки добычи за хищниками. Начало заселения следует относить к периоду 11 000–10 500 л. н. Разброс дат по самым древним комплексам примерно такой же, как в Андах. В Южной Америке только для Южного Конуса, во всяком случае для Пампы, существуют надежные свидетельства сохранения палеоиндейской культуры вплоть до раннего голоцена. Как минимум до 8000 л. н. здесь еще охотились на крупных ископаемых животных [Martinez 2001; Politis, Gutierrez, 1998]. Если учесть, что в дальнейшем обитатели Южного Конуса остались в стороне от процессов, связанных с появлением производящего хозяйства и сложных обществ, есть основания ожидать, что именно здесь мотивы палеоиндейского фольклора могли сохраняться дольше всего.

ЮЖНЫЙ КОНУС В ГОЛОЦЕНЕ

С наступлением альтигермаля в Патагонии появляется культура специализированных охотников на гуанако — касапедренсе, датируемая периодом 7000–5000 л. н. [Cardich 1977; 157–162; Cardich et al. 1973: 102–106, figs. 10–14; Mena 1997]. Для нее характерны скребла, скребки и зубчатые орудия на крупных односторонне обработанных пластинах, а также бола. Наконечников нет. Большинство образцов наскальной живописи относится к этому времени. Происхождение и судьбы касапедренсе не ясны. Позже в степях и полупустынях Пампы и Патагонии распространяются небольшие каменные двусторонне обработанные наконечники с черешком, нередко имеющим форму ласточкина хвоста [Bird 1946, pl. 10; Gagliano 1984: 32, lam. IV; Willey 1971: 462–563]. Они не отличаются существенно от наконечников, которыми в XIX в. оснащали свои стрелы огнеземельцы селькнам [Gusinde 1931, Abb. 39]. Многие из древних изделий, однако, крупнее и годятся только для дротиков, так что смена типов наконечников не была связана с появлением лука. В IV тыс. до н. э. черешковые наконечники распространяются также на севере Чили и северо-западе Аргентины, где сосуществуют с листовидными. В Боливию и Перу они, однако, не проникают.

Признаки морской адаптации на Огненной Земле и в западной Патагонии прослеживаются примерно с 6000 л. н. [Mena 1997: 51].

Убедительных свидетельств появления в это время нового населения нет, хотя опосредованное влияние Южных Анд, особенно после распространения в центральных районах Чили арауканов ок. 1000 л. н. [Mena 1997: 58], не исключено.

На северо-восточной периферии региона, т. е. в юго-западной Бразилии, подобные наконечники типичны для традиции умбу, возникающей не позже 6000 л. н. [Meggers, Evans 1983: 296, fig. 7.4; Prous 1986a: 259, fig. 2; Schmitz 1985: 85–90; 1987: 97–98]. Стоянки расположены на водоразделах в субтропическом лесу или на открытой местности и имеют небольшую площадь (30–150 м²). Среди изделий из шлифованного камня есть топоры, терочки и бола.

ЯЗЫКИ ОГНЕННОЙ ЗЕМЛИ, ПАМПЫ, ПАТАГОНИИ, ЧАКО

К началу европейских контактов Патагония и большая часть главного острова Огненной Земли были заселены народами семьи чон. Языки чон от пуэльче на севере через северных и южных теуэльче и до селькнам и хауш на Огненной Земле представляют собой цепочку, крайние члены которой различаются очень сильно, но любые соседние довольно близки [Clairis 1985; Eickstedt 1934: 752; Klein 1985: 715–716]. Обсуждается возможность родства семьи чон и некоторых языков предандских районов восточной Боливии, в частности мосетен, юракаре, а также семьи пано-такана [Campbell 1997: 192; Key 1978: 285–286]. На юго-западе Огненной Земли жили индейцы ямана (в русскоязычной литературе именуемые обычно яганами), а дальше на север в пределах Чилийского архипелага — алакалуф и еще севернее — чоно. Все эти морские собиратели в расовом отношении резко отличались от чон. Языки яганов и алакалуф не имеют очевидных связей ни с чон, ни друг с другом, хотя отдаленное их родство некоторыми лингвистами предполагается. Язык чоно остался незафиксированным; вполне возможно, что он был диалектом алакалуф.

В XVI в. в аргентинской пампе жили керанди (язык не известен), а безлесные низменности Уругвая и сопредельной части Риу-Гранди-ду-Сул в XVI в. занимали охотники, собиратели и рыболовы чарруа, возможно, отдаленно родственные гуайкуру Чако. Культура чарруа археологически прослеживается до середины I тыс. до н. э. Каменные наконечники с черешком в форме ласточкина хвоста, которые, по-видимому, изготавливали предки чарруа, относятся к тому же типу, что в Пампе и Патагонии [Brochado 1974, fig. 8]. После рубежа эр входит в употребление неорнаментированная, плохо обожженная, простая по формам (миски, плошки) керамика [Robrahn Gonzalez 1998: 616–621]. Согласно Брошаду, все керамические комплексы нижней Параны в итоге восходят к первой керамике пало-

бланко, появляющейся в этом районе 5000–4500 л. н. [Brochado 1984: 239–241]. По его мнению, эта керамика распространилась с севера и была постепенно заимствована отдельными группами местного населения.

Для безлесных аллювиальных равнин Чако (Парагвай и сопредельные территории южной Боливии и северной Аргентины) археологических материалов почти нет. Языковая дробность здесь исключительно велика и может сравниться лишь с характерной для Оахаки и Калифорнии. В Чако еще и сейчас сохранились почти два десятка языков, относящихся к шести семьям. Крайнее северное положение занимают языки самуко — айорео и чамакоко. В центральной части ареала представлены языки маскои (ангайте, гуана, ленгуа, санапана, маскои), в центральной и западной — матако-матагуайо (чороте, нивакле, мака, матако), в центральной и южной — гуайкуру (тоба, мокови, вымершие мбайя). Отдельную семью образуют луле и вилела на юго-западе Чако. В северо-центральном Чако живут гуараю и тапъетэ — наиболее поздние мигранты, относящиеся к семье тупи-гуарани (см. ниже). На южных границах Чако в аргентинском департаменте Сантьяго-дель-Эстеро распространен кечуа, вытеснивший уже после конкисты какой-то местный язык, возможно мокови.

На восточной границе Чако, уже на бразильской территории, живут кадувео — новое этническое образование, возникшее на основе аравакского (см. ниже) субстрата, ассимилированного индейцами мбайя (рис. 10). Первоначально мбайя рассматривали араваков как своих рабов, но к XX в. оба этноса слились. Соседняя группа араваков, терено, свой язык сохранила.

Некоторые мифологии Чако, в частности айорео, чамакоко, нивакле, чороте, матако и тоба, изучены превосходно. Меньше данных по народам центрального (мака, санапана и пр.), восточного (кадувео и терено) и особенно южного и юго-западного Чако. По мифологии чарруа и керанди никаких данных нет. Очень невелики они и по самой северной группе чон — пуэльче. По мере движения к югу количество записей увеличивается, так что мифология южных теуэльче, селькнам и яганов известна сравнительно полно. Для алакалуф зафиксирован лишь один мифологический сюжет, идентичный распространенному среди селькнам и яганов; по хауш данных нет вовсе. Поскольку фьорды западной Патагонии, где жили алакалуф, отделены от восточной Патагонии непроходимой полосой влажного горного леса, можно полагать, что мифология алакалуф более напоминала мифологию близких им по образу жизни яганов, чем мифологию теуэльче.

В расовом отношении все чон вместе с чарруа, керанди, индейцами восточного Чако и обитателями еще более северных районов в верховьях реки Парагвай, включая бороро и чикито (см. ниже),

представляли собой особый антропологический тип (пампиды), для которого характерны высокий рост и массивный череп [Алексеев 1974, рис. 5; Canals Frau 1950: 301; Eickstedt 1934: 752; Imbelloni 1957, fig. 230]. Яганы и алакалуф как ростом, так и формой черепа резко от них отличны (тип фуэгидов). Не исключено, однако, что такого рода различия возникли по мере приспособления к разной природной среде и к разным видам хозяйственной деятельности. Как у пампидов, так и у фуэгидов (а также у лагидов, см. ниже раздел о Восточной Бразилии) отмечено особенно много признаков, отличающих их от классических монголоидов и сближающих с прото-монголоидными или меланезоидными древними и современными азиатскими популяциями [Lahr 1995: 187].

Юго-западная Бразилия

Ранние культурные проявления в юго-западной Бразилии, т. е. на территории от границы с Уругваем до центральных районов Минас-Жерайса, обнаруживают отдельные параллели с находками в пределах Южного Конуса и отличны от тех, которые обнаруживаются дальше в глубь Бразильского нагорья.

Крайним северо-восточным пунктом находки наконечников в форме рыбки (но без желобка) является стоянка Алисе-Боэр в штате Сан-Паулу, точнее ее слой 3, уровень 10. Здесь же найдены широкие листовидные острия и наконечники с выемчатым основанием, несколько напоминающие упомянутые выше находки в Осорно в Чили, но без желобка [Conceição de Becker 1966]. Ископаемой фауны нет. Для различных слоев Алисе-Боэр получены несколько противоречащих друг другу радиоуглеродных и термолюминесцентных определений [Beltrão, Enriquez et al. 1986; Hurt 1986: 217–218], позволяющие датировать соответствующие материалы лишь в широких пределах от 8000 до 15 000 л. н.

В штате Риу-Гранди-ду-Сул древнейшей может являться индустрия убикуи [Schmitz 1981c: 112; 1985: 77; 1987: 86–87; Dillehay et al. 1992: 167]. Под слоем аллювия толщиной 3–4,5 м вместе с костями гигантского ленивца *Glossotherium robustum* найдены чопперы и отщепы с грубой ретушью. Наконечников нет. Даты по кости — 12 690±100 и 12 770±220 л. н. В том же районе вдоль реки Уругвай выявлено полтора десятка местонахождений с обработанными отжимной и ударной ретушью черешковыми наконечниками, концевыми и боковыми скребками. Фауна современная, даты от 10 000 до 8500 л. н. [Schmitz 1981c: 112; 1985: 78; 1987: 87–89].

Дальше на северо-восток в пещерах района Лагоа-Санта в штате Минас-Жерайс в раннеголоценовых комплексах типа серка-гранде представлены короткие, довольно грубо оббитые с обеих

сторон черешковые наконечники [Hurt, Blasi 1969: 51, pl. 21, 22; 1986: 218; Prous, Malta 1991: 254–255, fig. 78]. Они встречаются редко, а в индустрии обычны концевые и боковые скребки и проколки. В нескольких пещерах найдены кости человека и крупных ископаемых животных, но связь между ними сомнительна [Hurt 1960].

Исключение составляет пещера Лапа-Вермелья, где стратиграфически ниже останков гигантского ленивца, датированных 9580 ± 200 л. н., были найдены разрозненные кости, в том числе череп молодой женщины [Prous 1986b: 176; Prous, Guimaraes 1984: 24]. Слой выше костей датирован 10 220, ниже — 12 960 л. н., в то время как углерод, извлеченный из костного материала, показал дату 9330 ± 60 л. н. [Neves et al. 2000a].

Опорным памятником является грот Сантана-ду-Риашу (он же Серро-ду-Сипо), где для нижнего слоя получена большая серия дат, лежащих в промежутке от 9460 до 8150 л. н. [Kipnis 1998: 585; Prous 1986a, fig. 4]. Лишь одна дата значительно древнее — $11\ 960 \pm 250$.

Помимо женщины из Лапа-Вермелья в пещерах района Лагоа-Санта найдены еще десятки захоронений. Антропологически все погребенные, вплоть до обнаруженных в поздних слоях [Prous 1981: 174], относятся к типу лагидов, для которого характерны архаические особенности, отличающие его от классических американоидов и тем более северных монголоидов [Imbelloni 1957, fig. 523; Lahr 1995: 187]. Что касается женщины из Лапа-Вермелья, то, по мнению В. Невеша и его коллег, в ее облике нет монголоидных признаков [Neves et al. 2000d; Neves et al. 2000a; 2000b; Neves, Pucciarelli 1989], а на реконструкции она выглядит как едва ли не африканка [Oppenheimer 2003, pl. 27]. В отличие от многих других палеоиндейских черепов, у женщины из Лапа-Вермелья хорошо сохранились кости лица, что делает выводы Невеша достаточно значимыми.

С 8000–6000 л. н. во влажных лесах на средней и верхней Паране и на верхнем Уругвае появляется традиция умайта, в аргентинской литературе именуемая альтопараненсе [Brochado 1984: 217–218; Caggiano 1984: 11; Kern 1984: 100–102; Meggers, Evans 1983, fig. 7.3; Schmitz 1981c: 114–116, 128–129; 1987: 102]. По сравнению с ранним голоценом обработка камня в умайта не деградировала, но наконечники исчезли. Ведущим типом орудий являются большие бифасы, по форме напоминающие бумеранг. Позже их сменили топоры с подшлифовкой. Стоянки приурочены к участкам вдоль рек и по площади достигают 1 га.

Ко времени появления европейцев водоразделы на юге Бразилии в основном занимали каинганг, или южные *же* (о народах *же* см. в разделе о восточной Бразилии). Хотя родство каинганг с северными и центральными *же* давно установлено, степень его не ясна. Бразильские археологи Шмиц и Брошадю связывают традицию умайта именно с каинганг.

Во второй-третьей четверти I тыс. н. э. в ареале умайта (и несколько шире — от Параны до Атлантики) распространяется керамика с песком в тесте, часть ее покрыта красным ангобом [Brochado 1984: 113–114]. В погребениях этого времени прослеживается определенная социальная дифференциация [Robrahn Gonzalez 1998: 621–623]. Известны кукуруза и другие культурные растения, но время начала их выращивания не установлено. Не исключено, что люди умайта занимались земледелием уже в докерамический период. Сходный с каинганг образ жизни вели некоторые группы гуарани (в частности, шета штата Парана), проникшие в этот район позже.

Характерным типом памятников побережья южной Бразилии являются раковинные кучи (самбаки), представляющие собой многометровые напластования культурных остатков на местах поселений. Древнейшие самбаки появляются 6000 л. н. в штате Парана (25° ю. ш.), распространяясь оттуда на юг в Риу-Гранди-ду-Сул и на север вплоть до Баии [Gaspar 1998: 593]. Культуры создателей самбаки были, по-видимому, уничтожены в ходе миграций тупи и гуарани в I тыс. н. э. (см. ниже). Разновременность появления самбаки в отдельных районах ставит под сомнение гипотезу о том, что раннеголоценовые самбаки уничтожены морской трансгрессией [Richardson 1986: 7]. П. И. Шмиц связывает их появление с потеплением морских вод и ухудшением условий для наземной охоты из-за наступления лесов [Schmitz 1981a: 19]. По крайней мере одно самбаки в Санта-Катарине, относимое к рубежу III и II тыс. до н. э., имело форму кольца диаметром 70–75 м [Prous 1986a: 299–300] подобно прибрежным поселениям Джорджии, северной Колумбии и Перу (Ринг-Сайт).

Возможно, что в Минас-Жерайсе уже в III–II тыс. до н. э. появляется кукуруза [Schmitz 1981e: 218; Schmitz et al. 1982: 264]. Она найдена на нескольких пещерных стоянках, в том числе в слое 1 Сантана-ду-Риашу, датированном 4500–2800 л. н. [Prous, Malta 1991: 70, 98]. Косвенно о возможности появления в регионе раннего земледелия свидетельствуют материалы традиции итайпу, занимавшей во II тыс. до н. э. небольшой район в штатах Рио-де-Жанейро и Эспириту-Санту [Schmitz 1987: 112–113; Turner, Machado 1984]. Обследование погребений выявило поразительно высокий процент зубов, пораженных кариесом, что можно объяснить потреблением богатой углеводами растительной пищи — видимо, клубнеплодов. Этот вывод соответствует обилию терочных орудий и наличию долговременных поселений с культурным слоем мощностью до 2 м на относительно удаленной от берега территории. У бразильских охотников-собирателей, живших вне прямого доступа к ресурсам побережья, подобных поселений не отмечено.

К началу европейских контактов в пределах приатлантической полосы Бразилии шириной 100–200 км в штатах Сан-Паулу,

Эспириту-Санту, частично Баия и Минас-Жерайс жили так называемые «палеобразильские» народы (рис. 10). В ходе экспансии тупи вдоль побережья и же в области Бразильского нагорья они оказались зажаты в полосе тропического леса, покрывающего юго-восточный край нагорья. Речь идет о представителях нескольких языковых семей: машакали-малали-паташо, камакан, ботокудо, пури-короадо, фулнио. Видимо, все соответствующие языки отдаленно родственны языкам же, хотя такого рода предположения [Greenberg 1987: 386; Kaufman 1990: 46–47, 60–61; Rodrigues 1982b] нуждаются в разработке [Campbell 1997: 195]. В источниках XIX–XX вв. «палеобразильские» племена обычно фигурируют как отсталые охотники-собиратели. Археологические материалы свидетельствуют об их знакомстве с земледелием (ямс, арахис, батат, тыквы, фасоль, кукуруза) и изготовлении ими керамики на протяжении многих столетий до появления европейцев [Brochado 1984: 220–221; Schmitz et al. 1982: 263–264; 1984: 229]. Маргинализация ареала произошла позже в результате экспансии тупинамба и особенно после Колумба.

Мифологические материалы по юго-западной Бразилии ограничены и касаются каинганг, шета, ботокудо, камакан и совсем немного куташо. Некоторые «палеобразильские» тексты, возможно, оказались для меня недоступны, но рассчитывать на значительное увеличение их корпуса не приходится.

Бразильское нагорье ДРЕВНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ

Почвы Бразильского нагорья, Гвианы, а также той части Амазонии, которая не орошается реками, берущими начало в Андах, очень бедны, что объясняется геологическими особенностями региона. Качество почв отражается на питательности трав и листьев деревьев и тем самым на поголовье травоядных животных [Harris 1979: 395]. В отличие от предандских саванн Венесуэлы и Колумбии и тем более от высокогорной андской пуны и степей Южного Конуса, в бразильских саваннах не было условий для распространения стадных млекопитающих. Встречающиеся в литературе описания того, как обитатели саванн востока Южной Америки преследуют пасущихся мастодонтов [Prous 1986a: 258], не основаны на фактах. Почвы юго-западной Бразилии несколько плодороднее, хотя четкой природной границы между юго-западом страны и районами далее к северу и востоку нет.

В восточной и центральной Бразилии первые свидетельства появления человека относятся к тому же времени, что и на территории

Южного Конуса. Большинство радиоуглеродных дат для самых нижних слоев ранних стоянок приходится на период 11 000–9000 л. н. Несколько дат для Лапа-ду-Бокете (Минас-Жерайс) и Ситиу-ду-Мейу (Пиауи) заходят в интервал 11 000–12 300 л. н. [Kipnis 1998: 584–585]. Как пример более раннего памятника часто называют скальный навес Тока-де-Бокейран-да-Педра-Фурада в районе Сан-Раймунду-Нонату в штате Пиауи, однако доказательства антропогенного происхождения угольков и пятен краски из слоев, относимых к периоду ранее 10 500 л. н., не убедительны [Delibrias, Guidon 1986; Guidon 1983: 259; 1986; Guidon et al. 1996; Meltzer et al. 1994].

Основные и наиболее древние восточно- и центральнобразильские памятники расположены в углах треугольника, покрывающего территорию между западом Мату-Гросу (верховья реки Куяба в районе городов Куяба и Рондонополис), северо-востоком Бразилии (Серра-ду-Капибара, штат Пиауи, где расположена и Педра-Фурада) и пещерами северной части Минас-Жерайса. Все эти памятники относятся к единой традиции итапарика, для которой лучше всего изучена фаза паранаиба в штате Гояс и в северной части Минас-Жерайса [Mendonça de Souza 1984: 81–82; Prous 1991; Schmitz 1981a: 12, 17; 1986: 187; 1987: 64–71; Wüst 1998: 664].

Пещерные стоянки расположены в местностях с пересеченным рельефом, где был доступ к ресурсам разнообразных природных зон. Трассологический анализ свидетельствует об использовании орудий для обработки дерева. Люди занимались охотой на мелких и средних по размерам животных, сбором плодов и орехов [Kipnis 1998: 587]. Для каменной индустрии характерны крупные (10–15 см длиной) односторонне оббитые орудия из кварцита на прямоугольных и овальных отщепах и пластинах, преобладают скребла и скребки. Очень редко встречаются двусторонне обработанные наконечники со слабо выраженным закругленным снизу черешком. Есть терочки, бола и камни для разбивания орехов. Предполагается, что наскальные росписи стиля нордэсте, для которых характерны сложные многофигурные сцены и изображения деревьев, созданы в период господства итапарика на северо-востоке Бразилии [Prous 1986a: 263].

В голоцене климат Бразилии менялся неравномерно в отдельных районах [Kipnis 1998: 581], но в целом стал более теплым и влажным, особенно в период альтигермаля, что привело к более широкому распространению влажных тропических лесов [Fernandes de Miranda 1984: 74; Schmitz 1981a: 19–27; 1987: 74]. Для VII–III тыс. до н. э. лучше всего изучена фаза серранополис, сменившая на юге Гояс паранаибу, и близкие серранополис комплексы Минас-Жерайса [Brochado 1984: 196–108; Prous 1991: 94; Sales Barbosa 1984: 59; Schmitz 1981b: 49, 59; 1986: 191]. Подобные памятники выявлены и на юге Мату-Гросу [Weber 1987: 178], а также близ Рио-

де-Жанейро [Beltrão, Moura et al. 1986: 200]. Индустрия серранополис принадлежит к тому же кругу, что и эль-абра, амотапе, ринг-сайт и прочие комплексы юго-востока Центральной и запада — северо-запада Южной Америки, т. е. к «традиции орудий с подправленным краем». Сделать обоснованный выбор между чисто типологическим или также и генетическим объяснением этого сходства на сегодняшний день невозможно.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТА

К началу европейских контактов большую часть Бразильского нагорья и сопредельные водоразделы в юго-восточной Амазонии занимали народы языковой семьи *же* (см. рис. 10).

Языки *же* включают северную, центральную и южную ветви [Campbell 1997: 196; Rodrigues 1982b]. К северным относятся тимбира (включая рамкокамекра, апаниекра, кренье, крахо, крикати), апинайе, каяпо (включая горотире, шикрин, кубен-кран-кегн и другие группы) и суя (был локализован западнее других, сейчас в верховьях Шингу).

Центральная ветвь (аквен), чья территория находится к югу от территории северных *же*, состоит из языков шаванте, шеренте и ныне вымерших шакриаба и акроа. Всю южную треть нагорья, включая верхнее течение Параны, занимали так называемые южные каяпо. О положении их языка в пределах семьи *же* судить невозможно, но сама их принадлежность к *же* не оспаривается.

Южная ветвь языков *же* представлена, как говорилось выше, диалектами или, может быть, языками каинганг на юго-западе Бразилии. Каинганг отделились от остальных *же* значительно раньше, чем северная и центральная ветви друг от друга. Брошаду, вслед за Херттом, полагает, что традиция умайта является производной от *итапарика* и что обособление ее создателей и их движение на юго-запад соответствуют отделению каинганг от основного массива *же*; это произошло, следовательно, не менее 6000 л. н. [Brochado 1984: 217–218]. Хотя при существующей изученности региона подобная миграция вряд ли может быть прослежена на конкретных археологических материалах, сама по себе реконструкция выглядит правдоподобно, если учесть общую близость индустрии умайта с ее каменными «бумерангами» к *итапарика* и ее неожиданное появление на Паране.

Археологически *же* становятся видимы с VIII–IX вв. н. э., с появлением традиции арату, для которой характерны большие круговые поселения в подходящих для земледелия районах и Т-образные топоры, специфичные позже для *же* [Brochado 1984: 139–143, 222–237; Schmitz et al. 1981: 88; 1982; 1984]. Арату и близкие

ей комплексы вырастают из более ранней и шире распространенной традиции педра-ду-кабоклу, а та, в свою очередь, берет начало от керамики мина штата Пара или от каких-то еще не известных сходных с ней комплексов. Мина найдена в прибрежных поселениях (раковинных кучах) и содержит в тесте раковины и песок. Эта керамика появляется около 5000 л. н. и продолжает употребляться примерно до 3600 л. н. [Simoes 1981]. Неожиданной особенностью керамики мина является красный ангоб, который в III тыс. до н. э. встречается еще только в Эквадоре на керамике вальдивии [Hoopes 1994: 14].

По мнению Брошаду, педра-ду-кабоклу дает начало всем керамическим стилям Бразильского нагорья от 3000 л. н. до европейских контактов, за исключением керамики народов тупи [Brochado 1984: 94–96]. Для этих стилей, как и для предковой керамики мина, характерны простые, слабо профилированные формы, почти полное отсутствие орнаментации, использование песка в качестве отощителя. Гончарство постепенно распространялось с севера на юг и не сопровождалось существенными миграциями. Что касается местных каменных индустрий, то они могут быть прослежены через комплексы среднего голоцена вплоть до традиции итапарика, т. е. до древнейших охотников-собирателей. Последнее утверждение Брошаду еще нуждается в доказательствах.

Формирование арату связано с распространением полноценной земледельческой культуры. Поскольку признаков более раннего выращивания маниока на Бразильском нагорье нет, а в Амазонии жаровни для обжаривания маниоковой муки появляются еще во II тыс. до н. э. (см. ниже), распространение развитого земледелия в данном случае явно свидетельствует о культурных импульсах с севера.

На юге Мату-Гросу между верховьями Гуапоре и Арагвайи к началу европейских контактов располагался крупный массив племен бороро, включавший восточных (ораримугудоге) и западных (умутина). Культурное родство же с бороро очевидно. Для тех и других характерны огромные кольцевые поселения, в которых члены отдельных родов и фратрий занимали жилища в пределах определенных частей кольца [Margolis, Carter 1979; Maybury-Lewis 1979]. В то же время родство языков же и бороро, предполагаемое Родригесом, пока доказано в меньшей степени, чем связи же с некоторыми «палеобразильскими» языками.

Данные археологии показывают, что в культуре бороро сравнительно недавно произошли резкие перемены [Wüst 1998]. Развитое земледелие на данной территории появляется, как и повсюду на нагорье, в IX–X вв. в период распространения традиции арату и связано с близкой к собственно арату субтрадицией уру. Граница между уру и арату в верховьях Арагвайи и Токантинса хорошо прослеживается археологически [Robrahn González 1995: 243–244].

и примерно соответствует будущей границе между *же* и бороро. Ранее земледелие, возможно, было известно, но стоянки оставались невелики по размеру и найдены исключительно под скальными навесами. Первая керамика (субтрадиция уна, вариант традиции педра-ду-кабоклу) заимствуется после середины I тыс. до н. э. С распространением уру появляются огромные поселения поперечником до полукилометра из одного — трех колец жилищ; основной земледельческой культурой становится горький маниок. Однако во второй половине XVII — первой половине XVIII в., т. е. уже в эпоху первых европейских контактов, кукуруза совершенно вытесняет маниок [Weber 1987: 179], а на смену керамике уру приходит непохожая на нее керамика исторических бороро. В это же время в довольно значительном количестве появляется и керамика, типичная для народов семьи тупи, имеющая в конечном итоге амазонское происхождение.

Учитывая эти факты, неудивительно, что в зафиксированной в XX в. мифологии бороро встречаются мотивы, отсутствующие у *же*, но характерные для Гвианы и Амазонии (еще Леви-Строс отметил, что «мышление бороро пропитано мифологией тупи» [Levi-Strauss 1964: 151]).

На Средней Арагвае в окружении *же* живут каража. В XIX в. их территория оказалась ограничена большим речным островом Бананаль, но археологические памятники каража открыты и вне его. Как и для бороро, родство каража с *же* предполагается Родригесом, но не доказано окончательно. В отличие от бороро, каража и по культуре существенно выделяются среди своих жеязычных соседей. История каража прослеживается с XI–XII вв. н. э., когда на Арагвае появляется земледельческая традиция аруана [Schmitz et al. 1981: 100–101, 105; 1982: 107–110, 268; 1984: 216], в некоторых отношениях близкая к комплексам, предковым для центральных *же* (выращивание маниока), но в других совершенно чуждая им (жилища расположены не по кругу, а в ряд). Шмиц утверждает, что если традиция арату имеет в основном местное происхождение, то аруана вышла прямо из Амазонии [Schmitz et al. 1982: 261]. Доказательств этого в публикациях нет.

На северо-востоке Бразилии зафиксировано много этнонимов, но языковые материалы есть только по двум. Гамела в штате Мараньян по культуре были, по-видимому, близки северным *же*, но по языку решительно от них отличались [Nimuendaju 1937]. Больше сведений о карири, наиболее значительной этнической группе ареала. До распространения тупинамба в I тыс. н. э. (см. ниже) карири почти наверняка не только занимали внутренние районы штатов Сержипи, Алагоас, Пернамбуку и Параиба, но и выходили на побережье. Можно отметить, что именно здесь, на северо-востоке Бразилии, отсутствуют самбаки, характерные для юга атлантического

побережья и вновь появляющиеся на севере, в Мараньян и Пара [Gaspar 1998: 593]. Брошадю доказывает, что карири наряду с *же* участвовали в создании традиции арату [Brochado 1984: 225–236], и ссылается на Родригеса и других лингвистов в своем утверждении об отдаленном родстве языка карири с *же*.

Территория, где локализованы языки гипотетического объединения макро-*же*, почти не выходит за пределы восточной, центральной и южной Бразилии. Наиболее западные группы можно лишь перечислить, так как их предыстория совершенно не исследована. На юге Мату-Гросу к юго-западу от южных каяпо локализованы офайе, а в Восточной Боливии, Рондони и прилегающих к Рондони районах на западе Мату-Гросу чикито (включая манаси), ябути, рикбакца, гуато и оти. Все это земледельческие народы, причем у манаси, входивших в восточноболивийский культурный ареал, в XVI в., по-видимому, существовала социополитическая организация уровня вождеств.

Мифологические материалы опубликованы по большинству тех групп *же*, чьи языки сохранились до XX в. Текстов, однако, не настолько много, чтобы рассматривать собрания по каждой группе отдельно. Лишь рикбакца, каяпо и суя были выделены в самостоятельные кластеры, причем для суя выборка явно не охватывает всего набора мотивов, который должен был быть представлен в фольклоре этих индейцев. Последнее замечание касается и офайе. В кластер, куда вошли мифологии большинства северных и центральных *же*, включены данные по карири и совсем незначительные сведения по гамела. Возможно, что в будущем корпус текстов карири увеличится за счет новых записей, сделанных среди панка-рару — этнической группы, родственной карири и сохранившейся до сих пор [Sampaio-Silva 1994]. Каража рассматриваются вместе с неродственными им в языковом отношении, но очень близкими по культуре тапирале — одной из проникших в область нагорья групп тупи. Отрывочные сведения по мифологиям манаси и ябути рассматриваются в комплексе с другими материалам по восточной Боливии и Рондони соответственно.

Восточная Амазония

ДРЕВНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ

Около 18 000 л. н. в период максимальной глобальной аридизации климата от влажных лесов Амазонии оставались лишь небольшие вкрапления в сплошном массиве саванн, а на северо-востоке Бразилии — и полупустынь [Schubert 1988]. Когда именно возникла единая зона сельвы, не ясно. Еще в голоцене в ряде районов, занятых

позже дождевым лесом, росли, вероятно, сухие легкопроходимые парковые леса [Whitten 1979].

О раннем появлении людей близ устья Амазонки свидетельствуют угольки в озерных отложениях, впервые фиксируемые для прослоек, датированных несколько ранее 10 500 л. н.; еще через две тысячи лет такие находки становятся обычными [Ward 1999: 289]. Главными сведениями о древнейшем периоде в истории восточной Амазонии мы располагаем благодаря раскопкам А. К. Рузвельт. Эти работы велись близ Монте-Алегре на левом берегу Амазонки несколько ниже того района, где в нее с южной стороны впадает Тапажос [Roosevelt et al. 1996].

На основе десятков радиоуглеродных дат, соответствующих ясной и ненарушенной стратиграфии грота Каверна-да-Педра-Пинтада, можно уверенно относить начало заселения данной территории к периоду 11 200–10 500 л. н., и даже точнее — 11 150–10 800 л. н. Около 9800 л. н. палеоиндейцы покинули грот. Каменная индустрия включает обработанные с двух сторон оббивкой и отжимной ретушью треугольные наконечники с черешком. При переходе от более ранних прослоек к более поздним яшма постепенно вытесняет кварцит в качестве главного материала. В слое найдены кости как крупных млекопитающих, так и рыб, грызунов, птиц, рептилий, раковины моллюсков, остатки разнообразных семян и плодов. Ископаемых видов нет. Химический анализ пигментов и перекрывание части настенных росписей культурным слоем доказывают, что обнаруженные в гроте изображения относятся к плейстоцену. Это позволяет с большей уверенностью датировать эпохой первого заселения и многочисленные наскальные росписи, известные на Бразильском нагорье.

Каверна-да-Педра-Пинтада вряд ли является уникальным памятником. Каменные орудия похожих типов собраны с поверхности как к югу от Амазонки (на участке от устья Тапажоса до Белена), так и к северу от нее, в Гвиане [Roosevelt 1992: 58–60, 63; Roosevelt et al. 1996: 374, fig. 1]. Если в Каверна-да-Педра-Пинтада найдены в основном заготовки и обломки, то корпус случайных находок позволяет судить о характере готовых изделий. Это крупные треугольные, иногда сильно вытянутые наконечники, чаще всего с черешком, обработанные с двух сторон превосходной отжимной ретушью. Есть формы с треугольной выемкой в основании. У нижнеамазонской индустрии имеются отдаленные аналогии среди случайных находок в Колумбии, но она радикально отлична от восточнобразильской традиции итапарика, равно как и от небольших грубо оббитых черешковых наконечников из пещер района Лагоа-Санта.

В голоцене на нижней Амазонке на поселениях охотников, собирателей и рыболовов появляется керамика. В Каверна-да-Педра-Пинтада соответствующие слои датированы по радиоуглероду

в пределах 7580–6625 л. н. [Roosevelt et al. 1996: 380], а на поселении Таперинья на южном берегу Амазонки — 7080–6300 л. н., причем все даты согласуются со стратиграфией [Roosevelt et al. 1991]. Правда, многие археологи не спешат признать эти факты, прежде всего из-за непонятно большого хронологического разрыва между слоями с керамикой, открытыми Рузвельт, и другими древнейшими комплексами Южной Америки. В качестве отощителя для нижнеамазонской керамики использовались раковины либо песок, орнамент прочерченный и накольчатый. Сопутствующая каменная индустрия состоит из отщепов, наконечников нет. Похожая, но не датированная абсолютными методами керамика алака с раковинами в тесте известна в Гайане в качестве подъемного материала [Evans, Meggers 1960: 64, fig. 20; Meggers, Evans 1983: 297]. К сходному типу относится описанная выше керамика мина на побережье Пара. Примерно 6000–5500 л. н. в составе растительности на нижней Амазонке увеличивается доля трав, что, скорее всего, связано с расчисткой лесов и, возможно, с началом выращивания растений [Ward 1999: 289].

ПОЛИХРОМНАЯ ТРАДИЦИЯ

Связи между отдельными керамическими комплексами и горизонтами на нижней Амазонке пока не прослежены. Для периода 4000–2500/2000 л. н. здесь известны как стили ананатуба и кауари со сложной орнаментацией (сетчатая штриховка обрамленных прорезями плоскостей, имеющая параллели далеко на западе вплоть до вальдивии [Hilbert 1968; Meggers, Evans 1957: 176–195; 1973: 40–46; 1983: 302]), так и посуда с редкими широкими прочерченными линиями [Roosevelt et al. 1996: 381]. Вместе с последней найдены древнейшие в регионе (3500 л. н.) жаровни для приготовления горького маниока.

В первой половине I тыс. н. э. [Brochado 1984: 342] на острове Маражо в устье Амазонки появляется культура маражоара [Meggers, Evans 1957; 1983; Nordenskiöld 1930; Roosevelt 1988; 1991]. Помимо рыболовства основу ее хозяйства могло составлять выращивание маниока, но прямых палеоботанических свидетельств нет. Судя по различиям в погребальном инвентаре, существовали социальные страты. Монументальные земляные платформы предполагают координацию труда десятков и сотен людей. Политическая организация, скорее всего, соответствовала среднemasштабным обществам — вождествам или конфедерациям. По своему технологическому и художественному уровню керамика маражоары приближается к продукции гончаров Мезоамерики и Центральных Анд.

Основу иконографии составляет сложный полихромный или рельефный декор из преимущественно криволинейных элементов, сплошь покрывающий поверхность изделия. В орнаменте угадывают-

ся, а иногда и явно прослеживаются силуэты змей, точнее, вероятно, мифических водных духов, которых индейцы Амазонии и Гвианы часто изображали в виде змееподобных существ с головами на обоих концах тела. Среди зооморфных образов есть ящерицы, черепахи, змее- или червеобразные существа (с одной головой) и, возможно, летучие мыши. Фигура подобного существа обычно распластана на тулове урны или на дне подноса. Сохранявшие остатки кремации урны моделированы в виде женщины, тело которой соответствует тулову, а лицо показано на горле ниже венчика. Глаза, нос, рот, гениталии выделены рельефно и краской. Глаза полузакрыты, внутри рук и ладоней, по-видимому, показаны кости. Из рта на грудь свешивается язык. На месте гениталий бывает нарисована маленькая круглая личина — рождающийся ребенок (?). Крышками урн служили миски, на боковых стенках которых в росписи и рельефе изображено человеческое лицо.

Маражоара — наиболее выдающийся комплекс из относящихся к Полихромной традиции Амазонии, которая в начале II тыс. н. э. распространилась по плодородным речным поймам и затопляемым саваннам Амазонии, восточной Боливии и побережья южной Гвианы. Соответствующая иконография и формы керамики сохранились до наших дней у индейцев языковой семьи пано (ко-нибо-шипибо) на востоке Перу. На побережье Гвианы элементы этой традиции связаны с араваками паликур [Rostain 1994]. Поскольку Полихромная традиция была своего рода знаком контроля над плодородными пойменными территориями, ее воспринимали группы разной языковой принадлежности. Однако есть основания полагать, что первоначально она была связана с народами тупи-гуарани. В частности, пано и араваки пиро на Укаяли восприняли Полихромную традицию от кокама — тупиязычных или ассимилированных тупи обитателей плодородных пойм верхней Амазонки [Lathrap 1970: 151–159; Myers 1974: 135; Weber 1992].

Что касается непосредственно маражоары, ее происхождение остается неясным. Вполне возможно, ее истоки следует искать не в устье, а несколько выше по Амазонке или в низовьях таких ее южных притоков, как Шингу или Тапажос. Это позволило бы непротиворечиво согласовать все основные лингвистические и археологические факты, связанные с проблемой расселения народов семьи тупи.

РАССЕЛЕНИЕ ТУПИ

Тупи — основная языковая семья Амазонии. Язык собственно тупи, точнее тупинамба (носящий названия неенгату и лингва жерал), в XVII в. едва не вытеснил в Бразилии португальский, а родственный ему гуарани (абаанги) и сейчас является вторым государственным языком Парагвая. Проникновение гуарани в Парагвай произошло лишь в колониальное время в ходе войн, развернувшихся между

португальскими работоторговцами и детрибализованными тупинамба, с одной стороны, и гуарани южной Бразилии под водительством испанских иезуитов — с другой [Schmitz 1981d]. На основе этноса гуарани возникла иезуитская теократия, а после изгнания иезуитов из Нового Света часть гуарани вернулась к традиционному образу жизни, а остальные составили ядро современного парагвайского этноса.

Словом *тупи* обозначают языковые объединения разного уровня, поэтому следует различать 1) *тупи* как макросемью языков; 2) входящую в нее семью тупи-гуарани; 3) тупи как одну из двух ветвей последней; 4) язык тупинамба на атлантическом побережье (в частности, в районе Рио-де-Жанейро), который в XVI в. лег в основу лингва жерал.

Для исторической лингвистики семьи тупи-гуарани наиболее существенен вопрос о степени близости языков тупинамба и гуарани. Хотя первоначально А. Д. Родригес включил оба языка в одно и то же таксономически самое мелкое подразделение, что предполагает их крайнюю близость [Rodrigues 1958; 1974], в дальнейшем выявились факты, свидетельствующие о наличии в тупинамба и в кокама (на верхней Амазонке) общих черт, отсутствующих в гуарани [Noelli 1998: 654]. Тем самым было снято препятствие для принятия сценария распространения тупи и гуарани, выдвинутого Брошаду [Brochado 1984; Noelli 1998].

Суть этого сценария состоит в том, что распространение народов данной семьи началось со средней или нижней Амазонки и было обусловлено поиском плодородных земель, пригодных для занятия земледелием. Тупинамба двигались на восток и затем на юг вдоль побережья Атлантики, а гуарани — на юг через бассейн Мадейры вплоть до юго-западной Бразилии и устья Параны. Благодаря полихромии и другим легкоопознаваемым приемам орнаментации керамики, а также практике захоронений в урнах эти миграции надежно выявляются археологически. Других культур сопоставимого типа и облика в Южной Америке к югу от Амазонки и к востоку от Мадейры нет. Раскопки показывают, что основные территории, на которых тупинамба и гуарани жили в XVI в., были освоены ими уже в первых веках нашей эры [Noelli 1998: 656]. Данные по мифологии подтверждают этот сценарий, свидетельствуя о большей близости мифов тупинамба к текстам тенетехара штата Пара, нежели к текстам гуарани. Что же касается маражоары, то эта культура, скорее всего, является не предковой по отношению к тупинамба, как предполагал первоначально Брошаду, а боковым ответвлением той же традиции. Ни этнографических, ни мифологических материалов по населению острова Маражо нет. В XVI в. его северную часть занимали араваки аруан. Другой сценарий распространения тупи и гуарани, согласно которому миграция шла вдоль побережья Бразилии с юга на север [Meggers, Evans 1983,

figs. 7.17, 7.22], противоречит современным данным как археологии, так и других дисциплин.

Там, где миграции тупи имели массовый характер и сопровождались полным уничтожением или вытеснением субстратного населения, принесенная из Амазонии мифология в основном сохранялась. Так случилось с тупинамба, что позволило включить их в один кластер с приатлантическими тупи, живущими сейчас в штатах Пара и Мараньян. В тех же случаях, когда небольшие группы тупи и гуарани оказывались в иноязычном окружении, они заимствовали местную мифологию и утрачивали многое из прежней. Это касается, в частности, аче, или гуаяки (охотников восточного Парагвая), сирионо (бродячих охотников и земледельцев восточной Боливии), тапирapé (воспринявших, как уже говорилось, многое из культуры каража) и шета (оказавшихся в окружении каинганг). Для гуарани мы отдельно рассматриваем данные по собственно гуарани южной Бразилии и Парагвая и по группам восточной Боливии — чиригуано (включая ассимилированных ими араваков чанэ) и гуараю (включая паусерна). Хотя те и другие близкородственны по языку [Firestone 1965], их мифологии достаточно различаются, по-видимому, из-за более сильного воздействия субстрата и адстрата на боливийских, чем на парагвайских и бразильских гуарани. При этом у локализованных ближе к Андам чиригуано такое воздействие ощущается сильнее, чем у живущих восточнее гуараю.

К сожалению, очень мало данных по фольклору тех групп тупи, которые по долинам рек проникли во внутренние районы Бразильского нагорья. Тапирapé представляют здесь единственное исключение, а мифологии ава (канозэйро) верховьев Токантинса и тупина бассейна Сан-Франсиску совершенно не известны.

Не только тупи и гуарани, но и подавляющее большинство языков макросемьи тупи локализованы к востоку от Мадейры и к югу от Амазонки. Исключение составляет язык оямпи бразильской Гвианы, но его носители (вместе с родственными эмерильон) переселились туда из бассейна Шингу лишь в XVII в. [Noelli 1998: 655]. В основном оямпи заимствовали местную карибскую мифологию.

Родригес [Rodrigues 1982a] выделяет в пределах макросемьи тупи помимо тупи-гуарани следующие семьи (см. рис. 9–10): 1) журуна и шипая; 2) арикем; 3) аноэ, мекенс, амниапя, гуаратагая, тупари, ваюру и др.; 4) уруку, уруми, рамарама; 5) мондэ, аруа и др.; 6) пурубора; 7) мундуруку. Языки почти всех упомянутых семей, кроме шипая-журуна (низовья Шингу) и мундуруку (междуречье Мадейры и Тапажоса), сосредоточены на небольшой территории в Рондонии и сопредельных районах Мату-Гросу. На этом основании трудно сделать иной вывод, нежели предположить, что прародина макросемьи тупи располагалась где-то в Рондонии или несколько восточнее, но не далее устья Тапажоса [Noelli 1998, fig. 2].

Если разделение даже близкородственных тупинамба и гуарани произошло не менее двух тысяч лет назад, то разделение более удаленных ветвей можно смело датировать как минимум периодом среднего голоцена. К числу основных этнических групп, которые обнаруживают ту или иную степень близости к тупинамба и гуарани и по которым имеются значительные мифологические материалы, относятся шипая и журуна, мауэ средней Амазонки, тенетехара и урубубу к юго-востоку от устья Амазонки, мундуруку, каяби и паринтинтин на среднем и верхнем Тапажосе и на средней Мадейре.

Расселение тупи-гуарани преобразило этническую карту востока Южной Америки. В восточной Амазонии не относящиеся к семье тупи языки к XVI в., возможно, полностью исчезли. Единственным исключением является язык тапажо на нижнем Тапажосе, который остался не зафиксирован, но наверняка не относился к тупи [Nimuendaju 1952; Roosevelt 1991: 101–102]. Однако керамика тапажо, перекликающаяся с традицией араукин (см. ниже о расселении карибов), появляется позже комплексов Полихромной традиции. Это может означать, что тапажо сами пришли в этот район недавно, заняв плодородную пойму и вытеснив оттуда тупи. Мифологических материалов по тапажо практически нет.

В отличие от распространения тупи на нижней Амазонке, от вторжений тупинамба на бразильское побережье и гуарани в юго-западную Бразилию, миграции носителей Полихромной традиции вверх по Амазонке не привели к исчезновению местных этносов или к их полному вытеснению на малопродуктивные водоразделы. Однако в результате продвижения Полихромной традиции к подножию Анд в конце I — начале II тыс. н. э. (керамика напо в Эквадоре, керамика нофуэи в Колумбии [Evans, Meggers 1968; Eden et al. 1984]) восточноамазонские элементы в культуре проникли далеко на запад, что наверняка содействовало и определенной «энтропии» в распределении по континенту мифологических мотивов. То же можно сказать и о миграциях карибов и араваков (см. ниже).

Гвиана, Льяносы, северо-западная, западная и южная Амазония

ДОКЕРАМИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

В северной Венесуэле и Гвиане встречаются черешковые наконечники длиной до 15–20 см [Evans, Meggers 1960: 21, pl. 8; Rouse, Cruikshank 1963: 29]. Они найдены вплоть до Тринидада и, возможно, относятся ко времени до образования пролива между островом

и материком где-то около 10 000 л. н. [Hoffman, Lynch 1990: 166], однако точно нигде не датированы.

Докерамические памятники западной, северной, центральной и южной Амазонии изучены еще очень слабо. Самые древние известные материалы относятся к немного более позднему времени, чем в других областях Южной Америки, но вряд ли эти данные окончательны. В бассейне Риу-Негру найдены крупные (до 20 см длиной) двусторонне обработанные наконечники с широким желобчатым черешком, для которых пока нет стратиграфического контекста [Roosevelt et al. 1996: 383, прим. 27]. В колумбийской Амазонии на реке Какета, т. е. в районе, где даже в периоды максимальной аридизации дождевые леса, скорее всего, сохранялись, для стоянки Пенья-Роха получены даты 9125 ± 250 , 9169 ± 90 и 9250 ± 140 л. н. [Gnesso, Mora 1997: 687–689]. Каменные орудия представлены отщепами со сработанным режущим краем, скребками на отщепах, терочниками. Флористические остатки свидетельствуют об использовании множества видов растений.

Изучение озерных отложений западной Амазонии (северо-восток Эквадора) указывает на увеличение доли трав в местной флоре около 7900–7700 л. н. В условиях растущей увлажненности в голоцене это может быть вызвано только расчисткой лесов. На водоразделах северо-западной Амазонии в отложениях первой половины V тыс. до н. э. найдена пыльца кукурузы [Ward 1999: 289]. По-видимому, распространение примитивного земледелия в тропических лесах Амазонии происходило тогда же, когда и в Центральной Америке и на тихоокеанском побережье Северных Анд.

Составить связное представление об истории отдельных культур в низменностях северо-запада Южной Америки в среднем голоцене невозможно. Ситуация несколько проясняется с появлением керамики.

РАССЕЛЕНИЕ АРАВАКОВ

Предполагается, что во II тыс. до н. э. в саваннах бассейна Ориноко сложились традиции барранкас и саладеро, распространившиеся затем далеко за пределы этой области. Наиболее вероятной причиной миграций мог быть переход к развитому земледелию, что вызвало рост населения и стимулировало поиски еще не освоенных подходящих для обработки земель. Продвижение соответствующих групп населения вдоль рек и через саванны на севере Южной Америки прослежено сейчас со многими подробностями, вникать в которые не является нашей целью, тем более что данных по мифологии северной Венесуэлы нет. Существеннее отметить дальние миграции.

Для барранкас и саладеро характерны сковороды для жаривания маниоковой муки и керамика с зооантропоморфными

налепами на венчике и тулове, для салатеро — также расписная керамика. По мнению большинства археологов, особенности форм и декора сосудов барранкас и салатеро сближают обе традиции с культурами вальдивия, пуэрто-ормига, монагрильо, т. е. с более ранними (V–III тыс. до н. э.) керамическими комплексами Панамы, Колумбии, Эквадора [Bischof 1966: 490; Sanoja, Vargas 1978: 259–260; 1983: 226–230, 237–239; Willey 1971: 280, 372–373].

Салатеро, подвергшись влиянию барранкас, в последних веках до н. э. была вытеснена на Антилы, где дала начало серии генетически связанных культур, носителями последней из которых были исторические араваки таино. Барранкас доживает на Ориноко до прихода испанцев [Sanoja, Vargas 1983: 225], причем еще в конце I тыс. до н. э. начинает распространяться за пределы бассейна Ориноко. Около середины I тыс. н. э. эта традиция появляется в прибрежных районах Гайяны [Sanoja, Vargas 1978: 266; Willey 1971: 374], где представлена фазой мабаруна с характерными сковородами для прожаривания маниоковой муки [Evans, Meggers 1960: 64–123]. К рубежу эр барранкас достигает Укаяли (комплекс хупа-ия [Lathrap 1970: 129–130], низовьев Риу-Негру [Lathrap 1970: 120–121] и нижней Амазонки (комплекс поко на реке Ньямунда [Hilbert, Hilbert 1979: 445]). В колумбийской Амазонии открыты поселения II–IX вв. н. э. с неорнаментированной, но хорошо обожженной керамикой [Andrade 1986; Eden et al. 1984; Herrera et al. 1981]. Связана ли она в конечном счете с барранкас, не ясно, но жаровни для маниока там тоже есть. Все эти памятники приурочены к участкам антропогенных черноземов на террасах вдоль главного русла Амазонки и ее основных притоков [Andrade 1986, fig. 1]. В VII в. н. э. барранкоидные элементы появляются в керамике нижних слоев поселения Веларде в саваннах Мохо в восточной Боливии [Lathrap 1970: 123–126], а в X в. — в верховьях Шингу [Heckenberger 1998: 634; Lathrap 1970: 127].

Как достаточно убедительно продемонстрировал Д. Латрап, барранкоидные керамические комплексы в Амазонии были созданы в основном араваками [Lathrap 1970: 73, 112, 127]. Верховья Шингу — наиболее удаленный на юго-восток район, где зафиксированы аравакские языки. В основном они представлены к северу от Амазонки и к западу от Мадейры, т. е. там, куда не доходили тупи. Латрап полагал, что прародина араваков находилась в центральной Амазонии в низовьях Риу-Негру, где якобы возник древнейший в Америке земледельческий центр и появилась первая полихромная керамика. Археологические исследования этого не подтвердили [Neves 1998: 625–626], но интерпретация создателей керамики барранкас как араваков остается наиболее убедительной. Она прекрасно согласуется с гипотезой К. Шверина о происхождении народов этой языковой семьи из венесуэло-колумбийских саванн [Schwerin 1972].

Существует несколько классификаций аравакских языков. Согласно последней [Campbell 1997: 180–181], отдельные подгруппы составляют две ветви — северную и южную. К северной относятся языки, образующие более или менее сплошной массив от низовьев Риу-Негру до лесов юго-западной Колумбии и льяносов Венесуэлы, а также язык гуахино в северо-западной Колумбии и сопредельной части Венесуэлы (см. выше). Сюда же относятся языки араваков Гвианы и нижней Амазонки (вапишана, локоно, паликур, марава), а также Антильских островов. В южное объединение входят языки араваков перуанской Монтаньи, восточной Боливии и южной Амазонии. Отдельные группы в пределах этого объединения располагаются цепочкой, протянувшейся с северо-запада (амуэша предгорьев перуанских Анд) на юго-восток (пареси и ваура Мату-Гросу). Упомянувшиеся выше араваки Чако (терено) входят в одно подразделение с араваками восточной Боливии (мохо, бауре) и юго-востока Перу (пиро).

Аравакские миграции либо не были столь массивны, как миграции тупи и гуарани, либо между переселенцами и местным населением не существовало столь значительных культурных различий, как на побережье Бразилии. Во всяком случае, в аравакских мифологиях не прослеживается явно общих сюжетов, как в мифологиях восточно-амазонских тупи и южнобразильских гуарани, и они входят в различные местные мифологические комплексы. Протоаравакский субстрат заметен разве что в ритуалах, предусматривающих использование мужчинами сакральных духовых инструментов. Объясняющие ритуалы тексты также похожи. Однако подобных ритуалов и текстов нет у двух групп, входящих в южное объединение языков (амуэша и ашанинка-мачигенга, обе в Монтанье) и на Антилах. В то же время очень близкий ритуально-мифологический комплекс зафиксирован у неродственных аравакам народов, с которыми они контактировали (карибов, тупи и трумаи в верховьях Шингу, намбиквара и иранше на Гуапоре, восточных тукано и тукуна в северо-западной Амазонии, пиароа в южной Венесуэле и пр.). О некоторых мотивах поэтому трудно сказать, распространились ли они в I тыс. н. э. с создателями традиции барранкас или унаследованы от более древней эпохи.

Для нескольких народов, локализованных по западному периметру Амазонии, языковое родство с араваками возможно, но не доказано. Во-первых, это гуахибо (включая куива, сикуани и гуаяберо) — подвижные земледельцы, охотники и собиратели льяносов (рис. 8). Во-вторых, арауа (включая ямамади, паумари, кулина и др.) — земледельцы верховьев реки Пурус (рис. 9). Используемая в прошлом (в том числе Латрапом) классификация Г. К. Ноубла, в которой языки арауа считались удаленными от основного аравакского ядра примерно на то же расстояние, что и языки араваков Антил [Noble 1965], не признается сейчас достоверной [Campbell 1997: 178; Rodrigues 1982c]. Исторически связь аравакской семьи с гуахибо, а не с арауа выглядит более правдоподобно.

РАССЕЛЕНИЕ КАРИБОВ

Основная языковая семья Гвианы — карибская, и мало сомнений в том, что в другие районы континента карибы проникали именно отсюда (рис. 11). Языковые данные позволяют локализовать прародину карибов на Гвианском нагорье, а их экономику в III—II тыс. до н. э. как присваивающую с начатками земледелия [Durbin 1985].

До середины II тыс. до н. э. происходило медленное рассеивание протокарибского этноса по нагорью [Tarble 1985]. После заимствования маниока откуда-то из низменностей Венесуэлы, но до миграции барранкас на побережье Гвианы начинается быстрое проникновение карибов в лесные районы, пригодные для подсечно-огневого (переложного) земледелия. Этим временем, по-видимому, датируется разделение основной, ориноко-гвианской, массы карибских языков на несколько групп. В середине I тыс. н. э. карибы осваивают кукурузо-фасоле-тыквенный пищевой комплекс и начинают захватывать подходящие экологические ниши — плодородные, но подверженные затоплению (и, следовательно, непригодные для маниока [Roosevelt 1980: 44]) речные поймы. Население растет, и после 1000 г. н. э. карибы активно переселяются за пределы Гвианы и бассейна Ориноко. Археологически карибам соответствует несколько традиций. Главная из них — араукин, керамика которой легко опознаваема благодаря не только своей форме и орнаментации, но и присутствию в тесте толченых речных губок-кауши. Период экспансии араукин на Ориноко и в Гвиане — V—X вв. н. э.

Одним из главных направлений этой экспансии было продвижение в льяносы вверх по левым притокам Ориноко. В XVI в. карибов в льяносах, видимо, уже не осталось, так как они продвинулись дальше к границам северо-восточной Колумбии. Их потомки — уже упоминавшиеся юпа в Сьерра-де-Периха. Эта гипотеза основана на данных археологии и подтверждается близостью языка юпа к вымершим в период после Колумба карибским языкам северной и центральной Венесуэлы.

Значительные карибские миграции были направлены в юго-восточную Амазонию (карихона) и к верховьям Шингу (бакайри, кукуру, калапало, нахуква, чикао, а также плохо известные группы штата Пара). Дальше всего от Гвианы оказались пиментейра (штат Пиауи; рис. 10) и палмела (Рондония; рис. 9), но этнографических данных по этим небольшим этносам крайне мало. Отдельные миграции происходили независимо, так что внегвианские карибские языки оказались родственны разным ветвям, на которые делится основной массив. В пользу раннего отделения шингуанских карибов говорит отсутствие общекарибского термина для маниока. Характерно также, что при обработке горького маниока шингуано пользуются примитивными и трудоемкими способами. Это значит, что

бакаири и нахуква ушли из Гвианы раньше, чем была выработана соответствующая технология [Dole 1978].

Собственно карибы (каринья, калинья, галиби), живущие близ побережья Гвианы, по-видимому, мигрировали на Малые Антилы. Там они перешли на язык уничтоженного ими аравакского субстрата, обогатив его карибской лексикой (т. е. изученные этнографами «карибы» Доминики по-карибски не говорили). В XVII в. потомки смешавшихся с неграми индейцев Доминики были переселены на побережье Гондураса, где дали начало «черным карибам», или карифуна. Записанные у них обрывки мифов аналогичны тем, которые зафиксированы на Доминике.

Ряд исследователей допускает, что «карибы» Малых Антил не просто восприняли язык поглощенных ими араваков, но вообще никогда по-карибски не говорили и имели общих с таино языковых предков [Davis, Goodwin 1990]. В поздний период на Малых Антилах появляется новая грубая керамика, которая, скорее всего, принадлежала карибам, хотя и не похожа ни на один из стилей на континенте [Harris 1988; Meggers, Evans 1983: 225]. Так или иначе, мифология Малых Антил, известная почти исключительно по записям с Доминики, существенно не отличается от карибской мифологии Гвианы и включена с нею в один кластер.

РАССЕЛЕНИЕ ПАНО-ТАКАНА

По числу языков и территориальному распространению тупи, араваки и карибы намного превосходят остальные амазонские языковые семьи (см. рис. 8, 9). Со значительным отрывом за ними следует семья пано-такана, локализованная в перуанской Монтанье, прилегающих районах Бразилии (территория Акре) и восточной Боливии.

Так называемые речные пано расселены севернее араваков вдоль Укаяли. Другой массив охватывает водоразделы в верховьях Журуа и Пуруса. По культуре речные пано (кашибо, шипибо, сетебо, конибо) и пано водоразделов (кашинауа, капанауа, яминауа, шаранауа, марубо и др.) различаются очень сильно, но лингвистически близки, образуя группу центральных пано. К началу европейских контактов культура речных пано во многих отношениях была аналогична культуре тупиязычных народов верхней Амазонки.

Заемствование пано от тупиязычных кокама Полихромной традиции датируется началом XIV в. н. э. [Myers 1974: 136]. Ранее, в IX в. н. э., на Укаяли появляется керамика куманкая, орнаментация на которой обнаруживает параллели в восточной Боливии и Чако, вплоть до этнографически известного искусства индейцев кадувео, упоминавшихся в разделе о Чако [Lathrap 1970: 136–145; Siegel, Roe 1986]. В частности, речь идет об использовании меандра с лесенкой —

мотива, типичного для искусства Нуклеарной Америки (от Мексики до Боливии) и больше в мире нигде не встречающегося. Д. Латрап предположил, что куманкая и были первыми пано, мигрировавшими на север, однако Т. Майерс и П. Роу пришли к выводу, что первое появление пано в Монтанье связано с неорнаментированной керамикой пакаоча IV–VII вв. н. э. [Lathrap 1970: 129–133; Myers 1974: 135; 1976: 335–337]. Поселения, в культурном слое которых она найдена, по крайней мере в некоторых случаях, имели форму кольца. Исторические пано водоразделов являются наследниками именно этой традиции. Поскольку близкая к пакаоче керамика встречается и в низовьях Уальяги [Myers 1987], можно полагать, что некогда пано были распространены и в северо-западных районах Монтаньи, для которых у нас мало этнолингвистических сведений.

Пано водоразделов отличают простота социальной организации (небольшие автономные общины), высокая подвижность, отсутствие сложных ритуалов и развитого искусства. Только у кашинауа есть некоторые элементы полихромного изобразительного стиля [Gow 1989]. В культурном отношении наиболее своеобразны самые северные группы «лесных» пано — майоруна, чьи языки также выделяются в особое подразделение внутри данной семьи [Campbell 1997: 191]. Данных по их мифологии мало.

Пано северной Боливии (чакобо) отделены от перуано-бразильской группировки языками семьи такана в северной Боливии и сопредельном районе юго-восточного Перу [Girard 1971]. При не очень значительном расхождении между собой языков такана внутри этой семьи наблюдаются еще более сильные культурные различия, чем у пано. Культура собственно такана включает много андских элементов, тогда как культура наиболее удаленных от гор эсеэха типична для племен амазонских водоразделов.

Данные в пользу продвижения пано в Монтанью из восточной Боливии наиболее весомы, хотя существуют и доводы в пользу эквадорского происхождения пано-такана [Kensinger 1981]. В любом случае, все археологические реконструкции и гипотезы относительно возможных далеких связей этой семьи с другими (в частности, с мосетен и с чон) предполагают исконную локализацию языков пано-такана на западе южноамериканских низменностей в предандской зоне [Kaufman 1990: 56–57]. Полученные нами при анализе ареального распространения мотивов статистические показатели также не оставляют сомнений в большей близости к центральноандским мифологиям мифологии речных пано, нежели мифологии араваков Монтаньи, несмотря на то что в XVI в. ближе к горам были расселены именно араваки.

Для других семей и языков Амазонии пока мало материалов археологии, сопоставимых с выводами лингвистов. Нам остается поэтому сделать лишь краткий обзор этноязыковой карты по ареалам.

ПРОЧИЕ ЭТНОСЫ: СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ И ЗАПАДНАЯ АМАЗОНИЯ

К приходу европейцев в северо-западной Амазонии с прилегающей территорией льяносов преобладали среднемасштабные общества типа конфедераций [Vidal 1999]. В XVIII в. произошла политическая дезинтеграция до уровня автономных общин, иногда занимавших один большой дом — малоку.

Наиболее крупная языковая семья этого ареала — туконо (рис. 8). Входящие в нее языки делятся на западные, локализованные в предандских районах Колумбии и Эквадора (майхуна, сиона, секоя, корегуахе), и восточные в бассейнах рек Какета и Ваупес на границе Колумбии и Бразилии. Восточные туконо находятся в культурном симбиозе с араваками. Территории этносов той и другой языковой принадлежности нередко перемежаются, но в основном араваки занимают северо-восточные, а туконо — центральные и юго-западные части ареала. Большинство языковых подразделений восточных туконо (кроме макуна и пира-тапуя) экзогамны, поэтому практически все население владеет двумя, а то и четырьмя-пятью языками [Correa 1981: 46; Jackson 1983]. В XVIII–XIX вв. лингва жерал потеснил на Ваупес туконо и аравакские в качестве языкового койнэ, но сейчас он почти забыт [Jackson 1983: 19].

Западные туконо по культуре близки не столько восточным, сколько живущим к югу и к западу от них кофан, камса и «лесным» кечуа (см. раздел о Северных Андах). Центральные туконо (кубео) по культуре мало отличаются от восточных, а по языку занимают промежуточное положение между двумя главными ветвями этой семьи. Предполагается, что западные туконо пришли в предандскую зону с востока [Stark 1985: 164]. Этноисторические предания восточных туконо также утверждают, что эти племена поднимались вверх по притокам Риу-Негру и Жапуры.

Если туконо и араваки расселены вдоль крупных и средних рек, то на водоразделах живут маку, родственные пуинаве юго-восточных льяносов. Маку имеют более низкий, чем туконо и араваки, социальный статус, но исследования середины XX в. показали, что по культуре (в том числе в отношении мифологии) маку существенно от них не отличаются.

Языковая семья уитото вклинивается между западными и восточными туконо. Помимо собственно уитото (группы диалектов муруи и муинане), сюда входят миранья и окайна. Принадлежность к уитото двух других этносов, бора и андоке, спорна [Campbell 1997: 186–187], хотя культуры всех этих народов похожи.

Индейцы языковой семьи хиваро занимают территорию на крайнем западе Амазонии в южном Эквадоре и сопредельном районе северного Перу. К моменту инкского завоевания относящиесяся

к хиваро группы пальта, малаката и бракаморо проникли и в горную область в том районе, где цепь Анд максимально сужается и понижается, отделяя Эквадор от Центральных Анд. Однако основная территория хиваро, по-видимому, всегда располагалась в пределах Амазонии. В культурном отношении хиваро значительно отличаются от своих северных соседей. О племенах, граничивших с хиваро с юга, известно мало.

Языковая семья хиваро состоит из двух подразделений. Южное представлено языком агуаруна, а северное языками шуар, ачуар и уамбиса [Payne 1981; Stark 1983]. Статус вымерших языков хиваро (упомянутых пальта и др.) в пределах семьи неясен. Образуют ли хиваро макросемью вместе с располагавшимися к северу и востоку от них несколькими ныне практически вымершими языками (майна, мурато, шапра и др.), не ясно.

На территории восточного Эквадора, северо-востока Перу и выходящего к Амазонке колумбийского анклава живут или жили в недавнем прошлом представители еще ряда языковых изолятов и микросемей: ваорани, урарина (или симако), чаяуита, кауапана, икито, пеба и ягуа, тукуна. Хотя языки ягуа и тукуна не родственны, мифологии их весьма похожи, причем в культуре обоих этносов есть черты «аравакского» ритуального комплекса, о котором говорилось выше. К пойме Амазонки эти индейцы вышли после того, как тупиязычные омагуа и кокама были почти уничтожены в ходе первого натиска португальских работорговцев и европейских болезней. В один кластер объединены также урарина и чаяуита, данных по которым довольно мало.

В восточном Эквадоре севернее территории хиваро располагается зона языка кечуа (кечуа II, или А), постоянно расширяющаяся за счет других индейских языков. Среди местных кечуа выделяются южные (канело) и северные (напо) диалекты. В Амазонию кечуа мог начать проникать еще при инках. Какие языки он там поглотил в колониальный период, не ясно — скорее всего, какие-то типа мурато или кандоши (чьи родственные связи не определены [Campbell 1997: 182]), но возможно, и ваорани. Ваорани — языковой изолят, на котором говорили обитатели водоразделов, избегавшие до самых 80-х гг. XX в. контактов с креолами [Rival 1996]. Судя по имеющимся публикациям, мифология ваорани содержит многие мотивы, которые характерны для напо.

ПРОЧИЕ ЭТНОСЫ: ВЕНЕСУЭЛА И ГВИАНА

В Гвиане и восточной Венесуэле подавляющее большинство языков относится к карибским или к аравакским, хотя до XX в. на западе региона оставались небольшие иноязычные изоляты: калиана (сапэ), уруак и, видимо, родственный последнему ауакэ (см. рис. 11). Язык

хоти сохраняется здесь до сих пор [Storrie 2003]. В центральной Гвиане язык тарума был поглощен аравакским языком вапишана. Возможно, какие-то некарибские и неаравакские языки были локализованы на юге близ Амазонки, но о них мало данных. Древнее население сохранилось до сих пор в дельте Ориноко. Это варрау — специализированные собиратели и рыболовы. Встречающаяся в дельте керамика XI–XVI вв. н. э. [Voorhies et al. 1981] близка тем типам, которые обычно связываются с карибами (араукин) и араваками (барранкас). Хотя в Амазонии барранкас достаточно уверенно ассоциируется с араваками, в самой Венесуэле к этой традиции могли иметь отношение и другие этносы, в том числе варрау [Sanoja, Vargas 1978: 275].

Крупный неаравакский и некарибский этнический массив расположен на юге Венесуэлы и в сопредельных районах Бразилии. Это яноама (яномамо). Широкое расселение яноама по южной Венесуэле началось лишь в XIX в. в связи с распространением более урожайных сельскохозяйственных культур (маниок) и исчезновением местных аравакских народов, таких как майпуре — отчасти вымерших от болезней, отчасти отступивших на юго-запад. Двести лет назад яноама были, по-видимому, сконцентрированы в горном районе Серра-Парима на границе Бразилии с Венесуэлой [Salathe 1932]. Локализация топонимов яноама, содержащихся в источниках колониального времени, позволяет, однако, думать, что Серра-Парима служил лишь промежуточным пунктом и ранее яноама занимали водоразделы в бассейнах Риу-Бранку и Риу-Негру [Migliazza 1985: 26].

Семья яноама включает четыре языка: санема, яномами, яномам, янам. Для янам данных по мифологии нет. Санема — самый северный и наиболее отличный от других язык, а яномами, занимающий центральную и юго-западную часть ареала, — самый распространенный. Одной из причин своеобразия санема в отношении как языка, так и мифологии служит влияние со стороны карибов макиритаре, с которыми санема контактировали по крайней мере последние двести лет.

Уже говорилось, что индейское население льяносов представлено языками семьи гуахибо. В доевропейский период этнический состав этой области был более пестрым. Свидетельством сложной социальной организации являются земляные платформы под общественные сооружения, появляющиеся в льяносах в VII в. н. э. [Spencer, Redmond 1992; Zucchi 1972]. Создателями вождеств, скорее всего, были, во-первых, араваки ачагуа, а во-вторых, салива. Обе группы к XX в. традиционную культуру утратили.

Родственные салива по языку пиароа живут в лесах на восточной стороне Ориноко. Как культура, так и мифология пиароа существенно отличаются от характерных для их карибских соседей. К сожалению, доступный корпус текстов пиароа неполон.

На севере льяносов вдоль Меты, одного из западных притоков Ориноко, сохранились яруро. Близких языковых родственников у них нет. К тому времени, когда записывались тексты яруро, их мифология была уже частично утрачена. Хотя в XIX–XX вв. яруро занимались в значительной мере собирательством, охотой и рыболовством, нет оснований считать, что в доколумбов период их предки существенно отличались от других земледельческих народов венесуэльского ареала. Тем более это касается отомак и гуамо, контролировавших богатые ресурсами участки поймы среднего Ориноко. Язык отомак образует микросемью с соседним тапарита. Гуамо может быть отдаленно родственен языкам семьи чапакура, представленным преимущественно в Рондонии. Мифология всех этих групп неизвестна.

ПРОЧИЕ ЭТНОСЫ: ВОСТОЧНАЯ БОЛИВИЯ, РОНДОНИЯ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЮЖНАЯ АМАЗОНИЯ

Восточная Боливия, сопредельная часть перуанской Монтаньи и особенно бразильская Рондония (на старых картах — «территория Гуапоре») отличаются большой языковой дробностью (см. рис. 8–10). Помимо пано, такана, гуарани, тупи, араваков здесь представлен целый ряд изолятов и микросемей. В Перу это харакмбет, или машко, чья мифология своеобразна, но известна отрывочно. Поскольку некоторые зафиксированные у харакмбет мотивы есть и у соседних такана, обе мифологии условно объединены в один кластер. В саваннах Мохо в центральной части восточной Боливии в XVI в. господствующее положение занимали араваки мохо и бауре. В тесном соседстве с ними находились четыре изолированных языка — каювава, каничана, итонама и мовима. Все эти группы с высокой плотностью населения имели политическую организацию на уровне вождей. Мифологические материалы по ним незначительны.

Юго-восточнее такана в прилегающих к Андам районах были представлены изолированные языки леко (исчез в середине XX в., данных по мифологии нет) и юракаре, а также микросемья мосетен, включающая собственно мосетен и родственный ему чиман. В юго-восточной половине восточной Боливии и на сопредельной бразильской территории локализованы диалекты (возможно, языки) намбиквара [Price 1985], изолят иранше, а также многие значительно различающиеся между собой языки макросемей тупи и же и семьи чапакура (кумана, уаньям, морэ, оровари и др.).

В южной Амазонии в верховьях Шингу локализованы, как уже говорилось, группы карибов и араваков. Несмотря на языковые различия, все шингуано, как принято называть этот этнос, обладают сходной культурой и очень похожей мифологией. Кроме аравак-

ских и карибских групп к числу шингуано принадлежат камаюра (тупи) и трумаи (видимо, макро-же). В основу культуры шингуано, скорее всего, легли аравакские традиции. Позже сюда пришли карибы, затем камаюра и последними трумаи.

Для центральной Амазонии есть данные по мифологии только одного или двух нетупиязычных народов. Первый из них — мура, рыбаки и речные собиратели, с которыми в колониальный период европейцы столкнулись на нижней Мадейре. До Колумба пойму, возможно, контролировали тупи, затем уничтоженные в результате эпидемий и набегов португальских работорговцев, а мура располагались где-то на водоразделах. Выше по Амазонке в междуречье Журуа и Пуруса были локализованы языки катукина, в частности катавиши. Записанные здесь (близ озера Теффе) тексты были рассказаны метисом, и трудно сказать, отражают ли они мифологию именно катавиши или каких-то тупиязычных групп амазонской поймы.

АМАЗОНСКАЯ МИФОЛОГИЯ НА ФОНЕ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ КАРТЫ

Карту Амазонии пересекают маршруты миграций народов трех языковых семей. С востока на запад вверх по Амазонке сравнительно недавно прошли тупи. Даже если бы мы не имели свидетельств о языках омагуа и кокама, самого факта распространения Полихромной традиции было бы достаточно, чтобы предполагать по крайней мере интенсивные культурные связи вдоль всей главной водной артерии региона. Для мифологии подобные связи гораздо важнее отдаленного языкового родства. Ранее через западную и северную Амазонию, вплоть до верховьев Шингу и атлантического побережья Гвианы, прошли араваки. Миграции карибов были менее значительны, но и они достигли верховьев Шингу, юго-восточной Колумбии и Рондонии. Учитывая все это, не приходится удивляться, что в мифологиях разноязычных народов Амазонии столь много общего.

Недавняя (последние три тысячи лет) унификация амазонской мифологии делает сомнительной возможность четкого обособления здесь этнических и даже ареальных традиций. П. Роу называет эту кросэтническую сетку образов и сюжетов «амазонской метакоsmологией» [Roe 1989: 1; 1991: 96]. Однако данное обстоятельство не имеет значения на межрегиональном уровне, при сравнении амазонских мифологий с североамериканскими, андскими или огнеземельскими.

Кроме того, Амазония не вполне гомогенна. Восточнoбразильские влияния затрагивали лишь юг и восток региона, а аравакские не доходили до восточной Амазонии. При картографировании

отдельных мотивов часто оказывается, что, несмотря на миграции и контакты, области их распространения имеют сплошные ареалы и четкие границы. Иногда эта четкость кажущаяся, вызванная отсутствием данных с промежуточных территорий. Однако в других случаях, как, например, в восточном Эквадоре, глубокие различия в мифологиях соседних этнических групп не могут не удивлять.

Большие Антилы

В плейстоцене Антильские острова были отделены от материков и друг от друга менее широкими проливами, чем сейчас. Можно было бы допустить, что палеоиндейцы проникли в Карибский бассейн через Флориду. Однако до сих пор все датированные археологические памятники на Багамах относятся к периоду после IX в. н. э., когда архипелаг был заселен выходцами с Кубы [Berman, Gnivech 1995]. Обнаружена лишь одна докерамическая стоянка, материалы которой, однако, также напоминают кубинские [Hoffman 1985]. Северные Багамы, непригодные для тропического земледелия, систематически освоены так и не были [Sears, Sullivan 1978]. Что касается Кубы, то ранние миграции из Венесуэлы (5000–3000 л. н.) этого острова почти не коснулись.

Первая местная каменная индустрия (себоруко) нередко считается принесенной с Юкатана примерно 7000 л. н. [Cranberry 1991; Keegan 1995: 407; Wilson 1996: 35]. Данная гипотеза основана на типологии каменных наконечников, созданной для Белиза Р. Макнишем и его коллегами, но поскольку последняя подверглась разгромной критике [Kelly 1993], то и весь вопрос о мезоамериканских истоках комплекса себоруко повисает в воздухе.

Заселение Малых и вскоре затем Больших Антил южноамериканскими земледельцами, носителями традиции саладеро, началось в III в. до н. э. [Curet 1992; 1996]. На Тринидад и Наветренные острова вслед за саладеро проникает барранкас, не достигающая Больших Антил [Harris 1988]. В VII–XII вв. культура Больших Антил испытала значительную трансформацию, выразившуюся в интенсификации земледелия, упадке орнаментации керамики, появлении площадок для ритуальной игры в мяч, выделении главных поселений, в которых, скорее всего, располагались резиденции вождей, исчезновении общинных и распространении небольших односемейных жилищ.

Украшенные каменными стелами площадки для игры в мяч заставляют думать о контактах с Мексикой, причем покрытые рельефами каменные предметы причудливой формы («локтевые камни») тоже напоминают связанные с игрой в мяч фигурные каменные изделия из Веракруса. Объяснения этому пока нет, ибо ближайшие параллели прослеживаются не на Кубе, а на далеком от

Мексики Пуэрто-Рико. Плавания на Антилы из Мезоамерики в этот период выглядят маловероятно.

Предполагается, что доаравакский субстрат сыграл значительную роль в формировании культуры таино [Wilson 1996: 36]. Культуры доземледельческого населения, так называемых сибоней, к приходу испанцев сохранялись на западе Кубы и на юго-западе Гаити. Существует гипотеза о языковом родстве сибоней с хикаке Гондураса, но она основана на интерпретации единственного дошедшего от сибоней слова, обозначающего золото [Cranberry 1991].

Материалы по мифологиям аборигенов Больших Антил ограничены — отчет спутника Колумба Р. Панэ и остатки индейских мифов в фольклоре кубинских метисов. Поэтому возможно, что наши данные не показательны, но они так или иначе свидетельствуют о несколько большей близости мифологии таино североамериканским, нежели гвианским.

Археолого-лингвистический обзор: общие итоги древнейшие следы человека по археологическим данным

Напомним еще раз датировку древнейших следов пребывания человека в разных регионах Нового Света. Даты не калиброваны, указывают возраст от наших дней.

Аляска (комплекс ненана)	11 700
Юго-Запад США,	
Великие Равнины (кловис)	11 600–11 200 (12 000?)
Восток США (кловис)	11 500–11 000
Северо-Западное побережье	10 000
Большой Бассейн	12 000–11 500
Калифорния	11 000–10 500
Мезоамерика	10 000–9500
Центральная Америка	11 200–10 700?
Горная Колумбия	11 500
Центральные Анды, побережье	11 100–10 800
Центральные Анды, горы	10 700–10 500
Южный Конус	11 000–10 500
Юго-западная Бразилия	12 000–10 000
Бразильское нагорье	12 000–11 000
Восточная Амазония	11 200–11 100
Западная Амазония	9200

За редкими исключениями, число образцов для анализа по каждому слою каждого отдельно взятого памятника слишком невелико, чтобы определить возраст с точностью выше ± 250 лет, а часто и ± 500 лет. Однако разброс дат для всех регионов примерно одинаков. Даты, попадающие в промежуток 12 500–11 500 л. н., единичны, хотя уверенности в ошибочности всех из них тоже нет. Даты для горной Колумбии и восточной Амазонии оставляют мало сомнений в том, что люди проникли в Южную Америку ранее 11 000 л. н., хотя оценки возможного возраста порядка 12 000 л. н. для некоторых южноамериканских памятников нельзя принимать в качестве безусловного доказательства того, что они предшествуют кловису. Южноамериканские плейстоценовые стоянки в целом изучены хуже североамериканских и выбрать для них некие усредненные оценки возраста труднее. Отсутствие ранних дат для Мезоамерики, Центральной Америки и западной Амазонии связано с недостаточной исследовательностью здесь докерамических памятников.

Похоже, что 11 000–10 500 л. н. весь Новый Свет вне занятых ледниками районов был уже заселен достаточно густо, чтобы следы человека обнаруживались везде, где они могли сохраниться. К этому времени люди успели освоить такие разные экосистемы, как степи Северной и Южной Америки, пустынное побережье юга Перу, андское высокогорье, саванны Бразилии, а возможно, и дождевые леса Колумбии и Амазонской низменности. Каменные индустрии разных районов демонстрируют практически все основные варианты индустрий, представленных в Новом Свете и позже.

Для объяснения подобной картины следует, очевидно, предположить, что 11 700 л. н. или ранее (нижняя граница оценке не поддается) группы людей из Берингии проникли к югу от ледника и быстро рассеялись по двум континентам. Позже, по мере роста населения, его плотность достигла уровня, когда оставленные следы оказываются заметны для археологов. Кловис в этой ситуации выглядит либо первым, самым северным, ответвлением от некоего исходного (восходящего к ненане?) комплекса, породившего затем и различные индустрии Южной Америки (эта точка зрения уже была высказана [Roosevelt 1996: 373–374]), либо результатом не первой, а как минимум второй миграционной волны.

Первоначальная миграция в Южную Америку остается неуловимой. Достаточно уверенно можно говорить лишь об одном случае ранних трансконтинентальных контактов, однако вряд ли речь идет о следах единственной группы переселенцев. Наконечники фелл с силуэтом в виде рыбки представляют собой характерный тип орудий, более в мире нигде не встречающийся. Его распространение прослеживается от южной Мексики через Центральную Америку, затем в Эквадор и Перу и далее в пределы Южного Конуса с ответвлением на северо-восток к Сан-Паулу (стоянка Алисе-Боэр).

Среди наконечников этой категории есть желобчатые и лишенные желобка, с небольшим сужением в нижней части и с сильным сужением (практически с черешком), однако подобные варианты не локализируются в определенных районах, а встречаются чересполосно. Некоторые археологи полагают, что наконечники фелл с кловисом генетически не связаны и желобок на них — следствие внешне похожей, но по сути иной техники обработки [G. Politis, личн. сообщ. 2003; также обсуждение вопроса в Mayer-Oakes 1986: 136]. Однако есть и доказательства противоположного рода [Morrow, Morrow 1999]. В любом случае сам факт изготовления тонких бифасов, конечно же, связывает палеоиндейские индустрии Южного Конуса с кловисом.

Как в Андах, так и в Бразилии в относительной близости от районов распространения двусторонне обработанных наконечников встречаются индустрии иного типа, но того же, если не более раннего возраста. Если на стоянках на южном побережье Перу наконечники могли быть пока просто не найдены ввиду небольшого масштаба раскопок, то специфика традиции итапарика на Бразильском нагорье не вызывает сомнений. Хотя в Северной Америке некоторые отличные от кловисских типы наконечников могут быть одновременны кловису, степень сходства между отдельными североамериканскими комплексами, не считая денали на Аляске, существенно выше, чем между отдельными южноамериканскими индустриями.

Существует и еще один признак, отличающий ранние культурные проявления в Южной Америке и особенно в Амазонии и на Бразильском нагорье от североамериканских, — наскальная живопись. Кроме Бразилии, она известна также в Патагонии и Перу, хотя точный — позднеплейстоценовый или раннеголоценовый — возраст андских росписей определить трудно. В Северной Америке ранние наскальные изображения представлены исключительно петроглифами. Все они либо имеют явно голоценовый возраст [Schobinger 1995: 101], либо (как в случае с памятниками восточной Калифорнии) их отнесение к периоду порядка 10 000 л. н. проблематично.

ДАННЫЕ ЛИНГВИСТИКИ

На протяжении уже ста лет А. Кребер, П. Ривэ, Э. Сэпир, Ч. Лоукотка, Дж. Гринберг, А. Родригес, Т. Кауфман и многие другие лингвисты пытались и пытаются объединить сотни языков американских индейцев в крупные семьи. В результате были вполне надежно выделены несколько таких семей, однако очень многие языки и микросемьи остались на положении изолятов. Хотя почти все они включались разными авторами в те или иные объединения, соответствующие попытки не получили признания, а каждый компаративист создавал собственную систему. Принимая во внимание слабую документированность многих языков и отсутствие материалов,

относящихся к периоду до появления европейцев, неудивительно, что даже для языков, разошедшихся пять–семь тысяч лет назад, установление генетических связей требует колоссальных усилий и порой оказывается неосуществимым. Даже там, где общие черты несомненно просматриваются, их бывает трудно отличить от заимствований и взаимовлияний.

Не исключено, что предки большинства переселенцев, в конечном итоге проникших в Новый Свет, некогда говорили на одном языке. Но столь же вероятно, что даже на ранних этапах заселения исходных групп было несколько. Поскольку проследить историю языков до глубины финального плейстоцена невозможно, гипотезу Дж. Гринберга и его последователя М. Рулена о языковом единстве палеоиндейцев [Greenberg 1987; 1996; Greenberg, Ruhlen 1992] нельзя ни опровергнуть, ни доказать. Мы имеем здесь дело с классическим примером «аргументации по кругу»: Гринберг и Рулен убеждены в родстве языков, поскольку считают индейцев потомками кловисских охотников. Антропологи и археологи ссылаются на Гринберга, обсуждая вопросы заселения Нового Света. Использование приемов, на которых построил свою классификацию Гринберг, приводит независимых исследователей к странным результатам. Так язык зуни приходится сблизать с индоевропейской семьей, а тонкава в Техасе — с на-дене [Ramer 1996].

Что касается общепризнанных языковых семей, то соответствующие реконструкции не имеют отношения к проблеме заселения Америки и связаны с гораздо более поздними процессами. Выделяются три модели языковой экспансии.

Первая, преобладающая в Южной Америке, определяется переходом определенных групп к развитому земледелию, при котором демографический рост и освоение все новых земель, пригодных для возделывания растений, стимулируют друг друга, что приводит к быстрому освоению речных долин и морских побережий. Эта модель характерна для тупи, араваков, карибов и, с оговорками, для же (в последнем случае экспансия не была направлена на захват плодородных пойменных территорий). Возможно, сходные механизмы определяли расселение ото-манге, чибча и мускогов.

Вторая модель характерна для подвижных охотников-собирателей, имеющих низкую плотность населения и осваивающих очень бедные территории. Для них частые передвижения в поисках нестабильных и рассеянных на больших пространствах ресурсов являются нормой, в результате чего субстратные группы легко ассимилируются, ибо отдельные популяции не имеют возможности обособиться на долгое время. По этой модели происходило расселение эскимосов, атапасков, алгонкинов, шошони, а на юге Южной Америки — чон.

Большинство известных нам распространявшихся таким путем языков — североамериканские. Поскольку в тропических областях как Старого, так и Нового Света к моменту появления европейцев уже не оставалось значительных групп охотников-собирателей, по этнографическим данным трудно судить, применима ли эта модель к любым охотничье-собирательским обществам или же только к населению холодной и умеренной зоны. Если применима, то не исключено, например, что группировка макро-же (если ее существование подтвердится) соответствует не общности эпохи освоения Бразилии первопоселенцами, а более поздним эпизодам расселения охотников-собирателей по лесам и саваннам нагорья. Ответ на подобный вопрос зависит от оценки плотности населения; чем она выше, тем — при прочих равных условиях — более дробной становится лингвистическая картина [Robb 1993]. Данные по Калифорнии, Северо-Западному побережью, Плато и низовьям Миссисипи показывают, что демографическая плотность могла достигать высоких значений и до появления земледелия — с соответствующими последствиями для формирования языков.

Третья модель описывает процесс языковой унификации в пределах крупных политических образований и в Америке применима лишь к кечуа. Косвенно к ней имеет еще отношение экспансия науа, вероятно, спровоцированная распадом крупных мезоамериканских государств в VIII–IX вв.

Причина некоторых экспансий, а именно сиу-катамба и пенути, пока не ясна. Ранние (но до заимствования лошади) этапы распространения сиу, возможно, соответствовали модели земледельческой колонизации. Пенути, как говорилось, возможно, были вытеснены с Плато сэлишами.

Для нашей темы существенно подчеркнуть, что из-за миграций, ассимиляции одних групп другими, взаимовлияний и культурных заимствований наборы мифологических мотивов оказываются связаны не столько с языками, сколько с культурными ареалами. Такие ареалы могут быть огромными, как на Юго-Востоке США, в канадской тайге или на Бразильском нагорье, или крохотными, как в Калифорнии, но и в том, и в другом случае их границы редко совпадают с языковыми.

МАТЕРИАЛЫ ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В заключение рассмотрим кратко состояние дел в изучении расовой принадлежности и генетических связей американских аборигенов.

В последние годы произошла определенная переоценка взглядов на расовую принадлежность индейцев. Четверть века назад К. Тернер выделил в зубных системах монголоидов два типа —

сундадонтный (южномонголоидный) и синодонтный (северомонголоидный) и классифицировал зубы американских индейцев — в том числе и зубы палеоиндейцев из пещеры Пальи-Айке в южной Патагонии — как близкие к синодонтным [Тернер 1983; Turner 1983; 1986; Turner, Bird 1981]. Сундадонтная система, обнаруженная у айну и дземонцев, индонезийцев, австралийцев, была, скорее всего, той основой, на которой развились как синодонтия, так и системы европеоидов и африканцев [Turner 1992]. Затем выяснилось, что зубные системы древних и современных индейцев разнообразны и во многих случаях не могут быть отнесены к синодонтным. Изучение материалов разных периодов на юге Перу — севере Чили показало, что здесь синодонтная зубная система вытесняет сундадонтную постепенно, причем процесс этот заканчивается лишь после рубежа эр [Sutter, MS]. В Мексике I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. в зубных системах преобладали сундадонтные признаки, причем наиболее ранняя из исследованных популяций наиболее своеобразна [Haydenblit 1996]. Тернер не заметил подобных фактов из-за того, что работал с нерасчлененными выборками (североамериканской и южноамериканской), в которых преобладали современные синодонтные образцы.

Что касается краниологии, то ряд исследователей, в том числе В. Невеш, Дж. Поуэл, Э. Пуччарелли, Э. Озолиньш, пришли к выводу, что большинство найденных в Америке черепов, относящихся к плейстоцену, не являются монголоидными и что череп 101 из верхней пещеры Чжоукоудянь в Китае тоже напоминает скорее австралоидные, африканские и даже европеоидные черепа, нежели монголоидные [Neves, Rucciarelli 1998]. Основное значение для исследований Невеша и его коллег имели данные по черепам из Лапа-Вермелья в Минас-Жерайсе (см. выше), из гротов Суэва и Текендама в горной Колумбии, а также по женскому черепу из Ворм-Минерал-Спрингз во Флориде (10 000±200 л. н. [Powell et al., in press]). Были переоценены как немонголоидные и материалы из Пальи-Айке [Neves et al 2000b; Neves et al. 2000d]. Так называемый человек из Кенневик, штат Вашингтон (8410±60 л. н.), некоторыми рассматривавшийся как чуть ли не европеоид [Boldrurian, Cotter 1999: 120], оказался близок айну и полинезийцам [Chatters et al. 2000]. В то же время женский череп из Бул (Айдахо, 10 675±95 л. н.), по мнению В. Невеша и М. Блума, сходен с современными североамериканскими, т. е. вполне монголоидный [Neves, Blum 2000]. Общий вывод заключается в том, что 9000–8000 л. н. население Южной Америки стало значительно более монголоидным, чем ранее, и что — учитывая особенности черепа из Бул — в Северную Америку монголоиды проникли почти столь же рано, как и протомонголоиды/меланезоиды.

По мнению А. А. Зубова [Зубов 1999: 10], древнейший представленный в Новом Свете морфологический комплекс отличают

«длинный, узкий и высокий череп (гипси-долихокrania), низкое лицо, низкие орбиты, узкое (или средней ширины) носовое отверстие, низкий, наклонный лоб, сильно выраженные надбровные дуги, более или менее выраженный прогнатизм (особенно альвеолярный)». Хотя данный комплекс признаков можно условно именовать австралоидным, речь идет не столько о сходстве с австралийскими аборигенами, сколько о протоморфной кранеологической структуре, характерной для позднего плейстоцена и отличающейся полиморфизмом.

Если палеоиндейцы действительно систематически отличались от более поздних американских популяций и были похожи на протомонголоидов или австралоидов, значение этого факта для исторических реконструкций остается не вполне ясным, поскольку, во-первых, ни одна палеоантропологическая находка не связана непосредственно с кловисскими материалами, а во-вторых, практически нет сравнительных палеоантропологических материалов по Сибири. Появление классических американоидов с синодонтной зубной системой могло быть следствием дискретных миграций или постепенного генного дрейфа. Для докерамической эпохи выделить такие миграции по археологическим данным бывает исключительно трудно. Невозможно сказать, например, вызвано ли распространение индустрий типа эль-абра (традиция «орудий с подправленным краем») в Колумбии, Перу, Панаме и Бразилии исключительно конвергентной адаптацией (орудия для обработки дерева) или приходом новых групп населения. И все же самый общий вывод кажется очевидным: со времени первого проникновения людей в Новый Свет и до плавания Колумба антропологические характеристики индейцев менялись настолько значительно, что вряд ли это могло произойти без притока новых генов из Азии.

Что касается самой популяционной генетики, то в последнее десятилетие она развивалась довольно успешно. Я соответствующие материалы не рассматриваю, считая лишь нужным подчеркнуть, что та простая картина, которую в 1980-х гг. нарисовали Дж. Гринберг, К. Тернер и С. Сегура (все индейцы Америки, кроме хайда, тлинкитов, ияк и атапасков, являются потомками одной небольшой группы мигрантов [Greenberg 1996; Greenberg et al. 1986]), ныне поставлена под большое сомнение.

Часть 2

МИФОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОР КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ

Возникнув полтора века назад, культурная антропология неоднократно привлекала мифологический материал для создания популярных концепций. Однако основные направления, вышедшие на авансцену этой науки (эволюционизм, психологизм, функционализм, структурализм), не имели отношения к тем аспектам исследования, которые интересуют нас в данный момент, т. е. они не занимались изучением прошлого в его конкретных проявлениях. Исключение составляет миграционизм, но он подобное применение лишь дискредитировал. Ближе других к использованию мифологии для воссоздания картины прошлого подошел Франц Боас с его исторической школой, хотя и этот старт оказался не вполне удачным. В результате к концу истекшего века минимум 50 тыс. текстов, записанных среди аборигенов Америки, сделались заповедным садом мистиков и романтиков-почвенников. В крайнем случае мифы индейцев и эскимосов являются объектом незаинтересованных классификаций и популярных описаний, но наука о прошлом от них, по существу, отказалась.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ КАК РЕПЛИКАТОРЫ

По поводу самой возможности использования сравнительной мифологии для изучения прошлого существуют разные мнения. Некоторые отвергают попытки такого рода. Для других сходные тексты свидетельствуют о древних контактах. Причиной разных подходов к мифологии является существование столь же разных концепций культуры. Культура есть знаковая система, требующая осмысления и понимания, но в то же время она есть способ сохранения и передачи информации. В последнем случае интерес представляет не только содержание сообщений, но и сами способы их передачи,

границы общностей, в которых информация циркулирует, а также причины ее искажения или сохранения.

Представление о том, что элементы культуры, с одной стороны, устойчивы, способны к самокопированию (репликации) и навязаны нам извне в готовом виде, а с другой стороны, являются символами, чье значение определяется нашим сознанием, было разработано сто лет назад Э. Дюркгеймом [Дюркгейм 1995: 31–40, 51, 126, 284–304]). Правда, отсутствие в дюркгеймовском словаре самого термина *культура* ограничило влияние подобных идей на исследователей. Дюркгейм различает «социальные факты» (т. е. элементы культуры) и «ценностные суждения» (т. е. тот смысл, который приобретают эти элементы в сознании носителей культуры). Социальные факты есть верования, стремления, обычаи, афоризмы, предания, догматы, вкусы, характерные для определенного коллектива и передаваемые от одного человека другому. Социальный факт «принудителен» (т. е. воспринимается индивидом как данность) и потому, существуя независимо от конкретных людей, является своего рода «вещью». Причину появления того или иного социального факта следует искать среди предшествующих социальных фактов, а не в состояниях индивидуального сознания. Как и любые другие объективно существующие «вещи», социальные факты доступны для научного исследования. Ценностные суждения противоположны социальным фактам в том отношении, что не имеют объективного характера, а представляют собой мнения, идеалы. Идеалы осознаются людьми, будучи зафиксированы в «вещах». Соответственно, объективно присущие «вещи» черты могут ошибочно казаться причиной той «ценности», того значения, которые этим «вещам» приписываются.

Во второй половине XX в. концепция культурных форм как получаемых извне образцов-кирпичиков, из которых строится личность, была подробно разработана К. Гирцем [Geertz 1973: 92–94]. К этому времени термин «ген» уже вышел за пределы профессионального языка биологов и стал использоваться культурологами в качестве подходящей метафоры. Гирц подчеркивает существенное (а не чисто образное) сходство между генами и чертами культуры (т. е. дюркгеймовскими «социальными фактами»), равно как и столь же существенное различие между ними. Если гены есть только модели *для построения* реальности (*models for*), то культурные формы есть еще и модели *уже существующей* объективной реальности (*models of*), т. е. символы, знаки. Отсюда понимание культуры как системы знаков, как текста.

Дискретные черты, элементы культуры, в идеале подверженные бесконечной репликации, хотя и медленно меняющиеся из-за ошибок копирования, английский биолог Р. Докинз предложил называть *мемами* [Докинз 1994; Dawkins 1976: 203–215]. Идеи Докинза на-

шли поддержку среди исследователей, чьи интересы касаются общей теории эволюции, охватывая и сферу культуры [Heyes, Plotkin 1989]. Социальные антропологи второй половины XX в. в основном подчеркивали знаковую природу культурных форм. Другая сторона дела — что формы копируются, воспроизводят самих себя (*models for* Гирца) и неподконтрольны сознанию — была монополизирована археологами и практически игнорируется представителями других гуманитарных дисциплин. Впрочем, и в археологии у подобного подхода есть свои трудности, связанные как с проблематичностью выделения конкретных мемов, так и с неясным статусом типов вещей, уподобляемых то ли фенотипам, то ли генотипам [Lyman, O'Brien 1998: 619].

Углубляться далее в эту проблему вряд ли необходимо. Главное не в том, насколько изолированно или в каких именно сочетаниях воспроизводятся особенности культуры, а в том, что речь всегда идет именно о копировании, подражании, научении (не исключая отдельных изменений, мутаций), а не о произвольном творении. Мифологические мотивы относятся к числу репликаторов. В связи с определением понятия мотива возникает та же проблема, что и с поиском элементарных единиц копирования в археологии: насколько простым, неделимым должен быть мотив?

В американской этнологии начала XX в. сложилось представление о мотивах как о «готовых единицах, которые рассказчик вставляет в повествование по мере необходимости» [Wissler 1929: 252]. По умолчанию, подобные единицы могут быть любыми. Крупнейший американский фольклорист первой половины века Стит Томпсон определяет мотив как «наименьший элемент в повествовании, который способен сохраняться в традиции» [Thompson 1951: 415]. Атомизация мотивов была необходима Томпсону для создания точных формализованных описаний текстов. В нашу задачу описание текстов, однако, не входит. Поэтому я стану придерживаться следующего определения: *мотивом является любой эпизод или образ или комбинация эпизодов и образов, которые обнаруживаются в разных текстах*. Мотив может соответствовать и сложной структуре, длинной фабульной цепочке, если те копируются целиком. Чем сложнее мотив, тем уже он бывает распространен во времени и пространстве, а чем элементарнее — тем шире. Эта закономерность имеет статистический характер и не позволяет однозначно предугадать реальную судьбу того или иного мотива. Имея перед собой один-единственный текст, мотивы — в том смысле, какой я вкладываю в это понятие — в нем выделить невозможно. Чем обширнее и разнообразнее собрание текстов, тем больше мотивов удастся обнаружить. Список мотивов открыт и подвержен изменениям до тех пор, пока в кругозор его составителя продолжают попадать новые тексты.

Выдающийся русский фокльклорист А. Н. Веселовский в конце XIX в. также настаивал на элементарности мотива [Веселовский 1989: 301–305]. У Веселовского требование элементарности было обусловлено тем, что мотивы «могли зарождаться самостоятельно в разноплеменных средах; их однородность или их сходство» следует объяснять «однородностью бытовых условий и отложившихся в них психических процессов». Сходные сюжеты появляются по мере естественной эволюции сходных мотивов, однако чем длиннее одинаковая комбинация эпизодов, представленная в двух разных текстах, тем менее вероятно, что они возникли независимо друг от друга. Таким образом, мотив и сюжет соотносятся здесь как «универсально распространенный и спонтанно возникающий» и «обусловленный конкретными связями, исторически специфический».

Однако возможность повторного самозарождения (и, главное, успешного воспроизведения) одних и тех же мотивов, даже и самых простых, не очевидна. Большинство приводимых Веселовским примеров («похищение солнца», «птица, производящая молнию», «злая старуха изводит красавицу», «рыбий хвост с перехватом как следствие того, что его кто-то сжал», «солнце как око») нельзя отнести к числу ни универсально, ни беспорядочно распространенных — они имеют четкую ареальную приуроченность, что делает маловероятным многократное возникновение. Кроме того, возникновение нового мотива наблюдать в принципе невозможно, поэтому всякое мнение относительно генетических или типологических причин повторяемости одних и тех же мотивов в разных традициях является спекулятивным. Вопрос надо ставить по поводу не происхождения мотивов, а сходства традиций.

Если нам удастся выяснить, что мифология А содержит 20 процентов общих мотивов с мифологией В и лишь 2 процента с мифологией С, то убеждение в большей близости А к В, нежели к С, опирается уже не на субъективное мнение, а на факты, которые можно проверить. Если это сходство/различие коррелирует с какими-то внешними обстоятельствами (социально-политическая организация, природное окружение), то возможны типологические объяснения. Но если такой корреляции нет, генетическая близость А к В представляется единственно правдоподобной.

Критикуя С. Томпсона, А. Дандес писал, что фольклорные мотивы нельзя использовать в качестве аналитических единиц, поскольку они обозначают несопоставимые друг с другом объекты — существа и предметы, качества, действия и т. п. [Дандес 2003: 17]. Эта критика не кажется обоснованной, ибо мы каждый раз сравниваем друг с другом не предметы и действия, а единицы текста. Подчеркну еще раз, что соответствующие выкладки могут быть основаны на анализе картины распространения как сложных, так и очень простых текстовых элементов. Также не обязательно, чтобы эти

элементы обладали одинаковой степенью сложности («длинные» мотивы будут свидетельствовать прежде всего о близких и недавних связях, «короткие» — об отдаленных, что не мешает одно другому). Неопределенность относительно причин сходства в каждом отдельном случае не отменяет статистической достоверности выводов, основанных на обработке большого массива данных.

Взяв мифологии сколь угодно далеких друг от друга народов, мы всегда сумеем отыскать в них аналогичные элементы. Привлекая внимание к одним параллелям и не замечая других, можно придумать любые исторические сценарии для объяснения соответствующих фактов, а обилие материала и нередко труднодоступность источников сделает проверку таких построений другими специалистами сложной. Однако при одновременном учете сведений о распределении многих сотен мотивов подобная манипуляция данными практически невозможна. Ошибки и пропуски при составлении таблиц встречаемости мотивов исключить нельзя, но эти дефекты не носят систематического характера и лишь составляют обычный «информационный шум».

СЮЖЕТ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ РЕПЛИКАТОРОМ. ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ И СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИЕ МОТИВЫ

Иное, по сравнению с Веселовским и Томпсоном, понимание мотива (не простейший, а любой повторяющийся элемент, любая повторяющаяся структура) диктует и иные акценты в понимании сюжета. Специфика моей позиции определяется, с одной стороны, целями исследования, а с другой — характером материала, отличного от того, с которым в основном работает классическая фольклористика.

Какие тексты связаны с определенным сюжетом, а какие находятся вне его, точному определению не поддается. Ведущий американский фольклорист второй половины XX в. А. Дандес определил сюжет (*tale-type*) как, во-первых, последовательность мотивов, а во-вторых, как совокупность вариантов [Dundes 1962a: 98]. Примерно так же полагал и Б. Н. Путилов [Путилов 1975: 142–143]. Первое определение относится к конкретному тексту, точнее к текстам одного варианта. Второе охватывает весь круг релевантных текстов. Однако в живой традиции всегда присутствует неопределенно большое число «межсюжетных» вариантов, в одном тексте нередко просматривается несколько сюжетов. Никакая классификация не в состоянии здесь исчерпать всех возможных последовательностей эпизодов. Рассказ может начаться с любого эпизода, перескочить на другой сюжет и оборваться столь же внезапно.

В отличие от сюжета, мотив существует объективно в рамках, определенных исследователем. Если это определение не содержит двусмысленностей, то, придерживаясь его, другой исследователь выявит в тех же традициях те же мотивы. При этом сами носители традиции о существовании мотивов не подозревают, для них существуют лишь конкретные целостные истории, которые не будет большой ошибкой называть сюжетами.

Еще Томпсон делил мотивы на элементарные и сюжетобразующие, точнее на мотивы-персонажи, мотивы-объекты и мотивы-эпизоды, последние из которых он противопоставлял двум первым [Thompson 1951: 415–416]. Сравним два: *солнце есть антропоморфный персонаж* и *солнце борется с месяцем*. Первый мотив представляет собой некий образ и может быть включен в какой угодно контекст. Второй сам легко превращается в полномасштабное повествование о том, почему и как именно светила враждуют. Даже если объяснения окажутся разными, повествования, скорее всего, будут опознаны как односюжетные, ибо в главном их структура останется сходной.

Сюжетобразующие мотивы включают структурные (т. е. неизменяемые) элементы текстов. Благодаря этой структуре относительно сложная фабула не распадается и сохраняет самоидентичность на протяжении неопределенно долгого времени в пределах огромных территорий. Такие структуры, будучи простыми и потому устойчивыми, способны не только встраиваться в уже готовые фабулы, но и сами их создавать, обогащаясь эпизодами и подробностями. Они не теряются среди подробностей, а держат фабулу, организуют остальные мотивы в определенную последовательность. Это своего рода «командные файлы» мифологии, вносящие порядок в текстовый материал.

Сюжетобразующий мотив является скорее «оболочкой», чем нуклеарной мифологемой. Если представить его как совокупность некоторых элементов ABC, а прочие мотивы, содержащиеся в той или иной фабуле, как abcdefgh, то общая схема фабулы чаще всего будет выглядеть как aAbcdBefgCh. Иначе говоря, структурные элементы распределяются в пределах всего повествования, а не сосредоточены в каком-то ядре.

Наша работа основана на изучении ареального распространения мотивов. Среди них есть как элементарные (например, *толчущие скалы*, *двуглавая птица*, *Атлант*), так и сюжетобразующие. Когда мы говорим об односюжетных текстах в Азии, Северной и Южной Америке, то на самом деле сравниваем лишь выделяемые в подобных текстах сюжетобразующие мотивы. Именно они могут иметь значительную древность, а их распространение — свидетельствовать о реальных исторических связях. Сюжеты же не являются репликаторами и к историческим реконструкциям отношения не имеют.

МИФОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОР. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ НЕФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ МИФОЛОГИИ

В работе термины *мифология* и *фольклор* употребляются как синонимы. Было бы правильнее без «мифологии» обойтись вовсе, но сделать это трудно практически: повседневное — а не терминологическое — употребление слов «миф», «мифология» слишком широко, чтобы убрать их из словаря.

В интересующем нас аспекте *мифология* и *фольклор* не различаются ни в жанровом, ни в сюжетном отношении. Разница здесь не в предмете исследования, а в его целях. Фольклор состоит из *текстов*, которые истолкования не требуют, переводимы на любой язык и могут изучаться в отрыве от породившей их культурной среды («этный» подход). Текст может восприниматься буквально, как рассказ именно о тех событиях, о которых в нем идет речь. Если же он служит знаком или метафорой чего-то другого, он превращается в *миф*. Мифология требует понимания, истолкования, возможных лишь в контексте определенной культуры и предполагающих хорошее владение соответствующим языком («эмный» подход [Sturtevant 1964; Harris 1968: 571]). Один и тот же текст может служить основой различных мифов в зависимости от того, кто его интерпретирует. Смысл, ценность и эмоциональность в мифологические тексты вносят слушатели и рассказчики. Исследователь, пытающийся реконструировать процесс осмысления мифа в отсутствие полноценного контакта с носителями традиции, берется за невыполнимую задачу.

Культуру можно понимать как набор репликаторов, негенетический способ передачи информации или же как совокупность знаковых систем. Однако культура есть еще и условие выживания, организованная деятельность. Знак может не иметь сходства с означаемым, передаваемая информация бывает самой разной, но далеко не любой вид деятельности может принимать произвольные формы. В тех сторонах культуры, которые определяют систему жизнеобеспечения, потенциальная вариативность по необходимости ограничена.

К фольклору и к мифологии это не относится, поскольку они нефункциональны в приспособительном смысле и могут изменяться в широких пределах, не затрагивая сферу жизнеобеспечения. Отдельный мифологический мотив в контексте культуры есть знак, который ввиду его краткости (а следовательно, емкости) потенциально обладает безбрежным полем значений. Напротив, мифология в целом воспринимается этносом прежде всего как присущая только ему сакральная традиция, но каково именно ее содержание, объективно говоря, безразлично.

Р. Барт определил мифологию как «вторичную семиологическую систему». Понятно, что он имел в виду не сакральные тексты американских индейцев, а повседневное восприятие окружающего членами современного общества, но в главном выводы Барта применимы к любому материалу. Вторичность мифа следует из того, что он представляет собой новый, более высокий уровень восприятия, охватывая одновременно означаемое и означающее и заставляя наше внимание колебаться между ними. Означающее (некий текст или изображение) соответствует здесь форме, а миф — значению, понятию. По Барту, «в форме и понятии богатство и бедность обратно пропорциональны: качественно бедной форме, несущей в себе лишь разреженный смысл, соответствует богатство понятия... а количественному изобилию форм соответствует немногочисленность понятий» [Барт 1996: 245].

Близкие мысли за 30 лет до Барта высказал Б. Малиновский в своей влиятельной работе о функционировании фольклорных текстов разной жанровой принадлежности у меланезийцев Тробрианских островов [Malinowski 1926]. Для тробрианцев содержание рассказываемых историй не имело большого значения. Важны были обстоятельства декламации, интенция рассказчика. Основная функция мифа не менялась и состояла в сакрализации событий, персонажей, объектов и пр., которые для слушателей были субъективно важны.

Поскольку причинно-следственная связь между фольклором и мифологией, с одной стороны, и природной и социальной средой — с другой, наверняка слабее, чем у других сфер культуры, наборы мотивов в текстах представляют собой идеальный маркер для прослеживания миграций и культурных связей. Даже если в долгосрочной перспективе мифология и фольклор эволюционируют под действием определенно направленных факторов (так ли это, без специальных исследований решить невозможно), помимо подобных факторов, случайные мутации тоже неизбежно происходят. Вариативность любых живых систем, в том числе и культуры, в основе своей вызвана случайными ошибками копирования и как таковая не требует объяснений [Price 1982: 716]. Поэтому независимое появление в ходе эволюции идентичных наборов мотивов статистически почти столь же невероятно, как и появление одинаковых биологических видов. Организмы могут эволюционировать конвергентно, вырабатывая сходные признаки (сумчатые и плацентарные, зайцеобразные и грызуны), но легко заметные внешние особенности не вводят систематиков в заблуждение. Точно так же возможные (не более того) тенденции в отдельных мифологиях, связанные с действием одинаково направленных факторов, вряд ли способны стереть следы генетических связей.

ФРАНЦ БОАС О МИФОЛОГИИ

Подход к изучению мифологии, разработанный в конце XIX в. основоположником профессиональной американской этнографии Францем Боасом (1858–1942), своей трезвостью и сухостью разительно отличается от всего того, что писалось на данную тему не только в XIX в., но и позже. Нередко поэтому Боас вообще не воспринимается как мифолог. Характерно, что его имя не упоминается ни в исследовании альтернативных теорий мифа И. Стренского [Strenski 1987], ни в обзоре П. Коэна [Cohen 1969], ни в статье, предваряющей двухтомник «Мифы народов мира» [Токарев, Мелетинский 1980].

Собрав и опубликовав богатейшие собрания мифов североамериканских индейцев, Боас не мог не видеть, что эти тексты бессмысленно истолковывать вне определенного культурного контекста. Сюжеты возникают из элементов разного происхождения и лишь затем осмысляются. Интерпретация текстов на сходный сюжет у разных этносов разная, а порой она вообще минимальна, т. е. в повествованиях преобладает рекреативная функция [Boas 1891: 20; 1896: 9; 1916: 878; 1928: 149–150]. К сходным выводам как по следам Боаса, так и независимо от него приходили и другие исследователи, в частности Дж. Фостер [Foster 1945: 226] и С. Ю. Неклюдов [Неклюдов 1977: 224]. С. Томпсон на примере мифа о супруге-звезде показал, что языковые различия и даже границы между языковыми семьями не затрудняют и не облегчают распространение сходных рассказов (tales), что наличие данного сюжета (taletype) никак не коррелирует с распространением определенных мифологических и религиозных воззрений и что содержание рассказа не зависит от степени профессионализма рассказчиков [Thompson 1965: 458–459].

Томпсон также верно отметил, что Боас и Малиновский сводят к минимуму различия между сказкой и мифом [Thompson 1951: 389]. В известном смысле именно эти авторы занимали противоположные позиции в фольклористике (один изучал только транскультурное распространение мотивов, другой — только значение устных повествовательных текстов в конкретной культуре). Оба, однако, видели, что те жанровые особенности текстов, которые заметны для внешнего наблюдателя, сами по себе не позволяют определить ни интерпретацию текстов носителями культуры, ни происхождение элементов, из которых тексты состоят.

КРИЗИС «ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО» НАПРАВЛЕНИЯ

Интерес Боаса к формальному содержанию текстов был обусловлен тем приоритетом, который он отдавал изучению конкретной исто-

рии как средству опровержения стадиалистских спекуляций [Boas 1940: 270–280; Harris 1968: 526]. Выявляя одинаковые эпизоды в мифах индейцев и эскимосов, Боас пытался определить, насколько тесно контактировали между собой в прошлом отдельные этнические группы. Его работа развертывалась прежде всего в рамках Джебзуповской экспедиции — грандиозного проекта изучения народов северной Пацифики [Krupnik, Fitzhugh 2001]. Джебзуповский проект и роль в нем российских этнографов, В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона, — отдельная тема, которой мы сейчас не касаемся. Отмечу лишь, что уже первая, «доджебзуповская» крупная работа Боаса на данную тему [Boas 1895: 329–269] задала образец, которому в дальнейшем следовали все этнографы, так или иначе связанные с его школой [Иохельсон 1904; Bogoras 1902; Demetracopoulou 1933; Gayton 1935a; 1935b; Hultcrantz 1957; Jochelson 1904; Lowie 1940; Rooth 1957; 1962; Schmerler 1931; Waterman 1914; и др.]. Указания на параллели в иноэтнических традициях включались также в монографии, посвященные фольклору и мифологии отдельных индейских народов (напр. [Swanton 1929: 267–275]). Поздним примером подобной работы служит книга Дж. Вейса об индейцах перуанской Монтаньи [Weiss 1975].

В этих «историко-географических» (как их принято называть) исследованиях собирались данные об ареальной и этнической приуроченности определенных «tales» и обычно делались попытки исторически объяснить выявленную картину. Речь шла не о сюжетах и текстовых вариантах, а о сюжетообразующих (а иногда и элементарных) мотивах. В большинстве случаев утверждалось или подразумевалось, что сходство текстов вызвано диффузией подобных мотивов; реже — что оно обусловлено универсальными особенностями психики [Lowie 1908].

Результаты попыток использовать мифологию в целях исторических реконструкций оказались несопоставимы с усилиями, затраченными на поиски аналогий. Не только Богораз и Иохельсон, но нередко и более поздние авторы слабо представляли себе реальную сложность и временную глубину тех процессов, которые пытались реконструировать. Они не только не располагали полноценными археологическими материалами, на которые можно было бы ориентироваться, но и вряд ли понимали потенциальные возможности археологии для изучения прошлого. Имея дело с миллионами эпизодов межэтнических контактов, миграций и пр., происходивших на протяжении тысяч лет, мы можем получить лишь усредненную картину, восстановить основные тенденции, но никак не сами эти эпизоды. Неудивительно, что к середине XX в. «историко-географическое» направление исчерпало себя. К 20-м гг. Боас разочаровался в возможности того, что путем сопоставления мифологических традиций удастся восстановить события этнокультурной

истории [Kubler 1991: 174]. Он все больше склонялся к тому направлению в антропологии, которое принято называть «культура и личность» [Harris 1968: 277–281].

Ориентация на исторически известные этносы, на современную или недавнюю этнографическую картину предполагала очень незначительную временную глубину исследований. Показательна в этом смысле уже упомянутая статья Томпсона, в которой рассматривается североамериканский миф о женщине, ставшей женою звезды [Thompson 1965]. Как заметил К. Леви-Стросс [Levi-Strauss 1968: 191], игнорирование Томпсоном южноамериканских параллелей (о которых тот не мог не знать) делает наивными многие его заключения. Однако использование таких параллелей вообще лишило бы работу всякого основания — ведь связи между индейцами Северной Америки и Бразилии могли иметь место лишь много тысячелетий назад, в эпоху начального заселения Нового Света. Столь отдаленные *события* дописьменной истории реконструкции заведомо не подлежат. В доистории мы работаем только с *процессами*.

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ АМЕРИКАНИСТИКА ВНЕ И ПОСЛЕ БОАСА

Как уже было сказано, большинство теорий мифа ставят задачу раскрыть значение текстов. При этом чаще всего остается неясным, то ли авторы стремятся исследовать (быть может, даже и убедительно) психологические или логические основания некой условной первичной прамифологии, то ли происхождение тех конкретных текстов, которые ими рассматриваются. Между тем никакие общие теории мифа не объясняют, почему тот или иной мотив известен атапаскам и крикам, но не ацтекам и каяпо.

Работавшие на материалах Нового Света немецкие ученые конца XIX — начала XX в. (П. Эренрайх, К. Т. Пройс, Э. Зелер) разделяли убеждения «мифологической» школы, интерпретируя тексты как аллегорические повествования о движениях светил. Подобные взгляды просматриваются и в работах крупнейшего французского этнографа А. Метро, посвященных южноамериканским мифологиям. Среди североамериканцев выделяется П. Радин с его «Трикстером» [Radin 1956], где идея архетипов К. Юнга сочетается с эволюционизмом (эпохальная стратификация мифологических циклов виннебаго исходит из представлений автора о том, что в мифологии архаично, а что прогрессивно). Оценив «Трикстера» как публикацию текстов, Херсковитц назвал радиновские доктринерство и мистицизм «недостойными ученого его ранга» [Herskovits 1957: 281].

Во второй-третьей четверти XX в. ряд исследователей занимались выявлением американских параллелей мотивам, характерным для мифологий Северной Евразии и Тихоокеанского региона

[Count 1952; Erkes 1926; Gibbon 1964; 1972; Hatt 1949; 1951; Kongas 1960; Luomala 1940; 1963; Mänehén-Helfen 1936; Matsumoto 1928; Toivonen 1937]. Эта традиция восходит не столько к Боасу, сколько к финской фольклорной школе. Редко предлагая конкретные исторические сценарии, эти специалисты скорее смотрели на свою работу как на подготовительный этап для будущих реконструкций. Результаты их наблюдений действительно оказались в полной мере востребованы лишь сейчас.

Вообще многие работы по сравнительной мифологии индейцев, особенно южноамериканских, написанные до середины XX в., представляют для нас больший интерес, чем позднейшие, поскольку в них значительное внимание уделяется прослеживанию транскультурно распространенных мотивов ([Lehmann-Nitsche 1918–1937; Metraux 1932; 1935; 1944; 1946; 1948; Tello 1923] и мн. др.). Это не означает, что подобные работы отличались особо высоким методическим и теоретическим уровнем. Скорее напротив. У их авторов обычно отсутствует ясное понимание разницы между *эмным* и *этным* подходом, *мифом* и *текстом*, *значением* повествований в той или иной конкретной культуре и *формальным содержанием* текстов. Когда эти исследователи выявляли и картографировали мотивы, конечный смысл подобного занятия не всегда, возможно, был ясен им самим. В немецкой американистике данное направление сохранилось и во второй половине века [Zeller 1983; Zerries 1954; 1969; 1984 и др.], а в латиноамериканской даже пережило недавно новый расцвет [Blixen 1990; 1991; 1992a; 1992b; 1994; Margery Peña 1994; 1995]. Следует, правда, учесть, что для большинства этнографов и лингвистов картографирование мотивов было побочным занятием вне рамок их основной специализации.

Наиболее влиятельными и цитируемыми фрейдистскими работами по индейской мифологии являются статьи А. Дандеса, в которых он рассматривал миф о добывании земли из-под вод потопа [Dundes 1962b; 1988]. В соответствующих текстах он находит отражение универсальных желаний, фобий, ассоциаций, из которых главные — смешение, неразграничение мужских и женских функций, зависть одного пола к функциональным особенностям другого и страх перед этими особенностями. Дандес, конечно, знает, у каких народов распространены соответствующие мотивы, а у каких нет, однако рассматривает миф о ныряльщике как некую универсалию, обусловленную особенностями психики.

Колумбийского археолога и этнолога Г. Рейхель-Долматова иногда также причисляют к фрейдистам, хотя как с Фрейдом, так и с Юнгом у него мало общего. Скорее, речь идет о пансексуалистском ключе, служащем для обнаруживания скрытого смысла во «вторичных семиотических системах» североколумбийских коги и индейцев области Ваупес в Амазонии [Reichel-Dolmatoff 1971a; 1975; и др.].

Что касается структурализма, то основоположник этого направления рассматривает совокупный набор индейских мифологий (с их внешней несистемностью, неорганичностью, с элементами совершенно разного происхождения) как отражение суперсистемы человеческого разума, предполагая, что законы мышления всех людей идентичны. Так, разнообразие мифологических характеристик солнца и луны выстраивается в плавную последовательность всех *мыслимых* вариантов [Levi-Strauss 1976: 218]. Критика или оценка структурализма не входит в мою задачу. Зато небезынтересны высказывания Леви-Строса о сходстве между отдельными мифологиями как свидетельстве их исторических связей (напр., [Levi-Strauss 1966: 326, 376]). Французский философ вовсе не отвергал использования мифологии в целях исторических реконструкций — он просто не занимался этой проблемой, но где-то на заднем плане она у него присутствует. Принадлежит к числу немногих исследователей, равно хорошо знакомых с южно- и североамериканскими мифологиями, Леви-Строс выявил десятки трансконтинентально встречающихся мотивов — не универсально распространенных, а сравнительно сложных и специфичных именно для Нового Света. В этом отношении он продолжил дело Боаса.

Большинство этнографов-американистов, занимавшихся сбором и изучением мифов индейцев, не были и не являются ни фрейдистами, ни структуралистами, ни эволюционистами. Скорее, их можно отнести к «стихийным функционалистам», иногда не чуждым радиновского понимания мифологии как «первобытной философии» [Santos-Granero 1991: 6]. Выше было сказано, что между Боасом и Малиновским, «историко-географическим» подходом к изучению текстов и функционализмом нет непримиримых противоречий: они изучают один и тот же объект, но с совершенно разных сторон. Тем не менее высказывания Малиновского, отвергающие взгляд на мифы как на пережитки [Malinowski 1948: 63–64], иногда двусмысленны. То ли речь идет только об интерпретации текстов, то ли об их возникновении на основе чего-то иного, нежели более ранние тексты. Эта двусмысленность осталась свойственна функционализму как направлению. Сперва этнографы видят свою задачу в воссоздании систем традиционного мировосприятия и в определении того места, которое занимают в них конкретные мифологемы. Затем от описания космологий следует переход к истолкованию причин появления определенных фабул и образов у изучаемых этносов. Генезис мифологем очень часто объясняется особенностями культуры и недавней истории народа, характером окружающего ландшафта. Для неискушенного читателя такие построения выглядят подкупающе убедительно, и лишь обнаружение аналогичных мифологем у других народов, живущих в отличных условиях, выдает сомнительность подобных спекуляций.

Акцент на функциональном или на историческом объяснении специфики фольклорно-мифологических текстов зависит как от це-

лей, так и от территориальных и временных рамок исследования. «Объяснения, нацеленные на познание ближайших причин, способны обнаружить связи — в том числе и существенные — непосредственно предшествовавшие событию. Объяснения, нацеленные на выявление результатов естественного отбора, касаются крупномасштабных закономерностей, детали которых часто не известны или даже непознаваемы» [Adams 1981: 605–606, 622]. Функциональный анализ показывает, почему те или иные мотивы оказались подходящими для включения в те или иные конкретные тексты. Панконтинентальный анализ распределения мотивов стремится определить, почему именно эти, а не другие наборы мотивов оказались доступными для использования.

УКАЗАТЕЛЬ МОТИВОВ ТОМПСОНА

Один из важнейших проектов XX в. в области изучения индейской мифологии был осуществлен Дж. Уилбертом. Работавший в Венесуэле, а позже обосновавшийся в Калифорнии, Уилберт во многом сохраняет свои немецкие корни. Сама идея опубликовать полное собрание если не всех южноамериканских мифов, то по крайней мере всех текстов так называемых маргинальных племен, скорее немецкая, чем американская.

Уилберт является крупнейшим специалистом по этнографии варрау (устье Ориноко), и работа над этими материалами подтолкнула его к поискам аналогий среди таких же, как и варрау, неземледельческих или же ведущих комплексное неспециализированное хозяйство народов. Постепенно сделалось ясно, что никакой особой специфики в фольклоре подобных групп нет, да и сама граница, отделяющая «маргинальные» племена от народов с более развитой производящей экономикой, размыта. Со второй половины 80-х гг. главной задачей стала просто публикация текстов — либо разбросанных по массе труднодоступных изданий, либо неизданных. Надежда на немедленную публикацию стимулировала полевую работу, в результате чего удалось закрыть огромные лакуны по мифологии индейцев Чако.

С 1970 по 1992 г. в «Латиноамериканских трудах» Латиноамериканского центра Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе вышли 23 тома текстов и 2 тома справочников под редакцией Дж. Уилберта (начиная с пятого тома совместно с К. Симоно). Общее число опубликованных текстов — 4259 [Wilbert, Simoneau 1993: 20]. Хотя работа не доведена до логического конца, т. е. публикация аналогичных томов по другим этническим группам Южной Америки могла бы продолжаться и дальше, «Устная литература южноамериканских индейцев» представляет собой одно из крупнейших событий в фольклористике XX в.

Каждый публикуемый Уилбертом текст, каждый том, а также все издание в целом сопровождаются указателями мотивов

по С. Томпсону [Thompson 1955–1958]. Как отметил в свое время Дандес, «ни Аарне, ни Томпсон не предполагали, что их указатели будут чем-либо больше, нежели справочным пособием» [Dundes 1962a: 98]. Томпсон, в частности, писал об этом совершенно определенно [Thompson 1951: 427]. Существует несколько обстоятельств, ограничивающих применимость подобного указателя для выявления межареальных и межрегиональных связей.

Главное препятствие состоит в том, что указатель предназначен для формализованного описания не традиций, а отдельных текстов. Мотивы его настолько просты, что любой текст включает десятки, а то и сотни из них. При одновременной работе с десятками тысяч текстов соответствующий массив данных принимает объем, который обработке просто не поддается. Не вполне адекватна система классификации, созданная на основе европейского фольклора. В частности, в мифах индейцев нередко отсутствует грань между антропо- и зооморфными персонажами, между «волшебными» и рационально объяснимыми событиями, реальным и «сверхъестественным» миром. Межрегиональное сравнение нельзя строить на сопоставлении тех мотивов, которые описывают чисто локальные природно-хозяйственные реалии. Но главная проблема в другом. Все указатели мотивов в лучшем случае содержат ссылки на источники, но не содержат резюме текстов (до появления электронных баз данных иного и не могло быть). Поскольку в работе столь огромных масштабов неизбежны ошибки, связанные, в частности, с отсылкой к текстам, где вместо заявленных мотивов есть лишь нечто отдаленно похожее, для нас томпсоновский указатель ценен главным образом как ориентир в поисках публикаций. Без обращения к первоисточникам он использоваться не может.

АРЕАЛЫ, ВЫДЕЛЕННЫЕ ДЛЯ УЧЕТА И СТАТИСТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ДАННЫХ О ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ РАСПРЕДЕЛЕНИИ ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ МОТИВОВ

Итог изучения мифологии и фольклора индейцев и эскимосов в XX в. парадоксален. Сейчас в отношении не менее половины этнокультурных ареалов Нового Света мы располагаем хорошими, а порой и исчерпывающими данными об устной литературе этих народов и об их представлениях о природе и обществе. Сравнительно мало таких ареалов, по которым сведений вовсе нет. Тем не менее содержащаяся в текстах историческая информация остается невостребованной. Со времен Джезуповской экспедиции не было, по сути дела, даже попыток сопоставить данные сравнительной мифологии с материалами других дисциплин, изучающих отдаленное прошлое американских аборигенов. Задача кросскультурной статистической обработки

фольклорных данных оказывается, таким образом, необычайно привлекательной, как и любое новое поле научного исследования.

Первым этапом в создании пригодной для машинной обработки базы данных по фольклору и мифологии Нового Света было выделение тех этнотерриториальных единиц, по которым соответствующие мотивы должны фиксироваться. Это не могли быть мелкие, в языковом отношении однородные группы, поскольку степень изученности подобных групп различается слишком сильно. Это не могли быть и ареалы, выделенные по чисто географическому признаку, поскольку в них могли попасть этносы с очень разной культурой. Был принят компромиссный принцип выделения ареалов. В тех случаях, когда фольклор соседних разноязычных групп в основном сходен, а данных по каждой достаточно мало, они объединялись в один кластер, но идеалом было все же вычленение лингвистически гомогенных кластеров. По мере накопления материала лингвистически гетерогенные группы этносов разделяются на самостоятельные кластеры.

На прилагаемых картах-схемах представлены результаты компьютерной обработки распределения 1020 мотивов по 154 ареалам Америки от Огненной Земли до Аляски, а также по 11 дальневосточным (от Чукотки до Японии, включая острова Рюкю). Ниже в таблице 1 приводится перечень выделенных ареальных кластеров с указанием этнических групп, входящих в каждый из них. Географическое положение ареалов показано на рисунке 12. Этнонимы в пределах кластера разделены запятой в случае их значительной близости и точкой с запятой при наличии более существенных культурных или языковых различий. Во всех случаях использовались публикации текстов на европейских языках (английском, испанском, португальском, русском, французском, немецком, итальянском).

ТАБЛИЦА 1

Ареалы, выделенные для учета распространения фольклорно-мифологических мотивов в пределах Нового Света и северо-западной Пацифики

I. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК	1. Япония; о-ва Мияко, о-ва Окинава 2. Аину 3. Нивхи; уильта 4. Нижний Амур (нанайцы, ульчи; негидальцы; орочи, удэгейцы) 5. Эвенки 6. Эвены
II. СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ	1. Ительмены 2. Коряки, кереки 3. Чукчи

См. продолжение табл.

III. ЭСКОАЛЕУТЫ	<p>4. Юагиры; русскоязычные метисы Марково и Русского Устья</p> <hr/> <p>1. Азиатские эскимосы</p> <p>2. Алеуты</p> <p>3. Центральные юпик</p> <p>4. Алютик (эскимосы острова Кадьяк и чугач залива Аляска)</p> <p>4. Инупиак западной и северной Аляски</p> <p>5. Западные инуит (эскимосы устья Маккензи и медные)</p> <p>6. Восточные инуит (эскимосы карибу, нетсилик, иглулик, эскимосы Баффиновой Земли, Лабрадора, полярные, эскимосы юго-западной Гренландии, ангмассалик)</p>
IV. АМЕРИКАНСКАЯ СУБАРКТИКА	<p>1. Атапаски западной и южной Аляски: коюкон, ингалик, верхние кускоквим, танайна, танана, атна</p> <p>2. Кучин (лушо), хан</p> <p>3. Атапаски юго-восточной Аляски, Юкона, севера Британской Колумбии: верхние танана, тагиш, тутчоне, талтан, каска, цецот; внутренние тлинкиты (усвоившие тлинкитский язык атапаски, преимущественно тагиш)</p> <p>4. Чипевайян, хэа, догриб, йеллоунайф, слейви</p> <p>5. Бивер</p>
V. СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ	<p>1. Ияк; тлинкиты</p> <p>2. Хайда</p> <p>3. Цимшиан</p> <p>4. Беллакула</p> <p>5. Квакиутль, хейлцук</p> <p>5. Нутка, маках</p>
VI. ПОБЕРЕЖЬЕ – ПЛАТО (Орегон, Вашингтон, юго-восток Британской Колумбии)	<p>1. Карьер; чилкотин</p> <p>2. Шусвап</p> <p>3. Лиллуэт, томпсон</p> <p>4. Береговые сэлиши: комокс, сечелт, халкомелем, лкунген (=стрейт; включая самиш, сонгиш, лумми, клаллам), Пьюджет-Саунд (сквамиш, снохомиш, скагит, снукуалли, пуяллуп, нискуалли, дувамиш, маклшут, а также недифференцированные данные по этим группам), твана, нижние и верхние чехалис, коулиц; чемакум</p> <p>5. Квинолт; квилеут</p>

6. Чинук: нижние, или собственно чинук, васко, вишрам, клакамас, катламет
7. Тилламук
8. Кус, алсеа; большинство атапасков Орегона (ампкава, джошуа, тутутни); такельма; калапуя; молала
9. Кламат, модок
10. Южные внутренние сэлиши: санпуаль, флетхед, кердален, калиспель, оканагон, венатчи
11. Западные сахаптин (кликитат, тенино, якима, валлавалла, верхние коулиц), нэ персэ
12. Кутенаи

VII. СРЕДНИЙ ЗАПАД

1. Оджибва, миссисага, солто, алгонкины собственно, алгонкины Онтарио без уточнения группы
2. Кри (включая болотных, восточных, западных лесных)
3. Виннебаго
4. Меномини
5. Саук, фокс, потауатоми, кикапу
6. Майями, иллиной — данных для статистической обработки недостаточно

VIII. СЕВЕРО-ВОСТОК

1. Гуроны, виандот; сенека, мохавки, онондага, тускарора, онейда; ирокезы в целом (недифференцированные материалы по перечисленным группам, исключая гуронов и виандот)
2. Монтанье, наскапи
3. Микмак, малесит, пассамакводди, пенобскот, вавенок, абенаки
4. Делавары (лен); мохеган

IX. ВЕЛИКИЕ РАВНИНЫ

1. Степные кри; степные оджибва; стоуни
2. Черноногие; сарси
3. Гровантр
4. Ассинибойн
5. Кроу, хидатса
6. Дакота (санти, янктон-янктонаи, тетон); мандан
7. Арапахо; шейены
8. Пауни; арикара
9. Ото, айова
10. Осэдж, квопо, омаха, понка
11. Кайова; кайова-апачи; команчи
12. Вичита; тонкава

X. ЮГО-ВОСТОК США

1. Мускоги: крики, семинолы, алабама, коасати, хичити, чоктав, чикасо
2. Чироки; катавба; тутело
3. Шони; ючи; таскеги

См. продолжение табл.

	4. Туника; авоель; натчез; читимача; би- локси
	5. Кэддо
XI. КАЛИФОРНИЯ	1. Юрок; вийот; толова
	2. Хупа, чилула; карок; шаста
	3. Атапаски северо-западной Калифорнии (лассик, синкион, вайлаки, катю); юки
	4. Яна; ачомави, ацугеви; чимарико
	5. Помо; ваппо; винту, патвин, номлаки
	7. Майду, нисенан; мивок; чукчанси йокуц
	8. Йокуц, салинан; костаньо
	9. Тюбатулабаль, моно, кавайису, китанемук
	10. Чумаш
	11. Така южной Калифорнии (луизенью, кауилья, купенью, габриэлино, серрано, хуаненью)
XII. БОЛЬШОЙ БАССЕЙН	1. Вашо; северные пайют (Оуэнс-Вэли, Сер- прайз-Вэли), павиоцо, баннук
	2. Шошони (западные, северные, восточные), госиют
	3. Юте, южные пайют, чемеуэви
XIII. БОЛЬШОЙ ЮГО-ЗАПАД	1. Западные пуэбло: хопи; зуньи; западные керес (Акома, Лагуна)
	2. Восточные пуэбло: восточные керес (Кочити, Сиа, Санто-Доминго, Санта-Ана, Сан-Фелипе, Пагуате, Сеама); тева (Сан-Хуан, Санта-Клара, Сан-Ильдефонсо, Тесукэ, Намбэ), тива (Таос, Пикурис; Сандиа, Ислета), това (Хемес)
	3. Южные атапаски: навахо; западные апачи, хи- карилья, мескалери, чирикауа
	4. Апачи липан
	5. Валапай, хавасупай, явапай
	6. Прочие юма (мохаве, юма собственно, мари копа, кокопа, ипаи, типай, пайпай, килива); сери
	7. Пима, папаго
XIII. СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ МЕКСИКА И МЕЗОАМЕРИКА	1. Варихио, тараумара, яки; майо, южные тепеу- ан; уичоль, кора; тепекано; науатль Западной Мексики
	2. Ацтеки и другие науаязычные группы централь- ной Мексики; тараски; отоми; паме; пополока; тлапанеки
	3. Веракрус, Табаско: тотонаки, тепеуа, уастеки, науатль Веракруса; Саюла пополука, сьерра пополука; чонталь

	<p>4. Оахака: чинантеки, сапотеки, миштеки, чатино, трики, текистлатеки, масатеки, куикатеки, михе; уаве</p> <p>5. Цоциль, цельталь; чоль</p> <p>6. Юкатек, мопан, ица; лакандоны; кекчи</p> <p>7. Гватемала, Сальвадор: соке; киче, какчикель; покомчи, мам, цутухиль, тохолабаль, ишиль, чух, канхобаль, чорти, покомам; ленка; пипиль; метисы Соконуско</p>
XIV. ГОНДУРАС – ПАНАМА	<p>1. Гондурас, Никарагуа: хикаке; печ, суму, никарао, мискито</p> <p>2. Юго-Восток Никарагуа, Коста-Рика, западная Панама: рама, гуатусо; брибри, кабекар; борука; гуайми, бокота, сообщения XVI в. по западной Панаме</p> <p>3. Куна; сообщения XVI в. по восточной Панаме</p>
XV. БОЛЬШИЕ АНТИЛЫ	<p>1. Таино Гаити; метисы восточной и центральной Кубы</p>
XVI. СЕВЕРНЫЕ АНДЫ	<p>1. Чоко: эмбера, нонама; сообщения XVI в. о Дабайба</p> <p>2. Коги, ика; чимила</p> <p>3. Гуахиро</p> <p>4. Горная Колумбия с сопредельными районами Венесуэлы: юпа; бари; тунебо; муиски, мусо; паэс, гуамбия, пихао; сибундой (камса и ингано)</p>
XVII. ЛЬЯНОСЫ	<p>1. Сикуани, гуаяберо, куива; ачагуа</p> <p>2. Яруро</p>
XVIII. ЮЖНАЯ ВЕНЕСУЭЛА	<p>1. Пиароа, салива; ябарана; панаре</p> <p>2. Макиритаре</p> <p>3. Яноама: санема, яномам, яномами</p>
XIX. ГВИАНА	<p>1. Варрау</p> <p>2. Пемон (камаракото, арекуна, таулипан); акаваи</p> <p>3. Араваки побережья Гвианы: локоно; паликур</p> <p>4. Карибы Малых Антил (в основном Доминики), карифуна; каринья Гвианы, каринья на Ориноко, ярури, таманак, калинья, галиби</p> <p>5. Вайвай; макуши; вапишана, атарои; мапидиан; тарума</p> <p>6. Трио, акурийо; арикена, хишкарьяна, кашуяна</p> <p>7. Ояна, апарай</p> <p>8. Тупи Гвианы: оямпи, эмерильон</p>
XX. ЭКВАДОР (горы и побережье)	<p>1. Каяпа (чачи), колорадо (цачила); коайкер; каньяри XVI в.; современные кечуаязычные группы (Асуай, Каньяр, Отовало, Имбабура)</p>

См. продолжение табл.

XXI. ЗАПАДНАЯ АМАЗОНИЯ	<ol style="list-style-type: none"> 1. Западные тукано (майхуна, сиона, секоя, корегуахе) 2. «Лесные кечуа» (напо, канело); ваорани; кофан; сапаро, мурато, майна 3. Хиваро (шуар, ачуар, агуаруна, уамбиса)
XXII. СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ АМАЗОНИЯ	<ol style="list-style-type: none"> 1. Ваупес: кубео, восточные тукано (бара, барасана, десана, сириано, летуама, макуна, пиратапуя, татуйо, собственно тукано, тайбано, уанана, уфайна, яхуна), араваки бассейна Ваупес (кабияри, юкуна); маку 2. Ориноко–Риу-Негру: пуинаве; майпуре; пиапоко, банива, тариана, баре 3. Карихона 4. Уитото, бора, окайна, андоке 5. Тукуна, ягуа, метисы Летисии; икито, кокама
XXIII. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМАЗОНИЯ	<ol style="list-style-type: none"> 1. Омагуа; катавиши? (озеро Теффе); манао; мура; мауэ; группы неизвестной языковой принадлежности на Риу-Жамунда и в других районах 2. Мундуруку 3. Суруи, зоро, гавиано, паринтинтин; материалы XIX в. из района города Ви́ла-Бела
XXIV. ВОСТОЧНАЯ АМАЗОНИЯ	<ol style="list-style-type: none"> 1. Шипая, журуна, куруая; асурини; паракана; анамбэ; тапажо; материалы XIX в., записанные где-то на нижней Амазонке 2. Приатлантические тупи: тенетехара, урубубу; тупинамба
XXV. ЦЕНТРАЛЬНЫЕ АНДЫ	<ol style="list-style-type: none"> 1. Север Перу (побережье и горные районы от экваторской границы до департаментов Анкаш и Уануко включительно): сообщения источников XVI–XVII вв.; современные кечуазычные группы (включая уанка); изображения культур чавин (середина I тыс. до н. э.) и мочика (I–VII вв. н. э.) 2. Центральное Перу (побережье и горные районы в департаментах Лима, Ика, Хунин, Уанкавелика, Аякучо): современные кечуазычные группы; сообщения источников XVI–XVII вв.; изображения культур паракас (IV–I вв. до н. э.), наска (I–VI вв. н. э.), уари (VII–VIII вв. н. э.) 3. Юг горного Перу — Боливия (департаменты Апуримак, Куско, Арекипа, Пуно на юге горного Перу; горная Боливия; северо-западная Аргентина): современные кечуа- и аймара-

	язычные группы; сообщения источников XVI–XVII вв.; уру; кальяуайя; атакаменьо
XXVI. МОНТАНЬЯ (включая верховья Журуа и Пуруса)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Урарина; чаяюита 2. Араваки (амуэша; ашанинка, или кампа, мачигенга; пиро) и харакмбет (=машко) Монтаньи 3. Пано на Укаяли: кашибо, шипибо, конибо, се-тебо 4. Пано верховьев Пурус: амауака; марубо; майоруна; кашинауа, шаранауа, яминауа, апанауа 5. Арауа (кулина, арауа) и араваки (ипурина, кунниба) верховьев Пурус
XXVII. БОЛИВИЯ–ГУАПОРЕ (восточная Боливия и Рондония)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Такана; харакмбет 2. Мосетен, чиман; юракаре 3. Гуарани Боливии: чиригуано (включая ассимилированных чиригуано араваков чанэ); гуараю, гуарасу, паусерна, тапъетэ 4. Прочие восточноболливийские этносы: эсеэха; чакобо; сирионо; мохо, бауре; итонама, каничана; чикито 5. Рондония: тупари, макурап, ябути, амниапя, аруа, ажурю, уари (айкана), кумана, сакирап, морэ
XXVIII. ЮЖНАЯ АМАЗОНИЯ	<ol style="list-style-type: none"> 1. Иранше; намбиквара 2. Рикбакца 3. Каяби 4. Пареси 5. Шингуано: камаюра, куикуру, мехинаку, ваура, яулапити, калапало, трумаи; бакаири 6. Бороро: восточные (орари), умугина
XXIX. ВОСТОЧНАЯ БРАЗИЛИЯ	<ol style="list-style-type: none"> 1. Каража, тапирале 2. Каяпо 3. Суя, тшукаррамаэ 4. Крахо, кренье, апинайе, рамкокамекра, апаниекра; шаванте, шеренте; карири; гамела
XXX. ЧАКО	<ol style="list-style-type: none"> 1. Самуко: айорео; чамакоко 2. Нивакле; чороте 3. Матако 4. Центральное Чако: ангайте, мака, мбайя, санана, ленгуа 5. Тоба 6. Южное Чако: мокови, вилела; кечуа провинции Сантьяго-дель-Эстеро с вероятным чакоидным субстратом; абипон 7. Кадувео, терено

См. окончание табл.

XXXI. ЮЖНАЯ И ПРИАТЛАНТИЧЕСКАЯ БРАЗИЛИЯ	1. Офайе 2. Гуарани Бразилии и Парагвая (кайгуа, мбиа, апапокува, ньяндева, чирипа); аче (гуаяки) 3. Каинганг, шета 4. «Палеобразильские» этносы приатлантических районов: ботокудо, камакан; куташо
XXXII. ЮЖНЫЙ КОНУС	1. Пуэльче, теуэльче (северные и южные); арауканы 2. Огнеземельцы: селькнам, ямана, алакалуф

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ДЛЯ ОБРАБОТКИ ДАННЫХ. ПЕРВАЯ ГЛАВНАЯ КОМПОНЕНТА

Для выявления степени близости ареальных традиций использован факторный анализ (он же анализ главных компонент). С его помощью определяется процент общей дисперсии элементов по отдельным осям (главным компонентам, ГК) и оценивается удаленность элементов (в нашем случае — локальных фольклорно-мифологических традиций) друг от друга. Каждая ось независима и выявляет одну из тенденций. При подобного рода анализе первая главная компонента отражает преобладающую тенденцию, а следующие за ней — все более частные. Для выявления основных тенденций трансконтинентального масштаба оказались значимы первые четыре компонента. Прочие, начиная с пятой, выявляют группы мотивов с более ограниченным распространением (характерные, например, для Мезоамерики, Большого Юго-Запада, Чако) либо фиксируют такие связи между территориально разобобщенными традициями, которые основаны на общности относительно небольших групп мотивов (например, между сэлишами бассейна реки Фрейзер и центральными алгонкинами). Программа определяет не только степень взаимной близости ареалов, но и вес каждой переменной (в нашем случае — мотива) в формировании соответствующих тенденций. Наибольшее влияние на общую картину оказывают те мотивы, которые характерны для максимального числа традиций и при этом четко приурочены к определенным регионам.

На первую компоненту приходится 7,85 процента общей дисперсии. При том огромном количестве признаков, которые рассматриваются, это нормально, ибо большая часть мотивов отражает не трансконтинентальные, а внутрорегиональные связи. 7,85 процента дисперсии указывают на корреляцию примерно 80 мотивов. В действительности совпадают ареалы не 80, а большего числа мотивов, но совпадение никогда не бывает полным.

В таблице 2 приведены условные цифровые показатели, полученные для первой главной компоненты. Ареалы (соответствующие перечисленным в таблице 1) поименованы по одному или двум свя-

ТАБЛИЦА 2
Первая главная компонента

5,8287	Оджибва	1,8735	Восточные пуэбло
5,3521	Дакота	1,8666	Виннебаго
4,9498	Меномини	1,8603	Цимшиан
4,8384	Арапахо	1,8365	Вичита
4,7830	Береговые сэлиши	1,8169	Внутренние сэлиши
4,7791	Ассинибойн		
4,5667	Карьер	1,7728	Кучин
4,5550	Пауни	1,7624	Мускоги
4,3770	Шошони	1,7516	Нутка
4,0076	Степные кри	1,7200	Явапай
3,8462	Черноногие	1,7175	Квинолт
3,7121	Айова	1,5491	Тилламук
3,7034	Сахаптин	1,4260	Западные пуэбло
3,4157	Талтан		
3,3886	Фокс	1,3514	Северные пайют
3,3628	Ирокезы		
3,3608	Гровантр	1,3427	Кламат
3,3016	Шусвап	1,2607	Юагиры
3,2371	Осэдж	1,2059	Эвенки
3,2224	Кри	1,1790	Инупиак
3,2214	Тлинкиты	1,1468	Коряки
2,9256	Апачи	1,1061	Бивер
2,8297	Беллакула	0,9922	Азиатские эскимосы
2,8189	Чинук		
2,7302	Томпсон	0,7892	Пима
2,6859	Микмак	0,7310	Делавары
2,6668	Кайова	0,6668	Яна
2,6631	Калапуя	0,5978	Натчез
2,6357	Кроу	0,5877	Юпик
2,5705	Наскапи	0,5793	Алютик
2,3859	Юте	0,5651	Эвены
2,3354	Квакиутль	0,4399	Шаста, карок
2,3113	Кутенаи	0,4332	Нивхи
2,3074	Чипевайян	0,4091	Луизеньо
2,2741	Хайда	0,4027	Кэддо
2,2348	Винту, помо	0,3323	Чироки
2,1194	Мивок, майду	0,2142	Юрок
2,0795	Орочи	0,1925	Медные
1,9960	Липан	0,1561	Ительмены
1,9817	Чукчи	0,1321	Чумаш
1,9367	Танана	0,1198	Като
1,8883	Кавайису	0,0645	Йокуц

См. продолжение табл.

0,0301	Юма	-2,1083	Рондония
0,0016	Алеуты	-2,1989	Кашинауа
0,0002	Шони	-2,2263	Куна
-0,0324	Айну	-2,2305	Мундуруку
-0,2016	Инуит	-2,3081	Юкатек
-0,3280	Патагония	-2,3088	Гуарани
-0,4075	Тоба	-2,3204	Каяпо
-0,4705	Уичоль, яки	-2,3652	Чоко
-0,6162	Японцы	-2,4049	Рикбакца
-0,8712	Кадувео	-2,4881	Юпа, муиски
-0,9565	Матако	-2,5173	Иранше
-0,9795	Огнеземельцы	-2,5399	Банива
-1,0466	Каинганг	-2,5611	Прочие же
-1,0713	Центральное Перу	-2,6009	Шипая
-1,0815	Нивакле	-2,6321	Макиритаре
-1,1218	Оахака	-2,6666	Карихона
-1,2420	Северное Перу	-2,6926	Суруи
-1,2577	Офайе	-2,7080	Кашибо
-1,3855	Самуко	-2,7180	Тенетехара
-1,3960	Гондурас	-2,8004	Пиароа
-1,4107	Большие Антилы	-2,8721	Напо, кофан
-1,4275	Инки	-2,8803	Чакобо
-1,4410	Мосетен	-2,9018	Локоно
-1,4706	Ботокудо	-2,9837	Варрау
-1,4935	Гуахирос	-2,9978	Пареси
-1,5098	Ипурина	-3,0240	Такана
-1,5340	Мака	-3,0734	Мачигенга
-1,6195	Гватемала	-3,0841	Вайвай
-1,6415	Цоциль	-3,1056	Шингуано
-1,7126	Яруро	-3,1408	Хиваро
-1,7250	Ацтеки	-3,1850	Западные тукано
-1,7603	Мокови		
-1,7637	Суя	-3,2144	Пемон
-1,7988	Коста-Рика	-3,2576	Ояна
-1,8599	Яноама	-3,3465	Оямпи
-1,8675	Чиригуано	-3,3645	Уитото
-1,8736	Чаяуита	-3,5639	Каринья
-1,8839	Веракрус	-3,6367	Центральная Амазония
-1,9626	Каяби		
-1,9770	Каража	-3,8598	Тукуна, ягуа
-2,0379	Эквадор	-3,9498	Трио
-2,0601	Бороро	-4,1056	Сикуюни
-2,1017	Коги	-4,8378	Ваупес

занным с ними этнонимам. Чем выше абсолютная величина показателя, тем больше мотивов, ответственных за формирование данной тенденции, зафиксированной в соответствующих мифологиях. Чем ближе показатели друг другу, тем традиции более сходны между собой. На картах-схемах (рис. 13 А, Б) ареалы окрашены в соответствии с полученными результатами.

Первая главная компонента в общем и целом следует за изменениями в мифологии от Северной Америки к Южной. Максимальные значения получают мотивы, бесспорно тяготеющие либо к Канаде и США, либо к Амазонии. Я буду называть соответствующие комплексы «североамериканским» и «амазонским». Следует иметь в виду, что те же самые мотивы могут влиять на тенденции, отраженные другими главными компонентами и рассматриваемые в других разделах. Далее для каждого комплекса я кратко охарактеризую ряд мотивов, влияющих на формирование соответствующей тенденции. Это лишь немногим более 5 процентов использованного материала, но рассмотреть его весь в рамках книги решительно невозможно. Последовательность, в которой мотивы описываются, соответствует уменьшению степени их влияния на формирование общей картины. В каждом случае приведен список этносов, у которых мотив зафиксирован. Литеры внутри списков отмечают этносы, локализованные в Азии (А), в Северной Америке (N), в Мексике, Центральной Америке и на Больших Антилах (M), в Южной Америке (S). Ссылки на источники, а также резюме текстов доступны на сайте www.ruthenia.ru/folklore/berezkin. Знак вопроса после этнонима означает, что нет полной уверенности в принадлежности текста к данному этносу. Если в скобках стоит «вероятно», нет полной уверенности в наличии в тексте данного мотива. Номера мотивов по указателю С. Томпсона указаны не систематически, точного соответствия порой просто нет. Из евразийских этносов названы только те, материалы по фольклору которых регулярно используются в настоящей работе (азиатские эскимосы, чукчи, коряки и керекы, ительмены, юкагиры, эвены, эвенки, нивхи, уильта, народы Нижнего Амура, айну, японцы). Проработанные материалы по другим областям Сибири, а также по Восточной Европе, Кавказу, Казахстану, Центральной, Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, Меланезии и Австралии предполагается рассмотреть позже.

СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЙ КОМПЛЕКС МОТИВОВ

1. *Брошенный выживает и торжествует* (S300). Люди оставляют мальчика, девочку, сестру с братом, молодую женщину или молодых супругов одних без огня в покинутом селении или изгоняют их. Добывая кров и еду, оставленный или изгнанный обнаруживает необычайные способности или находит сверхъестественных покровителей. Обычно

помогает своему народу либо, напротив, наказывает его. В разных вариантах этот мотив представлен почти по всей Северной Америке, а также в Евразии, но в Южной Америке очень редок и лишен подробностей, характерных для большинства североамериканских текстов.

А. Некий персонаж тайком от других оставляет огонь, чтобы покинутый сумел им воспользоваться.

Н. Инупиак, каска, бивер, талган, ияк, тлинкиты, хайда, цимшиан, беллакула, квакиутль, хейлцук, нутка, карьер, чилкотин, шусвап, томпсон, лиллуэт, квинолт, квилеут, комокс, халкомелем, клаллам, снукуалли, скагит, верхние чехалис, коулиц, нижние чинук, тилламук, якима (еда спрятана в очаге), нэ персэ, санпуаль, меномини, микмак, гровантр, тива.

В. Покинутые едят вдоволь, а покинувшие голодают. Персонаж (обычно это ворона, сорока, чайка) навещает покинутых и приносит на стойбище голодающих кусок мяса.

Н. Ияк, хайда, цимшиан, беллакула, хейлцук, квакиутль, нутка, чилкотин, шусвап, лиллуэт, квинолт, квилеут, комокс, верхние чехалис, коулиц, нижние чинук, тилламук, якима, нэ персэ, санпуаль, кликитат, меномини, микмак.

С. Варианты, лишённые этих подробностей.

А. Чукчи, азиатские эскимосы. Н. Чугач, карибу, цецот, снохомиш, хупа, восточные кри, степные кри, кикапу, монтанье, сенека, микмак, пенобскот, черноногие, гровантр, ассинибойн, санти, омаха, понка, осэдж, айова, шейены, арапахо, пауни, йокуц, хопи, липан. М. Ацтеки. S. Варрау, тоба.

2. *Неумелое подражание*. Персонаж видит, как другие добывают пищу с помощью магии или приемов, отвечающих их природе; он подражает их действиям, но терпит фиаско. Этот мотив — один из самых популярных в североамериканском индейском фольклоре. Мотив не зафиксирован у атапасков Аляски, но вновь появляется на северо-востоке Азии. Обычный североамериканско-дальневосточный вариант — «хождение по гостям» (персонаж ходит в гости к другим людям-животным. Он поражен тем, как другие добывают еду, зовет к себе, повторяет те же действия, терпит фиаско). В Амазонии и Гвиане (а также в Восточной Европе) распространён вариант «тесть подражает зятям» (обычно Опоссум последовательно выдает дочь за разных людей-животных, а каждый зять добывает пищу свойственным ему способом). Тексты мака и тоба в Чако похожи на североамериканские, но их протагонист не просит хозяев нанести ответный визит, а сам, возвратившись домой, пытается повторить то, что видел в гостях.

А. Орочи, удэгейцы, нанайцы, юкагиры, азиатские эскимосы. N. Тлинкиты, хайда, цимшиан, беллакула, квакиутль, нутка, карьер, чилкотин, шусвап, томпсон, лиллуэт, квилеут, квинолт, комокс, Пьюджет-Саунд, верхние и нижние чехалис, коулиц, нижние чинук, клакамас, санпуаль, нэ персэ, кутенаи, виннебаго, меномини, оджибва, сауук, фокс, кикапу, майями, монтанье, наскапи, пенобскот, микмак, кроу, санти, омаха, понка, осэдж, арапахо, пауни, команчи, кайова-апачи, кэддо, ючи, катавба, натчез, хичити, алабама, коасати, винту, чумаш, западные и восточные шошони, юте, хавасупай, явапай, хикарилья, западные апачи, чирикауа, липан, навахо, хопи, тива, керес, мохаве, серрано. М. Науатль Западной Мексики. S. Макуши, вапишана, напо, мауэ, мундуруку, Нижняя Амазонка, тенетехара, каяби, мака, тоба.

3. *Ныряльщик*. Персонажи ныряют на дно, чтобы достать какой-то предмет. Варианты классифицируются по двум линиям: цель ныряния и природа ныряльщиков (определенные птицы или животные). У некоторых групп параллельно существовали альтернативные версии. Например, у делаваров в роли успешных ныряльщиков в разных текстах представлены черепаха, ондатра, гагара. Наличие нескольких ныряльщиков или нескольких попыток достать землю специально не отмечалось, ибо «повторение действия» есть, по-видимому, отдельный мотив, сочетающийся не только с «ныряльщиком», но и со множеством других мотивов и имеющий собственный (и пока не выделенный) ареал распространения.

А. Персонаж приносит частичку твердой субстанции из-под вод потока или со дна первичного океана. Частичка разрастается, образуя сушу.

А. Эвены, эвенки, метисы Русского Устья и Марково, юкагиры, нанайцы, негидальцы. N. Коюкон, верхние кускоквим, кучин, хэа, догриб, слейви, чипевайян, йеллоунайф, верхние танана, тутчоне, тагиш, внутренние тлинкиты, каска, бивер, тлинкиты, хайда, квакиутль, нутка, карьер, Пьюджет-Саунд, верхние чехалис, мола-ла (?), модок, меномини, различные группы кри и оджибва (включая степных), оттава, сауук, фокс, кикапу, монтанье, наскапи, гуроны, сенека, мохавки, онондага, онейда, делавары, сарси, черноногие, гровантр, ассинибойн, санти, шейены, арапахо, кроу, хидатса, мандан, арикара, айова, квопо (?), шони, ючи, чирокки, таскеги, алабама, коасати, читимача, помо, винту, патвин, майду, мивок, салинан, чукчанси йокуц, йокуц, тубатулабаль, кавайису, западные моно, баннук. M. Варихио. S. Сиона, секоя.

В. Персонажи достают со дна не землю, а другие объекты. В регионе Побережья–Плато со дна достают утонувшего человека или часть его тела, у тилламук — солнце, у навахо — мешочек со священной землей, в которую сажают растения.

Н. Шусвап, томпсон, тилламук, катламет, такельма, кликитат, яки-ма, навахо.

С. После ныряния потоп прекращается и земля высыхает, но мотив возникновения новой земли из добытого на дне ила отсутствует.

М. Гуатусо. S. Юпа, вапишана.

Д. Успешный ныряльщик — лягушка (отмечено) или черепаха.

А. Эвенки (лягушка). Н. Тлинкиты (лягушка, кликитат, кикапу, гуроны (женщина плавает на черепахе; жаба ныряет), делавары, чироки, черноногие, гровантр, арапахо, винту, патвин, майду, мивок (лягушка), йокуц.

Е. Успешный ныряльщик — ондатра или бобр. Обычно бобр не доныривает, ондатра приносит землю, но иногда они меняются ролями.

Н. Коюкон, верхние кускоквим, кучин, хэа, догриб, слейви, бивер, карьер, Пьюджет-Саунд, верхние чехалис, катламет, тилламук, меномини, различные группы кри и оджибва (включая степных), оттава, потауатоми, саук, фокс, монтанье, наскапи, сенека, мохавки, онондага, онейда (норка ныряет), делавары, сарси, черноногие, ассинибойн, санти, айова, квопо (?), баннук.

Ф. Успешный ныряльщик — водоплавающая птица.

А. Метисы Русского Устья и Марково, эвенки, эвены, нанайцы, негидальцы. Н. Юкагиры, каска, бивер, догриб, чипевайян, йеллоунайф, беллакула, нутка, квакиутль, шусвап, томпсон, делавары, черноногие, гровантр, шейены, арапахо, кроу, мандан, хидатса, арикара, помо, горные мивок, чукчанси йокуц, салинан, йокуц, западные моно, тубатулабаль, кавайису, навахо. S. Вапишана.

На Юго-Востоке США землю неизменно достает рак, креветка. Другие варианты видовой идентификации ныряльщика (например, громовая птица у атапасков догриб) редки. Отсутствие мотива на обоих берегах Берингова пролива исключает его недавнее проникновение в Америку из Азии, а крайняя редкость южноамериканских версий (как и их географическая приуроченность к районам, относительно близким к Панамскому перешейку) делает маловероятной также и отнесение распространения мотива к первым этапам заселения Нового Света. Если американские и евразийские версии вообще связаны исторически, то истоки мотива надо, безусловно, искать в континентальных районах Евразии, ибо в притихоокеанской полосе «ныряльщика»

нет. О том же говорит и сравнительная редкость мотива к западу от континентального водораздела Северной Америки, где у многих групп индейцев «ныряльщик» либо вовсе отсутствует, либо мотив не имеет космогонического значения. Распространение мотива в юго-центральной Калифорнии (майду, мивок, салинан, йокуц) похоже на результат какой-то миграции с востока — возможно, пенути.

4. *Мнимый покойник*. Персонаж притворяется умирающим с целью быть покинутым на месте погребения и осуществить свое тайное желание.

А. Супруг(а) оставляет персонажа на месте погребения. Мнимый мертвец уходит к любовнику/любовнице (K1539). Этот вариант отсутствует в Сибири, но известен в Западной и Центральной Европе («жена Соломона» [Краппе 1946]).

А. Азиатские эскимосы. N. Алеуты, чугач, кадьякцы, центральные юпик, инупиак, эскимосы устья Маккензи, медные, западная Гренландия, коюкон, ингалик, танайна, талтан, ияк, тлинкиты, хайда, цимшиан, квакиутль, нутка, васко, саук, осэдж, западные апачи, хикарилья, чирикауа, липан. S. Колорадо.

В. Мнимый покойник возвращается под видом незнакомца и берет в супруги своего прямого родственника по нисходящей или восходящей линии (как правило, отец женится на дочери). Этот вариант вне Америки, похоже, не известен.

А. Алеуты, инупиак, беллакула, нутка, чилкотин, халкомелем, клакамас, тилламук, шусвап, кликитат, санпуаль, оканагон, нэ персэ, кус, оджибва, иллиной (?), степные кри, черноногие, ассинибойн, гровантр, сан-ти, кроу, хидатса, осэдж, арапахо, пауни, хупа, майду, моно, кавайису, китанемук, северные пайют (Оуэнс-Вэли), западные и северные шошони, госиют, юте, южные пайют, хавасупай, явапай, западные апачи, хикарилья, мескалеро, чирикауа, липан, навахо, керес, серрано. S. Варрау, колорадо, мехинаку, южные теуэльче, селькнам, яганы.

С. Персонаж имитирует смерть, чтобы жадно есть в одиночестве (K1867). Вариант известен всем народам Западной Сибири, кроме, возможно, селькупов, у которых соответствующий рассказ сохранился отрывочно.

А. Чукчи, различные группы коряков, ительмены, юкагиры, азиатские эскимосы. N. Коюкон, танайна, тлинкиты, цимшиан, квакиутль, комокс.

Хотя, подобно «ныряльщику», «мнимый покойник» типичен для Северной Америки и редок в Южной, на внутрирегиональном

уровне территориальная приуроченность мотива совершенно иная. В Северной Америке основной ареал смещен не к востоку, а к западу от континентального водораздела. В Берингоморье ареалы всех трех описанных вариантов перекрывают друг друга. В Южной Америке мотив отсутствует на севере, но популярен на крайнем юге среди патагонцев и огнеземельцев.

5. *Фигура на лунном диске — антропоморфный персонаж.* Хотя мотив может показаться чересчур общим (для выделения более частных региональных тенденций важна конкретная идентификация персонажа), он выступает хорошим признаком, отделяющим североамериканские и евразийские мифологии от южноамериканских. В последних лунные пятна либо вообще не образуют конкретного образа, либо этот образ — зооморфный.

А. Эвены, эвенки, негидальцы, нанайцы, ульчи, орочи, удэгейцы, нивхи, айну, острова Окинава, чукчи, коряки, метисы Марково, юкагиры, ительмены. N. Центральные юпик, чугач, инупиак, эскимосы устья Маккензи, медные, западная Гренландия, кучин, танайна, верхние танана, южные тутчоне, талтан, хэа, чипевайян, тлинкиты, цимшиан, беллакула, хейлцук, нутка, карьер, квилеут, шусвап, томпсон, лиллуэт, клаллам, санпуаль, флетхед, тилламук, Пьюджет-Саунд, коулиц, пуял-луп, твана, нижние чехалис, нэ персэ, калапуя, кламат, модок, меномини, кри (Лак-Модок и Сэнди-Лейк), оджибва, наскапи, ирокезы (разные группы), микмак, арапахо, кроу, хидатса, мандан, черноногие, тетон, санти, канза, айова, ото, квопо, пауни, кайова-апачи, кэддо, карок, хупа, яна, северные шошони, хоппи, мохаве. М. Чонталь, уаве. S. Чоко (Дабайба), гуахино, пиароа, калинья, ояна, север Перу (долина Ламбайеке), уанка, кечуа района Куско, ашанинка, чороте.

6. *Магическое бегство* (D672, D673). Спасаясь бегством, персонаж бросает позади себя небольшие предметы, превращающиеся в мощные препятствия на пути преследователя. В распространении мотива можно ориентировочно выделить ранний и поздний этапы. Для позднего характерен стандартный набор бросаемых предметов, среди которых фигурируют гребень и оселок. Еще А. Кребер [Kroeber 1923: 198–199] полагал, что подобный набор слишком специфичен и постоянен, чтобы допускать возможность конвергентного возникновения соответствующих образов и эпизодов. Описания «магического бегства» с упоминанием данных предметов распространены по всей Евразии, заходят в Северную Америку, но отсутствуют в Центральной и Южной. Точнее, они есть в Мексике и Перу, но могут там быть результатом испанского влияния после Колумба, так как соответствующие тексты обычно включают и другие мотивы европейского происхождения. Для матако в Чако о европейском заимствовании можно говорить почти с полной уверен-

ностью. В целом же в Южной Америке мотив магического бегства гораздо менее распространен, чем в Северной, причем в большинстве южноамериканских версий нет ни мотивов гребня и оселка, ни других следов европейского влияния. Вполне допустимо, что речь идет о ранней «волне» проникновения мотива в Америку. У перуанских кечуа, в фольклоре которых «магическое бегство» занимает очень важное место, ранний вариант мог быть затем дополнен деталями, заимствованными от испанцев.

А. Один из брошенных предметов — гребень (превращается в чашу).

А. Эвенки, нивхи, орочи, удэгейцы, японцы, юкагиры, ительмены. N. Атна, хайда, цимшиан, беллакула, хейлцук, квакиутль, нутка, квилеут, северные солто, оджибва, черноногие, арикара. M. Науатль Веракруса, сапотеки, чинантеки. S. Кечуа северного, центрального и южного Перу, матако.

В. Один из брошенных предметов — оселок, точило (превращается в гору, скалу).

А. Эвенки, нивхи, ульчи, удэгейцы, азиатские эскимосы. N. Остров Св. Лаврентия, тлинкиты, хайда, беллакула, хейлцук, меномини, кикапу, степные кри, пенобскот, тетон, арикара.

С. Варианты, лишенные этих подробностей.

N. Инупиак, кучин, верхние танана, внутренние тлинкиты, цецот, талтан, чипевайян, цимшиан, карьер, шусвап, квинолт, алсеа, майями, степные оджибва, монтанье, сенека, мохеган, ассинибойн, гровантр, кроу, шейены, пауни, кайова, вачита, коасати, алабама, восточные шошони, зуньи, тива (Таос), пима, липан, западные апачи. S. Гуахиро, варрау, такана, мундуруку, каража, чамакоко, южные теуэльче.

7. *Нога служит мостом.* Персонаж протягивает свою ногу или шею в виде моста через водную преграду. Преследуемые или идущие впереди переходят на другой берег; преследователь или идущий позади обычно падает в воду, так как персонаж убирает свой мост. При популярности в Северной Америке (кроме Арктики) мотив полностью отсутствует в Центральной и Южной Америке. В то же время он известен в Сибири. В сибирских версиях персонаж не обнаруживает зооморфной природы (утратил ее?), а в североамериканских ногу или шею обычно протягивает Журавль или иная живущая у воды птица. Отсутствие мотива у эскимосов, атапасков Аляски и индейцев Северо-Западного побережья свидетельствует

о значительной древности соответствующих сибиро-американских контактов, ориентировочно сопоставимых с древностью проникновения в Новый Свет мотива «нырлящика».

А. Эвенки, юкагиры, кереки, орочи, нивхи. N. Каска, тутчоне, чипевайян, чилкотин, шусвап, томпсон, пуяллуп, снохомиш, скагит, квинолт, нижние чинук, клакамас, катламет, кус, калапуя, такельма, Пьюджет-Саунд, кламат, модок, западные сахаптин, нэ персэ, кликитат, юрок, меномини, степные кри, оджибва, сенека, микмак, пенобскот, пассамакводди, ассинибойн, осэдж, пауни, команчи, тонкава, вичита, крики, майду, ваппо, помо, синкион, юки, моно, винту, северные пайют, госиют, восточные и северные шошони, явапай, западные апачи, липан, тива (Таос). Мотив, по-видимому, отражен в росписи на керамике мимбрес [Cuncle 2002, fig. 380].

8. *Иона: в теле наземного существа.* Герой проникает в тело наземного животного, поражает его изнутри (обычно — отрезав сердце) и невредимым выбирается наружу. Мотив отличается от классического мотива «Ионы» двумя деталями: убитое существо живет не в воде, а на суше, и не имеет гигантских размеров. Североамериканские версии нередко носят анекдотический характер и описывают, как небольшое животное проникает внутрь большого, часто через его зад. Героическая трактовка эпизода также не исключается, и в этих случаях сходство не столько с библейским «Ионой», сколько с «Гераклом в чреве Кетоса» достаточно велико. Несмотря на близость двух мотивов, тенденция более широкого распространения в Сибири и в Северной Америке рассказов о персонаже в чреве наземного животного, а в Южной — рассказов о герое в чреве водного существа не вызывает сомнений. Существенной разницы в распределении вариантов отождествления существа-глотателя с хищником или с травоядным не заметно.

А. Персонаж убивает изнутри медведя, волка, ягуара.

А. Негидальцы, удэгейцы, нивхи, айну, чукчи, коряки, кереки, алеуты, азиатские эскимосы. N. Нетсилик, танайна, коюкон, кучин, талган, чипевайян, тлинкиты, хайда, цимшиан, беллакула, хейлцук, квилеут, коулиц, верхние коулиц, якима, клакамас, модок, верхние ампкава, калапуя, такельма, санпуаль, кутенаи, оджибва, гровантр, санти, шаста, ачомави, майду. M. Лакандоны. S. Яномам, корегуахе, чиригуано, пареси, бороро, чамакоко, тоба.

В. Персонаж убивает изнутри лося, бизона, оленя, гуанако.

А. Юкагиры. N. Томпсон, лиллует, верхние чехалис, коулиц, нижние чинук, клакамас, кламат, модок, меномини, монтанье, наска-

пи, кроу, осэдж, пауни, команчи, кайова-апачи, вичита, кэддо, западные шошони, юте, южные пайют, хавасупай, хикарилья, западные апачи, чирикауа, липан, тева. S. Агуаруна, шипибо, каяби, арауканы.

С. Прочие варианты.

N. Майду, костаньо, кавайису, навахо, хопи, зуны, керес (Акома), пима.

9. *Дичь танцует вокруг охотника*. Персонаж приглашает других (обычно — уток, гусей) собраться вокруг него и сосредоточить внимание на какой-то деятельности (обычно — танцевать, закрыв или опустив глаза). Убивает собравшихся, обычно по одному.

N. Центральные юпик, чугач, бивер, чипевайян, карьер, клакамас, кликитат, санпуаль, виннебаго, меномини, различные группы оджибва и кри (включая степных), кикапу, фокс, потауатоми, алгонкины собственно, наскапи, виандот, микмак, пассамакводди, черноногие, ассинибойн, гровантр, кроу, санти, тетон, омаха, понка, айова, шейены, арапахо, пауни, команчи, тонкава, кайова-апачи, винту, чумаш, кавайису, юте, южные пайют, хикарилья.

Значительное сходство деталей во многих версиях, в которых встречается этот чисто североамериканский мотив, можно было бы считать доводом в пользу его позднего распространения. Обычно персонаж говорит, что несет мешок с песнями, просит уток и гусей танцевать, у открывшей глаза птицы глаза с тех пор красные. Однако наличие территориально оторванных от других аляскинских вариантов, в которых Ворон приглашает собраться не водоплавающих птиц, а тюленей или касаток, существенно удревняет предположительный возраст мотива.

10. *Спор о времени* (A1150, A1172). Первопредки (обычно это люди-животные) спорят о том, сколь долго должны длиться год, зима, ночь или иные периоды времени, должны ли холод и тьма сменяться теплом и светом. Эта общая тема отражена в трех мотивах, которые часто сочетаются, но бывают представлены и отдельно.

A. Спор идет о количестве дискретных единиц времени, которыми определяется продолжительность более крупного периода времени (сколько месяцев в зиме или в году, дней в месяце, часов в темном времени суток; изредка — сколько месяцев должен длиться вегетативный сезон или сколько дней будут месячные у женщин).

N. Внутренние тлинкиты, чипевайян, талтан, тлинкиты, хайда, цимшиан, карьер, шусвап, Пьюджет-Саунд, верхние чехалис, коулиц,

клакамас, кламат, модок, тилламук, нэ персэ, кликитат, меномини, болотные кри, оджибва, фокс, сенека, ассинибойн, кроу, команчи, ацугеви, яна, кавайису, северные пайют, павиоцо, западные и северные шошони, госиют, юте, чемеуэви, кауилья. S. Арауканы, пуэльче, северные и южные теуэльче.

В. Число и/или характер чередования пальцев, ногтей, перьев, шерстинок, полосок на шкуре у участников спора определяют число промежутков времени.

N. Внутренние тлинкиты, талтан, хэа, тлинкиты, цимшиан, карьер, шусвап, меномини, болотные кри, оджибва, фокс, сенека, ассинибойн, команчи, крики, кавайису, павиоцо, западные шошони, госиют, юте. S. Пуэльче, северные и южные теуэльче.

С. Спор идет о том, быть ли тьме или свету, холоду или теплу. В эту категорию не попадает спор о продолжительности месячных, но попадают эскимосские и другие (в Азии — якутские и казахские) тексты, в которых мотивы А и В не представлены.

Эскимосы устья Маккензи (?), медные, карибу, нетсилик, иглулик, кучин, внутренние тлинкиты, чипевайян, талтан, тлинкиты, хайда, цимшиан, карьер, шусвап, томпсон, Пьюджет-Саунд, верхние чехалис, коулиц, клакамас, кламат, модок, тилламук, нэ персэ, кликитат, меномини, болотные кри, оджибва, иллиной, фокс, ирокезы (группа не уточняется), ассинибойн, кроу, команчи, крики, ацугеви, яна, кавайису, северные пайют, павиоцо, западные и северные шошони, госиют, юте, чемеуэви, липан, чирикауа, хикарилья. S. Арауканы, пуэльче, северные и южные теуэльче.

При полном отсутствии других центрально- и южноамериканских текстов на данный сюжет, близкие аналогии североамериканским версиям представлены на крайнем юге Южной Америки. Хотя сам по себе интерес к теме чередования тепла и холода, света и тьмы логично ожидать скорее в высоких, чем в низких широтах обоих полушарий, специфичность развития этой темы в Америке все же слишком велика, чтобы объяснять параллели природными факторами. В американских тропиках тема появления ночи никак не менее популярна, чем в Патагонии, однако реализована там с использованием совершенно иных мотивов. Чтобы дать представление о степени сходства южно- и североамериканских текстов, приведем несколько резюме.

Северные атапаски талтан [Teit 1919–1921, № 35: 226].

Дикобраз хочет зиму длиной пять месяцев, растопыривает свои пять пальцев. Бобр хочет столько зимних месяцев, сколько царапин

и трещин у него на хвосте. В ответ Дикобраз откусывает себе большой палец. «Пусть в зиме лишь четыре месяца!» Бобр пугается, признает поражение. У Дикобраза теперь четыре когтя. Ворон утверждает решение, уточняет, что месяцы не будут вполне одинаковыми.

Береговые сэлиши коулиц [Adamson 1934: 188–190].

Вариант 1. Медведь хочет спать целый год. Муравей: «За это время все твои ягоды съедят!» Медведь: «Пусть и другие спят, пусть ночь целый год!» Муравей, Шершни, Лягушка, Перепелка: «Темно одну ночь!» Медведь ест муравьев и шершней, спит всю зиму.

Вариант 2. Медведь: «Будем спать четыре года или пять лет!» Лягушка: «Одну ночь, одну ночь!» Медведь: «Целый год, целый год!» Все лягушки хором: «Только ты целый год!» Затем соглашаются: «Хорошо, ты целый год (точнее, целую зиму) и мы целый год, но люди — одну ночь!» С тех пор лягушки и медведи всю зиму спят.

Алгонкины меномини [Bloomfield 1928, № 92: 303–323].

Медведь хочет вечную ночь, Бурундук — столько летних и столько же зимних месяцев, сколько полос у него на теле. Бурундук повторяет: «День, день!» Медведь повторяет: «Ночь, ночь!», но случайно говорит: «День». Бурундук выигрывает. Медведь гонится за ним, но не может догнать.

Ирокезы, группа не указана [Smith в Thompson 2000, № 13: 39–40].

Дикобраз назначен вождем животных, спрашивает собравшихся, должны ли быть всегда день или ночь. Вопрос обсуждается бурно. Бурундук желает чередования светлого и темного времени, повторяет: «Пусть будет свет!» Медведь поет: «Лучше ночь, пусть всегда темно!» Медведь видит, что Бурундук побеждает и начинается рассвет. Он гонится за Бурундуком, успевая провести лапой ему по спине. След остается, а день и ночь с тех пор чередуются.

Сенека [Hewitt 1903: 252–253].

Внук приносит бабке с охоты бобра. Она прыскает кровь бобра ему между ног, говорит, что теперь у него менструации. Он в ответ брызгает кровь на ноги бабке, говорит, что менструации будут не у мужчин, а у женщин. Внук: «Пусть месячные продолжают столько дней, сколько пятен на шкуре олененка». Бабка: «Нет, столько, сколько полос на спинке бурундука (четыре)». Внук соглашается.

Западные шошони [Steward 1943: 281–282].

Койот: «В зиме столько месяцев, сколько шерстинок у меня на спине!» Сова: «Сколько у меня перьев!» Козодой: «Четыре месяца!» Койот пытается схватить Козодою, укушен змеей, подыхает.

Пуэльче [Lehmann-Nitsche 1919: 183–184].

Звери и птицы собираются вместе, чтобы решить, сколь долгой должна быть ночь. Куропатка: «Пусть ночь — как оперенные части моего тела, день — как части без перьев!» Солнце: «Так не годится, у куропатки повсюду перья». Заяц: «В каждом времени года будет столько месяцев, сколько когтей у меня на лапках». У зайца три когтя, каждое время года длится теперь три месяца.

Южные теуэльче [Wilbert, Simoneau 1984, № 70: 113–114].

Элаль спрашивает животных, сколько зимних месяцев они хотят. Нанду показывает на пальцы у себя на ногах, другие сомневаются, что зима должна быть столь долгой. Морская Свинка кричит: «Пусть три месяца!» Нанду гонится за Свинкой, наступая на хвост, теперь он короткий.

Хотя евразийские материалы в целом остаются за рамками этой книги, нельзя не отметить аналогии рассматриваемому мотиву у тюрков Южной Сибири — при полном отсутствии сходных текстов где-либо еще в Старом Свете.

Алтайцы [Анохин 1997: 14–15].

Звери собираются, чтобы установить продолжительность года, месяца, дня. Медведь предлагает год длиною сто лет, в году — сто месяцев, в месяце — сто дней. Все замолкают. Ласка прибегает последней, говорит, что ни один зверь не проживет так свой век, в году пусть будет двенадцать месяцев, в месяце тридцать дней. Так и решили.

Хакасы [Трояков 1995: 48–49].

Медведь и Бурундук спорят, сколько дней будет в первом весеннем месяце. Медведь хочет 30, Бурундук 31. Медведь не хочет лишний день лежать в берлоге, царапает Бурундука, на шкуре остались полосы. В месяце Бурундука теперь 31 день.

Хотя конкретное число дней в месяце (30, 31), скорее всего, соответствует особенностям не традиционного, а современного ка-

лендаря, сам спор о числе единиц времени в более крупном его отрезке очень похож на описываемый у индейцев. В Южной Сибири, возможно, еще отыщутся тексты с мотивом «В» (число единиц времени приравнивается к числу пальцев и т. п.), что — учитывая южноамериканские аналогии — имело бы очень важное значение для определения прародины американских индейцев. Однако на развернутые аналогии, по крайней мере с Северной Америкой (особенно с ее восточными областями), указывают и уже имеющиеся данные. Хотя мотив происхождения полосок на шкуре бурундука в результате того, что зверька оцарапали, широко известен как в Сибири, так и в Северной Америке, с темой спора о свете и тьме, холоде и тепле данный мотив связан только у хакасов, а в Америке — у сэлишей (томпсон), ючи, мускогов (криков) и ирокезов (как северных, так и южных — чироки).

АМАЗОНСКИЙ КОМПЛЕКС МОТИВОВ

Обратимся к мотивам, характерным для амазонского комплекса. Вот несколько показательных.

1. *Пятна на лунном диске.* Темные пятна на лунном диске — след крови, краски, удара, ожога на теле или лице персонажа, они не складываются в определенный образ. Как только что было сказано, этот мотив альтернативен популярному в Евразии и в Северной Америке представлению о том, что на луне можно увидеть антропоморфного персонажа. Несколько проблематичны данные по эскимосам. По всей американской Арктике распространен миф об инцесте брата-Месяца и сестры-Солнца, но лишь у восточных групп инуит пятна на лице Месяца ассоциируются со следами сажи, которой сестра-Солнце вымазала ночью любовника, чтобы его опознать. Возможно, однако, что подобное объяснение было знакомо и западным инуит, текстовый материал по которым сравнительно невелик.

А. О-ва Мияко. N. Нетсилик, иглулик, коксоагмиут, Западная Гренландия, ангмассалик, кэддо, чироки, билокси, килива (пятна на солнце). М. Горные тотонаки, куна. S. Эмбера, нонама, коги, ика, тунебо, куива, панаре, ябарана, макиритаре, санема, варрау, карибы Доминики, арекуна, локоно, вайвай, хишкарьяна, трио, ояна, эмерильон, арикена, оямпи, сиона, напо, канело, ваорани, уамбиса, сапаро, шуар, агуаруна, десана, барасана, макуна, летуама, бара, кабияри, татуйо, уфайна, андоке, уитото, окайна, бора, ягуа, тукуна, Риу-Жамунда, суруи, шипая, урубубу, инки, ашанинка, мачигенга, чаяюита, конибо, шипибо, куниба, кашинауа, шаранауа, яминауа, харакмбет, такана, гуараю, паусерна, тупари, чиман, эсеэха, намбиквара, рикбакца, иранше, пареси, каяби, тапирале, рамкокамекра, каяпо, апинайе, кренье, шеренте, кайгуа, апапокува, мбия,

офайе, чамакоко, матако, мокови, пуэльче, северные теуэльче, селькнам, яганы.

2. *Влюбленный Месяц*. В результате любовного приключения или иных интимных контактов Месяц приобретает свой нынешний облик (поднимается с земли на небо и/или его лицо покрывают пятна, ныне видимые на нем). Обычно Месяц тайно ходит ночами к сестре, а сестра или ее родственники мажут любовника краской, чтобы опознать его утром. Мотив влюбленного Месяца, чрезвычайно распространенный в пределах большей части Южной Америки, отсутствует, однако, в районах, где обычно сконцентрированы североамериканские параллели, т. е. в Чако и в Патагонии. Нет его и в Центральных Андах. В Северной Америке он представлен только у эскимосов и на Юго-Востоке США — у чироки и кэддо. В Азии мотив неизвестен, но появляется вновь на Кавказе, в частности у армян и талышей, чьи тексты поразительно близки эскимосским.

Н. Центральные юпик, остров Нунивак, различные группы инуитак, карибу, полярные эскимосы, нетсилик, иглулик, коксоагмиут, ангмассалик, Западная Гренландия, коюкон, ингалик, кэддо, чироки, горные тотонаки. М. Кабекар, куна. S. Чоко (Дабайба), коги, яруро, панаре, ябарана, макиритаре, варрау, карибы Доминики, арекуна, локоно, вайвай, хишкарьяна, трио, ояна, эмерильон, арикена, оямпи, сиона, напо, ваорани, уамбиса, агуаруна, сапаро, десана, барасана, макуна, летуама, бара, кабияри, татуйо, уфайна, андоке, уитото, окайна, бора, ягуа, тукуна, Риу-Жамунда, суруи, шипая, урубубу, чаяуита, ашанинка, мачигенга, конибо, шипибо, куниба, кашинауа, яминауа, шаранауа, харакмбет, такана, гуараю, гуарасу, тупари, намбиквара, рикбакца, иранше, пареси, умутина, тапирапе, гуарани (кайгуа, апапокува, мбия).

3. *Радужный змей*. Радуга есть змея, реже рыба или змееобразный опасный объект (змеиный язык, хвост скорпиона).

А. О-ва Мияко, Япония. Н. Маках, болотные кри, северные солто, чироки, шошони. М. Яки, тотонаки, сьерра пополука, чинантеки, масатеки, трики, сапотечи (?), миштеки, цоциль, чорти, цутухиль, печ, рама, кабекар. S. Паэс, метисы Венесуэлы (Кордильера-де-Мерида, Яракуй), куива, панаре, макиритаре, варрау, акаваи, таулипан, таманак, вайвай, оямпи, колорадо, канело, напо, агуаруна, бора, ягуа, тукуна, кокама, омагуа, Средняя Амазонка, мура, низовья Жапуры (манао?), Рио-Негро (манао?), суруи, северное побережье Перу (материалы иконографии), горы северного, центрального и южного Перу, амуэша, ашанинка, шипибо, ипурина,

такана, харакмбет, чиман, мосетен, бауре, эсеэха, чиригуано, кумана, тупари, пареси, бороро, каража, рамкокамекра, ботокудо, тоба, матако, нивакле, чороте, ленгуа, вилела, кечуа Сантьяго-дель-Эстеро, гуарани (все группы), аче, арауканы.

Представление о радуге как о небесной змее в наибольшей мере характерно для Южной Америки к северу от Амазонки и к западу от Мадейры-Гуапоре, а также для Чако и бассейна Параны (аче и гуарани). В Северной Америке образ радужного змея отмечен лишь в единичных текстах. По другую сторону Тихого океана он встречается на островах Рюкю, а для собственно Японии скорее реконструируется. В Центральной и Западной Азии «радужный змей» практически не известен (одно упоминание у бурят), но он снова появляется в фольклоре разных народов Европы. Этот образ очень распространен также в Африке южнее Сахары, в Австралии и на Новой Гвинее.

4. *Происхождение смерти: смена кож.* Те, кто меняет кожу (змеи, насекомые и т. п.) или кору (деревья), редко — одежду (т. е. европейцы, в данном случае ассоциируемые со змеями), получают бессмертие или омолаживаются.

А. О-ва Мияко, айну. N. Эскимосы Баффиновой Земли, кламат. S. Эмбера, коги, юпа, сикуани, санема, яномами, яномам, варрау, карибы Доминики, таманак, локоно, каринья Гайяны, калинья, апарай, арикена, секоя, майхуна, шуар, карихона, уфайна, летуама, барасана, тукано собственно, тукуна, мауэ, катавиши, Средняя Амазонка, шипая, журуна, тенетехара, кечуа северо-центрального Перу (уанка), ашанинка, мачигенга, амауака, кашинауа, харакмбет, каяби, намбиквара, иранше, трумаи, камаюра, бакайри, каяпо, айорео, матако, нивакле.

Этот типично «амазонский» мотив в Северной Америке зафиксирован только дважды: у восточных инуит (Баффинова Земля) и на юге Плато у кламат. В Азии при движении от Чукотки на юг «смена кож» впервые появляется у айну, а далее мотив повсеместно распространен в притихоокеанских областях, включая Австралию.

5. *Перводерево.* Одно из деревьев есть главное, первоначальное.

А. Эвенки, удэгейцы, нанайцы, нивхи. M. Ацтеки (?), кекчи, мопан, майя Юкатана, куна, метисы восточной Кубы. S. Яруро, куива, гуаяберо, сикуани, пиароа, макиритаре, арекуна, таулипан, акавайо, каринья в Гайане, вапишана, трио, хишкарьяна, сиона, секоя, кубео, уанана, десана, уитото, okayна, тукуна, кечуа южного Перу, шипибо, харакмбет, эсеэха, чакобо, чиригуано, аруа, тупари,

пареси, каяпо (пау-д-арко), крахо, ботокудо, чамакоко, чороте, матако, мбиа.

Как и многие мотивы-образы (в отличие от мотивов-действий), «перводерево» не поддается точному определению и, возможно, будет в конце концов вовсе исключено из корреляционной таблицы. В американских тропиках речь часто идет о происхождении всех культурных растений от одного гигантского дерева, на ветвях которого они первоначально висели [Березкин 1996]. Будучи срублено, дерево иногда превращается в гору. Однако распространены и другие варианты, позволяющие не связывать данный мотив исключительно с земледельческой культурой. Определенное дерево, некогда выросшее после потопа или где-то существующее до сих пор, может считаться праматерью, прародителем, вождем всех других. В периферийных традициях (метисы Кубы, ботокудо, индейцы горного Перу) дерево с культурными растениями на ветвях только упоминается и конкретно о распространении растений в текстах не говорится. Некоторые близкие мотивы распространены в Евразии от Скандинавии до Приморья и до Ирана, но большая часть соответствующих традиций остается сейчас за пределами нашего рассмотрения. В Евразии «перводерево» часто (хотя и не обязательно, ср. прибалтийско-финские материалы) бывает «мировым древом» в точном значении слова, т. е. оно соединяет ярусы мироздания. В той же роли мировой оси «перводерево» выступает и в Мезоамерике. Очень трудно решить, какими в точности общими чертами обладают все подобные образы даже в пределах Нового Света. Главное, что заставило меня все же учитывать мотив перводерева в статистических подсчетах, — это отсутствие любых объектов такого рода в картине мира североамериканских индейцев и эскимосов. На этом фоне мезоамериканские, южноамериканские и даже евразийские материалы образуют некоторое единство.

б. Женщина попадает в дом опасных существ. Отправившись на поиски мужа, жениха, родителей и пр., женщина или девушка попадает к опасным существам, которые ее убивают или насилуют. Данный мотив в Южной Америке, как правило, встроен в рамку мифа о мстителях, уничтожающих демонов или ягуаров, в доме которых погибла их мать [Березкин 1983b]. Крайний северо-западный этнос, которому мотив известен в подобном контексте, — панамские куна. На большей части Северной Америки мотив не встречается. Он есть лишь у сэлишей Плато (шусвап), северных атапасков, эскимосов Аляски и дальше в Сибири у якутов и эвенков.

А. Эвенки. Н. Инупиак, атна, хэа, слейви, шусвап. М. Куна. S. Гуахи-ро, сикуани, варрау, каринья Гайяны, макуши, вапишана, вайвай,

хишкарьяна, локоно, трио, ояна, апараи, оямпи, секоя, кофан, напо, канело, сапаро, шуар, бора, окайна, уитото, кабияри, барасана, татуйо, уфайна, макуна, Вила-Бела, суруи, катавиши (оз. Теффе), тенетехара, урубубу, тупинамба, кечуа департамента Анкаш, амуэша, мачигенга, пиро, харакмбет, эсеэха, чакобо, чиригуано, паусерна, юракаре, пареси, ваура, калапало, кукуру, камаюра, трумаи, бака-ири, бороро, тапирале, кадувео, все группы гуарани.

7. *Жаба и огонь.* Лягушка/жаба владеет первым огнем, похищает его у первоначального владельца, старается погасить или спасти от угасания. Этот чисто индейский мотив встречается в виде небольших вкраплений на западе Северной Америки, но в основном распространен в Южной. Он не зафиксирован в Центральном Андах, но мог быть известен там до Колумба. Доводом в пользу этого служат изображения лягушки в искусстве культуры мочика. На мочикской керамике из тела лягушки выступают культурные растения [Березкин 2001, рис. 114]. Подобный мотив явно перекликается с мифами гвианских карибов и боливийских такана, и в обоих случаях старуха-Лягушка является еще и хозяйкой огня.

N. Санпуаль, юрок, карок, винту, мохаве. M. Яки, гуатусо, бокота. S. Чимила, яруро, ябарана, макиритаре, санема, яномам, яномами, варрау, таулипан, макуши, трио, ояна, апараи, банива, барасана, кабияри, Центральная Амазония, паринтинтин, ашанинка, такана, эсеэха, гуарасу, гуараю, чиригуано, тапете, уари, кукуру, бороро, тапирале, каража, суя, рамкокамекра, матако, все группы гуарани.

8. *Возмездие демонам.* Демоны живут в дупле или в пещере. Они (или один из них) нападают на людей и затем скрываются. Люди уничтожают демонов, разведя огонь вокруг их логова. Как и в предыдущем случае, по преимуществу южноамериканский мотив в Северной Америке встречается лишь вкраплениями на западе континента, а в Сибири отсутствует вовсе.

N. Атна, верхние танана, талтан, беллакула, кус, винту, хикарилья. S. Эмбера, нонама, бари, сикуани, куива, санема, яномам, яномами, варрау, пемон, локоно, каринья Гайяны, калинья, макуши, трио, ояна, оямпи, секоя, корегуахе, кофан, напо, шуар, ачуар, агуаруна, тариана, летуама, уитото, тукуна, шипая, кашибо, пиро, марубо, кашинауа, эсеэха, чакобо, мосетен, намбиквара, иранше, пареси, апинайе, каяпо.

9. *Глубокий сон.* Нарушив какой-то запрет, увидев необычный предмет или странного персонажа, двое или более людей глубоко за-

сыпают. Ночью во время сна они убиты или покалечены. В большинстве случаев (включая атапасков талтан, майя лакандонов и чух) люди просыпаются ослепшими. Ареальное распределение мотива — примерно такое же, что и у двух предыдущих.

N. Иглулик, талтан, шаста, меномини. M. Лакандоны, чух, рама. S. Нонама, сикуани, куива, варрау, локоно, каринья Гайяны, калинья, макуши, вайвай, оямпи, колорадо, корегуахе, сиона, секоя, кофан, шуар, ачуар, карихона, летуама, уфайна, тукано собственно, куна, бара, ягуа, тукуна, тенетехара, шипибо, такана, чиман, каяби, ваура, бороро, нивакле, ангайте.

10. *Потоп: падающие плоды.* Во время потопа в воду падают один за другим плоды или плодовые косточки (редко — камни, щепки и пр.). По мере этого вода начинает спадать. В Новом Свете мотив встречается только в Южной Америке, но известен на Новой Гвинее.

S. Сикуани, макиритаре, акавайо, макуши, вапишана, калинья, ояна, оямпи, напо, канело, шуар, ачуар, мурато, тариана, майпуре, уфайна, андоке, ягуа, тенетехара, урарина, чаяуите, шипибо, сетебо, пиро, ипурина, кулина, харакмбет, такана, гуарасу, рикбактса, бороро, аче, вилела.

11. *Змеиный сын собирает плоды.* Младенец, который временно превращается во взрослого мужчину или выходит из утробы матери, либо змей, живущий в утробе женщины, либо ее змей-любовник (также заползающий ей в утробу) лезет на дерево и помогает ей собирать плоды, кору, древесные грибы и т. п.

M. Кабекар, брибри. S. Сикуани, санема, варрау, карибы Доминики, трио, банива, кубео, собственно тукано, паринтинтин, суруи, мундуруку, манао (?), Средняя Амазонка, мура, шипая, калапало, мехинаку, камаюра, рикбакца, пареси, умутина, бороро, крахо, яганы.

Сходный мотив содержится в текстах маку и бора, в которых отец или муж женщины сбрасывает ей с дерева плоды, и в тот момент, когда плод падает ей на живот, она рождает потомство от своего змея-любовника. Если бы не текст яганов, распространение мотива можно было бы связывать с межплеменными контактами (возможно, достаточно поздними) в пределах американских тропических низменностей. Однако наличие не детальной, но несомненной параллели на Огненной Земле, по-видимому, свидетельствует о более древней эпохе. У яганов младенец — не змей — превращается в мужчину и сбрасывает матери, целясь ей

в вагину, не плоды, а древесные грибы. У тех же яганов зафиксирован и миф о раскраске птиц (см. ниже в разделе «Северо-западный комплекс мотивов»), в остальном также характерный для тропиков.

12. *Амазонки*. Описываются женщины, живущие или жившие отдельно от мужчин в собственном селении. Данный мотив — один из многих, акцентирующих внимание на противостоянии полов на уровне не семьи, а общины, социума. Едва ли не все подобные мотивы эпизодически встречаются в разных районах Евразии и Северной Америки. Однако в Южной Америке (а также в Австралии — Меланезии) частота их встречаемости значительно выше, а связь с ритуалом и с общими представлениями о мире более тесная.

А. Нивхи, айну, юкагиры, ительмены. N. Центральные юпик, алеуты, медные, кучин, тлинкиты, хайда, болотные кри, черноногие, сарси, чумаш, навахо, липан. M. Пополука, таино. S. Коги, яруро, сикуани, санема, варрау, таулипан, локоно, каринья, калинья, макуши, мапидиан, ояна, апараи, трио, колорадо, агуаруна, карихона, юкуна, летуама, катавиши, Центральная Амазония, урубубу, мачигенга, метисы северо-западной Аргентины (Пуна-де-Хухуй), такана, чиман, макурап, тупари, ваура, яулапити, камаюра, умутина, суя, апинайе, рамкокамекра, каяпо, чороте, апапокува, теуэльче.

13. *Конец власти женщин*. Общественное и/или ритуальное положение женщин некогда было выше, чем у мужчин. Степень выраженности этой общей темы колеблется от описаний «матриархата» до представлений о женщинах как существах, сыгравших особую роль в обретении сакрального знания.

А. Мужчины лишают женщин их ведущего положения в обществе или подавляют их попытку его достигнуть. Этот мотив совершенно не известен в Северной Америке и на северо-востоке Азии. При движении от Берингова пролива на запад он впервые снова фиксируется у нганасан, а затем в Европе (в том числе в русском фольклоре) и в Центральной Азии (казахи, каракалпаки).

S. Пуинаве, банива, тариапа, барасана, десана, кубео, макуна, татуйо, тукано собственно, бара, юкуна, летуама, кабияри, ягуа, шипибо, мундуруку, камаюра, мехинаку, пареси, каража, чамакоко, арауканы, алакалуф, селькнам, яганы.

Прочие варианты. В. Женщины первоначально обладали ныне запретными для них сакральными предметами, исполняли нынешние мужские ритуалы или владели оружием. Мотив входит как

составная часть также и в вариант «А», но, взятый отдельно, не предусматривает насильственного свержения власти женщин. С. Женщины посредничают (обычно охотно) в передаче ритуальных знаний мужчинам от сверхъестественных существ. D. Женщины являлись (или могли являться по первоначальному замыслу) господствующей или активной стороной в брачных отношениях. Позже положение изменилось.

А. Древняя Япония. N. Квакиутль, халкомелем, лкунген, гуроны, сенека, черноногие, юрок, карок, кавайису, хопи. М. Чатино. S. Коги, гуахино, пиароа, яномами, локоно, таулипан, макуши, вайвай, ояна, оямпи, агуаруна, мауэ, кечуа севера горного Перу, калапало, шаванте.

Другие мотивы той же группы несколько менее значимы для формирования тенденции, противопоставляющей Амазонию Северной Америке. Все они если и встречаются в Северной Америке, то почти исключительно на западе, а не на востоке континента. У многих южноамериканских групп зафиксировано по несколько подобных мотивов. 14. Мужской персонаж или андрогин единолично владеет всеми женщинами или уводит с собой первых женщин. 15. Мужчины-первопредки убивают всех женщин из-за их антисоциального поведения. 16. Мужчины чувствуют себя обиженными и покидают жен или сестер. 17. Женщины общины первопредков убивают или покидают мужчин (нередко превратившись после этого в амазонок). 18. Многие мужчины (люди-животные) используют для удовлетворения сексуальных потребностей единственную существующую или доступную женщину.

N. Алеуты, коюкон, танайна, кучин, халкомелем, нижние чинук, вишрам, тилламук, фокс, южные пайют, тева (Хано), навахо, хикарилья, мохаве, сери. М. Тотонаки, таино. S. Сикуани, куива, яномами, калинья, арикена, трио, ояна, апараи, оямпи, пуинаве, карихона, татуйо, юкуна, банива, катавиши, Центральная Амазония, урубубу, тенетехара, кулина, такана, тупари, ваура, мексика, камаюра, иранше, рикбакца, каяби, пареси, трумаи, каража, апанайе, каяпо, суя, крахо, шеренте, шаванте, карири, бороро, умутина, чамакоко, нивакле, мака, арауканы, алакалуф, селькнам, яганы.

ВТОРАЯ ГЛАВНАЯ КОМПОНЕНТА

На вторую ГК приходится 4,13 процента общей дисперсии. Для отдельных традиций получены следующие показатели, отражающие степень их сходства/различия (рис. 14 А, Б).

ТАБЛИЦА 3
Вторая главная компонента

6,7914	Береговые сэлиши	1,0091	Орочи
5,7744	Талган	0,9653	Центральная Амазония
4,9587	Тлинкиты	0,9193	Кашибо
4,6087	Квакиутль	0,8982	Оямпи
4,5953	Беллакула	0,8291	Алютик
4,3048	Карьер	0,8117	Медные
4,1609	Хайда	0,8008	Азиатские эскимосы
3,5306	Нутка		
3,3808	Томпсон	0,7677	Шаста, карок
3,3115	Танана	0,7212	Нивакле
3,1921	Инупиак	0,6989	Напо, кофан
2,9085	Чинук	0,6049	Пиароа
2,7490	Цимшиан	0,5987	Шипая
2,6361	Квинолт	0,5217	Внутренние сэлиши
2,6290	Шусвап		
2,5027	Ваупес	0,5111	Юпик
2,3574	Шингуано	0,4824	Суруи
2,3279	Сикуани	0,4647	Макиритаре
2,2478	Пареси	0,4509	Юагиры
2,2185	Кучин	0,4287	Бороро
2,1435	Вайвай	0,3240	Айну
1,8621	Варрау	0,3240	Коряки
1,8301	Калапуя	0,2920	Карихона
1,7463	Тилламук	0,2793	Чиригуано
1,6686	Пемон	0,2627	Матако
1,6441	Чипевайян	0,2457	Алеуты
1,6355	Хиваро	0,2450	Мундуруку
1,5955	Трио	0,2362	Мачигенга
1,5874	Западные туکانо	0,1435	Самуко
1,5554	Каринья	0,1361	Японцы
1,4294	Сахаптин	0,0986	Каяби
1,3452	Тукуна, ягуа	0,0950	Юрок
1,2874	Тенетехара	0,0132	Мака
1,2852	Кашинауа	-0,0040	Чакобо
1,2613	Инуит	-0,0887	Банива
1,0988	Ояна	-0,1074	Кутенаи
1,0898	Чукчи	-0,1339	Чоко
1,0810	Локоно	-0,1410	Рикбакца
1,0410	Уитото	-0,1496	Прочие же
1,0179	Иранше	-0,1576	Каража

См. продолжение табл.

-0,1812	Тоба	-1,3925	Ирокезы
-0,2251	Гуарани	-1,3927	Като
-0,3257	Такана	-1,4206	Черноногие
-0,3473	Эквадор	-1,4232	Йокуц
-0,3685	Оджибва	-1,4574	Степные кри
-0,3728	Гуахиरो	-1,4714	Восточные пуэбло
-0,3797	Винту, помо	-1,4736	Северные пайют
-0,4706	Рондония	-1,5170	Кэддо
-0,6415	КлаMAT	-1,5347	Яруро
-0,6530	Наскапи	-1,5664	Юкатек
-0,7028	Мокови	-1,6148	Луизеньо
-0,7310	Каяпо	-1,6202	Большие Антилы
-0,7385	Нивхи	-1,6336	Коста-Рика
-0,8114	Суя	-1,6595	Делавары
-0,8137	Шошони	-1,6692	Гондурас
-0,8835	Огненная Земля	-1,6844	Веракрус
-0,9185	Мосетен	-1,7198	Айова
-0,9212	Эвены	-1,7208	Центральное Перу
-0,9241	Яноама	-1,7401	Чумаш
-0,9349	Ассинибойн	-1,7404	Инки
-0,9671	Юпа, муиски	-1,7453	Чирики
-0,9784	Эвенки	-1,7859	Мускоги
-1,0037	Ительмены	-1,7988	Арапахо
-1,0102	КогИ	-1,8095	Юма
-1,0202	Микмак	-1,8126	Каинганг
-1,0292	Мивок, майду	-1,8341	Оахака
-1,0300	Куна	-1,8469	Гровантр
-1,0429	Кадувео	-1,8810	Вичита
-1,0497	Чаяуита	-1,8916	Уичоль, яки
-1,0591	Бивер	-1,9154	Дакота
-1,0779	Яна	-1,9189	Фокс
-1,0859	Меномини	-1,9712	Липан
-1,0989	Патагония	-1,9859	Осэдж
-1,1074	Апачи	-2,1011	Северное Перу
-1,2522	Явапай	-2,1134	Кайова
-1,2780	Кавайису	-2,1290	Виннебаго
-1,3174	Натчез	-2,1380	Шони
-1,3369	Кри	-2,1615	Цоциль
-1,3435	Юте	-2,2800	Юма
-1,3435	Ипурина	-2,3310	Кроу
-1,3746	Ботокудо	-2,3713	Гватемала
-1,3812	Офайе	-2,4031	Ацтеки
-1,3840	Западные пуэбло	-2,6742	Пауни

Для второй главной компоненты максимальные различия обнаруживаются не между Северной и Южной Америкой (как в случае с первой компонентой), а в пределах самой Северной Америки. Соответствующие комплексы можно назвать Северо-Западным и Мезоамериканско-Канзасским. В немного ослабленной форме аналогичные различия прослеживаются, однако, и в мифологиях Южной Америки, где аналогии «северо-западным» мотивам представлены в Амазонии и Гвиане, а аналогии «мезоамериканско-канзасским» — в Андах и (менее выражено) на юге континента. За редкими исключениями, мотивы Северо-западного комплекса не встречаются в Мексике и Центральной Америке, если не считать панамских куна, обитающих на самой границе с Южной Америкой. Систематические, хорошо заметные как статистически, так и при анализе конкретных своеобразных мотивов параллели между Северо-Западным побережьем Северной Америки и Южной Америкой к востоку от Анд в обход Центральной Америки есть едва ли не наиболее неожиданное обстоятельство, проявившееся в ходе работы. Мотивы, играющие наиболее существенную роль в формировании данных закономерностей, рассматриваются ниже.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КОМПЛЕКС МОТИВОВ

1. *Цепочка из стрел*. Пущенные стрелы (дротики) вонзаются в хвост одна другой. Персонажи поднимаются по цепочке из стрел в верхний мир или (редко) используют ее как мост для преодоления водной преграды. В единичных случаях (калапуя в регионе Плато, чамакоко и нивакле в Чако) цепочка из стрел превращается в шест или багор, которым небо или солнце отодвигают подальше, подтягивают пониже или же пробивают в небе отверстие. У айну, ульчей, коряков, кучин, черноногих, семинолов, карок, хупа, ачوماви есть близкий, но не идентичный мотив: чтобы попасть на небо, персонажи сперва стреляют вверх и поднимаются на небо после того, как стрела достигает небосвода.

А. Орочи, удэгейцы. N. Коюкон, тлинкиты, хайда, цимшиан, беллакула, квакиутль, хейлцук, нутка, маках, карьер, шусвап, томпсон, лиллуэт, комокс, халкомелем, скагит, снохомиш, лумми, клаллам, квинолт, квилеут, Пьюджет-Саунд, санпуаль, васко, клакамас, катламет, тилламук, калапуя, алсеа, кус, кердален, калиспель, оканагон, кликитат, кутенаи. S. Сикуани, макиритаре, вайвай, трио, паликур, оямпи, хишкарьяна, майхуна, корегуахе, напо, шуар, летуама, ягуа (цепочка пальмовых листьев), Риу-Жамунда, тенетехара (мост), урубубу, шипибо, конибо, амауака, чиригуано, гуарасу, кумана, каяби (мост), камаюра, иранше, пареси, ботокудо, чамакоко, чороте, нивакле, матако (лестница в небо; мост), аче, чирипа, мбиа.

Мотив цепочки из стрел имеет резко очерченные ареалы. К востоку от Анд он был известен едва ли не повсеместно, а на северо-западе Северной Америки связан почти исключительно с культурными ареалами Северо-Западного побережья и Плато. «Цепочка из стрел» отсутствует во внутренней Евразии. В притихоокеанской зоне этот мотив фиксируется в Приморье, а далее в Меланезии и Австралии.

2. *Окраска птиц.* Персонаж раскрашивает многих или нескольких разных птиц, те раскрашивают друг друга, мажутся в краске, прикрепляют к телам куски разноцветной кожи, ткани. С тех пор перья, клювы, ноги птиц разного цвета. Изредка (арекуна, мундуруку, ваура) птицы обретают также и свои голоса. Мотив раскраски птиц распространен преимущественно в Гвиане, Амазонии, Монтанье и Чако, но он был известен также яганам на Огненной Земле. Североамериканские параллели представлены на северо-западе континента. В типичных случаях птицы ранят или убивают какое-нибудь существо и мажутся жидкостями, вытекшими из его тела. Версия билокси на Юго-Востоке США географически изолирована и по содержанию несколько маргинальна (двое братьев-птиц пачкаются в крови убитого ими отца; во всех остальных случаях «купанья в крови» речь идет о многих видах пернатых). Раненым или убитым существом, чьей кровью мажутся птицы, бывает кто угодно — девушка, старик, змея, Месяц, черепаха, хищная птица и пр.

А. Птицы случайно раскрашиваются.

Н. Шусвап, квинолт, квилеут, катламет, шаста, билокси. S. Гуахиро, санема, яномам, яномами, варрау, арекуна, акавайо, вайвай, хишкарьяна, калинья, локоно, ояна, трио, оямпи, манао (?), мауэ, паринтинтин, мундуруку, шипая, кашибо, шипибо, амуэша, ашанинка, мачигенга, кашинауа, яминауа, каяби, иранше, рикбакца, пареси, кадувео, нивакле, чороте, мака, матако, тоба, мокови, вилела, яганы.

В. Птицы намеренно раскрашивают друг друга или же их раскрашивает какой-то другой персонаж.

А. Японцы, метисы Русского Устья, юкагиры, коряки, азиатские эскимосы. N. Кадьякцы, чугач, инупиак, устье Маккензи, медные, карибу, нетсилик, иглулик, коксоагмиут, Баффинова Земля, полярные, Западная Гренландия, ангмассалик, кучин, верхние танана, атна, талтан, слейви, чипевайян, ияк, хайда, беллакула, квакиутль, нутка, комокс, коулиц, степные кри, юрок, карок, шаста, хупа. S. Амуэша, чакобо, чамакоко, айорео.

Две североамериканские традиции из этого списка географически отделены от прочих: степные кри и липан. В первом случае

речь может идти об одном из мотивов, которые предки алгонкинов, видимо, принесли с запада [Berezkin 2003] и который по какой-то причине в виде обрывка (встроенного в мотив «дичь танцует вокруг охотника») сохранился именно у западной группы кри. Во втором случае (липан) птицы после победы над противниками раскрашиваются белой глиной. Не исключено, что эта версия генетически с другими вообще не связана.

С вариантом В часто бывает сцеплен мотив *неудачной раскраски*, когда один из персонажей оказывается недоволен своим новым внешним видом. Обычно две птицы обещают друг друга красиво раскрасить. Одна выполняет свое обещание, другая — нет. Первая часто преследует вторую, бьет и т. п., что соответственно отражается на внешнем виде последней. Типичная пара — Ворон и Гагара. Вместо птиц могут действовать рыбы или животные, что отмечено в нижеследующем перечне.

А. Японцы, нивхи (камбала и тюлень), метисы Русского Устья, юкагиры, коряки, азиатские эскимосы. N. Кадыкцы, инупиак, устье Маккензи, медные, карибу, нетсилик, иглулик, коксоашмиут, Баффинова Земля, полярные, Западная Гренландия, ангмассалик, кучин, верхние танана, атна, талтан, слейви, чипевайян, ияк, хайда, беллакула, квакиутль, нутка, комокс. S. Сикюани (черепахи двух видов), куива (черепахи двух видов), ояна (черепаха и ягуар), амуэша, айорео.

В континентальной Азии мотив неудачной раскраски с участием двух птиц известен якутам, челканцам (Алтай) и язгулямцам (Памир). Первые могли заимствовать его от юкагиров (а те в свою очередь — от коряков). Челканская и памирская версии — единственные, не связанные с циркумтихоокеанским регионом. К югу от Японии мотив зафиксирован на Тайване (Б. Л. Рифтин, личн. сообщ., 2003), в континентальном Китае, Вьетнаме, Камбодже, Ассаме и на Филиппинах.

3. *Тайный любовник*. Некто под покровом ночи приходит к лицу противоположного пола. Брачный партнер намеренно (чтобы определить, кто это) или случайно (тем самым разоблачая проходящего) делает на его/ее теле отметку. С данным мотивом часто (особенно в Южной Америке и у эскимосов) сочетается мотив любовных походов Месяца. Североамериканские версии «тайного любовника» распространены шире, чем в случае с «цепочкой из стрел» и «окраской птиц», захватывая также и регион Великих Равнин. Тем не менее в основном они тоже концентрируются на западе континента, тогда как южноамериканские версии — к востоку от Анд.

А. Японцы, азиатские эскимосы. N. Алеуты, инупиак, нетсилик, иглулик, полярные эскимосы, эскимосы Лабрадора, Западной

Гренландии, ангмассалик, коюкон, ингалик, каска, талтан, тлинкиты, хайда, цимшиан, беллакула, хейлцук, чилкотин, халкомелем (?), томпсон, лиллуэт, квилеут, санпуаль, якима, тилламук, кус, оджибва, черноногие, ассинибойн, мандан, шейены, арапахо, вичита, кэддо, чироки, ацугеви, ачомави. М. Куна. S. Эмбера, сикуани, панаре (?), ябарана, варрау, карибы Доминики, арекуна, локоно, вайвай, хишкарьяна, трио, ояна, арикена (?), оямпи, сиона, напо, канело, агуаруна, сапаро, барасана, бара, макуна, летуама, кабияри, татуйо, уфайна, андоке, уитото, окайна, бора, ягуа, тукуна, Риу-Жамунда, суруи, шипая, тенетехара, урубубу, чаяуита, шипибо, куниба, кашинауа, шаранауа, яминауа, харакмбет, чакобо, гуараю, гуарасу, тупари, намбиквара, рикбакца, иранше, пареси, ваура, камаюра, трумаи, суя, кайгуа, апапокува, мбиа.

4. *Украденная снасть*. Персонаж превращается в объект рыбной ловли или охоты с целью достать орудие ловли/охоты или наживку для лова. Стрелы, дротики, гарпуны застревают в его теле, не причиняя вреда, он их уносит; крючок, на который его ловят, откушен и унесен им. Нередко попытка повторить ту же уловку кончается гибелью похитителя (позже возрождающегося).

А. Коряки. N. Инупиак, танайна, танана, коюкон, кучин, каска, тлинкиты, хайда, беллакула, нутка, чилкотин, шусвап, томпсон, комокс, халкомелем, самиш, кус, калапуя, кликитат, карок, оджибва. S. Ябарана, макиритаре, арекуна, вапишана, макуши, тукуна, уфайна, паринтинтин, мундуруку, шипая, журуна, тенетехара, урубубу, тупинамба, каяби, пареси, умутина, каража, крахо, камакан, матако, офайе, кайгуа, чирипа, мбиа.

В Северной Америке территориально отдаленный от остальных вариант оджибва относится к группе мотивов, видимо, принесенных алгонкинами с запада.

5. *Людоед приносит героя в свой дом*. Поймав человека, людоед(ка) приносит добычу домой. Человек бежит из его/ее дома. Несмотря на незамысловатость фабулы, которая, казалось бы, должна возникать спонтанно, многократно и повсеместно, этносы, знакомые с данным мотивом, концентрируются почти исключительно либо в Южной Америке к востоку от Анд, либо на северо-западе Северной Америки (включая эскимосов инуит). В Евразии истории о людях, благополучно спасшихся из дома людоеда, известны, кажется, повсеместно.

А. Эвены, эвенки, орочи, уильта, юкагиры, чукчи, коряки, азиатские эскимосы. N. Остров Св. Лаврентия, алеуты, инупиак, карибу, нетсилик, эскимосы Баффиновой Земли, коксоагмиут, полярные

эскимосы, ангмассалик, танана, верхние танана, кучин, чипевайян, слейви, южные тутчоне, тагиш, каска, цецот, тлинкиты, хайда, беллакула, квакиутль, карьер, чилкотин, Пьюджет-Саунд, снохомиш, скокомиш, квилеут, клаллам, кутенаи, якима, юрок, туника, керес (Акома, Сиа), тива. S. Эмбера, санема, макиритаре, варрау, каринья, калинья, локоно, каньяри, юкуна, летуама, анамбэ, пареси, иранше, ленгуа, мокови.

Тексты, в которых пойманный человек убегает от людоеда, пока тот несет свою добычу домой, рассредоточены равномернее, но также имеют тенденцию к локализации в Гвиане — Бразилии и на северо-западе Северной Америки, отсутствуя в Мезоамерике.

6. *Костер в чреве чудовища*. Водное чудовище гибнет от огня, разгоревшегося в его чреве. Обычно проглоченный герой разводит костер у него в животе. Иногда люди спускают по реке в пасть монстра горящий плот.

А. Эвены, удэгейцы. S. Танайна, танана, коюкон, атна, верхние танана, ияк, тлинкиты, хайда, цимшиан, беллакула, хейлцук, шусвап, лиллуэт, кликитат, тенино, якима, нэ персэ, комокс, Пьюджет-Саунд, клакамас, тилламук, кутенаи, юрок. S. Эмбера, нонама, коги, чимила, варрау, пемон, акавайо, каяпа, колорадо.

Южноамериканский ареал этого мотива необычен, ибо охватывает только те территории (от Гвианы до Эквадора), которые примыкают к морским побережьям.

7. *Творение из непрочных материалов*. Люди или лодки сделаны из неподходящих для этого материалов и распадаются, гибнут. Мотив обнаруживает очевидную приуроченность к северо-западу Северной Америки (включая все эскимосские группы) и к востоку Южной Америки. Единственное исключение — «человек из экскрементов» у алгонкинов (меномини, оджибва, кри, наскапи, черноногие).

А. Первые люди вообще, первая женщина или первый мужчина сделаны из непрочных материалов (глина, воск, огонь, мед и пр.) и нежизнеспособны.

N. Шусвап, томпсон, лиллуэт, клаллам. M. Цоциль, киче. S. Гуаяберо, сикуани, макиритаре, таулипан, макуши, ояна, апараи, каяби.

В. Некий персонаж (обычно это брачный партнер) сделан из непрочного материала (снега, экскрементов, смолы, воска, песка и пр.) и распадается.

А. Айну, японцы, ительмены, чукчи, коряки, кереки, азиатские эскимосы. N. Инупиак, иглулик, полярные эскимосы, кучин, талтан,

зайда, цимшиан, беллакула, хейлцук, нутка, комокс, клаллам, верхние чехалис, коулиц, санпуаль, меномини, оджибва, болотные кри, наскапи, черноногие, ассинибойн. S. Колорадо, майхуна, сиона, кофан, напо, шуар, агуаруна, шипибо, кашинауа, чиригуано.

C. Первые лодки сделаны из непригодных материалов (смолы, глины, воска, кости, непригодной для изготовления лодки коры). Затем герой учится делать настоящие лодки.

N. Кучин, нутка. S. Варрау, калапало, кукуру.

8. *Исцеленный калека*. Жена, невеста или мать больного или покалеченного человека не заботится о нем. Он чудом выздоравливает и наказывает ее.

A. Тексты включают дополнительную подробность: гагара (у ассинибойн — чайка, у сэлишей Пьюджет-Саунд — водный дух) возвращает человеку зрение, ныряя с ним в воду.

N. Все эскимосы инупиак и инуит, чугач, кучин, танайна, танана, верхние танана, атна, талтан, южные тутчоне, хэа, ияк, тлинкиты, хайда, цимшиан, квакиутль, чилкотин, карьер, Пьюджет-Саунд, ассинибойн.

B. Варианты без этой подробности.

N. Скагит, черноногие. S. Эмбера, ояна, уитото, шипая, крахо, рамкокамекра, апинайе, чороте, матако.

Многие американские и некоторые сибирские тексты включают мотив «слепого охотника»: жена, мать или бабка направляет стрелу слепого мужчины в дичь, лжет, будто он промахнулся, ест мясо сама.

A. Эвены, юкагиры; также ханты. N. Все инупиак и инуит, кучин, танайна, танана, верхние танана, атна, талтан, хэа, ияк, тлинкиты, хайда, цимшиан, квакиутль, чилкотин, карьер, арапахо, айова, осэдж, юте. S. Пареси.

У большинства эскимосов и индейцев северо-запада Северной Америки этот мотив сцеплен с вариантом A мотива «исцеленный калека», но в более южных традициях (Пьюджет-Саунд, ассинибойн, арапахо, айова, осэдж, юте), а также в Южной Америке (пареси) и в Сибири эти мотивы существуют самостоятельно.

9. *Стервятники и огонь*. Стервятник (ворон, гриф, урубубу) является первоначальным владельцем либо похитителем огня, солнца или дневного света. Айнские и ороцкие тексты связаны дополни-

тельными подробностями с палеоазиатскими, а те, в свою очередь, — с большинством североамериканских. Ареально и по содержанию из общего ряда выпадает текст катамба (восток США). Южноамериканские варианты связаны с североамериканским лишь основным мотивом.

А. Орочи, айну, чукчи, коряки. N. Кадьякцы, чугач, центральные юпик, инупиак, устье Маккензи, коюкон, ингалик, кучин, танайна, танана, верхние танана, атна, тагиш, внутренние тлинкиты, талтан, чипевайян, ияк, тлинкиты, хайда, цимшиан, беллакула, хейлцук, квакиутль, нутка, чилкотин, катамба. S. Акурийо, оямпи, паринтинтин, шипая (вероятно), журуна, тенетехара, урубубу, кашинауа, пиро, гуараю, гуарасу, чиригуано, тапъете, трумаи, камабра, кукуру, калапало, бакаири, каяби, тапирепе, каража, ботокудо, матако, чороте, мокови, мбайя, апапокува, чирипа.

Если мотив зафиксирован у сравнительно небольшого числа этнических групп, его влияние на формирование общей тенденции, отраженной в результатах факторного анализа, может быть относительно невелико. Тем не менее некоторые из подобных мотивов крайне специфичны, а их ареальное распределение показательно для соответствующей тенденции. Вот несколько примеров.

10. *Утки и лодки*. Первые люди учатся изготовлению лодок и гребле от водоплавающих птиц; водоплавающая птица или часть ее тела служит моделью для изготовления первой лодки. Дополнительная деталь связывает мифы араваков Гвианы (вапишана) и атапасков Аляски, ибо в обоих случаях первая лодка делается из птичьей челюсти или грудины.

N. Коюкон, кучин, танана. S. Сикуани, куива, варрау, локоно, вапишана, трио, баре, шипибо, калапало, кукуру, каража.

11. *Весла ребром*. Гребя в лодке, персонаж сперва пытается отталкиваться не плоскостью, а ребром весла. В Южной Америке этот мотив часто сочетается с предыдущим.

N. Нутка, твана, верхние чехалис. S. Варрау, локоно, трио, шипибо, каража.

12. *Камень тонет, полено плавает*. Люди смертны, так как уподоблены тонущему камню. Они упустили возможность походить на плывущее дерево или иной легкий материал. В Северной Америке этот мотив связан главным образом с атапасками. Нет сомнений в том, что на Юго-Запад его недавно принесли с севера предки апачей и навахо. Заимствовали ли его алгонкины Великих Равнин также

от атапасков, или на севере этой области мотив был известен давно, сказать трудно. В любом случае южноамериканские параллели свидетельствуют в пользу того, что мотив попал в Новый Свет очень рано (с оговоркой, что какая-то вероятность независимого появления мотива в Бразилии, равно как и у аборигенов Австралии, естественно, существует). Надо, правда, отметить, что хотя статистически данный мотив больше влияет на формирование тенденции, отраженной в Северо-западном комплексе второй главной компоненты, чем на остальные тенденции, его ареальное распределение отличается от распределения других мотивов данного комплекса (не побережье, а внутренние районы американского северо-запада; не Амазония, а Восточная Бразилия). Соответственно его историческая связь с остальными мотивами остается под вопросом.

Н. Тагиш, внутренние тлинкиты, хэа, догриб, каска, черноногие, гровантр, арапахо, команчи, шейены, навахо, хикарилья, западные апачи, чирикауа, липан. S. Рамкокамекра, ботокудо.

Ряд мотивов Северо-западного комплекса встречается и в областях вдоль западного побережья Тихого океана. В случаях, когда подобных мотивов нет на Аляске и в регионе Плато, их роль в формировании тенденций, отраженных второй главной компонентой, невелика. Один из таких мотивов по причине его исключительной специфичности все же нельзя не упомянуть.

13. *Отдай свою печень!* Преследуемый людоедом герой прячется в убежище. Подошедший людоед требует от него отдать печень, сердце и пр. Вместо них герой передает людоеду части тела убитого животного. Людоед думает, что получил части тела героя. Обычно соглашается на требование героя отдать взамен части своего тела. Герой режет людоеда, тот умирает.

А. Чукчи, азиатские эскимосы. S. Варрау, каринья, калинья, трио, апарай, оямпи, агуаруна, метисы Летиссии, Риу-Бранку, Средняя Амазонка, мундуруку, шипая, тенетехара, урарина.

Эпизод, напоминающий данный мотив, есть также у удэгейцев (герой бросает людоеду заднюю часть лосиной туши, а говорит, что бросил нижнюю половину своего тела; затем бросает часть туши с рогами, вспарывая людоеду живот).

Северо-западный комплекс включает не только мотивы, общие для Северной и Южной Америки. Для соответствующей тенденции существенно также наличие мотивов, специфичных либо только для северо-запада Северной Америки и Берингоморья, либо только для востока Южной Америки. Рассмотрим один из них, попутно затронув тему трикстера в мифологии.

14. *Ворон в роли трикстера*. Характеристика действующих лиц в первобытных мифах создается с использованием двух главных оппозиций: «свой — чужой» и «обладающий — не обладающий способностью добиваться успеха». Простейшая система персонажей представляет собой треугольник, в углах которого находятся *герой* (свой, сильный), *противник* (чужой, сильный) и *неудачник* (свой, слабый); четвертое сочетание (чужой, слабый) не имеет для развития действия большого значения. Впрочем, типы персонажей представляют собой, конечно, не точки, а спектры значений, образующие на схеме замкнутый круг (от «героя» возможен постепенный переход к «хозяину», дальше к «чудовищу», «глупому черту», «неудачнику» и снова к «герою»).

Все действующие лица мифологических повествований, для которых характерно трюкачество, создание комических ситуаций или вовлеченность в них, в литературе нередко именуется *трикстерами*. При ближайшем рассмотрении этот термин относится ко множеству достаточно непохожих персонажей. Я оставляю его не для любого *плута-озорника* [Мелетинский 1982: 26], а для такого персонажа, в чьем образе противоречив набор основных свойств — *свой и чужой, сильный и слабый* [Березкин 2003b]. Трикстер то выигрывает, то проигрывает в результате своих проделок, то совершает подвиги, то творит зло. На схеме такие персонажи занимают места не по периметру кольца, а внутри его. Разумеется, трикстер не бывает без «трюков», но для победы над антагонистами к обману сплошь и рядом прибегают и герои, например Черепаха, побеждающая Ягуара в мифах индейцев Амазонии. Это не превращает амазонскую Черепаху в трикстера в том смысле, какой я вкладываю в данный термин, поскольку она *всегда* добивается успеха и *всегда* «своя» для рассказчика.

Среди более тысячи мотивов, распространение которых прослежено в пределах Америки и Дальнего Востока, есть полсотни трансрегионально известных эпизодов, трикстерский характер которых вытекает как из их содержания, так и, главное, из контекста, в котором они обычно фигурируют. Вот их примерный список. Некоторые уже были упомянуты выше.

- Персонаж приходит к Солнцу, самонадеянно пытается исполнять его роль, терпит фиаско.
- Персонаж превращается в небольшой предмет, от контакта с которым женщина беременеет, или в младенца. Подобранный или рожденный младенец принимает свой истинный облик и похищает ценности.
- Будучи унесен рекой или упав с высоты, персонаж превращается в деревяшку. Какой-нибудь человек приносит ее в дом. В отсутствие хозяев персонаж принимает свой истинный облик.

- Некто раскрашивает птиц или животных или те раскрашивают друг друга. Это происходит не так, как предполагалось. Трикстер есть персонаж, оставшийся недовольным своей раскраской.
- Персонаж должен отдать в жены другому дочь или сестру; не имея таковой или не желая ее отдавать, он либо делает искусственную девушку (из дерева, снега, экскрементов и пр.), либо сам превращается в женщину, либо признается во лжи.
- Мужчина превращается в женщину и выходит замуж.
- Персонаж высовывает из земли свой напоминающий растение пенис, провоцируя женщину сесть на него.
- Персонаж посылает свой пенис через реку в девушку, которая купается у другого берега или спит на другом берегу, либо превращает свой пенис в мост, по которому девушка переходит реку, либо в дамбу, которая перегораживает перед ней реку.
- Персонаж прыскает на женщину или рядом с ней кровь животного или свою собственную; говорит, что теперь у женщины месячные.
- Увидев вагину матери, дочери, невестки, сестры, племянницы или тещи, мужчина или мальчик думает об инцесте или совершает его.
- Персонаж проводит ночь с группой женщин, скрывая свою природу и/или намерения. Затем он либо опознан и наказан, либо ускользает, чтобы продолжить свои проделки.
- Девушка заболела. Персонаж приходит ее лечить. Лечение состоит в том, что он совокупляется с ней либо пытается это сделать.
- Персонаж притворяется доктором и приходит к больному, но не лечит, а съедает его.
- Мужской персонаж притворяется больным или слабым, просит женщину понести его на спине. Когда она соглашается, он пытается совокупиться с ней на ходу.
- Персонаж меняет обличье, чтобы сочетаться с близким родственником по нисходящей (реже восходящей) линии.
- Персонаж имитирует свою смерть, чтобы жадно есть в одиночестве.
- Персонаж не узнает свое отражение в воде, думает, что на него смотрит женщина, хочет на ней жениться.
- Зять прибегает к уловке, чтобы переспать с тещей, либо теща — с зятем. Обычно зять настаивает на том, чтобы теща, а не жена сопровождала его на охоте.
- Персонаж совершает что-то запретное и неприличное в месте, где его никто не может видеть. Вскоре затем спрашивает людей, что нового. Ему отвечают, что новостей нет — разве что имярек (данный персонаж) сделал то-то и то-то.

- Девушка или две сестры странствуют, обычно в поисках подходящего, ушедшего или живущего далеко жениха или мужа; по пути попадают к неприятному претенденту на их руку, который выдает себя за достойного. Трикстер есть этот ложный жених.
- Обманщик принимает обличье героя, чтобы овладеть женщиной.
- Возвращаясь с неба на землю, женщина или две сестры оказываются на дереве. Некоторые животные не могут или не хотят помочь им спуститься на землю. Персонаж (всегда Росомаха) помогает им спуститься, надеясь взять их в жены, они убегают от него.
- Персонаж и валун соглашаются бежать наперегонки вниз по склону. Валун катится все быстрее и давит трикстера.
- Скала преследует или иначе наказывает персонажа, когда тот незаслуженно оскорбляет ее.
- Отверстия в теле персонажа оказываются наглухо залеплены глиной, воском, смолой и т. п. Птицы пробивают эту корку.
- Персонаж снимает с крючков рыбу или наживку, пойман, его клюв или челюсть повреждена.
- Персонаж, не имеющий от природы крыльев или не умеющий летать на дальние расстояния, пытается подняться к небу или лететь далеко, но в результате падает.
- Проглоченные персонажем пища или вода либо его собственные внутренности вытекают, вываливаются из его зада.
- Двое персонажей соревнуются, кто из них всю ночь проведет на холоде и останется жив. К утру один из них (трикстер) погибает.
- Птица стоит на одной ноге, поджав под себя другую. Персонаж решает, что у птицы одна нога, просит и себе отрезать вторую ногу. Остается без ноги.
- По своей глупости, неосторожности или из-за козней соперника персонаж оказывается в дупле дерева или внутри скалы и не может оттуда выбраться; кто-то освобождает его, проделывая снаружи отверстие.
- Персонаж оказывается внутри дерева, камня, глыбы льда и т. п. Он сам или кто-то другой проделывает отверстие, но оно слишком мало. Он разбирает себя на части, проталкивает эти части в отверстие и вновь собирает.
- Персонаж видит, как другие люди-животные действуют (обычно добывают пищу) с помощью магии или приемов, отвечающих их природе. Он (или член его семьи) подражает их действиям, но терпит фиаско.
- Более слабый персонаж приходит к жене более сильного и говорит ей, будто ее муж велел ей удовлетворить его сексуальные или пищевые потребности (отдаться ему, накормить его, выдать за него дочь и т. п.).

- Персонаж бросает свои глаза вверх или вдаль. Сперва они возвращаются в глазницы, затем пропадают. У атапасков Аляски персонаж подбрасывает не глаз, а свой зуб.
- Персонаж вынимает свои глаза и откладывает на время в сторону. Другой их уничтожает или уносит. Потерявший глаза возвращает их или же добывает новые.
- Засыпая, персонаж велит своим глазам, которые вынимает предварительно из глазниц, или своему заду разбудить его в случае опасности. Глаза или зад не подали сигнала или сам персонаж не стал их слушать, в результате несчастье произошло.
- Персонаж (всегда Койот) безуспешно пытается присоединиться к группе персонажей-звезд или пытается догнать персонажей, которые убегают от него и превращаются в звезды. В большинстве случаев мотив сочетается с другими трикстерскими эпизодами.
- Один из двух персонажей достает мясо. Более слабый из двух обманывает другого, пряча в его отсутствие мясо на высоком дереве или на скале (обычно бросает затем сильному что-нибудь несъедобное, тот этим предметом чаще всего бывает убит или ранен).
- Персонаж приглашает других (обычно уток, гусей) собраться вокруг него и сосредоточить внимание на какой-то деятельности (обычно танцевать, закрыв или опустив глаза). Убивает собравшихся по одному.
- Слабый персонаж должен принести крокодила или змею либо зуб крокодила. Хитростью обезвреживает опасного персонажа. В одном варианте он бьет крокодила, но тот невредим. Крокодил говорит, что был бы убит, если б удар попал в определенное место. В следующий раз тот же персонаж бьет по этому месту, убивает крокодила. В другом варианте персонаж говорит змее, что должен ее измерить. Он привязывает ее к палке или в процессе измерения узнает, по какому месту ее надо ударить, чтобы убить.
- Персонаж провоцирует ссору, говоря каждому из своих противников, что один из них якобы оскорблял другого или враждебен ему.
- Оставаясь незамеченным, персонаж направляет гнев или оружие двух других персонажей друг против друга.
- Персонаж печет мясо; оказывается лишенным возможности двигаться, прилипнув к дереву или камню или оказавшись защемленным деревьями; в это время другой персонаж съедает все мясо.
- Съев, вопреки предупреждению, определенное животное или растение или потеряв им свое тело, персонаж страдает от зуда или от неудержимого извержения кишечных газов.

- Двое персонажей сравнивают свои экскременты или рвоту, дабы узнать о диете друг друга. Более слабому удастся подменить выделения.
- Пока персонаж спит, другой пачкает его или ее постель экскрементами и, пользуясь замешательством проснувшегося, достигает своей цели.
- Персонаж оскорбляет птицу типа куропатки, убивает или обижает ее цыплят. Куропатка неожиданно взлетает перед обидчиком, он падает (обычно в озеро или реку).
- Персонаж (всегда Лиса) грозит белке или птице повалить дерево или забраться в гнездо, если та не сбросит ей детеныша или яйцо. Другой персонаж объясняет белке или птице, что Лиса не сможет выполнить угрозу.
- Персонаж приходит в дом, который покинут или кажется покинутым его обитателями. Когда он пытается брать или трогать вещи, невидимые хозяева мешают ему это делать либо сами вещи ранят его.

Сопоставление текстов, в которых встречаются перечисленные эпизоды, показывает, что содержание эпизодов мало зависит от видовой идентификации протагонистов. Одни и те же «трюки» могут совершать Койот, Ворон, Кролик, Сойка, *Сендех* (у кайова), *Ситконски* (у ассинибойн), *Манабозо* (у оджибва), *Таквах* (у матако) и прочие персонажи, как отождествляемые с животными, так и чисто антропоморфные. В то же время в пределах определенных ареалов любые эпизоды циклизируются преимущественно или даже исключительно вокруг персонажа, носящего определенное имя или отождествляемого с определенным видом животных. Можно сделать вывод, что видовая идентификация трикстера представляет собой отдельный мотив, независимый от существа самих эпизодов. При этом речь идет только о протагонистах трикстерских эпизодов, а не вообще о любых упоминаемых в текстах Вороне, Кролике, Росомахе или Койоте. Если зооморфные персонажи с той же самой видовой идентификацией выступают в роли не трикстера, а героя или его противника, то в подобных случаях они оказываются взаимозаменяемы с персонажами совершенно иного рода, чем в трикстерских эпизодах, например с людоедом или с хозяином диких животных.

В отношении как широты распространения среди разноязычных и разнокультурных групп, так и способности становиться центрами циклизации «трюков» Ворон, а также Койот значительно превосходят всех остальных зооморфных трикстеров, характерных для мифологий Нового Света и северо-восточной Сибири. Данные статистики указывают на то, что мотивы «Ворон-трикстер» и «Койот-трикстер» не просто популярны, но играют

важнейшую роль в формировании двух отдельных комплексов мотивов, связанных с разными главными компонентами. Подобная картина свидетельствует, по-видимому, о том, что до проникновения в Новый Свет эти персонажи имели разные евразийские корни. О «Койоте» будет сказано несколько ниже, данные же по «Ворону» привожу сейчас. В скобках отмечено число различных трикстерских эпизодов из соответствующего списка, в которых действует персонаж. Мелкие этнические традиции объединены в те кластеры, которые фигурируют в базе данных для статистической обработки материала. Это позволяет сгладить случайные вариации, вызванные неравномерной изученностью традиций.

А. Японцы (1), айну (1), уильта (1), удэгейцы и орочи (2), юкагиры и метисы Марково (2), чукчи (4), коряки (4), ительмены (2), азиатские эскимосы (2). N. Алеуты (1), кадьякцы и чугач (3), центральные юпик (3), инупиак (4), эскимосы устья Маккензи и медные (1), восточные инуит (2), кучин (4), коюкон, ингалик, танайна, танана и атна (6), верхние танана, талтан, тагиш, внутренние тлинкиты и каска (11), слейви и чипевайян (2), ияк и тлинкиты (9), хайда (9), цимшиан (5), беллакула (6), квакиутль (3), нутка (8), чилкотин (4), береговые сэлиши (2), квилеут (1).

Эти данные не учитывают те трикстерские мотивы, которые распространены не трансрегионально, а узко ареально. С включением последних общее количество связанных с Вороном трикстерских эпизодов увеличится, а относительная частотность немного изменится, однако общая тенденция распределения останется прежней. Ворон-трикстер играет важнейшую роль в фольклоре индейцев Северо-Западного побережья и ближайших к ним атапасков (особенно талтан), в то время как традиции инуит, юкагиров, сэлишей и восточных групп атапасков в данном отношении периферийны. Заметен также «южный след» трикстера-Ворона, тянущийся в Приморье (а в конечном счете — в Австралию). Неожиданным может показаться умеренное количество связанных с Вороном трикстерских эпизодов у палеоазиатов, считающихся — наряду с тлинкитами и хайда — основными носителями «вороньего эпоса» [Мелетинский 1979: 192–194]. Причина, видимо, в том, что у чукчей, коряков, ительменов, азиатских эскимосов и отчасти у эскимосов и атапасков Аляски действуют и другие трикстеры, прежде всего Лиса, в то время как на севере Северо-Западного побережья положение Ворона уникально. Кроме того, данные по ительменам, как и по алеутам, явно неполны.

МЕЗОАМЕРИКАНСКО-КАНЗАССКИЙ КОМПЛЕКС МОТИВОВ

Данный комплекс представлен традициями, характерными для территории, протянувшейся от области Великих озер через Великие Равнины и Мезоамерику до Центральных Анд и отчасти северо-западной Амазонии. Большинство формирующих комплекс мотивов элементарны и эпизодически встречаются также и в других регионах. Хотя для выделения обоих комплексов важно как то, какие мотивы в них есть, так и то, какие отсутствуют, Мезоамериканско-Канзасский комплекс в большей мере, чем Северо-западный, специфичен именно отсутствием некоторых мотивов.

1. *Луна-женщина*. Луна считается персонажем женского пола, а Солнце (за редчайшими исключениями) — мужского. Для северо-запада Северной Америки и востока Южной более типично представление о Солнце и Месеце как мужчинах, хотя оно достаточно распространено и в Мезоамерике.

А. Айну, японцы, коряки, азиатские эскимосы. N. Центральные юпик, иглулик (крайне редко), танана, виннебаго, меномини, болотные кри, оджибва, оттава, саук, кикапу, майями, все ирокезы, микмак, черноногие, кроу, тетон, мандан, осэдж, омаха, понка, арапахо, пауни, вичита, ючи, чоктав, кэддо, юки, помо, навахо, западные апачи, хикарилья, липан, зуны, тива, това, керес (Акома), мохаве, кокопа, пима, сери, кауилья, купеньо, луизеньо. M. Тараумара, майо, яки, уичоль, кора, тараски, отоми, паме, ацтеки и различные группы науа Центральной Мексики и Веракруса, уастеки, тотонаки, текистлатеки, пополока, масатеки, сапотеки, чинантеки, пополука, соке, михе, уаве, чонталь, юкатек, лакандоны, мопан, кекчи, чорти, чоль, цоциль, цельталь, мам, канхобаль, тохолабаль, киче, какчикель, цугухиль, хикаке, кабекар, брибри, гуайми (?), куна, метисы Кубы. S. Эмбера, нонама, коги, ика, мусо, муиски, бари, тунебо, тимотэ, камса, ингано, яруро, гуаяберо, сикуани, куива, панаре, салива, пиароа, варрау, островные карибы, арикена, колорадо, каньяри, кофан, шуар, уамбиса, уитото, бора, тукуна, омагуа, Риу-Жамунда, паринтинтин, мундуруку, тапажо, все центральноандские группы, чаяуита, амуэша, кашибо, конибо, шипибо, такана, чиман, юракаре, мохо, чикито (манаси), чиригуано, намбиквара, тапирепе, камакан, каинганг, чамакоко, мака, вилела, ньяндева, арауканы, теуэльче, алакалуф, селькнам, яганы.

2. *Рогатый змей*. Змее- или рыбообразное чудовище имеет на голове рога.

А. Эвены, эвенки, орочи, нанайцы, удэгейцы, Древняя Япония. N. Квакиутль, Пьюджет-Саунд, западные сахаптин, якима, вишрам, толова, юрок, меномини, различные группы кри и оджибва (включая степных), северные солто, саук, кикапу, наскапи, монта- нье, гуроны, мохавки, сенека, онондага, микмак, сарси, черноно- гие, гровантр, ассинибойн, кроу, тетон, санти, мандан, омаха, понка, айова, шейены, арапахо, кайова-апачи, иконография Мис- сисипской культуры, шони, ючи, кэддо, натчез, чироки, крики, алабама, коасати, като, юки, яна, помо, винту, юте, навахо, запад- ные апачи, липан, хопи, зуньи, Акома керес, тива, наскальные изо- бражения в Нижней Калифорнии. M. Тараумара, яки, майо, тара- ски, горные пополука, науатль Веракруса, сапотечи, михе, соке, кекчи, цоциль, чорти, ленка, хикаке, суму. S. Нонама, гуахино, вар- рау, иконографии культур мочика и уари, кечуа центрального Перу (департамент Уанкавелика), иранше.

3. *Цвета сторон света.* Каждая из четырех сторон света или находящиеся там объекты имеют свой цвет. Наиболее последова- тельно и подробно разноцветный симметричный мир описывается в текстах индейцев Юго-Запада, причем у южных атапасков и пуэб- ло подобные описания более разработаны и встречаются чаще, чем у пима, юма и сери. Традиции канадских оджибва и бразильских ка- маюра, занимающих соответственно крайнее северное и крайнее южное положение в пределах территории, на которой известен мо- тив, периферийны также и по существу. У камаюра мотив встреча- ется лишь в связи с описанием цвета плодов определенного дерева. У оджибва в свой цвет окрашивается каждая из четырех граней од- ного из столбов, устанавливаемых в ходе знахарского ритуала.

N. Виннебаго, оджибва, степные оджибва, тетон, омаха, осэдж, арикара, пауни, арапахо, кайова-апачи, чироки, крики, хичити, чоктав, чикасо, западные апачи, хикарилья, мескалери, липан, чи- рикауа, навахо, хопи, зуньи, керес (Акома), тева, тива, ипаи, юма, кокопа, пайпай, килива, пима, папаго, сери. M. Тепекано и южные тупеуан (возможно), уичоль, тараски, ацтеки, тотонаки, михе, соке, пополука и науа Веракруса, юкатек, цоциль, киче. S. Коги, камаюра.

4. *Домашний и выброшенный.* Один из двоих маленьких маль- чиков (или одна из двух пар младенцев) живет в доме с отцом, ма- терью или воспитателями. Другой был выброшен, вырастает сам, приходит играть с братом. Отец, мать или воспитатель с трудом ло- вит и приручает его. В североамериканских вариантах злой дух приходит к жене охотника в его отсутствие и убивает ее. Азиатские параллели, которые я сейчас не рассматриваю, есть в Западной

Сибири (селькупы и манси) и особенно у байкальских бурят [Березкин 2003с]. В отличие от двух предыдущих, мотив не представлен в Мезоамерике. Единственная, но несомненная параллель в Южной Америке — у западноамазонских ягуа.

Н. Модок, меномини, оджибва, кри, саук, фокс, кикапу, сенека, микмак, сарси, черноногие, гровантр, кроу, хидатса, омаха, понка, айова, арапахо, пауни, кайова-апачи, вичита, кэддо, натчез, крики, семинолы, алабама, коасати, чироки, северные шошони, липан, хикарилья, тива. S. Ягуа.

Мотив «зловещего гостя» без дальнейшего повествования о судьбе сыновей погибшей женщины есть также у кавайису и чемеуэви (юто-ацтеки на границе Калифорнии и Большого Бассейна), а в Южной Америке — у оямпи.

5. *Люди из-под земли.* Первые люди не созданы на земле, а выходят из отверстия в земле или из пещеры. Мотив не известен индейцам Гвианы и северо-запада Северной Америки (хотя он есть у эскимосов). В детально разработанной форме мотив «выход из-под земли» представлен на Юго-Западе как у пуэбло, так и у атапасков. В их мифах рассказывается о последовательном проникновении людей из самого нижнего мира через ряд промежуточных в тот, где живем теперь мы.

Н. Инупиак, нетсилик, иглулик, Западная Гренландия, делавары, мандан, хидатса, тетон, омаха, ото, шейены, аракара, кайова, тонкава, кэддо, туника, авоель, чоктав, алабама, коасати, семинолы, хавасупай, явапай, навахо, хикарилья, западные апачи, липан, хопи, зуньи, керес (Акома), тива, тева. М. Уастеки, ацтеки, миштеки, сапотеки, лакандоны, таино. S. Гуатусо, гуахиро, пихао, яруро, сикуани, куива, ябарана, санема, яномам, яномами, сиона, майхуна, мурато, пуинаве, банива, тукано собственно, пира-тапуя, уитото, мундуруку, шипая, горные районы Центральных Анд (видимо, повсеместно), конибо, сетебо, мачигенга, такана, эсеэха, чакобо, юракаре, мосетен, уари, ажуру, тупари, намбиквара, иранше, пареси, ваура, мехинаку, яулапити, каража, каяпо, шаванте, каинганг, мбая, кадувео, терено, чамакоко, нивакле, ленгуа, санапана, матако, тоба, аче, арауканы.

ТРЕТЬЯ ГЛАВНАЯ КОМПОНЕНТА (ЕВРАЗИЙСКИЙ И АМЕРИНДЕЙСКИЙ КОМПЛЕКСЫ МОТИВОВ)

Третья главная компонента (рис. 15 А, Б) фиксирует отличия евразийских традиций от американских. Информационная ценность ЗГК — 3,9 процента.

ТАБЛИЦА 4
Третья главная компонента

-3,3418	Медные	-1,3842	Бивер
-3,2818	Алютик	-1,3275	Кадувео
-3,2625	Цимшиан	-1,1831	Северное Перу
-3,1926	Юпик	-1,1436	Гондурас
-2,8526	Азиатские эскимосы	-1,1211	Луизеньо
-2,8467	Тлинкиты	-1,0979	Мокови
-2,8434	Инупиак	-1,0671	Мосетен
-2,8184	Эвены	-1,0603	Квинолт
-2,8092	Чукчи	-1,0527	Като
-2,7703	Алеуты	-1,0173	Яна
-2,7030	Коряки	-0,9890	Рондония
-2,6939	Ительмены	-0,9575	Талтан
-2,6765	Хайда	-0,9289	Цоциль
-2,5365	Нутка	-0,9080	Каяби
-2,4992	Нивхи	-0,8924	Патагония
-2,4691	Квакиутль	-0,8741	Гуахино
-2,4515	Инуит	-0,8333	Тилламук
-2,3907	Юагиры	-0,7935	Уичоль, яки
-2,2751	Айну	-0,7233	Пима
-2,2433	Эвенки	-0,6756	Каража
-2,2050	Большие Антилы	-0,6676	Коги
-2,1795	Кучин	-0,5699	Центральное Перу
-1,9436	Танана	-0,5639	Инки
-1,9402	Йокуц	-0,5224	Ацтеки
-1,9247	Беллакула	-0,5124	Локоно
-1,9156	Каинганг	-0,5043	Юма
-1,8888	Японцы	-0,4944	Виннебаго
-1,7695	Офайе	-0,4663	Веракрус
-1,7694	Шони	-0,4319	Куна
-1,7342	Ипурина	-0,3146	Чоко
-1,6697	Чумаш	-0,3142	Юрок
-1,6329	Чипевайян	-0,2854	Северные пайют
-1,6190	Делавары	-0,2658	Макиритаре
-1,6033	Ботокудо	-0,2530	Чироки
-1,5010	Огнеземельцы	-0,2518	Кавайису
-1,4831	Яруро	-0,1927	Рикбакца
-1,4769	Орочи	-0,1567	Коста-Рика
-1,4708	Яноама	-0,1265	Внутренние сэлиши
-1,4706	Суя		
-1,4555	Чаяуита	-0,1145	Чакобо

-0,0231	Карихона	1,1591	Каринья
-0,0111	Натчез	1,1822	Калапуя
-0,0060	Гуарани	1,2096	Тенетехара
-0,0046	Юпа, муиски	1,2337	Восточные пуэбло
0,0272	Кутенаи	1,2706	Вичита
0,0443	Явапай	1,3068	Оямпи
0,0845	Прочие <i>же</i>	1,3292	Кайова
0,1207	Каяпо	1,3863	Фокс
0,1493	Наскапи	1,4239	Западные пуэбло
0,1503	Оахака		
0,1854	Мака	1,4432	Мускоги
0,2166	Кашинауа	1,5855	Шусвап
0,2482	Эквадор	1,6010	Сахаптин
0,2494	Бороро	1,6962	Вайвай
0,3051	Суруи	1,7730	Центральная Амазония
0,3257	Юкатек		
0,3624	Кроу	1,8869	Такана
0,3928	Матако	1,8946	Варрау
0,4520	Липан	1,9070	Винту, помо
0,5016	Кэддо	1,9162	Шошони
0,5092	Пемон	1,9303	Нивакле
0,5399	Чиригуано	2,0526	Ирокезы
0,5554	Осэдж	2,1299	Юте
0,5731	Шаста, карок	2,2092	Черноногие
0,5732	Мундуруку	2,2646	Меномини
0,5908	Микмак	2,3149	Иранше
0,6038	Гватемала	2,3175	Степные кри
0,6039	Мивок, майду	2,3372	Береговые сэлиши
0,8027	Кри		
0,8384	Гровантр	2,4304	Западные тукано
0,8473	Шипая	2,4763	Уитото
0,8479	Пиароа	2,5279	Ассинибойн
0,8648	Самуко	2,7059	Пауни
0,8708	Карьер	2,8009	Тукуна, ягуа
0,8808	Ояна	2,8258	Сикуани
0,8874	КлаMAT	2,9386	Арапахо
0,8877	Банива	3,0264	Пареси
0,9342	Кашибо	3,0534	Дакота
0,9705	Чинук	3,0742	Напо, кофан
0,9850	Тоба	3,2779	Хиваро
0,9925	Мачигенга	3,2895	Шингуано
1,0002	Томпсон	3,5348	Оджибва
1,0640	Трио	4,4831	Апачи
1,0958	Айова	5,6307	Ваупес

Ближе всего к евразийским мифологиям оказываются эскимосы и индейцы Северо-Западного побережья. С удалением от Аляски доля характерных для Евразии мотивов резко сокращается. Можно поэтому полагать, что данный комплекс для Америки относительно поздний. Без привлечения данных по большинству евразийских традиций характеризовать его не имеет смысла, тем более что на континентальные сибирские мотивы, заходящие на Аляску, здесь накладываются северотихоокеанские, в результате чего получается достаточно путаная картина. Обратимся поэтому к америндейским традициям, образующим противоположный полюс.

Америндейский комплекс тем более выражен, чем богаче соответствующие традиции представлены в публикациях. Те мифологии, которые не содержат широко распространенных среди индейцев мотивов, занимают нейтральное положение или даже сдвинуты к евразийскому полюсу. Сдвиг этот вызван главным образом недостатком данных, что хорошо видно на примере Больших Антиль. Включенные в каталог антильские тексты не содержат сколько-либо явных европейских мотивов, но поскольку соответствующих материалов вообще мало, в них отсутствуют и многие мотивы, обычные в Северной и в Южной Америке. Для всех америндейских традиций, демонстрирующих «евразийский» сдвиг, данные по фольклору заведомо неполны. Реальная специфичность наборов мотивов, чем бы она ни была вызвана, в ряде случаев тоже могла сыграть свою роль, но оценить ее очень трудно. Что касается «типично индейских» мифологий, как южно-, так и североамериканских, то все они без исключения превосходно изучены и представлены значительно большим количеством текстов, чем в среднем.

До тех пор пока база данных работы оставалась чисто американской, а традиции Старого Света либо не привлекались вообще, либо для них учитывались лишь мотивы, имеющие параллели в Америке, третья главная компонента практически указывала не на сходство/различие ареальных традиций, а на степень их изученности, отделяя богато представленные от бедных и плохо известных. Именно в этом качестве соответствующие данные учитывались во всех предыдущих публикациях автора (соответствующая компонента была в них не третьей, а второй).

Итак, америндейский комплекс составляют мотивы, которые наиболее представительны для индейцев в целом, поскольку популярны как в Южной, так и в Северной Америке, как к западу от Скалистых гор, так и к востоку от них.

1. *Девушки в поисках жениха*. Девушка или две сестры странствуют, обычно в поисках подходящего, ушедшего или живущего далеко жениха или мужа. По пути попадают к неприятным претендентам на их руку. Мотив известен в Австралии и не известен в континентальной Сибири.

А. Орочи, уильта, айну; азиатские эскимосы (частичная параллель). N. Танайна, чилкотин, шусвап, лиллуэт, томпсон, нэ персэ, кутенаи, Пьюджет-Саунд, верхние чехалис, коулиц, квинолт, катламет, якима, клакамас, тилламук, калапуя, такельма, модок, меномини, миссисага, оджибва, болотные кри, степные кри, потауатоми, гуроны, сенека, онондага, микмак, пассамакводди, гровантр, санти, айова, арапахо, кэддо, крики, алабама, коасати, юрок, карок, вийот, винту, яна, ачوماви, майду, чумаш, кавайису, моно, западные и северные шошони, госиют, юте, южные пайют, чемеуэви, хавасупай, валапай, липан, западные апачи, мохаве, марикопа, ипаи, серрано, папаго. М. Куна. S. Гуаяберо, сикуюни, санема, яномам, яномами, ояна, напо, канело, шуар, агуаруна, ачуар, десана, тукано собственно, барасана, баре, уитото, Центральная Амазония, суруи, шипая, тенетехара, урубубу, тупинамба, ваура, калапало, куикуру, камаюра, трумаи, бакаири, иранше, пареси, бороро, матако, тоба, чороте, нивакле, мака, северные и южные теуэльче.

2. *Катящаяся голова — преследователь*. Голова-чудовище преследует людей или прилипает к чужому телу.

N. Кучин, чипевайян, карьер, шусвап, томпсон, нэ персэ, кликитат, такельма, шаста, модок, виннебаго, меномини, болотные кри, северные солто, оджибва, фокс, степные кри, степные оджибва, сенека, черноногие, ассинибойн, гровантр, тетон, осэдж, омаха, айова, шейены, арапахо, пауни, кайова, команчи, натчез, винту, яна, майду, павиоцо, тива (Таос). М. Цоциль, чоль, пипиль, брибри. S. Паэс, варрау, ояна, апараи, оямпи, колорадо, кофан, напо, тариана, тукано (?), бора, уитото, тукуна, шипая, тенетехара, все Центральные Анды, кашинауа, куниба, шаранауа, яминауа, такана, трумаи, пареси, каяпо, апинайе, апапокува.

Сам по себе мотив живой головы встречается едва ли не по всему миру, но ни в Сибири, ни на Дальнем Востоке нет образа демонической головы-преследователя. В Сибири и у эскимосов (кроме восточных инуит) представлен, например, противоположный по смыслу мотив головы-помощника — мужа женщины, который затем превращается в юношу и спасает людей от голода.

3. *Открытый сосуд*. Сосуд или иное небольшоеместилище с ценностями или с опасными существами открыт (обычно вопреки предупреждению не делать этого вовсе или раньше времени). В результате его содержимое выходит из-под контроля или исчезает. Несмотря на недетализированность, элементарность, этот мотив не распространен повсеместно. Конфигурация его ареала напоминает конфигурацию ареала «разрушенного препятствия»:

мотив отсутствует на крайнем юге Южной Америки и крайнем севере Северной, в Сибири (есть только у ненцев) и на Дальнем Востоке.

А. Сосуд с ценностями (ночь, сон, солнце, женщина, душа умершего, мясо и пр.).

Н. Квакиутль, кликитат, верхние чехалис, коулиц, нижние чинук, якима, калиспель, тенино, клакамас, модок, шаста, оджибва, монтанье, микмак, ючи, чироки, алабама, коасати, шаста, чумаш, кавайису, вашо, павиоцо, госиют, западные шошони, южные пайют, чемеуэви, юте, навахо, чирикауа, хопи, керес (Кочити, Сиа), тева. М. Уичоль, ишилль. S. Сикуани, макиритаре, ябарана, санема, варрау, хишкарьяна, пемон, вайвай, локоно, ояна, колорадо, шуар, агуаруна, десана, летуама, кабияри, बारे, маку, банива, уфайна, татуйо, юкуна, барасана, тукано собственно, андоке, уитото, амазонские тупи, мауэ, суруи, мундуруку, тенетехара, все горные районы Центральных Анд, амауака, кашинауа, харакмбет, намбиквара, каяпо, аче.

В. Сосуд с опасными или неприятными существами. Взятый отдельно, этот вариант частично совпадает с мотивом «Выпущенные комары», который играет существенную роль в формировании Западного комплекса четвертой главной компоненты (см. ниже).

Н. Томпсон, Пьюджет-Саунд, модок, майду. М. Уичоль, науатль Веракруса, михе, горные пополука, соке, цоциль, чоль, кекчи, мопан, суму. S. Когги, яруро, сикуани, гуаяберо, макуши, колорадо, Имбабура, кофан, напо, шуар, тукуна, север и юг Центральных Анд, се-тебо (?), камаюра.

4. *Жонглирование глазами*. Персонаж вынимает свой орган, бросает вверх или вдаль. Сперва брошенное возвращается на место, затем пропадает.

Н. Ингалик, верхние кускоквим, шусвап, снохомиш, коулиц, окангон, кликитат, западные сахаптин, нэ персэ, кламат, кутенаи, кри, степные кри, черноногие, ассинибойн, гровантр, арапахо, шейены, пауни, арикара, осэдж, команчи, кайова, кайова-апачи, кэддо, павиоцо, западные и восточные шошони, госиют, юте, явапай, хикарилья, западные апачи, чирикауа, липан, навахо, зуньи, хопи, керес (Сиа), тива (Таос), пима, сери. S. Таулипан, вапишана, санема, гуарасу, кайгуа (вероятно).

В большинстве случаев персонаж подбрасывает свои глаза и они застревают на дереве. Варианты с бросанием глаз в озеро или в реку преобладают в Южной Америке (таулипан, вапишана, сане-

ма), но по крайней мере одна версия известна и в Северной (кэддо). На Аляске у ингалик и верхних кускоквим Мышь подбрасывает не глаза, а свой зуб, который сперва падает ей назад в рот, а затем теряется. Эти атапаскские версии, географически изолированные от остальных североамериканских, равно как и варианты, рассеянные по южноамериканскому континенту, удревняют возможное время распространения мотива в Новом Свете.

5. *Передвижные глаза: найдены и потеряны.* Персонаж вынимает свои глаза и теряет по неосторожности. Позже возвращает, делает новые из какой-то субстанции или отнимает у другого персонажа. Данный мотив включает в себя предыдущий (кроме аляскинских версий с подбрасыванием зуба), но содержится и в других текстах. В них описывается, как персонаж, вынув свои глаза, либо уничтожает их сам, либо (чаще) откладывает на время в сторону, и они унесены или уничтожены другим персонажем. Потерявший глаза возвращает их или же добывает новые. В совокупности всех вариантов мотив известен следующим группам.

А. Коряки, кереки, ительмены, азиатские эскимосы. N. Остров Св. Лаврентия, центральные юпик, ингалик, верхние танана, чипевайян, карьер, шусвап, снохомиш, скагит, Пьюджет-Саунд, нижние чехалис, коулиц, оканагон, кликитат, западные сахаптин, нэ персэ, кламат, кутенаи, клакамас, тилламук, алсеа, кус, такельма, калапуя, виннебаго, кри, гуроны, сенека, пенобскот, степные кри, черноногие, ассинибойн, гровантр, арапахо, шейены, пауни, арикара, осэдж, айова, команчи, кайова, кайова-апачи, кэддо, павиоцо, западные и восточные шошони, госиют, юте, явапай, хикарилья, западные апачи, чирикауа, липан, навахо, зуньи, хопи, керес (Сиа), тива (Таос), пима, сери. S. Локоно, таулипан, вапишана, санема, канело, шуар, агуаруна, рикбакца, чороте, гуарасу, кайгуа (вероятно).

Как и ряд других мотивов, характерных для Нового Света, мотив «передвижные глаза» отсутствует в Восточной Сибири, но вновь появляется в Западной у хантов, где сочетается с мотивом «слепого охотника».

6. *Самоед.* Персонаж сам поедает себя или разрывает сам себя в клочья. Мотив не известен большинству народов Сибири (кроме коряков), Восточной Европы и Центральной Азии, хотя он есть в греческой мифологии (миф об Эрисихтоне).

А. Коряки. N. Полярные эскимосы, кучин, каска, ияк, коулиц, кутенаи, нэ персэ, оджибва, фокс, монтанье, наскапи, сенека, кроу, арапахо, кайова-апачи, вичита, чироки, вайлаки, винту, номлаки, майду, моно, западные шошони. S. Куива, секоя, шуар, агуаруна, тукуна, тенетехара, шипибо, ашанинка, пиро, шаранауа, такана, чамакоко, чороте, нивакле.

7. *Очарованные звездами.* Глядя на небо, мужчина или женщина изъявляют желание вступить в брак с небесным светилом. Обычно герой или героиня либо просыпается после этого на небе, либо обнаруживает рядом с собой спустившуюся с неба Звезду. Этот мотив характерен для обоих американских континентов, но больше в мире нигде не встречается. Его отсутствие в Мезоамерике, Андах и на крайнем юге Южной Америки подчеркивает специфику данных регионов. Речь в подавляющем большинстве случаев идет о супруге-Звезде. Месяц встречается много реже, Солнце — единственный раз (у хейлцук). Мотив следует отличать от мотива «жены-Звезды» или «мужа-Звезды» без эпизода любования светилом, где Звезда легко замещается другим персонажем, а сам набор эпизодов, типичных для большинства текстов, иной. В рамках мотива «очарованные звездами» муж-Звезда преобладает в Северной Америке, хотя известен и в Южной. Жена-Звезда, о которой мечтает смотрящий на небо мужчина, — чисто южноамериканская версия, характерная для народов Чако, центральной и восточной Бразилии, а также для хиваро в Эквадоре.

А. Женщина желает в мужья Звезду или (отмечено) Месяц.

А. Кадьякцы (Месяц), кучин (две девушки желают иметь звезду в своей сумке, Звезда уносит их на небо), танана, тагиш, тутчоне, каска, талтан, цецот, хейлцук, чилкотин, шусвап, кутенаи, квинолт, квилеут, лкунген, клаллам, твана, снукуалли, пуяллуп, Пьюджет-Саунд, верхние чехалис, коулиц, васко, вишрам, якима, тилламук, кус, виннебаго, оджибва, болотные кри, степные кри, микмак, пассамакводди, черноногие, ассинибойн, гровантр (Звезду, Месяц), санти, тетон, шейены, арапахо (Звезду, Месяц), пауни, ото, вичита, кэддо, коасати, вашо, майду, восточные шошони. S. Умутина, каража, тапирепе, кадувео, матако (Звезду, Месяц).

В. Мужчина желает Звезду в жены.

S. Шуар, агуаруна, уари, намбиквара, иранше, пареси, умутина, каража, каяпо, апинайе, крахо, рамкокамекра, шаванте, шеренте, чамакоко, чороте, нивакле, мака, матако, тоба, мокови.

Во многих североамериканских текстах попавшая на небо женщина находит или проделывает отверстие в небосводе и видит сверху свой дом, после чего пытается вернуться на землю. Этот мотив встречается также у чукчей, алеутов и эскимосов, включая азиатских эскимосов, чугач, кадьякцев (возможно), инупиак и полярных. Структурно соответствующие тексты близки тем, в которых имеется мотив «очарованные звездами». Напротив, южная граница мотива «очарованные звездами» очень резкая: от южной Калифорнии и Юго-Запада до Амазонии ничего похожего нет.

8. *Опознание отца*. Девушка беременеет, как правило, магически или незаметно для себя. Она или ее отец собирает мужчин, чтобы родившийся мальчик смог опознать отца. Этот мотив несколько более характерен для Северной Америки, чем для Южной. Как и «очарованные звездами», мотив отсутствует в Мексике и Центральной Америке, но в отличие от последнего, имеет явные дальневосточные корни. Соответствующий эпизод зафиксирован в текстах береговых коряков, японцев (в Харима-фудоки и в Ямасиро-фудоки), а также на Филиппинах, в Таиланде и у мон-кхмеров восточной Индии (кхаси) и Вьетнама (седанг).

А. Японцы, коряки. N. Бивер, тлинкиты, нутка, карьер (девушка не знает, кто прикасался к ней, сама опознает виновника), шусвап, томпсон, лиллуэт, клаллам, скагит, снохомиш, коулиц, клакамас, тилламук, санпуаль, нэ персэ, кутенаи, оджибва, различные группы кри (включая степных), монтанье, наскапи, ассинибойн, гровантр, санти, пауни, вичита, коасати, липан, хопи, керес (Кочити), тива, тева, пима, папаго, ипаи, серрано. S. Варрау, тупинамба, Уарочири, чипайя, такана, чиригуано, ваура, калапало, бороро, чамакоко, чороте, матако, тоба, мокови.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВНАЯ КОМПОНЕНТА

На четвертую ГК (рис. 16 А, Б) приходится 2,98 процента общей дисперсии. Для отдельных традиций получены следующие показатели.

ТАБЛИЦА 5

Четвертая главная компонента

4,1526	Береговые сэлиши	2,3089	Шусвап
3,7525	Западные пуэбло	2,2725	Явапай
3,2539	Сахаптин	2,2717	Уичоль, яки
2,9287	Чинук	2,2018	Ацтеки
2,8263	Юте	2,1467	Гватемала
2,7683	Калапуя	2,1118	Пима
2,7196	Шошони	2,1003	Внутренние сэлиши
2,6485	Восточные пуэбло	2,0601	Юрок
2,6242	Мивок, майду	2,0460	Юкатек
2,6030	Шаста, карок	1,7712	Кавайису
2,5364	Апачи	1,6342	Инки
2,5064	Томпсон	1,6147	Клапат
2,4832	Веракрус	1,6085	Центральное Перу
2,4664	Оахака	1,5875	Луизеньо
2,4639	Винту, помо	1,5593	Като
2,4148	Северные пайют	1,4492	Цоциль
2,3878	Юма	1,2511	Северное Перу

1,2133	Яна	-0,1366	Яруро
1,1253	Тилламук	-0,1367	Банива
1,0597	Коги	-0,1390	Западные туконо
0,9016	Ваупес	-0,1566	Чоко
0,8946	Чироки	-0,1676	Ботокудо
0,8903	Орочи	-0,1714	Самуко
0,8622	Чумаш	-0,1842	Мака
0,8030	Гондурас	-0,2189	Чакобо
0,7626	Квинолт	-0,2299	Ительмены
0,7245	Эвенки	-0,2307	Тлинкиты
0,6420	Тоба	-0,2352	Каинганг
0,6414	Патагония	-0,2633	Каяби
0,6204	Юакиры	-0,2755	Вичита
0,5915	Гуахино	-0,2873	Рондония
0,5825	Эквадор	-0,3026	Коряки
0,5703	Чукчи	-0,3066	Сикюани
0,5346	Матако	-0,3097	Мосетен
0,4889	Коста-Рика	-0,3372	Беллакула
0,4861	Эвены	-0,3534	Макиритаре
0,4716	Кутенаи	-0,4556	Кашинауа
0,4518	Йокуц	-0,4884	Инупиак
0,4118	Куна	-0,4959	Кашибо
0,4042	Тукуна, ягуа	-0,5109	Кайова
0,3783	Такана	-0,5575	Офайе
0,3591	Шони	-0,5673	Центральная Амазония
0,3562	Липан		
0,3238	Нутка	-0,5900	Большие Антилы
0,3008	Нивакле	-0,6189	Уитото
0,2875	Чиригуано	-0,6221	Пиароа
0,2407	Хиваро	-0,6517	Чаяуита
0,2032	Нивхи	-0,6538	Пемон
0,1980	Юпа, муиски	-0,6762	Алеуты
0,1904	Мокови	-0,7060	Огнеземельцы
0,1585	Напо, кофан	-0,7091	Бороро
0,1564	Квакиутль	-0,7148	Цимшиан
0,0972	Иранше	-0,7278	Натчез
0,0874	Айну	-0,8802	Мундуруку
0,0011	Карьер	-0,8898	Тенетехара
-0,0228	Японцы	-0,8986	Шингуано
-0,0886	Яноама	-0,9075	Пареси
-0,1061	Мачигенга	-0,9096	Шипая
-0,1080	Гуарани	-0,9446	Ипурина
-0,1085	Мусоги	-0,9565	Юпик
-0,1191	Кадувео	-0,9583	Алютик

-0,9722	Суруи	-1,5126	Трио
-0,9772	Карихона	-1,5280	Оямпи
-0,9939	Талтан	-1,6011	Кучин
-1,0129	Делавары	-1,6090	Рикбакца
-1,0339	Танана	-1,6401	Варрау
-1,1025	Каяпо	-1,6986	Осэдж
-1,1193	Кэддо	-1,7152	Айова
-1,1526	Вайвай	-1,7741	Микмак
-1,1759	Медные	-1,8096	Наскапи
-1,1776	Пауни	-1,8670	Дакота
-1,1865	Суя	-1,9145	Каринья
-1,1971	Каража	-2,0194	Чипевайян
-1,2311	Ирокезы	-2,0906	Ояна
-1,2581	Хайда	-2,1007	Меномини
-1,2616	Бивер	-2,4686	Гровантр
-1,2961	Инуит	-2,6213	Кри
-1,3473	Локоно	-2,8729	Арапахо
-1,3887	Азиатские эскимосы	-3,1878	Фокс
-1,3953	Виннебаго	-3,2390	Ассинибойн
-1,4310	Прочие же	-3,4169	Оджибва
-1,4723	Кроу	-3,4456	Черноногие
		-3,4704	Степные кри

Как и вторая ГК, четвертая отражает прежде всего различия между мифологиями в пределах Северной Америки, причем в обоих случаях береговые сэлиши занимают крайнее положение. Четвертая ГК показывает, что области к западу от Скалистых гор, начиная с Плато и дальше на юг, максимально отличаются от областей к востоку от Скалистых гор, особенно от Субарктики, Великих Равнин (кроме юга) и Великих озер. Оба комплекса, Западный и Восточный, прослеживаются также и в Южной Америке. Их специфика во многом проявляется благодаря мотивам, которые представлены либо только на севере, либо только на юге. Однако есть и мотивы, распространенные на всем пространстве, занятом соответствующими комплексами, что служит доводом в пользу исторической обусловленности выявленного распределения.

ЗАПАДНЫЙ КОМПЛЕКС МОТИВОВ

1. *Лис/Койот-трикстер*. В связи с мотивом Ворона-трикстера уже говорилось о том, что другой столь же (точнее, даже более) популярный североамериканский зооморфный персонаж подобного рода — это Койот. В Южной Америке, а именно в Чако, Андах и Патагонии, трикстером чаще всего является Лис. Как биологический вид лиса близка североамериканскому койоту, который в Южной Америке не водится. Когда предки южноамериканских индейцев

пришли туда с севера, единственным животным, которое могло напоминать им знакомого койота, должна была быть лиса. Допустимо поэтому предположить, что в плане реальных исторических связей образы трикстера-Лиса и трикстера-Койота представляют собой один и тот же мотив. В пользу этого свидетельствуют и сами североамериканские тексты. Лис в них занимает скромное место и чаще всего либо взаимозаменяем с Койотом в одних и тех же сюжетах, либо действует в паре с ним. Что касается Койота-трикстера, то он, в свою очередь, может восходить к евразийской Лисе. В Северной Америке в качестве трикстера в единичных случаях действует Волк, которого в данном контексте также можно соотнести с Койотом.

Ориентируясь на список типичных для Америки и Евразии трикстерских эпизодов (см. выше в связи с Вороном), определим для разных традиций частоту встречаемости в них Лиса (включая Песца) / Койота (включая Волка). Как и в случае с трикстером-Вороном, мелкие этнические традиции объединены в те кластеры, которые фигурируют в базе данных для статистической обработки материала.

А. Эвенки (3), эвены (2), орочи и негидальцы (2), айну (1), чукчи (3), коряки и керекы (4), ительмены (1), юкагиры (1), азиатские эскимосы (2). N. Инупиак (1), шусвап (14), томпсон и лиллуэт (14), береговые сэлиши (8), чинук (11), сахаптин (12), южные внутренние сэлиши (12), кутенаи (6), нижние амפקва, джошуа, алсеа, калапуя и такельма (9), кламат и модок (4), меномини (1), фокс и потауатоми (2), ирокезы (2), кроу и хидатся (13), осэдж (2), мандан (1), айова (1), пауни и арикара (11), вичита и тонкава (8), команчи и кайова-апачи (8), кэддо (5), катамба (1), юрок и вийот (6), карок и шаста (7), катон и юки (4), яна и ачомави (3), помо, ваппо и винту (12), майду и нисенан (9), моно, тубатулабаль, кавайису и китанемук (9), чумаш (7), северные пайют и павиоцо (3), шошонни и госиют (15), юте, чемеуэви и южные пайют (12), хавасупай, валапай и явапай (10), западные апачи, мескалеро, чирикауа, хикарилья и навахо (13), липан (8), хопи и зуны (6), керес, тева и тива (7), кокопа, мохаве, сери, пима и папаго (9), луизеньо, кауилья, габриэлино и серрано (6). М. Тараумара, кора и науатль Западной Мексики (2). S. Хиваро (1), мундуруку (1), северное Перу (3), центральное Перу (4), южное Перу — Боливия (4), чиригуано (2), айорео (1), чороте и нивакле (7), ангайте и мака (5), тоба (8), мокови и кечуа Саньяго-дель-Эстеро (3), арауканы и теуэльче (3).

Очевидно, что Койот-трикстер максимально представлен в западных областях США от Калифорнии до юга Великих Равнин и от севера Плато (шусвап) до Юго-Запада. При этом непосред-

ственно на побережье Тихого океана с Койотом конкурируют другие трикстеры (в частности, Сойка), поэтому здесь он встречается реже. Так, Койот не представлен в текстах нижних чинук, но обычен у клакамас, катламет и других групп чинук выше по течению Колумбии. На Востоке и Среднем Западе США мотив крайне редок, причем протагонистом в этих случаях обычно является не Койот, а Лис или Волк. Вторая область концентрации мотива — Чако и, в меньшей мере, Центральные Анды. Подобное распределение выглядит логично, если тот поток ранних переселенцев в Южную Америку, который направлялся вдоль Тихого океана, брал свое начало в ближайших к центральноамериканскому «бутылочному горлу» западных районах Северной Америки. Отсутствие археологических материалов по Чако делает сопоставления с данными археологии особенно ненадежными. Все же следовало бы ожидать, что если связанный с мотивом Лиса/Койота трикстерский комплекс проник на юг Южной Америки еще с палеоиндейцами, то он должен был бы сохраниться прежде всего на Огненной Земле (где он, однако, отсутствует) и в Патагонии (где он выражен слабее, чем в Чако и в Центральных Андах). Более вероятная гипотеза — связь трикстера-Лиса с горизонтом листовидных наконечников.

2. *Койот/Лис — похититель огня*. Похитителем огня (либо солнца, света, тепла) у его первоначальных владельцев является Койот, Лис или (редко) Пес. Добывание огня относится к числу скорее героических деяний, чем трикстерских проделок, но в очень многих традициях протагонистом соответствующих сюжетов является не кто иной, как популярный трикстер. Неудивительно поэтому, что ареальное распределение мотива «Койот/Лис — похититель огня» почти вписывается в ту территорию, в пределах которой Койот/Лис известен в качестве трикстера. В Мезоамерике преимущественным похитителем огня является Опоссум и случаи, когда это Лис или Пес, редки.

N. Карьер, шусвап, томпсон, снукуальми, тутутни, модок, онондага, кайова, кайова-апачи, арикара, тонкава, юрок, карок, шаста, катто, юки, береговые юки, помо, винту, номлаки, чимарико, ачомави, ацугеви, майду, яна, южные и горные мивок, чукчанси йокуц, йокуц, северные пайют, панаминт, западные и северные шошони, гosiют, юте, южные пайют, хикарилья, западные апачи, чирикауа, липан, тева, керес (Сиа). М. Куикатеки, михе, кекчи, мопан. S. Аймара, тоба.

3. *Сброшенный плод*. Персонаж убит или покалечен сброшенным сверху предметом, падения которого он ожидает, но тяжесть недооценивает (плод, кусок коры, черепаха и т. п.). Этот простой мотив относится к числу тех, многократное независимое появление кото-

рых выглядит вероятным и должно было бы привести к ареально беспорядочному распределению. Редкость мотива на востоке Северной Америки и в Азии, его полное отсутствие в Северной Пацифике выглядят поэтому поразительно.

А. Юкагиры, коряки. N. Карьер, чилкотин, шусвап, томпсон, луллуэт, квинолт, катламет, калапуя, нэ персэ, санпуаль, тилламук, кламат, ассинибойн, кроу, кайова-апачи, чироки, катавба, помо, западные шошони, юте, пайют, хавасупай, хикарилья, навахо, зуньи, тева. М. Креолы Пуэблы, Саюла пополука, масатеки, трики, сапотеки, чух, пипиль, суму, куна. S. Пиароа, макиритаре, варрау, вапишана, ояна, кечуа горного Эквадора (Имбабура, Каньяри), напо, карихона, тариана, юкуна, барасана, летуама, десана, ягуа, катавиши, Риу-Негру, низовья Журуа, суруи, мундуруку, шипая, журуна, тенетехара, кечуа центрального Перу и горной Боливии, такана, чакобо, тупари, каяби, рикбакца, пареси, бороро, каинганг, чамакоко, кадувео, нивакле, тоба, пилага.

4. *Олениха и Медведица*. Персонаж с более выраженными повадками хищника (часто Медведица-гризли) коварно убивает другого, с которым он живет в одном доме или по соседству и который ассоциируется с травоядным животным (часто — Оленихой) или более слабым хищником (Черной Медведицей). Дети жертвы мстят, убивая детей убийцы. Мотив очень специфичен, легко опознаваем и имеет параллели в Западной Сибири.

N. Шусвап, томпсон, лиллуэт, комокс, снохомиш, верхние чехалис, коулиц, клакамас, катламет, кус, калапуя, такельма, кламат, шаста, меномини, като, лассик, яна, майду, синкион, помо, винту, горные мивок, моно, северные шошони, госиют, серрано, керес (Лагуна), тива, тева. S. Чамакоко, матако.

Мотив «Олениха и Медведица» на западе США известен практически повсеместно. Его отсутствие у северных пайют явно объясняется недостатком данных, а присутствие у меномини — поздним проникновением (в ходе протоалгонкинской миграции?).

5. *Останки родителей*. Прежде чем герои побеждают антагонистов или убегают от них, они находят или получают останки или имущество жертвы. При широкой известности в Северной Америке к западу от континентального водораздела мотив вовсе отсутствует в пределах Великих Равнин и Юго-Востока, а также редок на Северо-Востоке и в Северной Пацифике. Обычно (в том числе у меномини) он сцеплен с мотивом «Олениха и Медведица», но сочетается также и с другими повествованиями на общую тему «героев-мстителей» [Березкин 1983b].

А. Юкагиры. N. Тлинкиты, шусвап, томпсон, лиллуэт, комокс, скагит, катламет, квинолт, квилеут, нижние чинук, калапуя, такельма, тилламук, кламат, модок, меномини, сенека, като, лассик, ваппо, горные мивок, чемеуэви, юте, хавасупай, западные апачи, зуны, керес, тива, мохаве, юма, ипаи, серрано. М. Кабекар, брибри. S. Макиритаре, колорадо, корегуахе, канело, шуар, агуаруна, шивиар, карихона, барасана, кабияри, уитото, ягуа, тукуна, манао (?), мауэ, кечуа центрального Перу, чаяуита, мачигенга, чиригуано, куикур, намбиквара, иранше, чамакоко, матако, тоба, пилага, чороте, нивакле, мака, мокови.

Примерно то же распределение демонстрирует близкий, но более редкий мотив «оружие отца» (герои получают оружие или другие предметы, принадлежавшие погибшему отцу, которые необходимы для противоборства антагонистам).

N. Инупиак, ваппо, яна, йокуц, северные пайют, папаго, юма. М. Тепеуа, киче. S. Чимила, андоке, уитото, ягуа, летуама, Уамачуко, такана.

6. *Первый восход.* Сперва царят сумерки. После первого восхода солнца первопродки или часть из них гибнут или претерпевают метаморфозу. Мотив часто сцеплен с мотивом «Кто станет солнцем?» и представлен в притихоокеанской полосе Америки. Вне этой зоны — лишь ваура верховьев Шингу.

А. Азиатские эскимосы. N. Тагиш, внутренние тлинкиты, тлинкиты, хайда, цимшиан, хейлцук, южные мивок, кауилья, пима. М. Науатль западной Мексики, уичоль, ацтеки, науат Пуэблы, уастеки, тепеуа, тотонаки, миштеки, чинантеки, масатеки, сапотеки, цоциль, мочо, мам, канхобаль, юкатек, кекчи, пипиль, ленка. S. Ика, инга, все Центральные Анды, ваура.

7. *Кто станет солнцем?* Первопродки сходятся вместе, чтобы выбрать того, кто должен стать солнцем, чтобы поднять солнце к небу или чтобы увидеть, как солнце впервые поднимется к небу.

N. Хейлцук, Пьюджет-Саунд, твана, пуяллуп, верхние и нижние чехалис, коулиц, шусвап, кутенаи, санпуаль, оканагон, кердален, флетхед, калиспель, ючи, алабама, помо, навахо, хопи, луизеньо. М. Тараумара, яки, уичоль, ацтеки, науат Пуэблы, отоми, уастеки, тотонаки, текистлатеки, михе. S. Гуатусо, бари, муиски, сикуани, колорадо, сиона, агуаруна, ягуа, культура мочика (вероятно), амуэша, пуэльче.

8. *Необратимое решение.* Два персонажа обсуждают судьбу людей. Один считает, что люди должны умирать. Его ребенок

(в Южной Америке у кадувео — мать) умирает. Теперь персонаж готов согласиться с тем, что люди должны быть бессмертны, но оппонент отказывается поменять раз принятое решение. Ареал мотива ближе всего (включая частичные западносибирские параллели) совпадает с ареалом «Оленихи и Медведицы».

N. Томпсон, лиллуэт, кутенаи, санпуаль, квинолт, квилеут, алсеа, кус, калапуя, такельма, модок, черноногие, хидатса, кайова, вийот, шаста, винту, патвин, помо, синкион, береговые юки, яна, ачомави, горные мивок, нисенан, майду, тубатулабаль, северные пайют, западные шошони, госиют, юте, явапай, липан. S. Кадувео.

9. *Вытущенные комары*. Прежде чем распространиться по миру, жалящие или кровососущие насекомые (реже — болезни, злые духи) находились в сосуде, мешке или ином небольшом вместилище. Хотя мотив известен на большей части Евразии, он отсутствует в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и в Северной Пацифике.

N. Коюкон, томпсон, Пьюджет-Саунд, коасати, майду, юте, керес. M. Уичоль, михе, пополука, соке, цоциль, чоль, кекчи, мопан, суму. S. Коги, яруро, сикуани, гуаяберо, куива, яномам, макуши, колорадо, Имбабура, кофан, напо, шуар, тукуна, десана, север и юг Центральных Анд, шипибо, ваура, кукуру, терено.

10. *Женщина несет трикстера*. Мужской персонаж притворяется больным или слабым, просит женщину понести его на спине. Она соглашается, он пытается совокупляться с ней на ходу. Это один из мотивов, общих для трикстерских комплексов запада Северной Америки и Чако.

N. Шусвап, снохомиш, скагит, коулиц, клакамас, береговые юки, винту, нисенан, моно, китанемук, западные и северные шошони, явапай, хавасупай, пима, серрано. S. Матако, тоба.

ВОСТОЧНЫЙ КОМПЛЕКС МОТИВОВ

Если для Западного комплекса, связывающего лишь местами разорванную цепочку традиций от юга Северо-Западного побережья до Чако, историческое объяснение напрашивается само собой (миграции вдоль Тихого океана), то для Восточного оно не столь очевидно. Ареал данного комплекса состоит из двух частей — североамериканской (преимущественно к востоку от Скалистых гор) и южноамериканской (Гвиана, Амазония, Бразильское нагорье). Традиции севера Северо-Западного побережья и эскимосов также являются скорее «восточными», чем «западными», причем у эскимосов «восточная» тенденция возрастает по направлению от Аляски

к восточной Канаде и Гренландии. Поскольку некоторые мотивы, значимые для формирования Восточного комплекса, представлены в Новом Свете очень широко (хотя в основном в обход Мезоамерики), они играют также важную роль в формировании Америкиндейского комплекса второй главной компоненты.

Многие мотивы Восточного комплекса концентрируются вокруг двух тем: превращения человека в чудовище и сексуальных контактов с нечеловеческим существом.

1. *Ноги-копья и руки-ножи*. Описывается персонаж с конечностями или придатками, как ножи или копья. Наиболее специфичен и территориально четко ограничен вариант *Острая нога*. Нога персонажа покалечена намеренно или случайно, он использует заостренную кость как колющее орудие (G341.1).

N. Карьер, томпсон, степные кри, стоуни, черноногие, ассинибойн, гровантр, кроу, шейены, арапахо, арикара, кайова-апачи, сенека. S. Варрау, калинья, тукана, ягуа, суруи, мундуруку, шипая, трумаи, кукуру, ваура, рикбакца, пареси, иранше, каяпо, крахо, рамкокамекра, апаниекра, апинайе, чамакоко, чороте, нивакле, тоба.

2. *Двое в ночи*. Ночью, оставшись наедине со своим спутником, человек постепенно превращается в чудовище — одноногое существо, огромную рептилию, рыбу, водного монстра, катящуюся голову, людоеда, объедающего собственную плоть, и т. п.

N. Карьер, Пьюджет-Саунд, кутенаи, степные кри, меномини, саук, сенека, ассинибойн, кроу, хидатса, гровантр, мандан, тетон, сан-ти, арапахо, шейены, арикара, пауни, кайова-апачи, тонкава, кэддо, крики, хичити, навахо, западные апачи. M. Суму. S. Оямпи, на-по, канело, шуар, агуаруна, кофан, шипибо, трумаи, ваура, рикбакца, пареси, иранше, крахо, рамкокамекра, апаниекра, апинайе, чороте, нивакле.

3. *Связь с наземным четвероногим*. Речь идет не о любых эпизодах, предусматривающих сексуальный контакт женщины и животного, а о более специфическом наборе деталей. Женщина (в Южной Америке часто группа женщин) берет в любовники крупное наземное животное. Муж (мужья), братья или (приемные) дети женщины подсматривают за ней, убивают или калечат любовника и иногда саму женщину. В нижеследующем перечислении вид животного указан в скобках.

A. Орочи (медведь), удэгейцы (медведь). N. Лиллуэт (рысь), меномини (медведь), степные кри (медведь), оджибва (медведь), фокс

(медведь), кикапу (медведь), сенека (медведь), малесит (медведь), пенобскот (медведь), черноногие (медведь), ассинибойн (медведь), тетон (медведь), омаха и понка (медведь), айова (медведь), арапахо (жеребец), арикара (медведь), кайова (медведь), липан (пес). М. Масатеки (олень), сапотечи (олень), чатино (олень), миштеки (олень), трики (олень), науат Пуэблы (олень), кекчи и/или мопан (тапир). S. Юпа (муравьед), варрау (тапир), локоно (ленивец), акавайо (тапир), калинья (тапир), галиби (тапир), апарай (тапир), оямпи (тапир), корегуахе (ягуар), карихона (ягуар), тариана (олень), тукано (олень), юкуна (ягуар), уитото (тапир-ягуар, ягуар), мауэ (тапир), мундуруку (тапир), паринтинтин (тапир), тенетехара (тапир), такана (тапир; олень), тупари (тапир), ваура (тапир), калапало (тапир), рикбакца (тапир), иранше (броненосец), пареси (тапир), суя (тапир), каяпо (тапир), крахо (тапир), чамакоко (жеребец), нивакле (жеребец), тоба (тапир; муравьед), мака (жеребец; осел), офайе (тапир).

Единственный текст на соответствующий сюжет, записанный среди североамериканских этносов притихоокеанского пояса, а именно миф сэлишей лиллуэт, аномален, ибо любовником в нем является рысь, а в центре повествования — не связь женщины с животным, а жестокость ее мужа и месть братьев. Почти во всех остальных североамериканских мифах любовник женщины — медведь. Исключение составляют арапахо (конь — образ явно нетрадиционный) и липан (пес).

Медведь является одновременно объектом охоты и хищником, который сам способен нападать на охотника. Если мотив связи женщины с наземным животным был известен на раннем этапе проникновения людей в Новый Свет, то при движении на юг, где медведь совсем или почти не встречается, он должен был быть замечен какими-то представителями местной фауны. Кажется логичным, что выбор мог пасть как на крупного травоядного (тапир, олень), так и на ягуара. При преобладании первого варианта на большей части Центральной и Южной Америки, у корегуахе, карихона, юкуна и уитото на северо-западе Амазонии встречается также второй вариант, причем в одном из мифов уитото представлен парадоксальный образ — тапир-ягуар.

Ни Бизон, ни Карибу в североамериканских мифах никогда не выступают в роли любовника. Подобно Грому или чудовищному Орлу, Бизон бывает похитителем жены героя, но семантической аналогии с южноамериканским Тапиром в этом образе не прослеживается. Очевидно, что антагонистами в подобных мифах могут быть лишь нестадные животные. Параллели в Приморье при отсутствии таковых в континентальной Сибири указывают на вероятные западнотихоокеанские корни мотива.

Мезоамериканские версии отличаются от преобладающих северо- и южноамериканских больше, чем те друг от друга, поскольку речь в них идет об убийстве двумя юношами оленя или реже тапира — любовника их приемной матери или бабки, а не жены или сестры. Подобные версии рассеяны также по Северной и Южной Америке, но они не могут рассматриваться как связующее звено между теми северо- и южноамериканскими вариантами, в которых конфликт разворачивается между персонажами одного поколения.

4. *Связь с водным существом.* Женщина или группа женщин берет в любовники крупное водное животное или водного монстра. В основных деталях мотив аналогичен предыдущему, хотя границы области его распространения менее четкие — возможно, потому, что в категорию водных существ попадают разные животные и чудовища (краб, кит, выдра, анаконда, морской лев и др.), чья семантическая близость не очевидна. В большинстве традиций, однако, речь идет об огромном водном змее или каймане.

А. Аину (краб), коряки (тюлень, кит), азиатские эскимосы (кит). N. Иглулик (пенис духа озера), полярные эскимосы (пенис духа озера), талтан (выдра; некое водное существо), хайда (кит-касатка), карьер (выдра), шусвап (дух озера — полузмей или полулягушка), томпсон (дух озера), лиллуэт (гагара), Пьюджет-Саунд (кит), кутенаи (водный монстр), пассамакводди (водный змей), кроу (выдра; «длинная выдра», «рогатый крокодил»), шейены (водный змей), арапахо («крокодил»), кэддо (черепаша), навахо (дух озера), хикарилья (выдра). S. Яруро (водный змей; водный дух), куива (кайман), сикуани (кайман; анаконда), трио (анаконда), корегуахе (рыба; анаконда), сиона (анаконда), карихона (анаконда), банива (анаконда), кубео (анаконда; кайман), барасана (анаконда), кабияри (рыба), татуйо (анаконда), андоке (анаконда), уитото (водный дух), катавиши (анаконда), мундуруку (анаконда), тенетехара (водный монстр), кулина (выдры), шипибо (дельфин; анаконда), такана (анаконда), ваура (водный монстр), камаюра (кайман), калапало (кайман), мехинаку (кайман), боро-ро (выдры), каража (кайман), апинайе (кайман), селькнам (морской лев), яганы (морской лев).

5. *Смерть змея или червя.* Девушка или женщина берет змея, ящерицу или червя в любовники либо (у эскимосов) вскармливает его, как ребенка. Люди убивают или калечат его, ее и/или потомство.

А. Нивхи, японцы, азиатские эскимосы. N. Инупиак, медные, карибу, иглулик, коксоагмиут, Баффинова Земля, полярные, чипевайян, хайда, нэ персэ, оджибва, болотные кри, степные кри, саук, монтанье, наскапи, гуроны, сенека, пассамакводди, черноногие,

ассинибойн, мандан, арапахо, пауни, кайова, кайова-апачи, кэддо, чироки, крики, хичити, като, северные пайют, южные пайют. М. Отоми, рама, борука, кабекар, брибри. S. Эмбера, нонама, коги, юпа, паэс, гуамбия, санема, яномам, карибы Доминики, калинья, оямпи, колорадо, кечуа горного Эквадора (Имбабура), шуар, агуаруна, сиона, майхуна, уитото, окайна, бора, андоке, кубео, тукано собственно, барасана, татуйо, карихона, мундуруку, кечуа центрального Перу, аймара, шипибо, марубо, кашинауа, капанауа, яминауа, чакобо, ашанинка, пиро, такана, калапало, мехинаку, бороро, иранше, каяпо, крахо, тшукаррамаэ, чамакоко, мака, тоба.

6. *Условный сигнал*. Персонаж вызывает условным сигналом брачного партнера или воспитанника, имеющего нечеловеческую природу. Другой видит это, производит тот же сигнал или произносит те же слова, убивает выходящих к нему или сам пользуется их сексуальными услугами. Данный мотив обычно сцеплен с одним из трех предыдущих, но может быть (например, у эвенков) использован и в рассказах о связи мужчины с женщиной нечеловеческой природы.

А. Эвенки, орочи, удэгейцы, айну, коряки, азиатские эскимосы. N. Медные, полярные, иглулик, чипевайян, талтан, хайда, шусвап, томпсон, лиллуэт, меномини, степные кри, монтанье, наскапи, сенека, малесит, черноногие, кэддо. S. Сикуани, локоно, калинья, галиби, ояна, трио, корегуахе, сиона, шуар, карихона, андоке, уитото, ягуа, катавиши, мундуруку, суруи, паринтинтин, тенетехара, шипибо, кашинауа, шаранауа, яминауа, гуарасу, тупари, рикбакца, калапало, мехинаку, бороро, каража, суя, апинайе.

7. *Федра (или жена Потифара; K2111, T418)*. Женщина ложно обвиняет младшего родственника своего мужа в посягательстве на нее (обычно после того, как предлагает ему себя, но отвергнута). Муж верит жене или заведомо полагает, что виновен юноша, пытается его погубить. Тот остается жив, обычно убивает мужа.

N. Бивер, цимшиан, хайда, западные сахаптин, нэ персэ, различные группы кри и оджибва, включая степных, кикапу, наскапи, монтанье, сенека, сарси, черноногие, ассинибойн, санти, тетон, туника, билокси. S. Варрау.

В большинстве североамериканских версий женщина имитирует изнасилование, разрывая свою одежду или царапая себе тело. Для этого она берет (или заставляет юношу дать ей) белку или куропатку, сует ее себе под одежду, и та царапает ее коготками. В един-

ственной южноамериканской версии у варрау устья Ориноко подобного эпизода нет, но есть другой, также присутствующий в североамериканских повествованиях: после конфликта дядя (т. е. муж женщины) везет племянника на остров, а по возвращении с острова гибнет.

Данный мотив, как и ряд других, почти не связывает Северную Америку с Южной, но лишь определяет специфику восточных областей североамериканского континента в сравнении с западными. В районах вдоль берега Тихого океана мотив «Федры» мало известен. Версии хайда и цимшиан явно восходят к одному источнику — вполне возможно, восточного происхождения.

При включении основного массива евразийских данных мотивы с ареальным распределением типа того, который демонстрирует «Федра» (а также рассмотренный в связи с Североамериканским комплексом мотив «домашний и выброшенный»), обнаруживают систематические аналогии на территориях от Южной Сибири до Кавказа и отчасти далее на запад при практически полном отсутствии в Восточной и Северо-Восточной Сибири и редкости в Западной Сибири и на юге Дальнего Востока. Они образуют самостоятельный комплекс, исторически не связанный с тем, который соединяет Северную Америку с востоком Южной Америки. Эта тема рассматривается в отдельной статье [Березкин 2003с] и территориально выходит за рамки настоящей публикации.

Вернемся еще раз к эскимосам. Как было сказано выше, мифология эскимосов, особенно инуит, в свете тенденций, отраженных четвертой главной компонентой, является скорее «восточной», чем «западной». В этой связи интерес представляют некоторые мотивы, хотя и играющие скромную роль в формировании Восточного комплекса, но специфически связывающие эскимосов с востоком Южной Америки.

8. *Щепки превращаются в рыб.* Персонаж рубит или ломает дерево. Падающие в воду щепки, ветки или куски коры превращаются в рыб и водных животных.

А. Чукчи, азиатские эскимосы. N. Кадьякцы, чумаш, центральные юпик, инупиак, медные, нетсилик, иглулик, полярные эскимосы, эскимосы Баффиновой Земли, коксоагмиут, Западная Гренландия. М. Цоциль, куна. S. Бари, сикуани, яномами, макиритаре, локонно, каринья, оямпи, напо, карихона, пиапоко, барасана, уфайна, уитото, ягуа, урубубу, тенетехара, пареси, бороро, апинайе, мбия.

Мотив не является сюжетообразующим и встречается в разных контекстах. Основных три.

1. Некто обтесывает дерево или бревно, щепки падают в воду, превращаются в промысловых рыб (так у эскимосов, пиапоко

и оямпи). 2. Из щепок или веток герой создает хищных рыб и кайманов, чтобы те сожрали антагонистов. 3. Люди рубят гигантское дерево, упавшие в воду щепки становятся рыбами. В последнем случае создание рыб не является целью персонажей. У майя-цоциль рыбы — это щепки от креста Иисуса.

9. *Седна (отрубленные пальцы)*. Человек уплывает от преследующей его женщины. Когда она пытается ухватиться за лодку (куна — за жезл в руках персонажа), он отрубает ей пальцы. Этот мотив встречается много реже предыдущего, но он и более специфичен. Отсутствие мотива у азиатских эскимосов, центральных юпик и аляутиков при наличии его у чукчей и у восточных инуит свидетельствует о его древнем распространении именно в Арктике, но не на юге Аляски.

А. Чукчи. N. Инупиак, нетсилик, иглулик, карибу, коксоагмиут, Западная и Южная Гренландия, полярные эскимосы. S. Куна, варрау.

Заключение

ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИЙ НА РАННИХ ЭТАПАХ ЗАСЕЛЕНИЯ НОВОГО СВЕТА

ОТМЕТИМ главные тенденции в распределении фольклорно-мифологических мотивов.

Наибольшие различия наблюдаются между Северной Америкой и востоком Южной Америки. В Северной Америке наиболее своеобразны северные и центральные районы Великих Равнин, Средний Запад, но также и некоторые области к западу от континентального водораздела, где к приходу европейцев жили шошони, карьер и сэлиши. Максимальная концентрация соответствующих мотивов наблюдается в районах вокруг озера Верхнее и на юго-запад от него. На юго-западе и юго-востоке континента типично «североамериканские» мотивы представлены менее выражено.

Противоположный «амазонский» максимум локализован в северо-западной Амазонии и Льяносах. Лишь немногим меньше соответствующих мотивов в Гвиане, южной (верховья Шингу) и западной Амазонии и в Монтанье (араваки). В минимальной степени Амазонский комплекс мотивов выражен в пределах Южного Конуса и в некоторых районах Чако. В Мезоамерике у ряда групп майя (прежде всего лакандонов и мопан) процент общих мотивов с востоком Южной Америки существенно выше, чем у индейцев центральной Мексики, но в целом все мезо- и центральноамериканские мифологии отличаются от амазонских не больше, чем центральноандские.

Такое распределение мотивов может привести к заключению, что первая компонента отражает различия в мифологии населения американских тропиков с их многотысячелетней земледельческой традицией, с одной стороны, и охотников-собирателей-рыболовов умеренных и высоких широт обоих полушарий — с другой. Есть два довода против подобного объяснения. Во-первых, мифология эскимосов инуит резко противоречит этой закономерности и, наряду с патагонской, западномексиканской (уичоль) и некоторыми

восточноамериканскими (ючи), занимает нейтральное положение, будучи даже чуть сдвинута к «амазонскому» полюсу. Понятно, что ни о каком производящем хозяйстве речь в Арктике не идет. Во-вторых, подавляющее большинство мотивов, определяющих «амазонскую» специфику, отношения к земледелию не имеют. Вполне возможно и даже весьма вероятно, что сходство природного окружения и рода занятий в пределах тропической области, облегчавшее контакты между отдельными группами населения, способствовало унификации мифологии от Мексики до Бразилии. Однако сам по себе набор мотивов, представленных на соответствующих территориях, хозяйственной спецификой не обусловлен и, скорее всего, существовал до появления в Америке производящего хозяйства.

Относительно высокая концентрация мотивов североамериканского комплекса на юге Южной Америки есть одна из наиболее заметных тенденций в их распределении. Она обнаруживает соответствия в археологических фактах. Как уже неоднократно подчеркивалось, именно в пределах Южного Конуса распространены палеоиндейские индустрии, содержащие наконечники фелл. Орудия данного типа, вероятно, являются одним из поздних дериватов кло-висских наконечников. Находки наконечников фелл цепочкой тянутся к Магелланову проливу от южной Мексики вдоль притихоокеанского пояса, но только в Пампе и Патагонии они входят в состав широко представленных и долгоживущих индустрий.

Однако возводить весь набор мотивов у индейцев Южного Конуса к одному источнику вряд ли возможно. Если различия между мифологиями селькнам и теуэльче по крайней мере частично могут быть вызваны утратой некоторых мотивов в Патагонии после прихода испанцев, то различия между селькнам и яганами подобному объяснению не подлежат. Два мотива, зафиксированные у яганов («змеиный сын собирает плоды» и «окраска птиц»), имеют амазонские параллели. У селькнам этих мотивов нет. В то же время ни у одной из групп огнеземельцев нет мотива «спор о времени», который более явно, чем какой-либо еще, демонстрирует североамериканские параллели. Поскольку мифологии яганов и селькнам известны никак не хуже, чем мифология теуэльче, и много лучше, чем мифологии пуэльче и арауканов, эти отличия вряд ли вызваны недостатком данных.

Вторая несомненная тенденция в трансконтинентальном распространении мотивов — сходные элементы в мифологиях востока Южной Америки и северо-запада Северной Америки. При поверхностном взгляде и в этом случае допустимо «природно-хозяйственное» объяснение, поскольку в обоих регионах эксплуатация водных ресурсов играла большую роль в экономике, чем в большинстве других областей Нового Света. Но если это обстоятельство и сыграло какую-то роль, то лишь в том смысле, что могло способ-

ствовать сохранению на новом месте таких мотивов, как «утки и лодки» или «украденная снасть». Объяснить независимое происхождение столь специфичных мифологем единственной столь общей причиной вряд ли возможно. К тому же большинство мотивов Северо-Западного комплекса имеют к экономике не больше отношения, чем мотивы комплекса Амазонского.

Среди ареальных наборов мотивов, заслуживающих особо пристального изучения, на первое место надо поставить тот, который представлен в регионе Плато с прилегающим побережьем, т. е. у сэлишей, прежде всего, береговых. Береговые сэлиши уникальны тем, что их мифология занимает ведущее положение в рамках сразу двух комплексов мотивов, Северо-Западного (вторая ГК) и Западного (четвертая ГК), находясь также близко к Североамериканскому максимуму (первая ГК). Вряд ли случайно, что именно здесь, на побережье юга Британской Колумбии и Вашингтона, сконцентрирован столь разнообразный и богатый набор мотивов. При движении ранних переселенцев вдоль тихоокеанского побережья именно в этом районе должен был произойти выход на свободные ото льда почти или вовсе незаселенные пространства, причем часть мигрантов в конечном счете достигла Анд, а другая — востока Южной Америки. Лишь поддержка археологии может придать данной гипотезе подлинную весомость, но сами по себе фольклорно-мифологические материалы свидетельствуют в пользу именно такой реконструкции.

Другой центр концентрации разнообразных мотивов находится на выходе из Коридора Маккензи. Правда, соответствующий ареал охватывает не только север Великих Равнин, но и всю территорию между Великими озерами и Скалистыми горами. В пределах ее нет заметных естественных рубежей, которые препятствовали бы постоянному передвижению различных этнических групп. Для первой ГК максимум, как только что говорилось, локализован на берегах озера Верхнего и в северо-центральных районах Равнин (оджибва, сиу-дакота, мандан, пауни, арикара). Для четвертой ГК это именно север Равнин (степные кри, черноногие, ассинибойн), но также и запад области Великих озер (снова оджибва, фокс и др.). Для третьей ГК в североамериканском регионе крайнее положение занимают опять-таки оджибва и сиу-дакота.

Если сэлиши могут считаться очень древними обитателями своего прибрежного ареала и даже, возможно, прямыми потомками первой волны заселения Америки, то сиу и кэддо проникли на Равнины очень поздно. Вероятность того, что и алгонкинские языки распространились из ареала Плато примерно 4000 л. н., тоже достаточно велика. Однако если исключить те мотивы, которые связывают с притихоокеанской областью оджибва, меномини и, в меньшей мере, другие группы алгонкинов американского Востока и Среднего

Запада, то все отмеченные тенденции получают лишь еще более резкое выражение. Основной корпус мотивов, характерных для мифологии Великих Равнин и Среднего Запада, носит кроссэтнический характер и, по всей вероятности, представляет собой наследие не алгонкинов и даже не сиу, а более древнего населения, чьи языки не сохранились.

Обратимся теперь к Арктике. Нет сомнений в том, что мифология инуит содержит больше «амазонских» мотивов, чем мифологии соседних атапасков и алгонкинов, и что сдвиг от «североамериканского» к «амазонскому» полюсу все более заметен по мере движения от Аляски на восток. Объяснить это можно двумя обстоятельствами. Во-первых, на протяжении последней тысячи лет, т. е. после ухода инуит на восток, культурный обмен эскимосов Аляски с индейцами и палеоазиатами продолжался. Во-вторых, инуит могли заимствовать часть мотивов от еще раньше ушедших с Аляски эскимосов дорсет, а те, в свою очередь, — от пре-дорсет и индпенденс-I. Если так, то мифология восточных инуит сохранила многое из того набора мотивов, который 4000 л. н. существовал в районе Берингова пролива.

Другой прогрессирующий сдвиг, свойственный эскимосским мифологиям при движении с запада на восток, — усиление «восточной» и ослабление «западной» составляющей (четвертая ГК). Как уже было сказано, многие мотивы, ответственные за формирование тенденции, характерной для Восточного комплекса, являются также и типично «американскими» (третья ГК). Типичные «американские» мотивы, имеющие мало соответствий в Евразии, а иногда и уникальные для Нового Света, распространены прежде всего на пространствах Северной и Южной Америки восточнее континентальных водоразделов. Кажется вероятным, что именно здесь сохранилось древнейшее наследие первых переселенцев, в то время как в более западные районы из Азии проникли новые группы людей.

Развивая эту гипотезу, трудно избежать риска создания шатких конструкций, оторванных от твердой почвы археологии. Местами эта почва все же прощупывается. Максимум мотивов Западного комплекса приходится на области Плато, Калифорнии, Большого Бассейна и Юго-Запада, что весьма точно совпадает с распространением раннеголоценовых черешковых наконечников типа линд-коули и уиндбласт. Как было сказано в первой части книги, их происхождение (от кловиса или вследствие проникновения новых азиатских групп) не известно. Если говорить о мифологии, то в пользу самостоятельных (не затрагивающих восток Северной Америки) азиатских связей можно привести такой аргумент, как распространение именно здесь, на западе США, мотива «Олениха и Медведица», имеющего параллели в Западной (но ни в коем случае не в Южной) Сибири. Есть и другие мотивы, известные если не по

всему западу США, то по крайней мере в регионе Плато, которые находят параллели в Приморье, северо-восточной Азии и опять-таки в Западной Сибири.

В раннем голоцене новые группы людей продолжали проникать — скорее всего, через долины Юкона и Маккензи — и в области к востоку от Скалистых гор. Относительно поздний (раннеголоценовый?) компонент соответствующих североамериканских мифологий хорошо заметен при привлечении южносибирских и других евразийских материалов [Березкин 2003с]. Западный комплекс прослеживается на юг вплоть до Центральных Анд и отчасти даже Чако и Патагонии, а мотивы типа «Федры» или «домашний и выброшенный», общие у индейцев континентальных районов Северной Америки и у народов Южной Сибири и Центральной Азии, в Центральную и Южную Америку практически не заходят. Объяснить это можно тем, что по мере роста плотности населения центральноамериканское «бутылочное горло» становилось все менее проходимым и войти в него — учитывая природно-географический фактор — удавалось главным образом с северо-запада, а не с северо-востока со стороны Техаса. Последнее по времени «просачивание» подобного рода — распространение в Мезоамерике юто-ацтеков. Нет сомнений, что мезоамериканские мифологии теснее связаны с мифологиями запада, чем востока США. Так, ряд мотивов эпоса киче «Пополь-Вух» находит ближайшие соответствия в пределах Юго-Запада, Большого Бассейна и Калифорнии. Это не означает, что связи с Равнинами вовсе отсутствовали, но они могли быть не прямыми, а через посредство Юго-Запада. Именно так можно интерпретировать ареал мотива «цвета сторон света».

Как уже говорилось, все эскоалеутские мифологии скорее «восточные», чем «западные», и в направлении от Берингова моря к Гренландии «восточная» составляющая значительно возрастает. Выстраивается такая последовательность: алеуты, юпик и алютик, западные инуит, восточные инуит. Азиатские эскимосы и инупиак из нее выпадают, так как на них действует сибирский «возмущающий фактор». Чукотская, юкагирская, тунгусские мифологии — «западные», а корякская и ительменская — скорее «восточные». «Восточный» облик мифологии инуит, равно как и ее относительная близость к мифологиям Южной Америки свидетельствуют о сложной культурной истории эскимосов. С одной стороны, в состав эскимосов, скорее всего, вошли поздние переселенцы из Азии, которые, возможно, и были носителями прото-эскоалеутского языка. С другой стороны, эскимосы почти наверняка вобрали в себя каких-то оставшихся на Аляске ранних мигрантов. С третьей стороны, все аляскинские мифологии подвергались разновременным влияниям со стороны как более южных приморских, так и северо-восточных азиатских групп.

Знаменательно, что те мотивы Восточного комплекса, которые встречаются и в Северной, и в Южной Америке и часто совпадают с мотивами Америкейского комплекса, в Азии обнаруживают параллели в основном вдоль берега Тихого океана. Это довод в пользу того, что именно притихоокеанские группы либо проникли в Новый Свет раньше континентальных, либо, по крайней мере, играли важную роль на начальном этапе заселения Америки. В мифологиях самого Дальнего Востока при движении от Чукотки к Японии убывает доля «североамериканских» мотивов, а доля «амазонских», соответственно, увеличивается. По данному признаку прибрежные кластеры образуют следующий ряд: чукчи, коряки, нивхи, ительмены, айну, японцы. Пробное введение в базу данных еще не вполне обработанных материалов по Тайваню, Филиппинам и Новой Гвинее подтвердило сделанное несколько лет назад [Березкин 2000; 2003а] предположение о том, что пик этой тенденции придется на Меланезию. Выявленные еще в XIX в. параллели между мифологиями Амазонии и Меланезии объяснимы в том случае, если предположить, что речь идет о древнем восточноазиатском культурном наследии, сохранившемся в наиболее труднодоступных рефугиумах (Амазония и Меланезия), но вытесненном из континентальной Евразии. В Северной Америке какие-то следы этой ранней мифологии сохранились, но они опознаваемы главным образом постольку, поскольку находят более богатые деталями и очевидным образом связанные с ритуалом параллели в Южной Америке.

Учитывая все сказанное, можно предположить, что самая ранняя группа мигрантов проникла в Новый Свет, двигаясь вдоль узкой — ныне затопленной — полосы тихоокеанского побережья. Продолжая это движение и не задерживаясь в Северной Америке, эти люди достигли Южной примерно в то время, когда на Аляске появился комплекс ненана — предковый по отношению к кловису. Набор мифологических мотивов, принесенных данной группой в Новый Свет, был примерно таким же, какой проник из восточной Азии на Новую Гвинею. В Америке он сохранился главным образом в Амазонии, Гвиане, Чако и Восточной Бразилии. В Северной Америке его следы обнаруживаются преимущественно от Аляски до северной Калифорнии и в Арктике. Кловисцы принесли в Новый Свет существенно иной набор мотивов, аналогии которому тянутся в Южную Сибирь («спор о времени» в Хакасии и на Алтае). Потомки кловисцев достигли Патагонии.

Этот вариант не учитывает, однако, наличие большого количества специфически америкейских мотивов, распространенных как в Северной, так и в Южной Америке (Америкейский и Восточный комплексы). Возможно поэтому, что главным источником для формирования Амазонского комплекса мотивов был все-таки кловис, а гипотетическая миграция вдоль южной Аляски лишь обеспе-

чила дополнительный приток мотивов, отраженный Северо-Западным комплексом, точнее той его частью, которая представлена как в Северной, так и в Южной Америке. Остановиться на одной из гипотез особенно трудно из-за того, что пока не известно, были ли кловисцы протоморфами (типа женщины из Лапа-Вермелья) или уже американоидами.

Большинство мотивов, распространенных в Северной Америке, в Мезоамерике и в Андах, но неизвестных на востоке Южной Америки или представленных там единично и лишь на севере, проникло, по-видимому, в Новый Свет не с первыми мигрантами, а позже. Насколько именно позже, по данным фольклора судить трудно, но ранний голоцен может быть предложен в качестве просвещенной догадки. Речь идет как о Западном комплексе мотивов, так и о той группе североамериканских мотивов, которая распространена преимущественно к востоку от Скалистых гор и имеет параллели в Южной Сибири и далее на запад. С ними, возможно, связан и мотив «ныряльщика», особенно если удастся доказать, что центр его распространения в Евразии находился в Южной Сибири.

Хотя мотив «стервятники и огонь» связывает народы запада и севера тихоокеанского бассейна с востоком Южной Америки, мотив «Ворон-трикстер» в Южной Америке не известен и его распространение на юге Аляски и Северо-Западном побережье также, надо полагать, происходило уже после окончания плейстоцена. Учитывая максимальную частоту встречаемости этого мотива среди тлинкитов и хайда и наилучшую представленность именно в районах расселения этих этносов прибрежных комплексов с микронуклеусами и микропластинами, восходящих, видимо, к денали, было бы допустимо предположить, что «мифология Ворона» восходит к создателям денали. Однако если комплекс денали восходит к дюктайской культуре Якутии, эту гипотезу, высказанную в моих предыдущих публикациях [Березкин 2001; 2003а], придется отвергнуть. Континентальным сибирским (и вообще евразийским) зооморфным трикстером без всякого сомнения является Лиса, тогда как Ворон-трикстер связан с тихоокеанским миром. Обнаружив похожие мифы о добывании воды у хайда и у аборигенов Австралии, Рэдклифф-Браун увидел здесь действие универсальных законов мышления [Radcliffe-Brown 1958: 108–129], но это сходство допустимо объяснять историческими причинами.

При картографировании распространения мотивов возникает впечатление, что мы делаем моментальные снимки разводов пигментов, увлекаемых потоком воды. Вместо воды двигались группы людей, пигменты — мотивы. Течение было бурным, пока сосуд не наполнился. То, что полилось вначале, оказалось преимущественно в Южной Америке, где труднодоступная Амазония могла сыграть роль отстойника, рефугиума. Мотивы с преимущественно амазонским

распространением, от которых в Северной Америке сохранились лишь отдельные «капли», можно считать самыми древними — не в смысле архаичности их содержания, а в чисто хронологическом плане. Некогда соответствующие мотивы могли быть широко распространены в восточной половине ойкумены. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что ряд из них (*смена кожи как условие бессмертия, радужный змей*) распространены не только в Австралии — Меланезии, но и в Африке южнее Сахары, где находилась прародина современного человека.

Проникли ли носители «амазонской» мифологии в Новый Свет по побережью или через центральную Аляску — вопрос в общем-то частный. Существеннее сам факт такого проникновения. Если оценка южноамериканских черепов плейстоценового возраста как немонголоидных окончательно подтвердится, корреляция с данными мифологии будет важна. Эти два ряда свидетельств независимо друг от друга указывают на серьезные исторические изменения, происходившие в Азии в конце палеолита. Вполне вероятно, что «амазонская» мифология в Восточной и Северо-Восточной Азии исчезла вместе с домонголоидными популяциями, вытесненными или ассимилированными классическими монголоидами, тип которых сформировался во внутриконтинентальных областях.

На Дальнем Востоке последним реликтом этого древнего населения являлись айну. Оценивая положение айнской мифологии по отношению к палеоазиатским, с одной стороны, и меланезийским — с другой, следует помнить, что айнские тексты были записаны на Хоккайдо и Сахалине, т. е. в районах, в свое время входивших в ареал охотской культуры или непосредственно с ним граничивших [Березкин 2002а]. Поэтому в мифологии айну дзэмонское наследие наверняка смешано с мотивами, проникшими из Сибири после рубежа эр. В древней Японии и особенно у жителей островов Рюкю дзэмонский субстрат в фольклоре мог быть более выражен, что и отражают соответствующие показатели первой и четвертой главных компонент.

И наконец, последнее обстоятельство, которое вытекает из проделанной работы, но в то же время служит ее условием и предпосылкой.

Осмысленность полученной картины трансрегионального распределения мотивов и результатов статистической обработки массовых материалов подтверждает тезис, который Ф. Боас доказывал еще сто лет назад: в отличие от сложных сюжетов, мотивы устойчивы и сохраняются неопределенно долго. Это открывает возможность реконструировать в общих чертах древние региональные мифологии, вернее, известные им наборы мотивов. Данный вывод логично связан с другим: возможные эпохальные тенденции в развитии мифологии, если они вообще были, трудно отличить от

исторически случайной смены господствующих региональных комплексов (то же, вероятно, и в расогенезе).

Дж. Мердок писал, что «там, где отсутствуют практические границы возможному числу поведенческих реакций, при помощи которых люди могут реагировать на конкретные обстоятельства в конкретных ситуациях, культурные формы бесконечно варьируют» [Мердок 2003: 141–142]. В качестве примера он приводил фольклор и ритуал, противопоставляя их социальной структуре, где «существует практическое ограничение возможного числа поведенческих реакций». Правда, различные аспекты культуры вряд ли четко делятся по данному признаку на две категории, скорее, они образуют континуум. Подобно тому, как Мердок, похоже, недоучел некоторые глубокие региональные закономерности исторического характера в отношении матри- или патрицентричности [Jones 2003; Korotayev, Kazan'kov 2000], в каких-то аспектах мифология и фольклор *могут быть* функционально зависимы от природных и социальных факторов. Однако доказать это пока не удалось, да таких попыток всерьез и не делалось, ибо отсутствует сама пригодная для соответствующей обработки база данных мирового фольклора.

Но даже если фольклор и ритуал и зависят от чего-то иного, кроме фольклора и ритуала предшественников и соседей, эта зависимость наверняка очень слабая, о чем свидетельствует и наше исследование. Формы хозяйства или особенности природной среды могут способствовать выборочному заимствованию определенных мотивов, но могут ли они систематически порождать одни и те же мотивы — большой вопрос. Набор мотивов, на протяжении тысячелетий складывавшийся в западноевразийском регионе и воспринятый в итоге современной евроамериканской культурой, в принципе, как мне представляется, мог быть совсем иным (например, «меланезийско-амазонским»). Не наша культура порождает определенную мифологию, а, скорее, наследие древней мифологии продолжает активно (через средства массовой коммуникации) формировать мировосприятие современного человека.

Summary

YURI E. BEREZKIN

MYTHS COLONIZE THE AMERICAS

Area distribution of folklore motifs
and early migrations
into the New World

THE 1ST PART OF THIS BOOK is a review of archaeological and linguistic data on American prehistory. Regional cultural continuities and discontinuities are followed and evaluated with the aim to reveal factors which could influence patterns of distribution of folklore motifs peculiar for different culture areas.

The 2nd part begins with the critical examination of main approaches to the study of mythology and folklore. The author finds support in ideas of Durkheim, early Boas, Malinowsky, Geertz, Barthes distancing himself from structural and psychological interpretations of myth. The motif is defined as any episode or image or any set of episodes or images found in more than one text. The cross-cultural study of motifs is possible thanks to the fact that these units (both elementary as in Aarne-Thompson's catalogue and more complex) are unconsciously reproduced when people retell their texts (also in case of borrowing and translation of tales into another language). Motifs preserve their form during long periods of time, while the mythological texts which are composed of them change their meanings more rapidly. Tales are not replicated. Similar tales exist thanks to similar motifs which define their structure.

It is impossible to observe the birth of a new motif, and any claim about typological vs. genetic reasons for the existence of identical motifs in different traditions would be speculative. We should study not the origins of individual motifs but the degree of similarity/dissimilarity between entire traditions. If mythology A contains 20% of its motifs in common with mythology B and only 2% in common with C, a hypothesis that A is closer to B than to C is at least based on facts subject to verification. If the parallels discovered in myths correlate with external factors (social, economic, or environmental), then typological explanations should be considered. If there are no such correlations, then a common origin of A and B or diffusion and borrowing seem plausible. Differences

between area mythological complexes become visible thanks to comparison of statistical measures which signal a mutual correlation between some motifs and its lack between others. Motifs with areas of distribution which are the largest but sharply bounded influence the picture more than others.

Though the probability of the independent emergence increases if the area distribution is disconnected, this restriction is not crucial. It is logic to suppose that the existence of common elements in geographically distant traditions is due to the same factors as in traditions located in the nearby areas, i.e., it was caused by the borrowing from one neighboring group by another. However, since it is known that the inhabitants of the regions under consideration have not formed a cultural entity in recent times, the time period when they could have influenced each other had to be projected into the more distant past. How distant is a question which only archaeology will be able to answer.

The immediate topic of this research is the migrations of peoples within and to the New World. For this, the author tried to discover and explain some important patterns in the area distribution of sets of motifs selected from traditional mythological texts. The electronic database consists of more than 25,000 abstracts of texts mostly American and Siberian. The following procedure is used to create and modify the database. The abstract of each text is copied into the Analytical Catalogue as many times as necessary, once for each motif which the text contains. The table of occurrences is constructed with rows for motifs and columns for areas. 1020 motifs have been selected and their distribution is examined across 154 areas. In the table, «1» stands for the presence of the particular motif and «0» for its absence. The principal-components (factor) analysis is computed. It reveals major patterns in the distribution of motifs across areas. Separate patterns correspond to each of the principal components (PC). The program assesses pairwise the degree of similarity or dissimilarity between sets of motifs recorded in each area and assigns a value for the contribution of each motif to the overall pattern.

The first PC corresponds to the strongest pattern, the following ones to successively less important patterns. The greater the number of variables (motifs, in our case), the more axes (PC) will be meaningful and the smaller the percent of information (general dispersion) which is accounted for by each PC. The combination of all principal components which have been analysed here together account for slightly more than one fifth of the total information. The remainder corresponds to distributions of motifs on subregional level. Every PC axis is independent from others and has two extremes which correspond to the most different complexes of motifs.

The major distinction represented in the first PC is the difference between North American mythologies on the one side, and Central and

South American mythologies on the other. These two complexes are provisionally named North American (fig. 13a) and Amazonian (fig. 13b). The mathematical difference between the assigned values does not correlate with the geographical distance between the areas. The greatest number of North American motifs to the South of Rio Grande are contained in the mythologies of the South Cone, i.e. the Fuegian, Patagonian and Araucanian, some South Brazilian and Chacoan. Geographically, they are the ones farthest from North America. Some of the motifs characteristic of these two geographic extremes are very specific and their independent emergence in different hemispheres is not plausible. The motif *Time periods discussed* is representative. Animals come together to decide how many units of time it should be in a certain period of time (year, winter, night, menstrual cycle, etc.). Toes, nails, feathers, hairs, or colored stripes are counted to establish the number of units. Siberian parallels are in Altai and Khakas folklore.

The Amazonian set of motifs is most developed in Llanos, Northwest Amazonia and some parts of Guiana. On the other side of the Pacific, such motifs are widespread in Australia and especially in Melanesia (not examined in detail in this book). In the Asian Far East, as we move from the Chukchi Peninsula to Kamchatka and further to Japan, the percent of motifs shared with the North American pole decreases and the percent shared with the Amazonian pole increases. As part of this pattern, the mythologies of Chukchi, Koryak, Kamchadal, Ainu, Japanese and Ryukyuan form a gradient (we reach an opposite pole in New Guinea). As we move from Alaska to Greenland through a sequence of Eskimo mythological clusters, the relative weight of the North American component decreases significantly. For Eastern Inuit mythologies the proportions of these two components are balanced as in Patagonian mythology. The mythologies of Alaskan Eskimos contain more North American motifs than the Inuit of Greenland, probably because they have been subject to longer and more intensive interaction with Indian and Paleoasiatic mythologies.

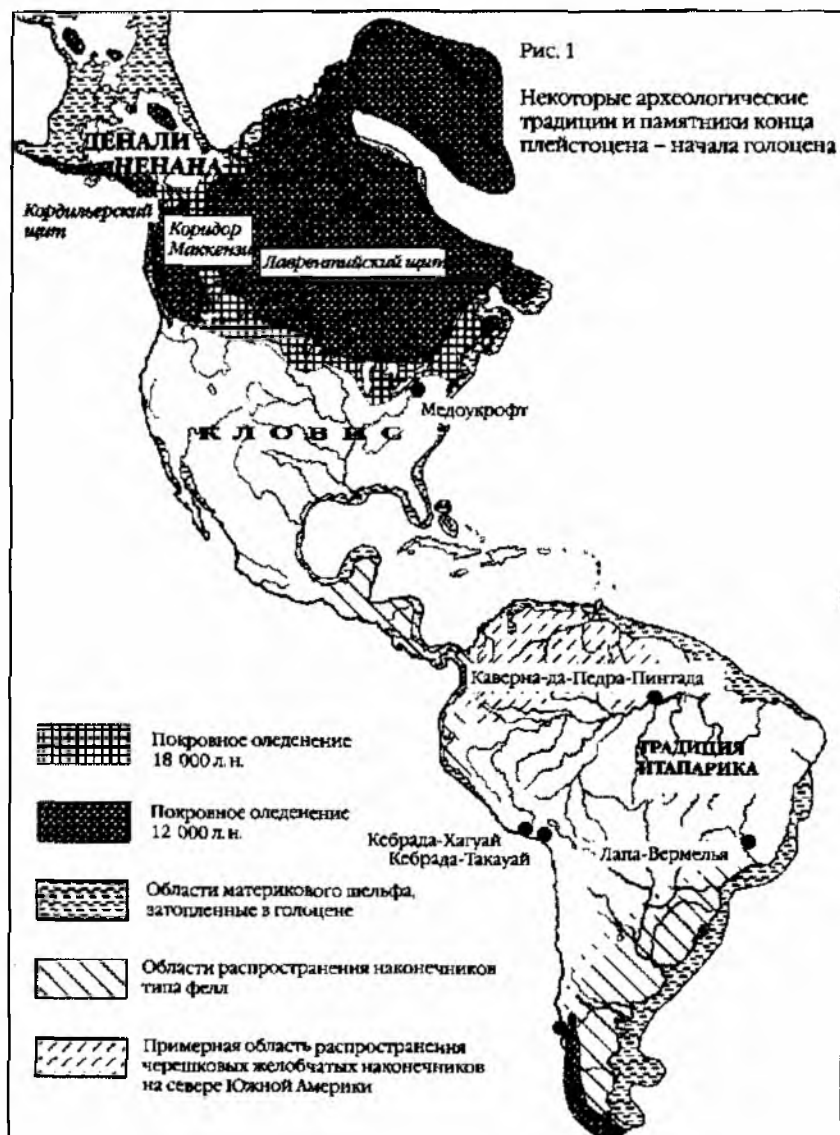
The 2nd PC sets mythologies of Mexico and most of the inner North America («Mesoamerican-Kansas» complex, fig. 14b) against the mythologies of the Northwest Coast and western American Subarctics («Northwestern» complex, fig. 14a). The plausible way to interpret these data is to see here traces of two routes of early movement of people. One along the Mackenzie Corridor entering Plains. Another along the Pacific Coast entering California, Plateau and Great Basin. Though not so sharp, these differences are found in South America where mythologies of Guiana and Amazonia contain a large series of «northwestern» motifs while parallels for the «Mesoamerican-Kansas» complex exist in the Andes. The parallels between Eastern South America and the Northwestern North America is an argument in favor of the importance of the coastal entry to the New World at the early stage of

its peopling. Since about mid-Holocene, the increased population density in the Americas would obstacle distant transcontinental migrations.

The 3rd PC differentiates Eurasian (fig. 15a) and American mythologies (fig. 15b) and the 4th PC reflects differences between western North America (fig, 16a) and the areas to the east of the Rockies. This Eastern complex (fig. 16b) includes many motifs absent in Asia. It is plausible that early motifs have been preserved mainly in the eastern areas of both North and South America while more recent flow of motifs penetrated into the areas to the west of the continental watershed.

Further research on Siberian and Eurasia folklore in general is in progress.

Иллюстрации

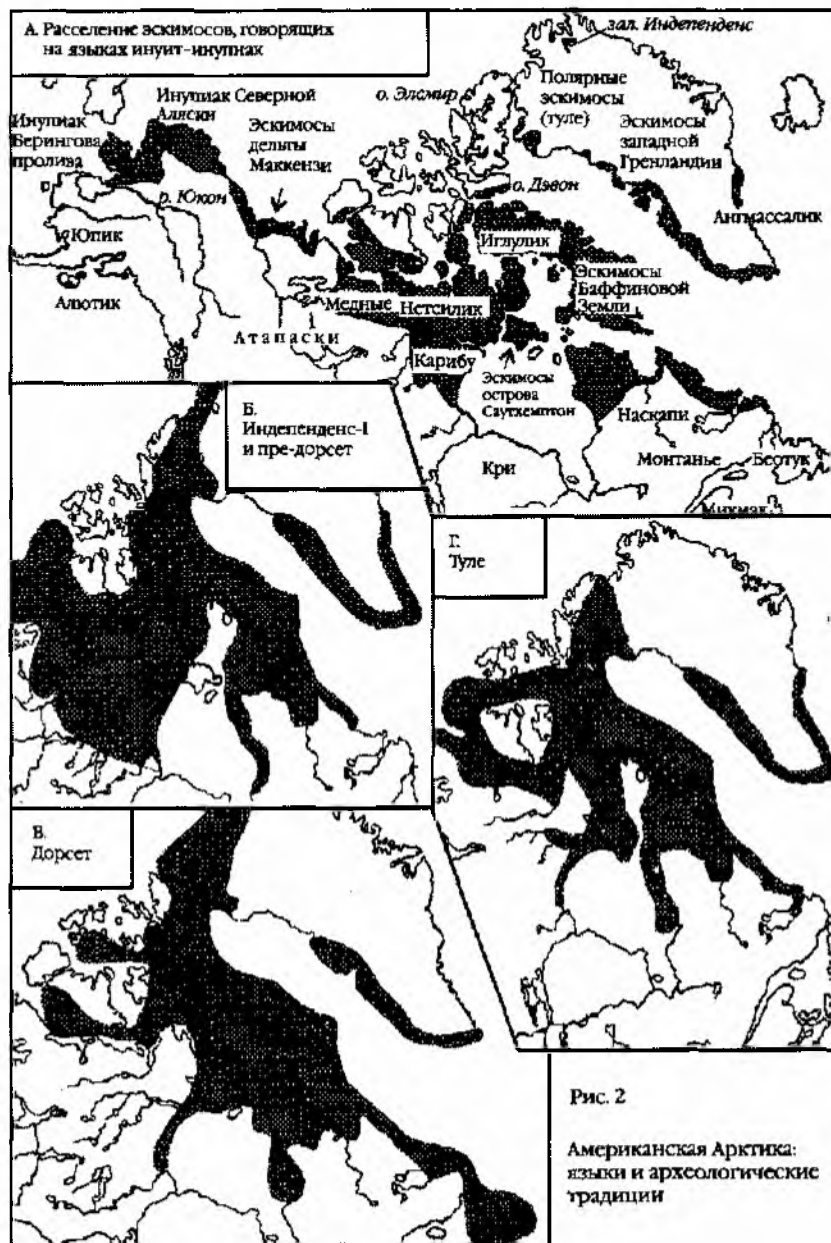

Рис. 3. Языки северо-западных областей Северной Америки

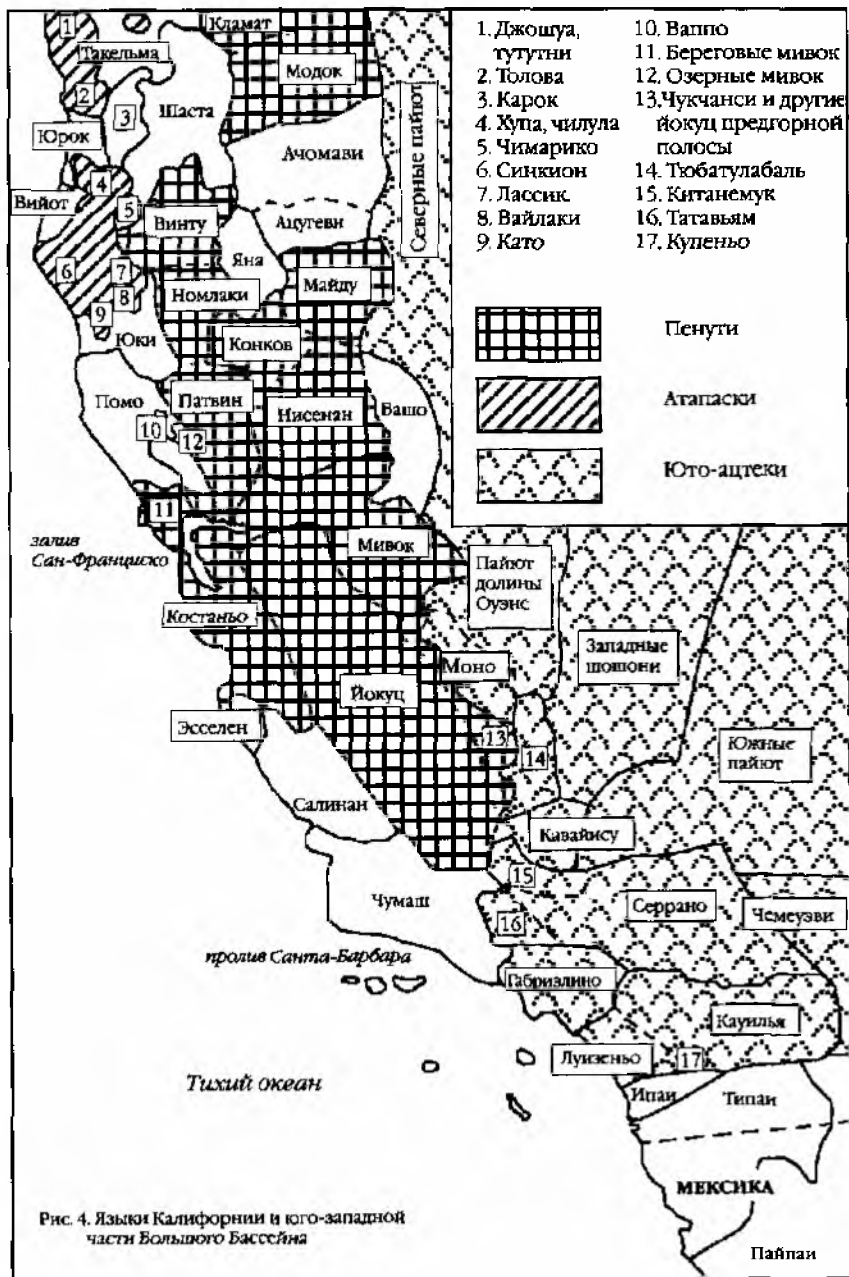

Рис. 4. Языки Калифорнии и юго-западной части Большого Бассейна

Рис. 5А

Культурная общность
анасази около 1150 г.н.э.

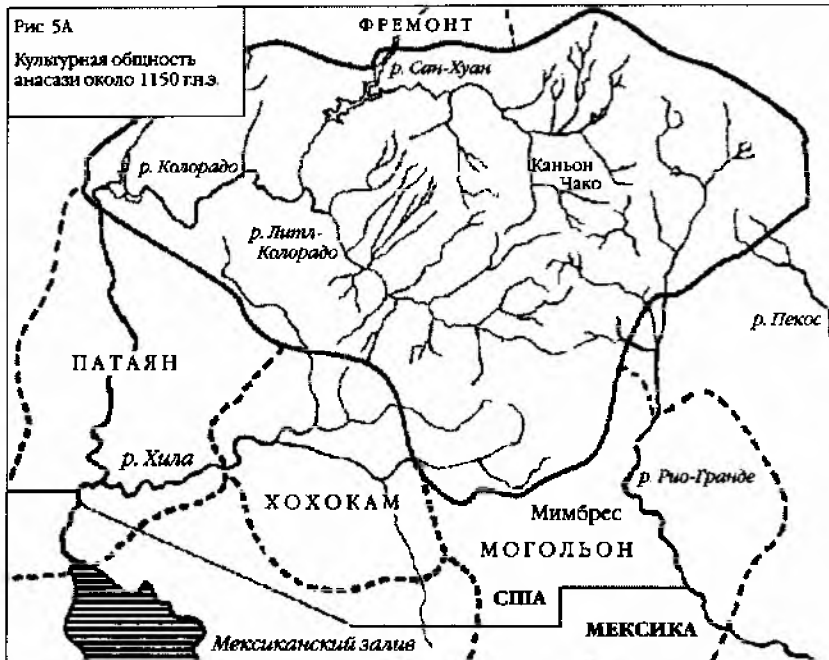

Рис. 5Б Сокращение ареалов
культур пуэбло к 1500 г. н.э.

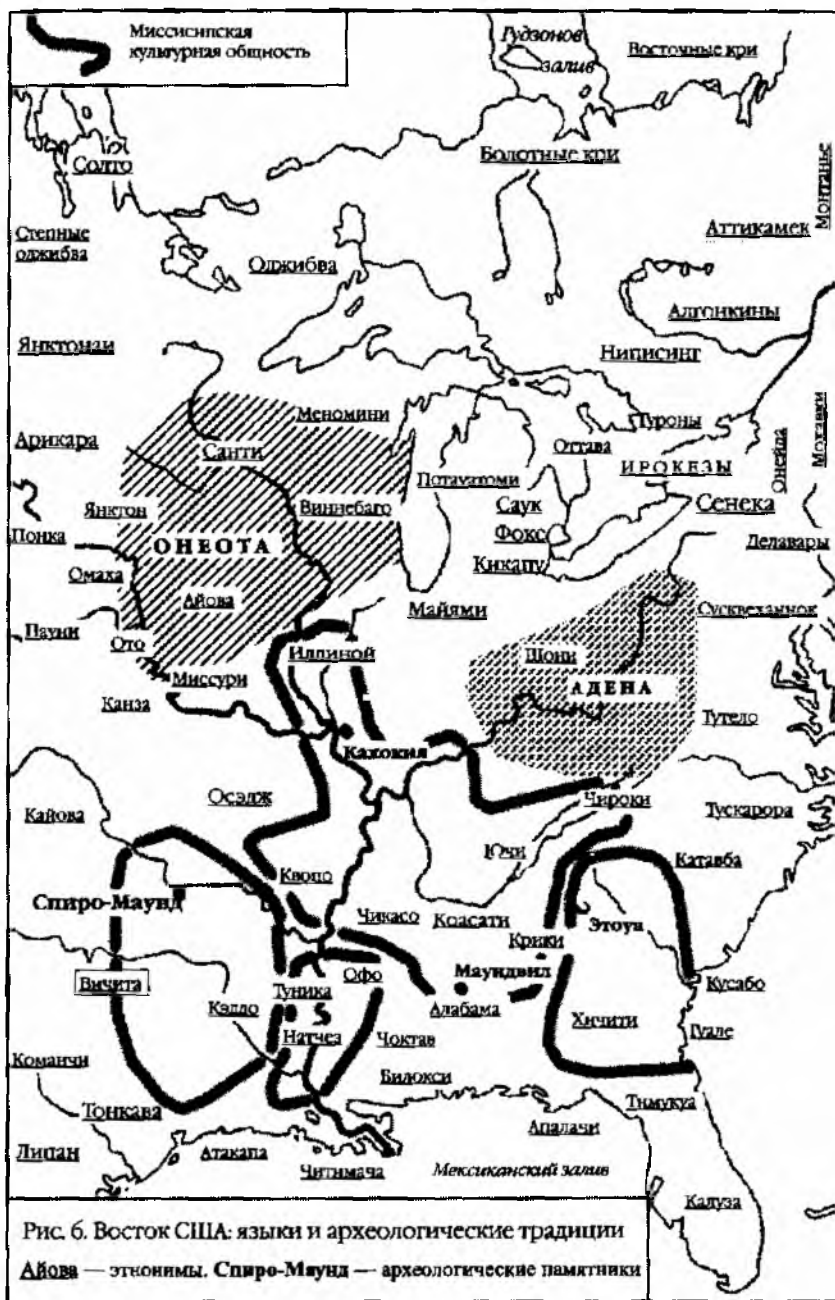

Рис. 6. Восток США: языки и археологические традиции

Айова — этнонимы. Спиро-Маунд — археологические памятники

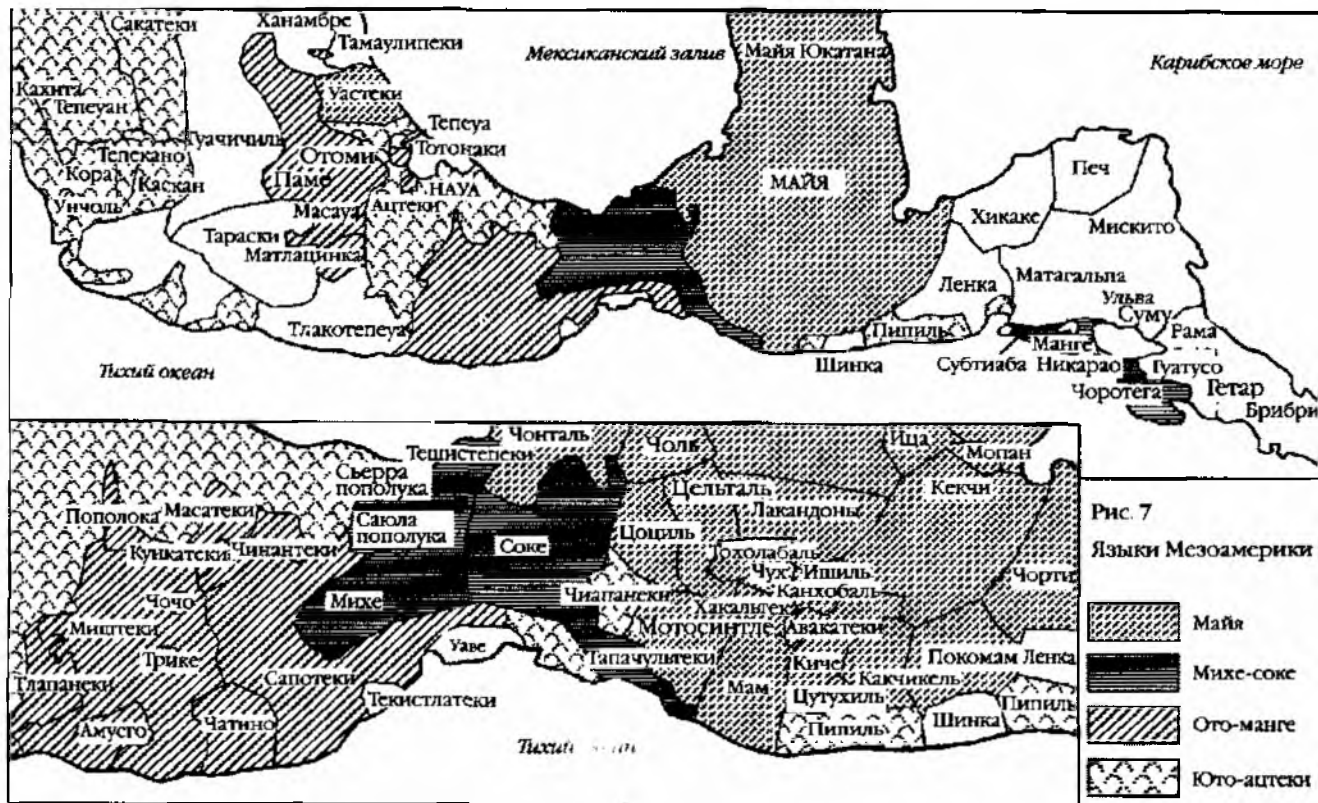
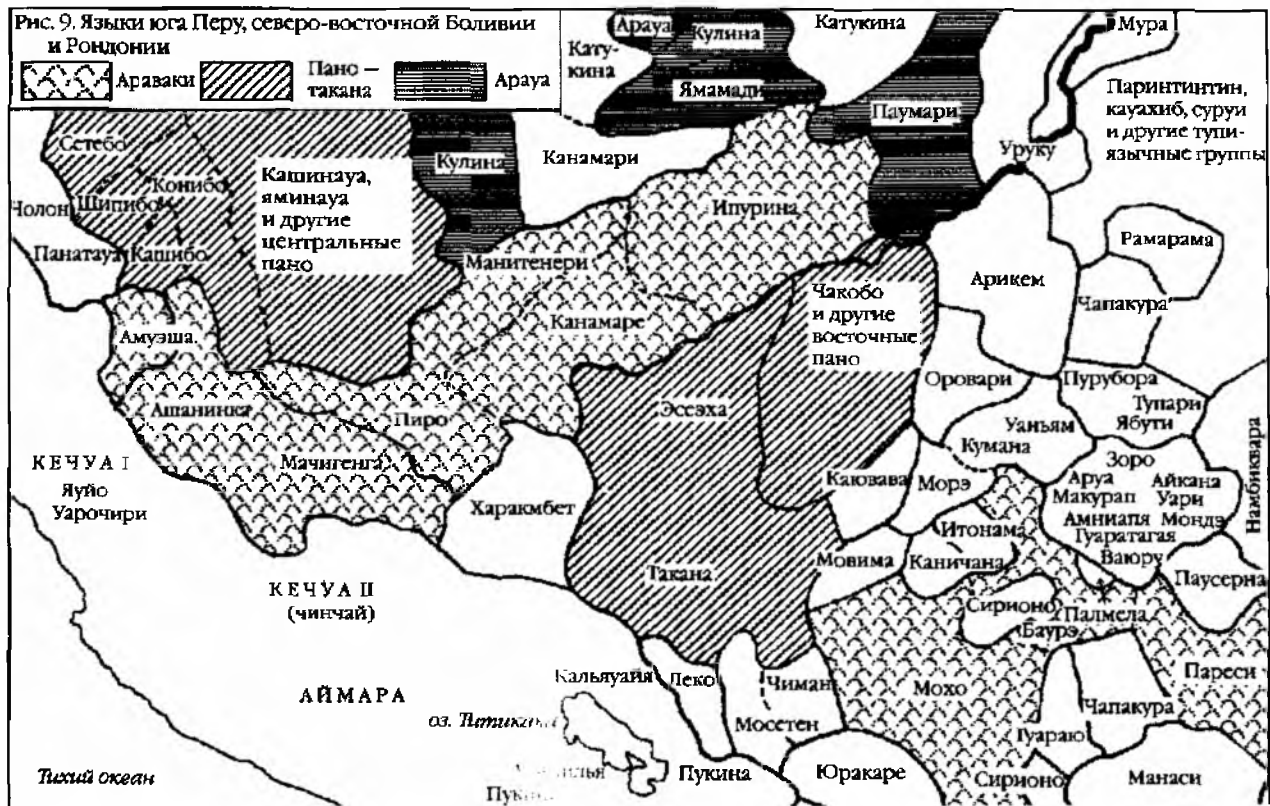
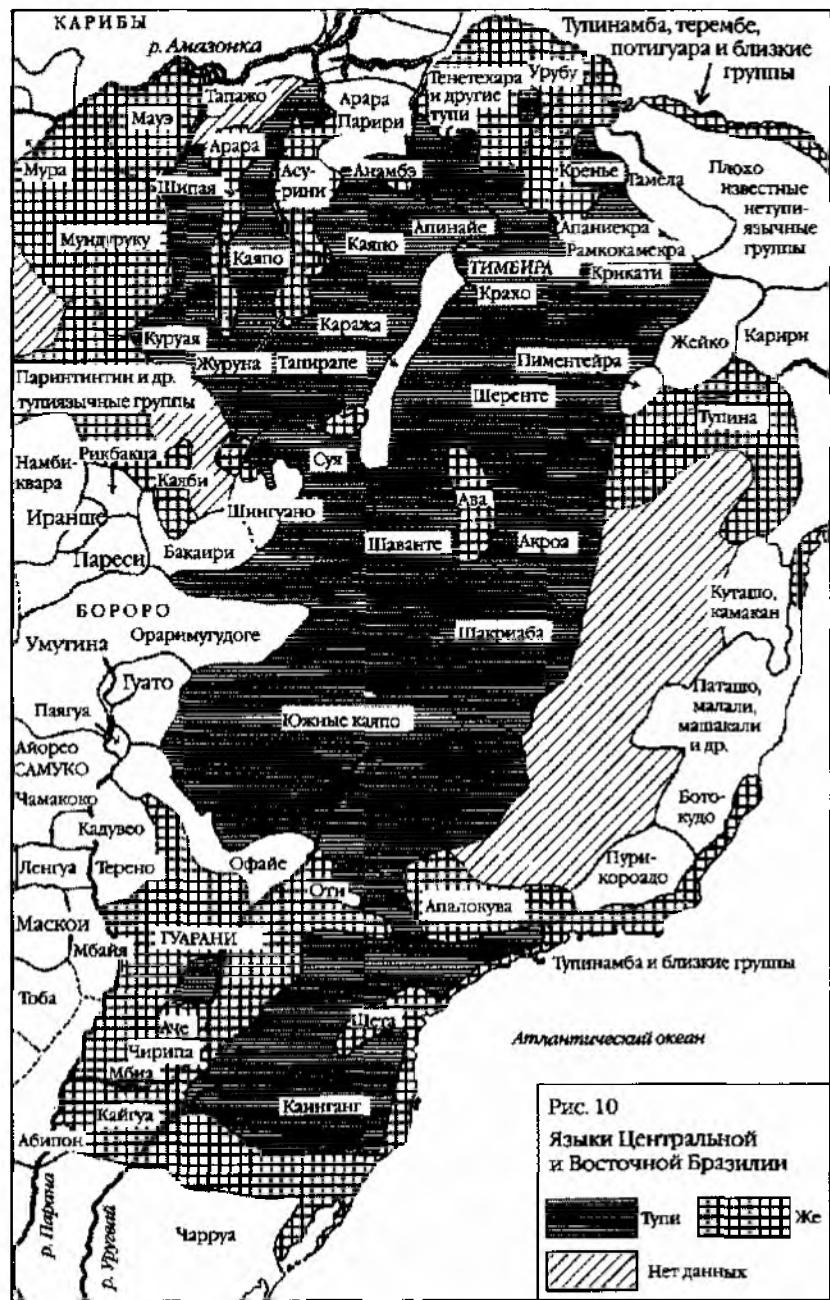

Рис. 9. Языки юга Перу, северо-восточной Боливии и Рондониим

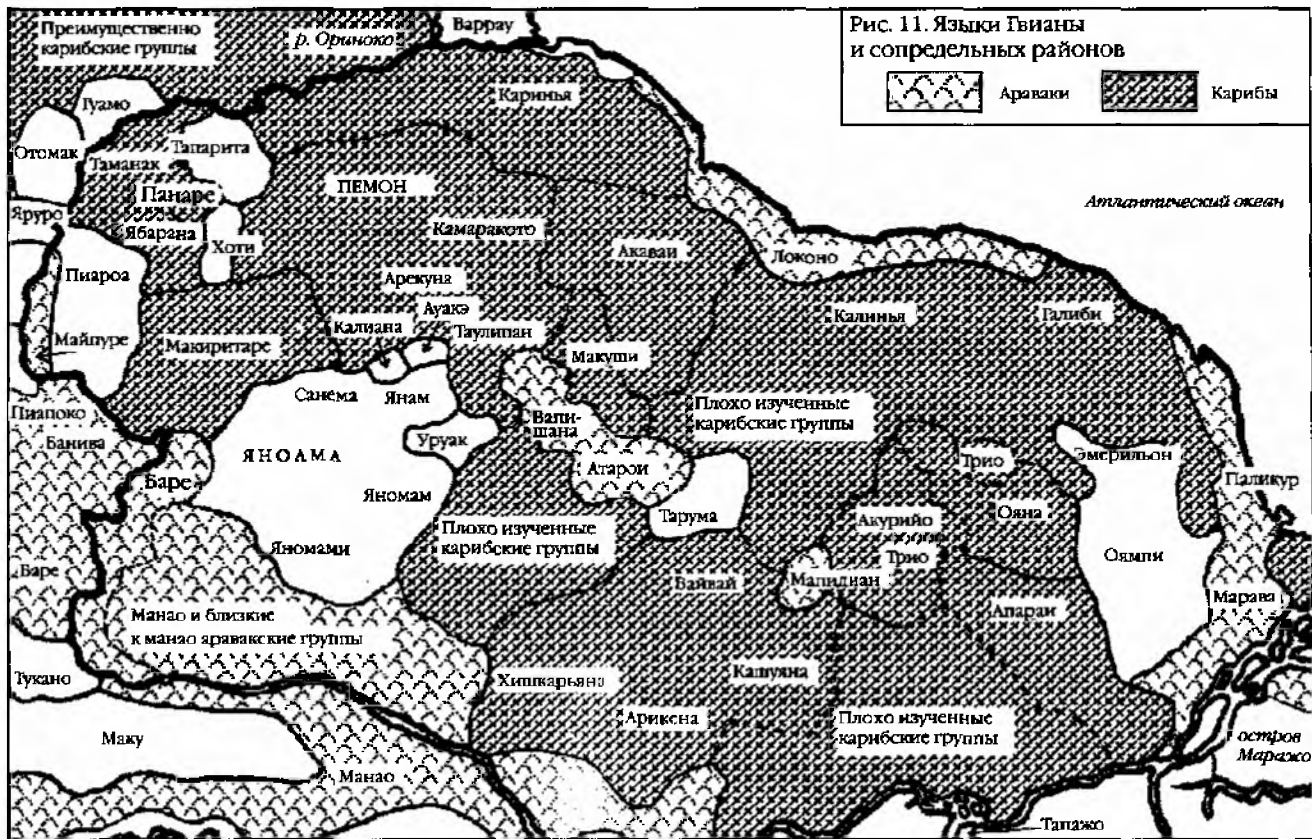
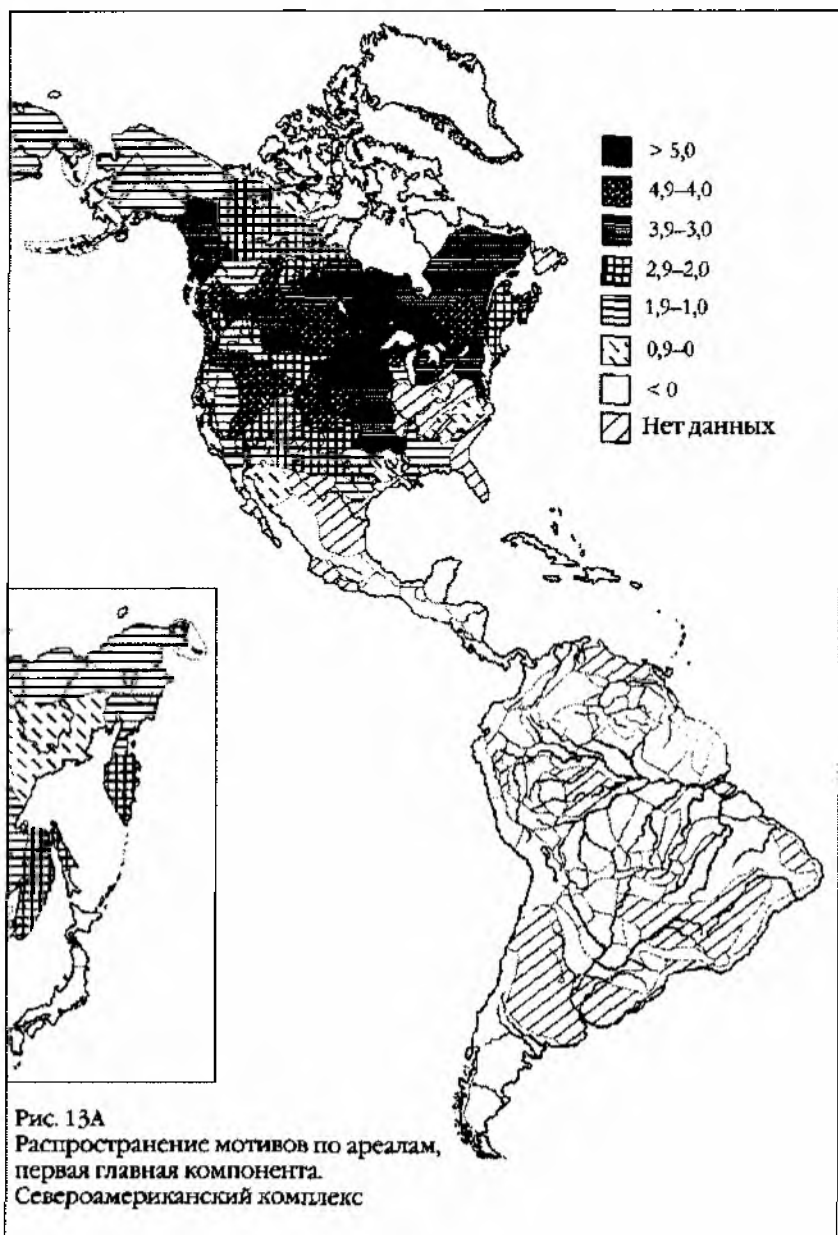
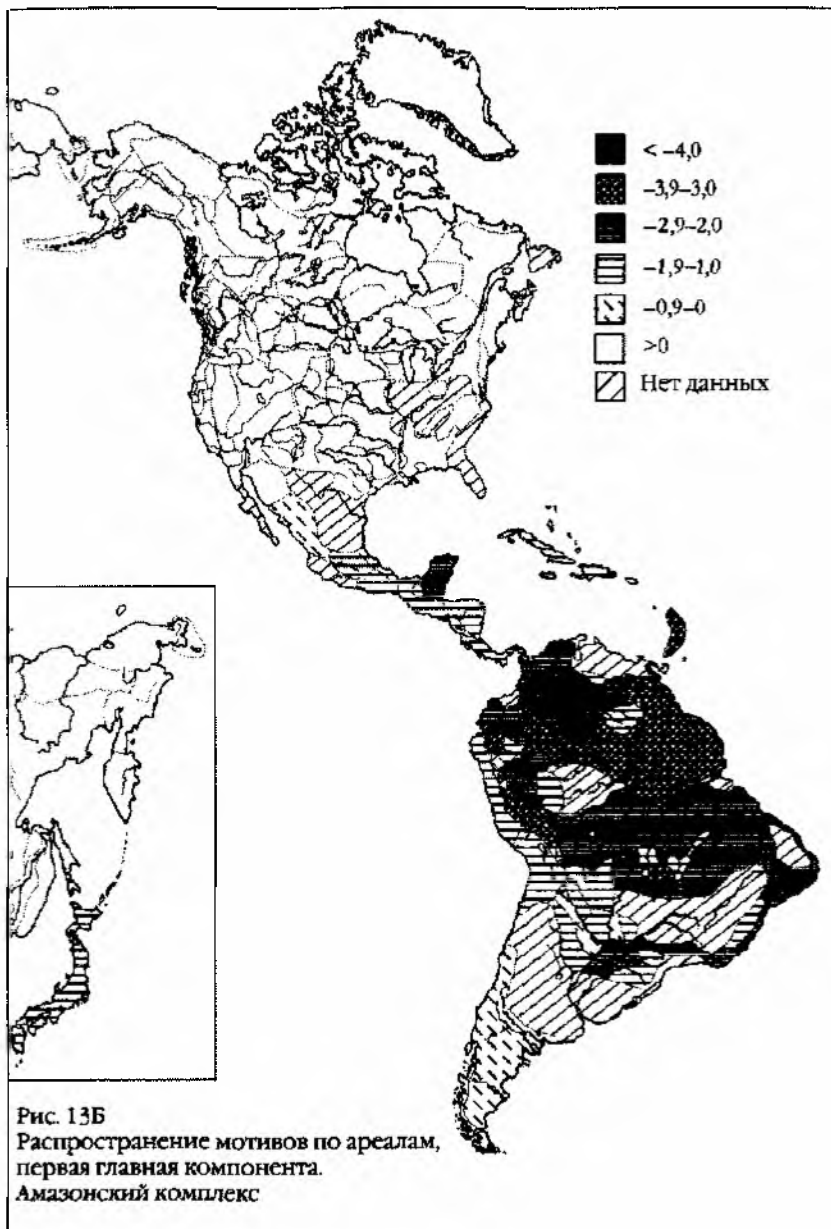
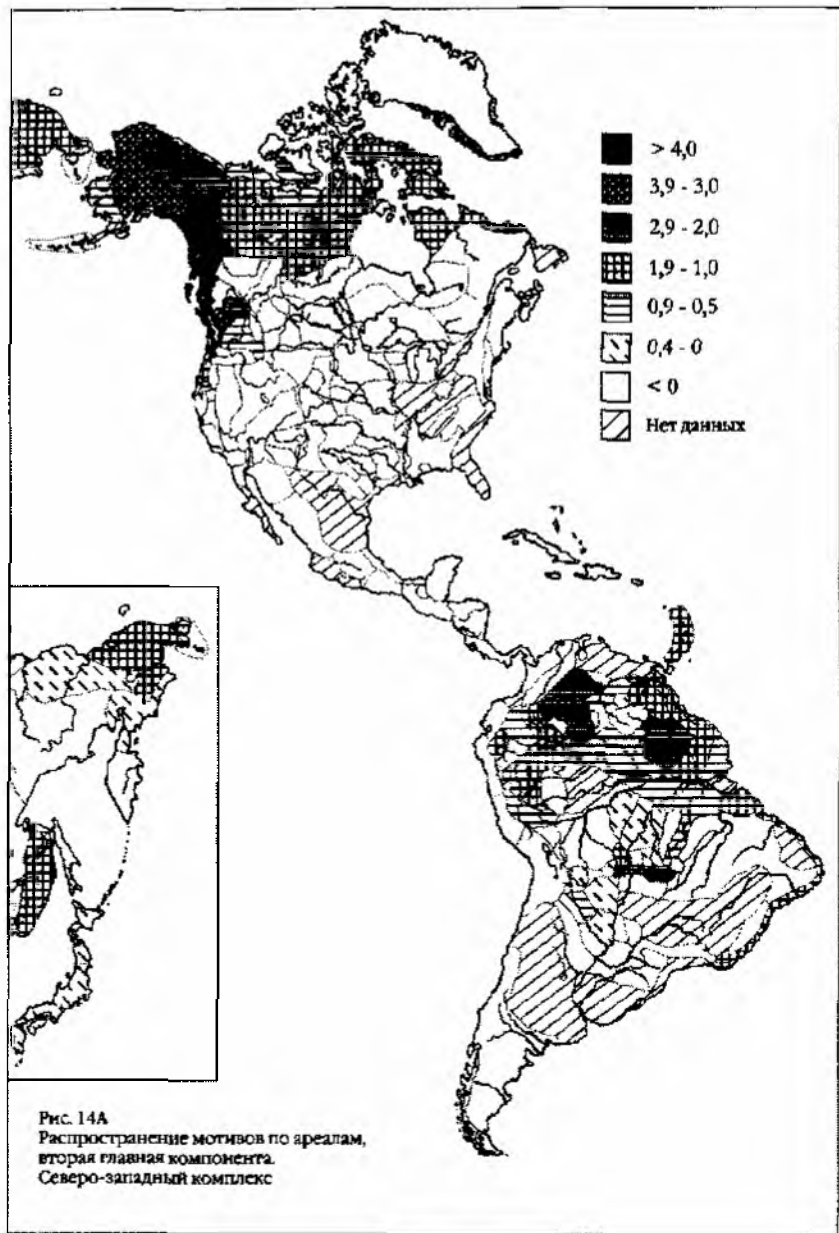

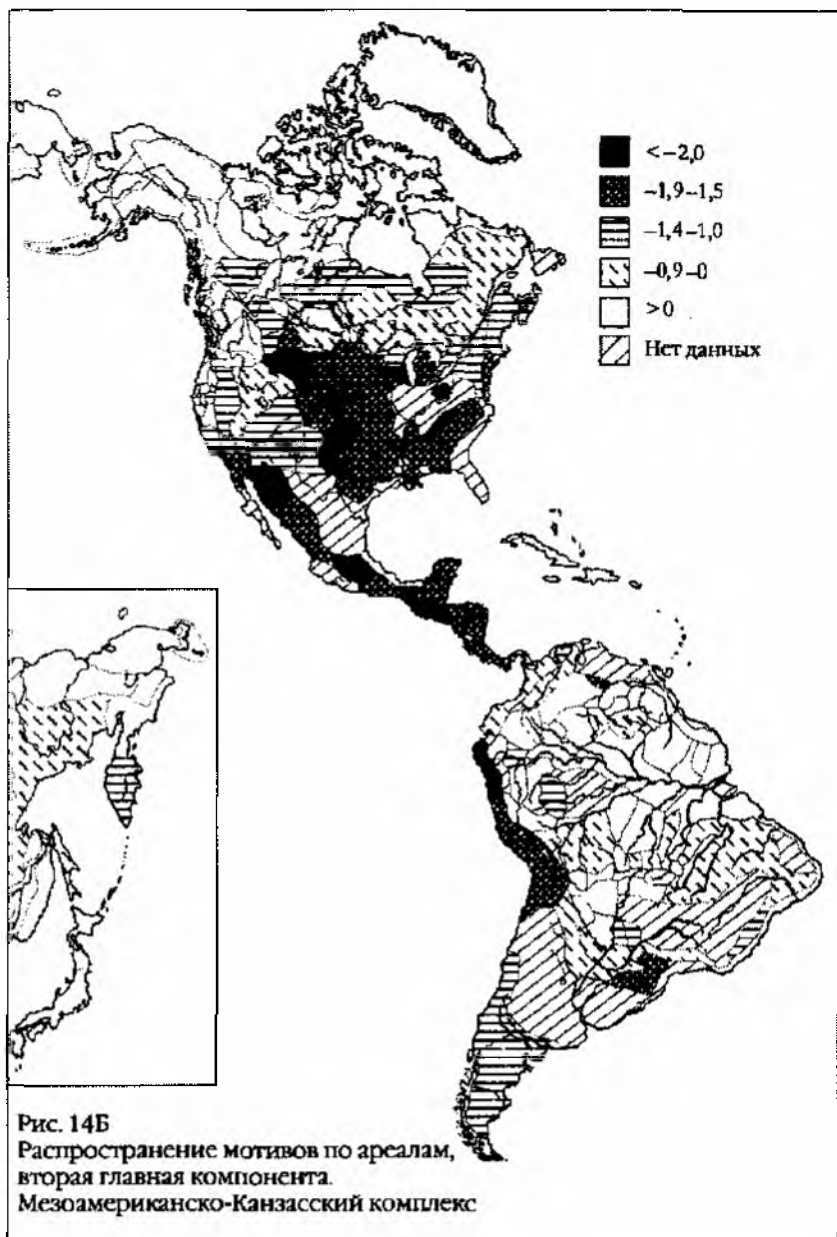

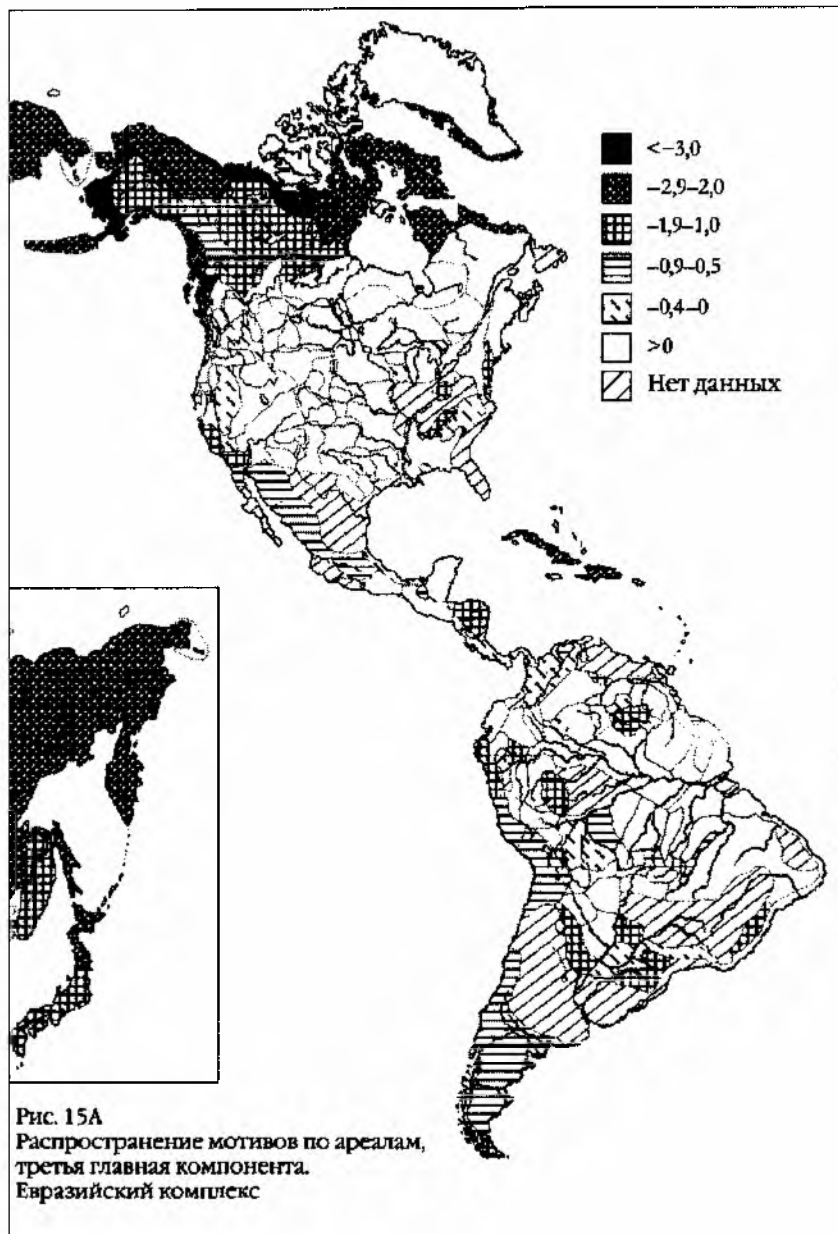
Рис. 12. Арелы, выделенные для учета распространения мифологических мотивов в пределах Нового Света и Северной Пасифики

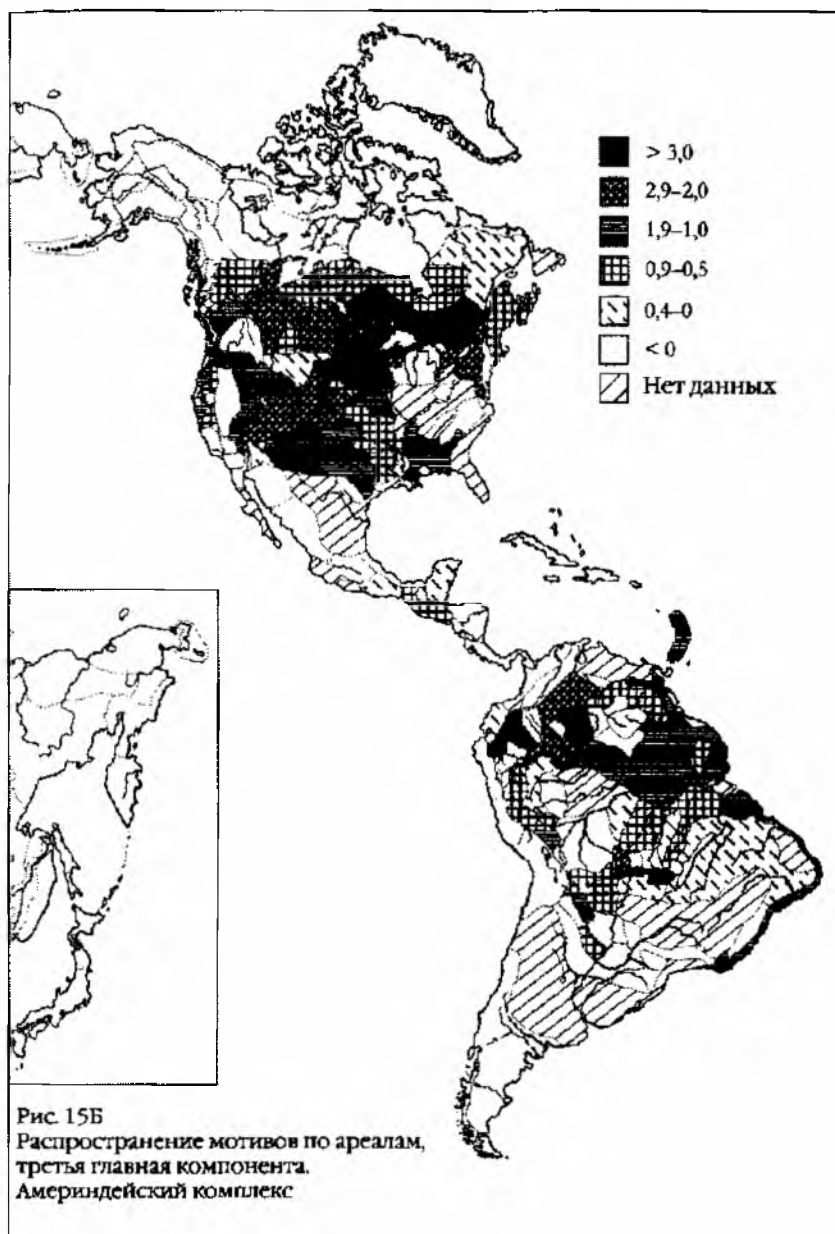

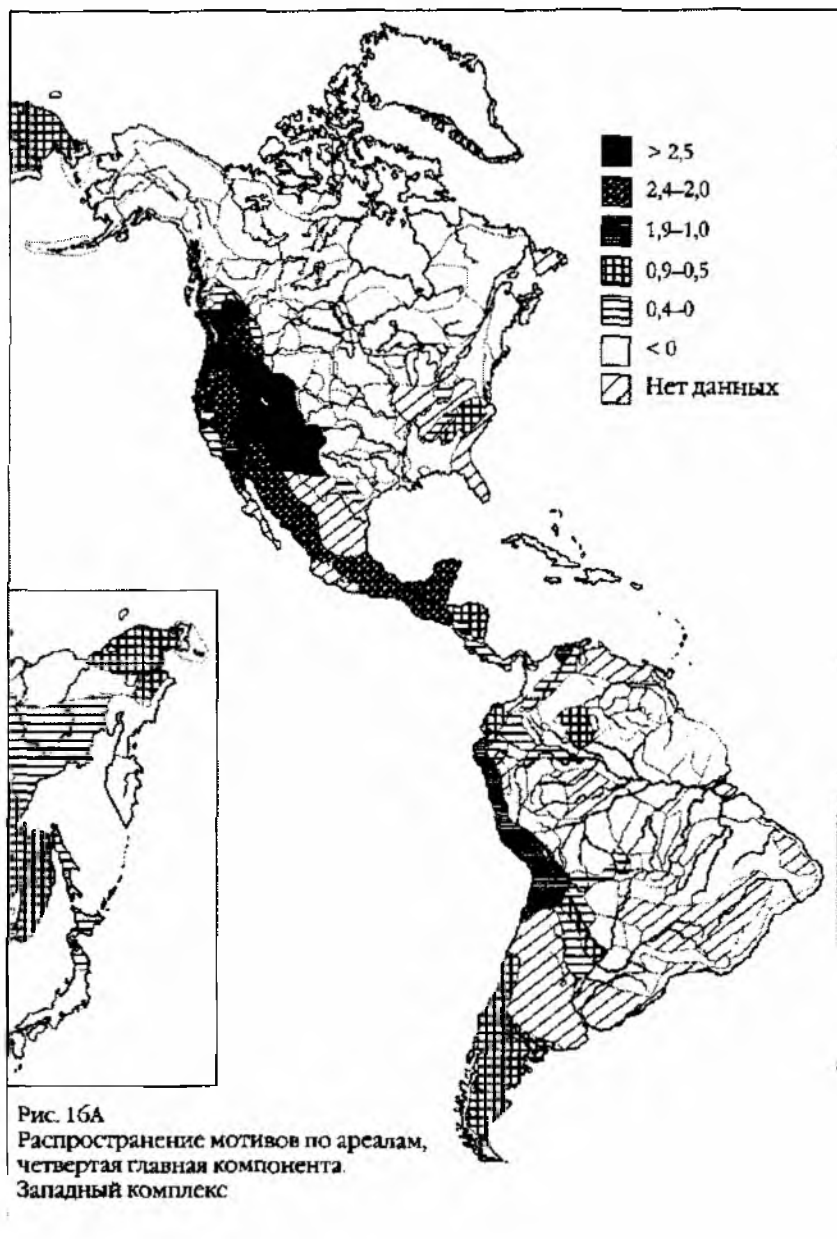

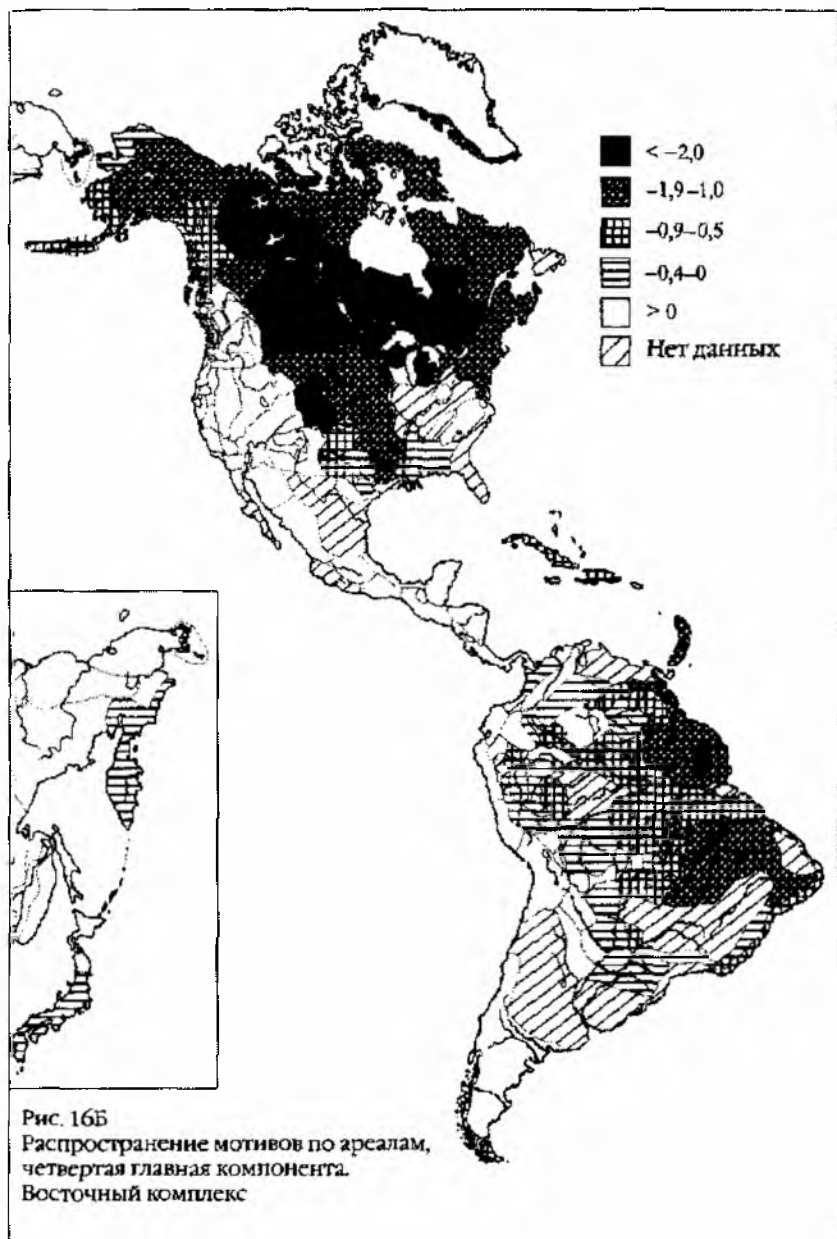

Библиография

- АЛЕКСЕЕВ 1974 — АЛЕКСЕЕВ В. П. География человеческих рас. М.: Мысль, 1974.
- АНОХИН 1997 — АНОХИН А. В. Легенды и мифы седого Алтая. Горно-Алтайск: М-во культуры Респ. Алтай, 1997.
- АРУТЮНОВ, СЕРГЕЕВ 1969 — АРУТЮНОВ С. А., СЕРГЕЕВ Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М.: Наука, 1969.
- БАРТ 1996 — БАРТ Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.
- БАШИЛОВ 1999 — БАШИЛОВ В. А. Неолитическая революция в Централь-ных Андах. Две модели палеоэкономического процесса. М.: Ин-т археологии РАН, 1999.
- БАГЛАЙ 1998 — БАГЛАЙ В. Е. Ацтеки. История, экономика, социально-политический строй (доколониальный период). М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998.
- БЕРЕЗКИН 1981 — БЕРЕЗКИН Ю. Е. Божество — покровитель земледелия на изображениях мочика (Перу) // Сб. Музея антропологии и этнографии. 37. 1981. С. 35–53.
- БЕРЕЗКИН 1983а — БЕРЕЗКИН Ю. Е. Мочика. Цивилизация индейцев северного побережья Перу в I–VII вв. Л.: Наука, 1983.
- БЕРЕЗКИН 1983в — БЕРЕЗКИН Ю. Е. Мифология индейцев Латинской Америки и древнейшие фольклорные провинции // Фольклор и историческая этнография. М.: Наука, 1983. С. 191–220.
- БЕРЕЗКИН 1996 — БЕРЕЗКИН Ю. Е. Дерево изобилия: миф и его составляющие // Американские индейцы: новые открытия и интерпретации. М.: Наука, 1996. С. 152–166.
- БЕРЕЗКИН 1999 — БЕРЕЗКИН Ю. Е. Анатомия любви: архаические и «прогрессивные» мотивы в мифологиях циркумтихоокеанского региона // Астарта. Вып. 1. Культурологические исследования из истории Древнего мира и Средних веков: проблемы женственности. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 159–190.

- БЕРЕЗКИН 2000 — БЕРЕЗКИН Ю. Е. Восточно-средиземноморская мифология в Америке // Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб.: Алетей: Гос. Эрмитаж, 2000. С. 185–197.
- БЕРЕЗКИН 2001 — БЕРЕЗКИН Ю. Е. Мост через океан. Заселение Нового Света и мифология индейцев и эскимосов Америки. Edwin Mellen Press, 2001.
- БЕРЕЗКИН 2002А — БЕРЕЗКИН Ю. Е. Керамика из района бухты Оля на острове Итуруп // Археологические вести. Вып. 9. 2002. С. 119–123.
- БЕРЕЗКИН 2003А — БЕРЕЗКИН Ю. Е. О путях заселения Нового Света: некоторые результаты сравнительного изучения американских и сибирских мифологий // Археологические вести. Вып. 10. 2003. С. 228–285.
- БЕРЕЗКИН 2003В — БЕРЕЗКИН Ю. Е. Трикстер как серия эпизодов // Труды факультета этнологии. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2003. С. 98–165.
- БЕРЕЗКИН 2003С — БЕРЕЗКИН Ю. Е. Южносибирско-североамериканские связи в области мифологии // Археология, этнография и антропология Евразии. Вып. 2 (14). 2003. С. 94–105.
- БЕРЕЗКИН 2003D — БЕРЕЗКИН Ю. Е. «Пополь-Вух». Насколько «майяским» является лучший источник по мифологии майя? // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 13. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого; Петербургское востоковедение, 2003. С. 130–137.
- БЕРЕЗКИН 2003Е — БЕРЕЗКИН Ю. Е. О западном происхождении алгонкинов (ареальное распределение фольклорных мотивов) // Российская наука о человеке / Материалы международной научной конференции. Вып. 2. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого; Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2003. С. 23–36.
- ВАСИЛЬЕВ 1999 — ВАСИЛЬЕВ С. А. Палеолит американской Берингии // Молодая археология и этнология Сибири (доклады XXXIX РАЭСК, часть 1). 1999. С. 47–49.
- ВАХТИН 1996 — ВАХТИН Н. Б. Эскимосско-алеутские языки // Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1996. С. 72–75.
- ВЕСЕЛОВСКИЙ 1989 — ВЕСЕЛОВСКИЙ А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989.
- ВОСТРЕЦОВ 1998 — ВОСТРЕЦОВ Ю. Е. Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДО РАН, 1998.
- ДАНДЕС 2003 — ДАНДЕС А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ / Пер. с англ. А. С. Архиповой и др. М.: Восточная литература, 2003.
- ДЕРГАЧЕВ И ДР. — ДЕРГАЧЕВ В. А., ЗАЙЦЕВА Г. И., ТИМОФЕЕВ В. И., СЕМЕНЦОВ А. А., ЛЕБЕДЕВА Л. М. Изменение природных процессов и радиоуглеродная хронология археологических памятников. СПб.: Ин-т истории материальной культуры РАН. С. 7–17. (Археология и радиоуглерод. Вып. 1).

- ДИКОВ 1979 — ДИКОВ Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М.: Наука, 1979.
- ДИКОВ 1983 — ДИКОВ Н. Н. Культурные связи между Северо-Восточной Азией и Америкой по данным позднеплейстоценовых и раннеголоценовых памятников Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1983. С. 21–27.
- ДОКИНЗ 1994 — ДОКИНЗ Р. Эгоистичный ген / Пер. с англ. М.: Мир, 1994.
- ДЭВЛЕТ 2000 — ДЭВЛЕТ Е. Г. Художественные изделия из камня индейцев Центральной Америки. М.: Научный мир, 2000.
- ДЮРКГЕЙМ 1995 — ДЮРКГЕЙМ Э. Социология. М.: Канон, 1995.
- ЖУЩИХОВСКАЯ 1995 — ЖУЩИХОВСКАЯ И. С. Гончарство населения северной части бассейна Японского моря в эпоху первобытности (палеоэкономический ракурс) / Дис. ... докт. ист. наук. Владивосток, 1995.
- ЗУБОВ 1998 — ЗУБОВ А. А. Естественная история древнего человечества // Природа. 1998. № 1. С. 76–87.
- ЗУБОВ 1999 — ЗУБОВ А. А. Происхождение и эволюционное значение палеоамериканского краниологического комплекса // Развитие цивилизации и Новый Свет: Первые Кнорозовские чтения. Материалы науч. конференции. М.: РГУ, 1999. С. 9–11.
- ИОХЕЛЬСОН 1904 — ИОХЕЛЬСОН В. И. Об азиатских и американских элементах в мифах коряков // Землеведение. 1904. № 11 (3). С. 33–41.
- КАРЛСОН 1983 — КАРЛСОН Р. Л. Ранние культуры северо-западного побережья Северной Америки // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1983. С. 61–72.
- КОЗИНЦЕВ 1988 — КОЗИНЦЕВ А. Г. Новые данные о происхождении арктической расы // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 66–83.
- КРАУСС 1981 — КРАУСС М. Э. Языки коренного населения Аляски: прошлое, настоящее и будущее // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. Труды советско-американской группы по сотрудничеству в области изучения взаимодействия аборигенных народов и культур Северной Сибири и Северной Америки / Отв. ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1981. С. 149–181.
- КРУПНИК 1989 — КРУПНИК И. И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989.
- ЛАРИЧЕВА 1986 — ЛАРИЧЕВА И. П. Мезоиндейские культуры Северной Америки. Новосибирск: Наука, 1986.
- ЛЕВИ-СТРОС 1983 — ЛЕВИ-СТРОС К. Структурная антропология / Пер. с фр. под ред. и с прим. Вяч. Вс. Иванова. М.: Наука, 1983.
- ЛЯПУНОВА 1987 — ЛЯПУНОВА Р. Г. Алеуты: Очерки этнической истории. Л.: Наука, 1987.

- МЕЛЕТИНСКИЙ 1979 — МЕЛЕТИНСКИЙ Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М.: Наука, 1979.
- МЕЛЕТИНСКИЙ 1982 — МЕЛЕТИНСКИЙ Е. М. Культурный герой // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 25–28.
- МЕРДОК 2003 — МЕРДОК ДЖ. П. Социальная структура / Пер. с англ. и коммент. А. В. Коротаева. М.: ОГИ, 2003.
- НЕКЛЮДОВ 1977 — НЕКЛЮДОВ С. Ю. О функционально-семантической природе знака в повествовательном фольклоре // Семиотика и художественное творчество. М.: Наука, 1977. С. 193–228.
- ПУТИЛОВ 1975 — ПУТИЛОВ Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, 1975. С. 141–255.
- ТЕРНЕР 1983 — ТЕРНЕР К. Г. Синодонтия и сундадонтия: происхождение, микроэволюция и расселение монголоидов в бассейне Тихого океана, Сибири и Америки с точки зрения одонтологии // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1983. С. 72–76.
- ТОКАРЕВ, МЕЛЕТИНСКИЙ 1980 — ТОКАРЕВ С. А., МЕЛЕТИНСКИЙ Е. М. Мифология // Мифы народов мира. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 11–20.
- ТРОЯКОВ 1995 — ТРОЯКОВ П. А. Мифы и легенды хакасов. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1995.
- ФЕБЛЕС 1986 — ФЕБЛЕС Х. Каменные орудия комплекса себоруко // Археология Кубы. Новосибирск: Наука, 1986. С. 22–23.
- ФЕДОРОВА 1978 — ФЕДОРОВА И. К. Мифы, предания и легенды острова Пасхи. М.: Наука, 1978.
- ФЕДОРОВА 1994 — ФЕДОРОВА И. К. Остров Пасхи. Очерки культуры XVIII–XIX вв. СПб.: Наука, 1994.
- ФЕЕСТ 1985 — ФЕЕСТ К. Искусство коренных народов Северной Америки / Пер. с англ. М.: Радуга, 1985.
- AARNE, THOMPSON 1961 — AARNE A., THOMPSON S. The Types of the Folklore: A Classification and Bibliography. Atti Aarne's Verzeichnis der Marchentypen Translated and Enlarged by S. Thompson. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1961. (Folklore Fellows Communications. 184).
- ACKERMAN 1996 — ACKERMAN R. E. Ground Hog Bay, site 2 // American Beginnings. The Prehistory and Paleoecology of Beringia / F.H. West, ed. Chicago, L.: The University of Chicago Press, 1996. P. 424–430.
- ACKERMAN 1998 — ACKERMAN R. E. Early maritime traditions in the Bering, Chukchi, and East Siberian seas // Arctic Anthropology, 35 (1). 1998. P. 247–262.
- ACOSTA SAIGNES 1852 — ACOSTA SAIGNES M. El area cultural prehispanica de los Andes venezolanos // Archivos Venezolanos de Folklore, 1 (1–2). 1852. P. 45–72.

- ADAMS 1981 — ADAMS R. N. Natural selection, energetics, and Cultural materialism // *Current Anthropology*, 22 (6). 1981. P. 603–624.
- ADAMS ET AL. 2001 — ADAMS J. M., FOOTE G. R., OTTE M. Could pre-last glacial maximum humans have existed in North America undetected? An interregional approach to the question // *Current Anthropology*, 42 (4). 2001. P. 563–566.
- ADAMSON 1934 — ADAMSON T. *Folk Tales of the Coast Salish*. New York, 1934. (Memoires of the American Folk-Lore Society. 27).
- ADLER ET AL. 1996 — ADLER M. A., POOL N. VAN, LEONARD R. D. Ancestral Pueblo population aggregation and abandonment in the North American Southwest // *Journal of World Prehistory*, 10 (3). 1996. P. 375–438.
- ADOVACIO ET AL. 1990 — ADOVACIO J. M., DONAHUE J., STUCKENRATH R. The Meadowcroft rockshelter radiocarbon chronology 1975–1990 // *American Antiquity*, 52 (2). 1990. 348–354.
- ADOVACIO, PEDDLER 1997 — ADOVACIO J. M., PEDDLER D. R. Monte Verde and the antiquity of humankind in the Americas // *Antiquity*, 71 (273). 1997. 573–580.
- AIKHENVALD 1998 — AIKHENVALD A. Y. Review of «Vocabulario Piapoco-Español. Santa Fé de Bogotá, 1995» // *International Journal of American Linguistics*, 64 (2). 1998. P. 168–169.
- AMES 1998 — AMES K. M. Economic prehistory of the Northern British Columbia Coast // *Arctic Anthropology*, 35 (1). 1998. P. 68–87.
- AMES ET AL. 1998 — AMES K. M., DUMOND D. E, GALM J. R., MINOR R. Prehistory of the Southern Plateau // *Handbook of North American Indians*. Vol. 12. Plateau. Wash.: Smithsonian Institution, 1998. P. 103–119.
- AMES, MASCHNER 1999 — AMES K. M., MASCHNER H. D. G. *Peoples of the Northwest Coast. Their Archaeology and Prehistory*. L.: Thames and Hudson, 1999.
- ANDERSEN 1978 — ANDERSEN J. M. Stirrup-spouts in the New World: a distributional study // *Journal of the Steward Anthropological Society*, 9 (1–2). 1978. P. 205–229.
- ANGULO C. 1981 — ANGULO C. *La tradición Malambo*. Bogotá: Fundación de Investigaciones Arqueológicas Nacionales, 1981.
- ANGULO 1986 — ANGULO C. Guajiro en la arqueología del norte de Colombia // *Boletín de Arqueología*, 1 (3). 1986. 49–53.
- ARDILA CALDERÓN 1984 — ARDILA CALDERÓN G. I. Chia Un sitio precerámico en la Sabana de Bogotá. Bogotá: Fundación de Investigaciones Arqueológicas Nacionales, 1984.
- ARDILA CALDERÓN 1986 — ARDILA CALDERÓN G. I. Arqueología de la Guajira // *Boletín de Arqueología*, 1 (3). 1986. P. 64–75.
- ANDRADE 1986 — ANDRADE A. *Investigación arqueológica de los antrosoles de Araricuera*. Bogotá: Fundación de Investigaciones Arqueológicas Nacionales, 1986.
- ANDREASEN 2000 — ANDREASEN C. Palaeo-Eskimos in Northwest and Northeast Greenland // *Identities and Cultural Contacts in the Arctic* / M. Appelt, J. Bergkund, H. C. Gulløv, eds. Copenhagen: Danish Natural History Museum; Danish Polar Center, 2000. P. 82–92.

- ANONIMOUS 1972 — American Indian Art: Form and Tradition. Minneapolis: Walker Art Center, the Minneapolis Institute of Art, 1972.
- ARNOLD 1982 — ARNOLD D. L. Pueblo pottery, 2,000 years of artistry // National Geographic, 162 (5). 1982. P. 593–605.
- BALKANSKY 1998 — BALKANSKY A. K. Origin and collapse of complex societies in Oaxaca (Mexico): evaluating the era from 1965 to the present // Journal of World Prehistory, 12 (4). 1998. P. 451–493.
- BALKANSKY 2002 — BALKANSKY A. K. The Sola Valey and the Monte Albán State. A Study of Zapotec Imperial Expansion. Ann Arbor: Museum of Anthropology, University of Michigan, 2002.
- BARTEL, WINNING 1989 — BARTEL T. S., WINNING H. VON. Some observations of Stela 1, La Mojarra, Veracruz // Tribus, 38. 1989. P. 91–120.
- BATCHELOR 1927 — BATCHELOR J. Ainu Life and Lore. Echoes of a Departed Race. Tokyo: Kyobunkwan, 1927.
- BAYMAN 2001 — BAYMAN J. M. The Hohokam of Southwest North America // Journal of World Prehistory, 15 (3). 2001. P. 257–311.
- BECK, JONES 1997 — BECK C., JONES G. T. The Terminal Pleistocene / Early Holocene archaeology of the Great Basin // Journal of World Prehistory, 11 (2). 1997. P. 161–236.
- BECKWITH 1938 — BECKWITH M. W. Mandan-Hidatsa Myths and Ceremonies. Boston, 1938. (Memoires of the American Folk-Lore Society. 32).
- BELL 1961 — BELL R. E. Evidence of a fluted point tradition in Ecuador // American Antiquity, 26 (1). 1961. P. 102–106.
- BELL 1965 — BELL R. E. Archaeological Investigations at the Site of El Inga, Ecuador. Quito: Casa de la Cultura Ecuatoriana, 1965.
- BELL, BROOKS 2001 — BELL R. E., BROOKS R. L. Plains Village Tradition: Southern // Handbook of North American Indians. Vol. 13. Plains. Wash.: Smithsonian Institution, 2001. P. 207–221.
- BELTRÃO ET AL. 1986A — BELTRÃO M. C., ENRIQUEZ C. R., DANNON J., ZULETA E, POUPEAU G. Thermoluminescence dating of burnt cherts from the Alice Boër site (Brazil) // New Evidence for the Pleistocene Peopling of the Americas / A.L. Bryan, ed. Orono: Center for the Study of Early Man, 1986. P. 183–193.
- BELTRÃO ET AL. 1986B — BELTRÃO M. C., MOURA J. R. S. DE, VASCONCELOS W. S. DE, BENE S. M. N. Sitio arqueológico pleistocênico em ambiente de encosta: Itaboraí RJ // New Evidence for the Pleistocene Peopling of the Americas / A.L. Bryan, ed. Orono: Center for the Study of Early Man. P. 195–202.
- BENSON 1997 — BENSON E. P. Birds and Beasts of Ancient America. Gainesville etc.: University press of Florida, 1997.
- BENZ, ILTIS 1990 — BENZ B. F., ILTIS H. M. Studies in archaeological maize I: the wild maize from San Marcos cave reexamined // American Antiquity, 55 (3). 1990. P. 500–511.
- BERBERIAN 1969 — BERBERIAN E. E. Enterratorios de adultos en urnas en el area Valliserrana del Noroeste argentino. Cordoba: Instituto de Antropologia, 1969.

- BEREZKIN 1981 — BEREZKIN YU. E. An identification of anthropomorphic mythological personages in Moche representations // *Ñawpa Pacha*, 18. 1981. P. 1–26.
- BEREZKIN 2003 — BEREZKIN YU. E. Folklore parallels between Central Algonkians and the peoples of the Plateau / Paper presented to Fifth World Archaeological Congress (Wash., June 21–26, 2003).
- BERMAN, GNIVECH 1995 — BERMAN M. J., GNIVECH P. L. The colonization of the Bahama archipelago: a reappraisal // *World Archaeology*, 26 (3). 1995. P. 421–441.
- BERRY 1985 — BERRY M. S. The age of maize in the Greater Southwest: a critical review // *Prehistoric Food Production in North America* / R. I. Ford, ed. Ann Arbor. 1985. P. 279–307. (Anthropological Papers, Museum of Anthropology, University of Michigan. 75).
- BIELAWSKI 1988 — BIELAWSKI E. Paleoeskimo variability: the early Arctic Small-Tool Tradition in the Central Canadian Arctic // *American Antiquity*, 53 (1). 1988. P. 52–74.
- BIRD 1946 — BIRD J. B. The archaeology of Patagonia // *Handbook of South American Indians*. Vol. 1. Wash.: Smithsonian Institution, 1946. P. 17–24. (Bureau of American Ethnography. 143).
- BIRD 1970 — BIRD J. B. Paleo-Indian discoidal stones from southern South America // *American Antiquity*, 35 (2). 1970. P. 205–209.
- BIRD 1987 — BIRD R. MCK. A postulated tsunami and its effects on cultural development in the Peruvian Early Horizon // *American Antiquity*, 52 (2). 1987. P. 285–303.
- BIRD 1990 — BIRD R. MCK. What are the chances of finding maize in Peru dating before 1000 BC: Reply to Bonavia and Grobman // *American Antiquity*, 55 (4). 1990. P. 828–840.
- BISCHOF 1966 — BISCHOF H. Canapote — an early ceramic site in Northern Colombia. Preliminary report // 36 Congreso Internacional de Americanistas (Barcelona — Sevilla, 1964). *Actas y Memorias*. Sevilla, 1966. P. 483–492.
- BISCHOF 1979 — BISCHOF H. San Pedro und Valdivia Frühe Keramik Komplexe an der Küste Südwest-Ekuadors // *Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*, 1. 1979. S. 335–389.
- BISCHOF 1983 — BISCHOF H. Indígenas y españoles en la Sierra Nevada de Santa Marta — siglo XVI // *Revista Colombiana de Antropología*, 24. 1983. P. 75–124.
- BISCHOF, GAMBOA 1972 — BISCHOF H., GAMBOA J. V. Pre-Valdivia occupation on the Southwestern coast of Ecuador // *American Antiquity*, 37 (4). 1972. P. 548–553.
- BLIXEN 1990 — BLIXEN O. El homicida de la pierna punzante: análisis de un tema de la mitología americana // *Comunicaciones antropológicas del Museo de Historia Natural de Montevideo*, 2 (15). 1990. P. 1–22.
- BLIXEN 1991 — BLIXEN O. La mujer estrella. Análisis de un mito sudamericano // *Moana, Estudios de Antropología* (Montevideo), 4 (1). 1991. P. 1–28.

- BLIXEN 1992A — BLIXEN O. Las manchas de la luna y sus explicaciones míticas en Sudamérica // *Moana, Estudios de Antropología* (Montevideo), 4 (2). 1992. P. 1–43.
- BLIXEN 1992B — BLIXEN O. Los mitos sudamericanos sobre el origen del fuego // *Anales del Museo Nacional de Historia Natural de Montevideo*, 2-a serie, 8. 1992. P. 5–41.
- BLIXEN 1994 — BLIXEN O. La vida breve. La introducción de la muerte entre los hombres según la mitología sudamericana // *Moana, Estudios de Antropología* (Montevideo), 4 (4). 1994. P. 1–74.
- BLOOMFIELD 1928 — BLOOMFIELD L. *Menomini Texts*. N. Y.: G. E. Stechert, 1928.
- BOADA 1987 — BOADA A. M. *Asentamientos indígenas en el Valle de la Laguna*. Bogotá: Fundación de Investigaciones Arqueológicas Nacionales, 1987.
- BOAS 1891 — BOAS F. Dissemination of tales among the natives of North America // *Journal of American Folklore*, 4 (12). 1891. P. 13–20.
- BOAS 1895 — BOAS F. *Indianische Sagen von der Nordpazifischen Küste Amerikas*. Berlin: Asher, 1895. (Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte 1891–1895. Sonderdruck).
- BOAS 1896 — BOAS F. The growth of Indian mythologies // *Journal of American Folklore*, 9 (32). 1896. P. 1–11.
- BOAS 1916 — BOAS F. *Tsimshian mythology* // 31th Annual Report of the Bureau of American Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution, 1909–1910. Wash., 1916. P. 29–1037.
- BOAS 1918 — BOAS F. *Kutenai Tales*. Wash.: Smithsonian Institution, 1918. (Bureau of American Ethnology. 59).
- BOAS 1928 — BOAS F. *Anthropology and Modern Life*. N. Y.: Norton, 1928.
- BOAS 1940 — BOAS F. *Race, Language, and Culture*. Chicago, L.: University of Chicago Press, 1940.
- BOGORAS 1902 — BOGORAS W. The folklore of Northeastern Asia, compared with that of Northwestern America // *American Anthropologist*, 4 (4). 1902. P. 577–683.
- BOLDRURIAN, COTTER 1999 — BOLDRURIAN A. T., COTTER J. L. Clovis revisited. *New Perspectives on Paleoindian Adaptations from Blackwater Draw, New Mexico*. Philadelphia: The University Museum, University of Pennsylvania, 1999.
- BONAVÍA 1991 — BONAVÍA D. *Perú. Hombre e Historia. De los orígenes a siglo XV*. Lima: Fundación del Banco Continental para el Fomento de la Educación y la Cultura; Ediciones Edubanco, 1991.
- BONAVÍA 1998 — BONAVÍA D. Review of evidence on preceramic maize in the Central Andean region // *The Prehistory of the Americas* / T. R. Hester, L. Laurschich-Minelly, S. Salvatori, eds. Forlì: XIII International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences, 1998. P. 403–406.
- BONAVÍA, CHAUCHAT 1990 — BONAVÍA D., CHAUCHAT C. Presencia del paijanense en el valle de Ica // *Bulletin Français des Études Andines*, 19 (2). 1990. P. 399–412.

- BONHARD-FREUND, KURLAND 1994 — BONHARD-FREUND M. T., KURLAND J. A. Tit-for-Tat among the Iroquois: a game theoretic perspective on inter-tribal political organization // *Journal of Anthropological Archaeology*, 13. 1994. P. 278–305.
- BORRERO 1997 — BORRERO L. A. The peopling of Patagonia. The first human occupation // *Patagonia Natural History, Prehistory, and Ethnography at the Uttermost End of the Earth* / C. McEvan, L. A. Borrero, A. Prieto, eds. Princeton: Princeton University Press, 1997. P. 32–45.
- BOYD 1996 — BOYD C. E. Shamanic journeys into the otherworld of the Archaic Chichimec // *Latin American Antiquity*, 7 (2). 1996. P. 152–164.
- BRAY W. 1978 — BRAY W. An eighteenth century reference to a fluted point from Guatemala // *American Antiquity*, 43 (3). 1978. P. 457–460.
- BRAY 1977 — BRAY W. Maya metalwork and its external connections // *Social Process in Maya Prehistory* / N. Hammond, ed. N. Y. etc.: Academic Press, 1977. P. 365–403.
- BRAY 1981 — BRAY W. Gold Work // *Between Continents / Between Seas: Precolumbian Art of Costa Rica* / E. P. Benson, ed. N. Y.: Harry N. Abrams, 1981. P. 153–166.
- BRAY ET AL. 1981 — BRAY W., HERRERA L., CARDALE SCHRIMPFF M. (No title) // *Pro Calima*, 2. 1981. P. 1–22.
- BRAY ET AL. 1985 — BRAY W., HERRERA L., CARDALE SCHRIMPFF M. Report on the 1982 field season in Calima // *Pro Calima*, 4. 1985. P. 2–26.
- BRAY ET AL. 1988 — BRAY W., HERRERA L., CARDALE SCHRIMPFF M. Report on the 1984 field season in Calima // *Pro Calima*, 5. 1988. P. 2–42.
- BROCHADO 1974 — BROCHADO J. P. Pesquisas arqueológicas no estado cristalino do Rio Grande do Sul (Serra de Sudeste) // *Museo Paraense Emilio Goeldi, Publicaciones Avulsas*, 26. 1974. P. 25–26.
- BROCHADO 1984 — BROCHADO J. P. An Ecological Model of the Spread of Pottery and Agriculture into Eastern South America. Urbana: University of Illinois, 1984.
- BRODY 1974 — BRODY J. J. In advance of the ready made: kiva murals and Navajo dry painting // *Art and Environment in Native America* / M. E. King, ed. Dubbock, 1974. P. 11–21.
- BRODY 1980 — BRODY J. J. Mimbres Painted Pottery. Santa Fe; Albuquerque: School of American Research; University of New Mexico Press, 1980.
- BROWN 1991 — BROWN C. H. Hieroglyphic literacy in Ancient Mayaland: inference from linguistic data // *Current Anthropology*, 32 (4). 1991. P. 489–496.
- BROWN 1980 — BROWN K. L. A brief report on Paleoindian-Archaic occupation in the Quiche Basin, Guatemala // *American Antiquity*, 45 (2). 1980. P. 313–324.
- BRANDT 1994 — BRANDT E. A. Egalitarianism, hierarchy, and centralization in the Pueblos // *The Ancient Southwestern Community* / W. H. Wills, R. D. Leonard, eds. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1994. P. 9–23.
- BRUCE ET AL. 1987 — BRUCE H. D., QUIZAR R., DAHLIN A. Linguistic divergence and the collapse of Preclassic civilization in Southern Mesoamerica // *American Antiquity*, 52 (2). 1987. P. 367–382.

- BRUNTON 1998 — BRUNTON B. B. Kootenai // Handbook of North American Indians. Vol. 12. Plateau. Wash.: Smithsonian Institution, 1998. P. 223–237.
- BUCKLER ET AL. 1998 — BUCKLER E. S., PEARSALL D. M., HOLTSFORD T. P. Climate, plant ecology, and Central Mexican Archaic subsistence // Current Anthropology, 39 (1). 1998. P. 152–164.
- BULLEN 1972 — BULLEN R. P. The Orange period of peninsular Florida // Florida Anthropologist, 25 (2), part 2. 1972. P. 9–33.
- BULLEN, PLOWDEN 1963 — BULLEN R. P., PLOWDEN W. W. Pre-ceramic Archaic sites in the Highlands of Honduras // American Antiquity, 28 (3). 1963. P. 382–386.
- BURCH 1999 — BURCH E. S., JR. The ethnogenesis of the Kuuvaum Kangiagmiut // Ethnohistory, 46 (2). 1999. P. 291–327.
- BURGER, GORDON 1998 — BURGER R., GORDON R. B. Early Andean metalworking from Mina Perdida, Peru // Science, 282 (5391). 1998. P. 1108–1110.
- BURGER, MERWE 1990 — BURGER R., MERWE N. Maize and the origin of Highland Chavin civilization: an isotopic perspective // American Anthropologist, 92 (1). 1990. P. 85–95.
- BURKHART 1986 — BURKHART L. M. Moral deviance in sixteen-century Nahua and Christian thought. The rabbit and the deer // Journal of Latin American Lore, 12 (2). 1986. P. 107–139.
- BYER 1967 — BYER D. S., ED. The Prehistory of Tehuacan Valley. Austin: University of Texas Press, 1967.
- CADAVID, CAYCEDO 1986 — CADAVID G., CAYCEDO A. Análisis de C-14. Fecha para un basurero en Buritica 200 // Boletín de Arqueología, 1 (1). 1986. P. 21–42.
- CAGGIANO 1984 — CAGGIANO M. A. Prehistoria del N.E. argentino. Porto Alegre, 1984. (Pesquisas, Antropologia 38).
- CALLAGHAN 1992 — CALLAGHAN C. A. The riddle of Rumsen // International Journal of American Linguistics, 58 (1). 1992. P. 36–48.
- CALLAGHAN 2001 — CALLAGHAN C. A. More evidence for Yok-Utian: a reanalysis of the Dixon and Kroeber sets // International Journal of American Linguistics, 67 (3). 2001. P. 313–345.
- CAMPBELL 1997 — CAMPBELL L. American Indian Languages. The Historical Linguistics of Native America. N. Y., Oxford: Oxford University Press, 1997.
- CANALS 1950 — CANALS FRAU S. Prehistoria de América. Buenos Aires: Editorial sudamericana, 1950.
- CARDICH 1973 — CARDICH A. Excavaciones en la caverna de Huargo // Revista del Museo Nacional 39: 11–29.
- CARDICH 1977 — CARDICH A. Las culturas pleistocénicas y post-pleistocénicas de Los Toldos y un bosquejo de la prehistoria de Sudamerica // Obra del Centenario del Museo de La Plata. Vol. 2. P. 149–172.
- CARDICH 1994A — CARDICH A. L'origine de la civilisation Andine // L'Anthropologie, 98 (1). 1994. P. 173–189.

- CARDICH 1994B — CARDICH A. Descubrimiento de un complejo precerámico en Cajamarca, Perú // *Revista del Museo de La Plata. New Seria*, 9: *Antropología*, 74. 1994. P. 225–237.
- CARDICH ET AL. 1973 — CARDICH A., L. A. CARDICH, HAJDUK A. Secuencia arqueológica y cronología radiocarbónica de la cueva 3 de Los Tollos (Santa Cruz, Argentina) // *Relaciones*, 7. 1973. P. 85–123.
- CARLSON 1990 — CARLSON R. L. Cultural antecedents // *Handbook of North American Indians*. Vol. 7: Northwest Coast. Wash.: Smithsonian Institution, 1990. P. 60–69.
- CARLSON 1998 — CARLSON R. L. Coastal British Columbia in the light of North Pacific maritime adaptations // *Arctic Anthropology*, 35 (1). 1998. P. 23–35.
- CARNEIRO 1964 — CARNEIRO R. L. Shifting cultivation among the Amahuaca of Eastern Peru // *Völkerkundliche Abhandlungen*, 1. 1964. P. 9–18.
- CARNEIRO 1992 — CARNEIRO R. L. The Calusa and the Powhattan, native chiefdoms of North America // *Reviews in Anthropology*, 21. 1992. P. 27–38.
- CASTAÑO 1987 — CASTAÑO C. U. La vivienda y el enterramiento como unidades de interpretación: anatomía de dos casos de transición del modelo de cacicazgo // *Chiefdoms in the Americas* / R. D. Drennan, C. A. Uribe, eds. Lanham, N. Y., L.: University Press of America, 1987. P. 231–249.
- CASTAÑO, DÁVILA 1984 — CASTAÑO C. U., DÁVILA C. L. Investigaciones arqueológicas en el Magdalena Medio, sitios Colorados y Mayaca. Bogotá: Fundación de Investigaciones Arqueológicas Nacionales, 1984.
- CASTILLO ESPITÍA 1984 — CASTILLO ESPITÍA N. Arqueología de Tunja. Bogotá: Fundación de Investigaciones Arqueológicas Nacionales, 1984.
- CAVALLI-SFORZA ET AL. 1994 — CAVALLI-SFORZA L., MENOZZI P., PIAZZA A. *The History and Geography of Human Genes*. Princeton: Princeton University Press, 1994.
- CAYCEDO 1987 — CAYCEDO A. O. Dos sitios arqueológicos con desgrasante de fibra vegetal en la serranía de San Jacinto (departamento de Bolívar) // *Boletín de Arqueología*, 2 (1). 1987. P. 5–26.
- CHAPMAN, CRITES 1987 — CHAPMAN J., CRITES G. D. Evidence for early maize (*Zea mays*) from the Icehouse Bottom site, Tennessee // *American Antiquity*, 52 (2). 1987. P. 352–354.
- CHATTERS ET AL. 2000 — CHATTERS J. J., NEVES W. A., BLUM M. The Kennewick Man: a first multivariate analysis // *Current Research in the Pleistocene*, 16. 2000. P. 87–89.
- CHAUCHAT 1978 — CHAUCHAT C. Additional observations on the Paijan complex // *Ñawpa Pacha*, 16. 1978. P. 51–64.
- CHAUCHAT 1988 — CHAUCHAT C. Early hunter-gatherers on the Peruvian coast // *Peruvian Prehistory* / R. W. Keatinge, ed. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1988. P. 41–66.
- CHAUCHAT, BONAVÍA 1995 — CHAUCHAT C., BONAVÍA D. Débuts de l'exploration de la mer sur la côte du Pérou // *L'Homme préhistorique et la mer*, 120-eme Congrès CTHS. Arc-en-Provence, 1995. P. 427–436.

- CHAUCHAT, ZEVALLOS QUINONES 1980 — CHAUCHAT C., ZEVALLOS QUINONES J. Una punta en cola de pescado procedente de la costa Norte del Peru // *Ñawpa Pacha*, 17. 1980. P. 143–146.
- CHRISTENSEN 1998 — CHRISTENSEN A. F. Colonization and microevolution in Formative Oaxaca // *World Archaeology*, 39 (2). 1998. P. 262–285.
- CLAIRIS 1985 — CLAIRIS C. Indigenous languages of Tierra del Fuego // *South American Indian Languages, Retrospect and Prospect* / H. E. M. Klein, L. R. Stark, eds. Austin: University of Texas Press, 1985. P. 753–783.
- CLARK 1998 — CLARK D. W. Kodiak Island: the later cultures // *Arctic Anthropology*, 35 (1). 1998. P. 172–186.
- CLARK, CLARK 1980 — CLARK D. W., MCFADYEN CLARK A. Fluted points at the Batza Tena obsidian source, Northwestern Interior Alaska // *Early Native Americans. Prehistoric Demography, Economy, and Technology* / D. L. Browman, ed. The Hague; Paris; N. Y.: Mouton, 1980. P. 141–159.
- CLARK, CLARK 1993 — CLARK D. W., MCFADYEN CLARK A. Batza Téna trail of obsidian. *Archaeology at the Alaskan obsidian source*. Hull, Quebec, 1993. (Archaeological Survey of Canada, Mercury Series Paper. 147).
- CLARK 1988 — CLARK G. A. The Upper Paleolithic of Northeast Asia and its relevance to the first Americans: a personal view // *Current Research in the Pleistocene*, 5. 1988. P. 3–7.
- COE 1960 — COE M. D. Archaeological linkages with North and South America at La Victoria, Guatemala // *American Antiquity*, 62 (3). 1960. P. 363–393.
- COE ET AL. 1986 — COE M., SNOW D., BENSON T. P. *Atlas of Ancient America*. N. Y.; Oxford: Facts on File Publications, 1986.
- COHEN 1977 — COHEN M. N. *The Food Crisis in Prehistory. Overpopulation and the Origins of Agriculture*. New Haven, L.: Yale University Press, 1977.
- COHEN 1969 — COHEN P. S. Theories of myth // *Man*, 4 (3). 1969. P. 337–353.
- COLE 1973 — COLE J. R. Lithic evidence for trans-Andean contact in preceramic South America // *El Dorado*, 1 (1). 1973. P. 30–39.
- CONCEIÇÃO DE BECKER 1966 — CONCEIÇÃO DE BECKER M. DA. Quelques données nouvelles sur les sites préhistoriques de Rio Claro, État de São Paulo // *36 Congreso Internacional de Americanistas, Actas y memorias*. Vol. 1. Barcelona, Sevilla; 1966. P. 445–450.
- CONNOLLY ET AL. 1995 — CONNOLLY T. J., ERLANDSON J. M., NORRIS S. E. Early Holocene basketry and cordage from Daisy Cave, San Miguel Island, California // *American Antiquity*, 60 (2). 1995. P. 309–318.
- CONSTELA UMAÑA 1985 — CONSTELA UMAÑA A. U. Clasificación lexicostatística de las lenguas de la familia chibcha // *Estudios de Linguística Chibcha*, 4. 1985. P. 155–197.
- COOK 1996 — COOK J. P. Healy Lake // *American Beginnings. The Prehistory and Palaeoecology of Beringia* / F. H. West, ed. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1996. P. 323–327.

- COOKE, RANERE 1984 — COOKE R. G., RANERE A. J. The Proyecto Santa Maria: a multidisciplinary analysis of prehistoric adaptations to a tropical watershed in Panama // *Recent Developments in Isthmian Archaeology: Advances in the Prehistory of Lower Central America* / F. Lange, ed. Oxford, 1984. P. 3–30. (BAR International series. 212).
- CORDELL 1984 — CORDELL L. S. Southwestern archaeology // *Annual Review of Anthropology*, 13. 1984. P. 301–332.
- CORDELL, PLOG 1979 — CORDELL L. S., PLOG F. Escaping the confines of normative thought: a reevaluation of Puebloan prehistory // *American Antiquity*, 44 (3). 1979. P. 405–429.
- CORONA NUÑEZ 1957 — CORONA NUÑEZ J. *Mitología Tarasca México*; Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica, 1957.
- CORREA 1981 — CORREA F. R. Por el camino de la anaconda ancestral. Sobre organización social entre los Taiwano del Vaupés // *Revista Colombiana de Antropología*, 23. 1981. P. 37–108.
- CORREAL URREGO 1981 — CORREAL URREGO G. Evidencias culturales y megafauna pleistocénica en Colombia. Bogotá: Fundación de Investigaciones Arqueológicas Nacionales, 1981.
- CORREAL URREGO 1986 — CORREAL URREGO G. Apuntes sobre el medio ambiente pleistocénico y el hombre prehistórico en Colombia // *New Evidence for the Pleistocene Peopling of the Americas* / A. L. Bryan, ed. Orono: Center for the Study of Early Man, University of Maine at Orono, 1986. P. 115–131.
- CORREAL URREGO, HAMMEN 1977 — CORREAL URREGO G., HAMMEN T. VAN DER. Investigaciones arqueológicas en los abrigos rocosos del Tequendama: 12.000 años de Historia del hombre y su medio ambiente en la altiplanicie de Bogotá. Bogotá: Banco popular, 1977.
- CORREAL URREGO, PINTO NOLLA 1983 — CORREAL URREGO G., PINTO NOLLA M. Investigaciones arqueológicas en el Municipio de Zipacón, Cundinamarca. Bogotá: Fundación de Investigaciones Arqueológicas Nacionales, 1983.
- COUNT 1952 — COUNT E. W. The Earth-Diver and the Rival Twins: a clue to time correlation in North-Eurasian and North American mythology // *Indian Tribes of Aboriginal America* / S. Tax, ed. Chicago: The University of Chicago Press, 1952. P. 55–62.
- COUPLAND 1998 — COUPLAND G. Maritime adaptation and evolution of the developed Northwest Coast pattern on the Central Northwest Coast // *Arctic Anthropology*, 35 (1). 1998. P. 36–56.
- CRANBERRY 1991 — CRANBERRY J. Was Ciguayo a West Indian Hokan language? // *International Journal of American Linguistics*, 57 (4). 1991. P. 514–518.
- CRAWFORD 1998 — CRAWFORD M. H. *The Origins of Native Americans. Evidence from Anthropological Genetics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- CREAMER, HAAS 1985 — CREAMER W., HAAS J. Tribes versus chiefdoms in Lower Central America // *American Antiquity*, 50 (4). 1985. P. 738–754.

- CRITES G. D. 1993 — CRITES G. D. Domesticated sunflowers in Fifth Millennium B. P. Temporal context: new evidence from Middle Tennessee // *American Antiquity*, 58 (1). 1993. P. 146–148.
- CROES D. R. 1997 — CROES D. R. The North-Central cultural dichotomy on the Northwest Coast of North America: its evolution as suggested by wet-site basketry and wooden fish-hooks // *Antiquity*, 71 (273). 1997. P. 594–615.
- CRUXENT, ROUSE 1956 — CRUXENT J. M., ROUSE J. A lithic industry of Paleo-Indian type in Venezuela // *American Antiquity*, 22 (2). 1956. P. 172–179.
- CUBILLOS 1986 — CUBILLOS J. C. *Arqueología de San Agustín. Alto de El Purutal*. Bogotá: Fundación de Investigaciones Arqueológicas Nacionales, 1986.
- CUNCLE 2000 — CUNCLE J. R. *Mimbres Mythology. Tales from the Painted Clay*. White Mountains Archaeological Center: Golden West Publishers, 2000.
- CURET 1992 — CURET L. A. House structure and cultural change in the Caribbean: three case studies from Puerto Rico // *Latin American Antiquity*, 3 (2). 1992. P. 160–174.
- CURET 1996 — CURET L. A. Ideology, chiefly power, and material culture: an example from the Greater Antilles // *Latin American Antiquity*, 7 (2). 1996. P. 114–131.
- CURNOW 1998 — CURNOW T. J. Why Paez is not a Barbacoan language: the nonexistence of Mogueux and the use of early sources // *International Journal of American Linguistics*, 64 (4). 1998. P. 338–351.
- CURTIN — CURTIN E. V. An abstract of New York State archaeology // *A guide to the Archaeological Collections of the New York State Museum*. (New York State Museum Circular. 53). N. Y., s. a. P. 1–14.
- DADE 1972 — DADE P. L. Archaeology and pre-Columbian art in Panama // *Ethnos*, 37 (1–4). 1972. P. 148–167.
- DAHLIN ET AL. 1987 — DAHLIN B., QUIZAR R., DAHLIN A. Linguistic divergence and the collapse of Preclassic civilization in Southern Mesoamerica // *American Antiquity*, 52 (2). 1987. P. 367–382.
- DAMP 1982 — DAMP J. E. Ceramic art and symbolism in the Early Valdivia community // *Journal of Latin American Lore*, 8 (2). 1982. P. 155–178.
- DAMP 1984A — DAMP J. E. Architecture of the Early Valdivia village // *American Antiquity*, 49 (3). 1984. P. 573–585.
- DAMP 1984B — DAMP J. E. Environment variation, agriculture and settlement processes in Coastal Ecuador (3300–1500 B. C.) // *Current Anthropology*, 25 (1). 1984. P. 106–111.
- DAVIS, GOODWIN 1990 — DAVIS D. D., GOODWIN R. C. Island Carib origins: evidence and nonevidence // *American Antiquity*, 55 (1). 1990. P. 37–48.
- DAVIS 1996 — DAVIS S. D. Hidden Falls // *American Beginnings. The Prehistory and Palaeoecology of Beringia* / F. H. West, ed. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1996. P. 413–424.
- DAWKINS 1976 — DAWKINS R. *The Selfish Gene*. N. Y.; L.: Oxford University Press, 1976.

- DAY 1988 — DAY J. S. Iconos y símbolos: la cerámica pintada de la Gran Nicoya // *Mesoamerica* (Guatemala), 9 (1). 1988. P. 137–161.
- DEBOER, BLITZ 1991 — DEBOER W. R., BLITZ J. H. Ceremonial centers of the Chachi // *Expedition*, 33 (1). 1991. P. 53–62.
- DE LAGUNA 1990 — DE LAGUNA F. Eyak // *Handbook of North American Indians*. Vol. 7: Northwest Coast. Wash.: Smithsonian Institution, 1990. P. 189–196.
- DELANCEY 1999 — DELANCEY S. Lexical prefixes and the bipartite stem construction in Klamath // *International Journal of American Linguistics*, 63 (1). 1999. P. 171–202.
- DELANCEY, GOLLA 1997 — DELANCEY S., GOLLA S. The Penutian hypothesis: repectspect and prospect // *International Journal of American Linguistics*, 63 (1). 1997. P. 171–202.
- DELIBRIAS, GUIDON 1986 — DELIBRIAS G., GUIDON N. L'abri Toca do Boqueirão do Sitio da Pedra Furada // *L'Anthropologie*, 90 (2). 1986. P. 307–316.
- DEMALLIE 2001 — DEMALLIE R. J. Introduction // *Handbook of North American Indians*. Vol. 13. Plains. Wash.: Smithsonian Institution. P. 1–13.
- DEMALLIE, MILLER 2001 — DEMALLIE R. J., MILLER D. R. Assiniboin // *Handbook of North American Indians*. Vol. 13: Plains. Wash.: Smithsonian Institution, 2001. P. 572–595.
- DEMETRACOPOULOU 1933 — DEMETRACOPOULOU D. The Loon Woman myth. A study in synthesis // *Journal of American Folklore*, 46 (180). 1933. P. 101–128.
- DENNY 1991 — DENNY J. P. The Algonkian migration from Plateau to Midwest: linguistics and archaeology // *Papers of the 22nd Algonkian Conference* / W. Cowan, ed. Ottawa, 1991. P. 103–124.
- DI CAPUA 1994 — DI CAPUA C. Valdivia figurines and puberty rituals: an hypothesis // *Andean Past*, 4. 1994. P. 229–279.
- DILLEHAY 1994 — DILLEHAY T. D. Une générale des éléments trouvés pendant la campagne de recherche et implications culturelles dans le site du pléistocène final de Monte Verde, Chile // *L'Anthropologie*, 98 (1). 1994. P. 128–148.
- DILLEHAY, COLLINS 1991 — DILLEHAY T. D., COLLINS M. B. Monte Verde, Chile: a comment on Lynch // *American Antiquity*, 56 (2). 1991. P. 333–341.
- DILLEHAY ET AL. 1992 — DILLEHAY T. D., ARDILA CALDERON G., POLITIS G., CONCEIÇÃO DE MORAES COUTINHO BELTRÃO M. DA. Earliest hunters and gatherers of South America // *Journal of World Prehistory*, 6 (2). 1992. P. 145–204.
- DILLEHAY ET AL. 1989 — DILLEHAY T. D., NETHERLY P. J., ROSSEN J. Middle Preceramic public and residential sites on the forested slope of the Western Andes, Northern Peru // *American Antiquity*, 54 (4). 1989. P. 733–759.
- DISSELHOFF 1951 — DISSELHOFF H. D. Über die Bedeutung der anthropomorphen Grab-keramik der Mochica // *Ethnos*, 16 (1–2). 1951. P. 44–58.
- DISSELHOFF 1966 — DISSELHOFF H. D. *Alltag im alten Peru*. München: Callwey, 1966.

- DIXON 1964 — DIXON K. A. The acceptance and persistence of ring vessels and stirrup spout-handles in the Southwest // *American Antiquity*, 29 (4). 1964. P. 455–460.
- DOEBLEY 1990 — DOEBLEY J. Molecular evidence and the evolution of maize // *Economic Botany*, 44 (3), Supplement. 1990. P. 6–27.
- DOLE 1987 — DOLE G. E. The use of manioc among the Kuikuru // *The Nature and Status of Ethno-botany*. Ann Arbor, 1987. P. 217–247. (Museum of Anthropology, University of Michigan, Anthropological Papers. 67).
- DORAN ET AL. 1990 — DORAN G. M., DICKEL D. N., NEWSON L. A. A 7,290-year-old bottle gourd from the Windover site, Florida // *American Antiquity*, 55 (2). 1990. P. 354–360.
- DORSEY 1894 — DORSEY J. O. A study of Siouan cults // 11th Annual Report of the Bureau of Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution, 1889–1890. Wash.: Smithsonian Institution, 1984. P. 351–544.
- DOWLING DESMADRYL 1971 — DOWLING DESMADRYL J. Religión, chamanismo y mitología Mapuche. Santiago: Editorial universitaria, 1971.
- DRENNAN ET AL. 1991 — DRENNAN R. D., JARAMILLO L. G., RAMOS E., SÁNCHEZ C. A., RAMÍREZ M. A., URIBE C. A. Regional dynamics of chiefdoms in the Valle de la Plata // *Journal of Field Archaeology*, 18 (3). 1991. P. 297–317.
- DUMOND 1977 — DUMOND D. E. The Eskimos and Aleuts. L.: Thames and Hudson, 1977.
- DUMOND 1998 — DUMOND D. E. Maritime Adaptation on the Northern Alaska peninsula // *Arctic Anthropology*, 35 (1). 1998. P. 187–203.
- DUMOND 2000 — DUMOND D. E. The Norton tradition // *Arctic Anthropology*, 37 (2). 2000. P. 1–22.
- DUMOND, BLAND 1995 — DUMOND D. E., BLAND R. L. Holocene prehistory of the Northernmost North Pacific // *Journal of World Prehistory*, 9 (4). 1995. P. 401–451.
- DUNDES 1962A — DUNDES A. From etic to emic units in the structural study of folktales // *Journal of American Folklore*, 75 (296). 1962. P. 95–105.
- DUNDES 1962B — DUNDES A. Earth-diver: creation of the mythopoeic male // *American Anthropologist*, 64 (5), part 1: 1032–1051.
- DUNDES 1988 — DUNDES A. The flood as male myth of creation // *The Flood Myth* / A. Dundes, ed. Berkeley etc.: University of California Press, 1988. P. 167–182.
- DUNNING ET AL. 1999 — DUNNING N., SCARBOROUGH V., VALDEZ F., LUZZADDER-BEACH JR., S., BEACH T., JONES J. G. Temple mountains, sacred lakes, and fertile fields: ancient Maya landscapes in northwestern Belize // *Antiquity*, 73 (281). 1999. P. 650–660.
- DURBIN 1985 — DURBIN M. A survey of the Carib language family // *South American Indian Languages, Retrospect and Prospect* / H. E. M. Klein, L. R. Stark, eds. Austin: University of Texas Press, 1985. P. 325–370.
- DURBIN, SEIJAS 1973 — DURBIN M., SEIJAS H. A note on Panche, Pijao, Pantagora (Palenque), Colima and Muzo // *International Journal of American Linguistics*, 39 (1). 1973. P. 47–51.

- DUQUE GÓMEZ, CUBILLOS 1979 — DUQUE GÓMEZ L., CUBILLOS J. C. *Arqueología de San Agustín. Alto de los Idolos. Montículos y Tumbas*. Bogotá: Fundación de Investigaciones Arqueológicas Nacionales, 1979.
- DYCK, MORLAN 2001 — DYCK I., MORLAN R. E. *Hunting and Gathering Tradition: Canadian Plains // Handbook of North American Indians*. Vol. 13. Plains. Wash.: Smithsonian Institution, 2001. P. 115–130.
- EBERHART 1961 — EBERHART H. *The cogged stones of Southern California // American Antiquity*, 26 (3), part 1. 1961. P. 361–370.
- ECHEVERRÍA 1988 — ECHEVERRÍA A. J. *El Lenguaje Simbólico en los Andes Septentrionales*. Quito: Instituto Otavaleño de Antropología, 1988.
- EDEN ET AL. 1984 — EDEN M. J., BRAY W., HERRERA L., MCEWAN C. *Terra Preta soils and their archaeological context in the Caquetá basin of Southeast Colombia // American Antiquity*, 49. 1984. P. 125–140.
- EHRENREICH 1905 — EHRENREICH P. *Die Mythen und Legenden der Südamerikanischen Urvölker und ihre Beziehungen zu denen Nordamerikas und der alten Welt*. Berlin: von Asker, 1905. (Zeitschrift für Ethnologie. Bd. 37. Supplement).
- EICKSTEDT 1934 — EICKSTEDT E. *Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit*. Stuttgart: F. Enke, 1934.
- EISLEB 1975 — EISLEB D. *Altperuanische Kulturen I*. B.: Museum für Völkerkunde, 1975.
- ELÍAS ORTIZ 1946 — ELÍAS ORTIZ S. *Los indios yurumanguies // Acta americana*, 4 (1–2). 1946. P. 10–25.
- EMMERICH 1965 — EMMERICH A. *Sweat of the Sun and Tears of the Moon. Gold and Silver in Pre-Columbian Art*. Seattle: University of Washington Press, 1965.
- EMPERAIRE ET AL. 1963 — EMPERAIRE J., LAMING-EMPERAIRE A., REICHLIN H. *La grotte Fell et autres sites de la région volcanique de la Patagonie chilienne // Journal de la Société des Américanistes*, 52. 1963. P. 167–254.
- ENGEL 1980 — ENGEL FR.-A. *Paloma village // Prehistoric Andean Ecology. Man, Settlement and Environment in the Andes / Fr.-A. Engel, ed*. Lausanne: Humanities Press, 1980. P. 103–135.
- EPSTEIN 1991 — EPSTEIN J. F. *Cabeza de Vaca and the Sixteenth-century copper trade in Northern Mexico // American Antiquity*, 56 (3). 1991. P. 476–482.
- ERKES 1926 — ERKES E. *Chinesish-amerikanische Mythenparallelen // T'oung Pao*, 24. 1926. P. 32–53.
- ERLANDSON ET AL. 1998 — ERLANDSON J. M., TVESKOV M. A., BYRAM R. S. *The development of maritime adaptations on the Southern Northwest Coast of North America // Arctic Anthropology*, 35 (1). 1998. P. 6–22.
- EVANS, MEGGERS 1960 — EVANS C., MEGGERS B. J. *Archaeological investigations in British Guiana*. Wash.: Smithsonian Institution, 1960. (Bureau of American Ethnography. 177).
- EVAN, MEGGERS 1968 — EVANS C., MEGGERS B. J. *Archaeological investigations on the Rio Napo, Eastern Ecuador*. Wash.: Smithsonian Institution, 1968. (Smithsonian Contributions to Anthropology. 6).

- FAGAN 1995 — FAGAN B. M. Ancient North America The Archaeology of a Continent. N. Y.: Thames and Hudson, 1995.
- FANE ET AL. 1991 — FANE D., I. JACKNIS, BREEN L. M. Objects of Myth and Memory: American Indian Art at the Brooklyn Museum. Catalogue of the Exhibition. N. Y.: the Brooklyn Museum, 1991.
- FEDJE, CHRISTENSEN 1999 — FEDJE D. W., CHRISTENSEN T. Modelling paleoshorelines and locating Early Holocene coastal sites in Haida Gwaii // *American Antiquity*, 64 (4). 1999. P. 635–652.
- FELDMAN, MOSELEY 1983 — FELDMAN R. A., MOSELEY M. E. The Northern Andes // *Ancient Native Americans* / P. J. Lyon, ed. San Francisco: Little, Brown & Co, 1983. P. 139–177.
- FENTON 1962 — FENTON W. N. This island, the world on the turtle's back // *Journal of American Folklore*, 76. 1962. P. 283–300.
- FERNANDES DE MIRANDA 1984 — FERNANDES DE MIRANDA A. Indicadores regionais do planalto do Bonito relacionados a implantação de grupos pre-históricos // *Archivos do Museu de Historia Natural*, 6–7. 1984. P. 69–79.
- FERNÁNDEZ DISTEL 1974 — FERNÁNDEZ DISTEL A. Excavaciones arqueológicas en las cuevas de Huachichocana, departamento de Tumbayá, provincia de Jujuy, Argentina // *Relaciones*, 8. 1974. P. 101–127.
- FERNÁNDEZ DISTEL 1975 — FERNÁNDEZ DISTEL A. Restos vegetales de etapa arcáica en yacimientos del N.-O. de la República Argentina (provincia de Jujuy) // *Etnia*, 22. 1975. P. 11–20.
- FERNÁNDEZ DISTEL 1985 — FERNÁNDEZ DISTEL A. Huachichocana: informes específicos // *Paleoetnológica*, 9. 1985. P. 9–11.
- FERNÁNDEZ DISTEL 1988 — FERNÁNDEZ DISTEL A. Las cuevas de Huachichocana, su posición dentro del precerámico con agricultura incipiente del Noroeste argentino // *Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*, 8. 1988. S. 353–430.
- FEWKES 1924 — FEWKES J. W. Additional designs on prehistoric Mimbres pottery // *Smithsonian Miscellaneous Collections*, 76 (8). 1924. P. 1–46.
- FIEDEL 1999A — FIEDEL S. J. Older than we thought: implications of corrected dates for Paleoindians // *American Antiquity*, 64 (1). 1999. P. 95–115.
- FIEDEL 1999B — FIEDEL S. Artifact provenience at Monte Verde: confusion and contradictions // *Scientific American Discovering Archaeology*, 1 (6). 1999. P. 1–12. (Special Report: Monte Verde Revisited).
- FIRESTONE 1965 — FIRESTONE H. L. Description and Classification of Siriono, a Tupi-Guarani Language. The Hague, London, Paris: Mouton, 1965.
- FISH, FISH 1989 — FISH S. K., FISH P. R. Hohokam warfare from a regional perspective // *Chacmool*, 20. 1989. P. 112–129.
- FISH, FISH 1994 — FISH S. K., FISH P. R. Multisite communities as measuring of Hohokam aggregation // *The Ancient Southwestern Community* / W. H. Wills. R. D. Leonard, eds. Albuquerque: University of New Mexico Press. P. 119–129.
- FISHER ET AL. 1999 — FISHER C. T., H. P. POLLARD, C. FREDERICK. Intensive agriculture and socio-political development in the Lake Pátzcuaro Basin, Michoacán, Mexico // *Antiquity*, 73 (281). 1999. P. 642–649.

- FITZHUGH 2002 — FITZHUGH W. W. Nukasusutok 2 and the Paleoeskimo tradition in Labrador // *Honoring our Elders. A History of Eastern Arctic Archaeology* / W. W. Fitzhugh, S. Loring, D. Odess, eds. Washington: Smithsonian Institution, 2002. P. 133–162.
- FLADMARK ET AL. 1988 — FLADMARK K. R., DRIVER J. C., ALEXANDER D. The Paleoindian component at Charlie Lake Cave (HbRf 39), British Columbia // *American Antiquity*, 53 (2). 1988. P. 371–384.
- FLANNERY 1986 — FLANNERY K. V., ED. Guilá Naquitz: Early Foraging in Oaxaca, Mexico. Orlando etc.: Academic Press, 1986.
- FLEGENHEIMER 1980 — FLEGENHEIMER N. Hallasgos de puntas cola de pescado en la provincia de Buenos Aires // *Relaciones de la Sociedad de Antropología*, 14 (1), New Seria 1980. P. 169–176.
- FLEGENHEIMER 1987 — FLEGENHEIMER N. Recent research at localities Cerro La China and Cerro El Sombrero, Argentina // *Current Research in the Pleistocene*, 4. 1987. P. 148–149.
- FLEGENHEIMER, ZARATE 1986 — FLEGENHEIMER N., ZARATE M. Paleoindian occupation at Cerro El Sombrero locality, Buenos Aires Province, Argentina // *Current Research in the Pleistocene*, 6. 1986. P. 12–13.
- FONSECA ET AL. 1978 — FONSECA Z., OSCAR M., SCAGLION R. Stylistic analysis of stone pendants from Las Huacas burial ground, Northwestern Costa Rica // *Annals of Carnegie Museum of Natural History*, 47 (12). 1978. P. 281–298.
- FORD 1969 — FORD J. A. Comparison of Formative Cultures in the Americas. Diffusion or the Psychic Unity of Man. Wash.: Smithsonian Institution, 1969. (Smithsonian Contributions to Anthropology. 11).
- FORD 1985 — FORD R. I. Patterns of prehistoric food production in North America // *Prehistoric Food Production in North America* / R. I. Ford, ed. Ann Arbor, 1985. P. 341–364. (Museum of Anthropology, University of Michigan, Anthropological Papers. 75).
- FORTESCUE ET AL. 1994 — FORTESCUE M., JACOBSON S., KAPLAN L. Comparative Eskimo Dictionary with Aleut Cognates. Fairbanks: University of Alaska, 1994. (Alaska Native Language Center. Research Paper. 9).
- FOSTER 1945 — FOSTER G. M. Some characteristics of Mexican folklore // *Journal of American Folklore*, 58 (229). 1945. P. 225–235.
- FOSTER 1996 — FOSTER M. K. Language and the cultural history of North America // *Handbook of North American Indians*. Vol. 17. Languages. Wash.: Smithsonian Institution. P. 64–110.
- FOWLER C. 1983 — FOWLER C. S. Some lexical clues to Uto-Aztecan prehistory // *International Journal of American Linguistics*, 49 (3). 1983. P. 224–257.
- FOWLER M. 1983 — FOWLER M. L. A pre-Columbian urban center on the Mississippi // *Prehistoric Times. Readings from Scientific American*. San Francisco: W. H. Freeman & Co, 1983. P. 245–254.
- FOX 1981 — FOX J. W. The Late Postclassic Eastern frontier of Mesoamerica: cultural innovation along the periphery // *Current Anthropology*, 22 (4). 1981. P. 321–346.

- FOX 1981 — FOX J. W. Chontal migration and state formation in Postclassic Southern Mesoamerica // Comparative Studies in the Development of Complex Societies. Vol. 2. L., Southhampton: the World Archaeological Congress, 1981. Preprint. P. 1–17.
- FOX 1967 — FOX R. The Keresan Bridge. A Problem in Pueblo Ethnology. L.: The Athlone Press; N. Y.: Humanities Press, 1967.
- FRANCHOMME 1994 — FRANCHOMME J.-M. L'art rupestre préhistorique de Patagonie: géographie des recherches et aperçu historique // L'Anthropologie, 98 (1). 1994. P. 190–201.
- FRISON 2001 — FRISON G. C. Hunting and Gathering Tradition: Northwestern and Central Plains // Handbook of North American Indians. Vol. 13. Plains. Wash.: Smithsonian Institution, 2001. P. 131–145.
- FRISON, STANFORD 1982 — FRISON G. C., STANFORD D. J. The Agate Basin Site. A Record of the Paleoindian Occupation of the Northwestern High Plains. N. Y. etc.: Academic Press, 1982.
- FRITZ 1999 — FRITZ G. J. Gender and the early cultivation of gourds in Eastern North America // American Antiquity, 64 (3). 1999. P. 417–429.
- FUNDABURK, FUNDABURK FOREMAN 1957 — FUNDABURK E. L., FUNDABURK FOREMAN M. D. Sun Circles and Human Hands. The Southeastern Indians — Art and Industry. Luverne, Alabama: [the Authors], 1957.
- FURST 1965 — FURST P. T. West Mexico, the Caribbean and Northern South America: some Problems in New World Inter-Relationships // Antropologica, 14. 1965. P. 1–37.
- GÄHWILER 1983 — GÄHWILER T. Preliminary reconnaissance in the Pavas — La Cumbre area // Pro Calima, 3. 1983. P. 43–47.
- GÄHWILER 1988 — GÄHWILER T. Archaeological investigations in the Pavas-La Cumbre region // Pro Calima, 5. 1988. P. 50–60.
- GALINIER 1990 — GALINIER J. La Mitad del Mundo. Cuerpo y Cosmos en los Rituales Otomíes. México: Universidad Nacional Autónoma de México; Centro de Estudios Mexicanos y Centroamericanos; Instituto Nacional Indigenista, 1990.
- GALLAGHER 1976 — GALLAGHER P. La Pitía: an Archaeological Series in Northwestern Venezuela. New Haven, 1976. (Yale University Publications in Anthropology. 76).
- GARTNER 1999 — GARTNER W. G. Late Woodland landscapes of Wisconsin: ridged fields, effigy mounds, and territoriality // Antiquity, 73 (281). 1999. P. 671–683.
- GASPAR 1998 — GASPAR N. D. Considerations of the *sambaquis* of the Brazilian coast // Antiquity, 72 (277). 1998. P. 592–615.
- GAYTON 1935A — GAYTON A. H. The Orpheus myth in North America // Journal of American Folklore, 48 (189). 1935. P. 263–293.
- GAYTON 1935B — GAYTON A. H. Areal affiliation of California folktales // American Anthropologist, 37 (4), part 1. 1935. P. 582–599.
- GEERZ 1973 — GEERZ C. Religion as a cultural system // The Interpretation of Cultures. Selected Essays by Clifford Geertz. N. Y.: Basic Books, 1973. P. 87–125.

- GIBBON 1964 — GIBBON W. B. Asiatic parallels in North American star lore: Ursa Mayor // *Journal of American Folklore*, 77 (305). 1964. P. 236–250.
- GIBBON 1972 — GIBBON W. B. Asiatic parallels in North American star lore: Milky Way, Pleiades, Orion // *Journal of American Folklore*, 85 (337). 1972. P. 236–247.
- GILBERT 1943 — GILBERT W. H., JR. The Eastern Cherokees // *Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology*. 133, *Anthropological Papers*, 23. 1943. P. 177–413.
- GILLESPIE 1981 — GILLESPIE B. C. Mountain Indians // *Handbook of North American Indians*. Vol. 6. Subarctic. Wash.: Smithsonian Institution, 1981. P. 326–337.
- GIRARD 1971 — GIRARD V. Proto-Takanan phonology. Berkeley etc.: University of California Press, 1971. (University of California Publications in Linguistics. 70).
- GNECCO, MORA 1997 — GNECCO C., MORA S. Late Pleistocene/Early Holocene tropical forest occupations at San Isidro and Peña Roja // *Antiquity*, 71 (273). 1997. P. 683–690.
- GODDARD 2001 — GODDARD I. The Algonkian languages of the Plains // *Handbook of North American Indians*. Vol. 13. Plains. Wash.: Smithsonian Institution, 2001. P. 71–79.
- GOEBEL ET AL. 1996 — GOEBEL T., POWERS W. R., BIGLOW N. H., HIGGS A. S. Walker Road // *American Beginnings. The Prehistory and Palaeoecology of Beringia* / F. H. West, ed. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1996. P. 356–363.
- GOLTE 1993 — GOLTE J. Los Dioses de Sipán. Las aventuras del Dios Quismique y su ayudante Murrup. Lima: IEP Ediciones, 1993.
- GOLTE 1994 — GOLTE J. La Rebelión contra el Dios Sol. Lima: IEP Ediciones, 1994.
- GONZÁLEZ, PÉREZ 1976 — GONZÁLEZ A. R., PÉREZ J. A. Historia Argentina. Argentina indígena, vísperas de la conquista. Buenos Aires: Paidós, 1976.
- GOW 1989 — GOW P. Visual compulsion: design and image in Western Amazonian cultures // *Revindi*, 2. 1976. P. 19–32.
- GRADIN 1981–1982 — GRADIN C. J. Las pinturas de la cueva Grande (Arroyo Feo). Area Río Pinturas — provincia de Santa Cruz // *Relaciones* (Buenos Aires), 14 (2). 1981–1982. P. 241–265.
- GRADIN 1994 — GRADIN C. J. L'art rupestre dans la Patagonie Argentine // *L'Anthropologie*, 98 (1). 1994. P. 149–172.
- GRAVES 1994 — GRAVES M. W. Community boundaries in Late Prehistoric Puebloan society: Kalinga ethnoarchaeology as a model for the Southwestern production and exchange of pottery // *The Ancient Southwestern Community* / W. H. Wills, R. D. Leonard, eds. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1994. P. 149–169.
- GREENBERG 1960 — GREENBERG G. M. The general classification of Central and South American languages // *Selected Papers of the Fifth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences* (Philadelphia 1956). Philadelphia P. 791–794.

- GREENBERG 1987 — GREENBERG G. M. Languages in the Americas. Stanford: Stanford University Press, 1987.
- GREENBERG 1996 — GREENBERG G. M. In defense of Amerind // International Journal of American Linguistics, 64 (2). 1996. P. 131–164.
- GREENBERG, RUHLEN 1992 — GREENBERG J. H., RUHLEN M. Linguistic origins of Native Americans // Scientific American, 267 (5). 1992. P. 94–99.
- GREENBERG ET AL. 1986 — GREENBERG J. H., TURNER C. G. II, ZEGURA S. L. The settlement of the Americas: a comparison of the linguistic, dental, and genetic evidence // Current Anthropology, 27 (5). 1986. P. 477–497.
- GRIEDER 1966 — GRIEDER T. Periods in Pecos style pictographs // American Antiquity, 31 (5). 1966. P. 710–720.
- GRIEDER 1982 — GRIEDER T. Origins of Pre-Columbian Art. Austin: University of Texas Press, 1982.
- GRIFFIN 2002 — GRIFFIN D. A history of human settlement on Nunivak Island, Alaska: insights from recent investigations at Nash Harbor village // Arctic Anthropology, 39 (1–2). 2002. P. 51–68.
- GRIFFIN 1977 — GRIFFIN J. B. Eastern United States // Chronologies in New World Archaeology / R. E. Taylor, C. W. Meighan, eds. N. Y. etc.: Academic Press, 1977. P. 51–70.
- GRUHN 1988 — GRUHN R. Linguistic evidence in support of the coastal route of earliest entry into the New World // Man, 23 (1). 1988. P. 77–100.
- GRUHN, BRYAN 1977 — GRUHN R., BRYAN A. L. Los Tapiales: a Paleo-Indian campsite in the Guatemalan Highlands // Proceedings of the American Philosophical Society, 121 (3). 1977. P. 235–273.
- GRUHN, BRYAN 1984 — GRUHN R., BRYAN A. L. The record of Pleistocene megafauna extinction at Taima-taima, Northern Venezuela // Quaternary Extinctions. A Prehistoric Revolution / P. S. Martin, R. G. Klein, eds. The University of Arizona Press, 1984. P. 128–137.
- GUIDON 1983 — GUIDON N. Contribution a l'étude de l'art rupestre de l'Amérique du Sud // L'Anthropologie, 87 (2). 1983. P. 257–270.
- GUIDON 1986 — GUIDON N. Las unidades culturales de São Raimundo Nonato — sudeste del Estado de Piauí, Brasil // New Evidence for the Pleistocene Peopling of the Americas / A.L. Bryan, ed. Orono: Center for the Study of Early Man, University of Maine at Orono, 1986. P. 157–171.
- GUIDON ET AL. 1996 — GUIDON N., PESSIS A.-M. PARENTI F., FONTAGNE M., GUÉRIN C. Nature and age of the deposits in Pedra Furada, Brazil: reply to Meltzer, Adovasio & Dillehay // Antiquity, 70 (268). 1996. P. 408–421.
- GUNDRUM 2000 — GUNDRUM D. S. Fabric of time. A 2,000-year-old Peruvian textile offers evidence of early Andean calendrical system // Archaeology, 53 (2). 2000. P. 46–52.
- GUSINDE 1931 — GUSINDE M. Die Feuerland Indianer: Erlebnisse meiner vier Forschungsreisen in den Jahren 1918 bis 1924. Vol. I, Die Selk'nam: Vom Leben und Denken eines Jägervölkes auf der grossen Feuerlandinsel. Mödling, 1931.

- HAGEN 1946 — HAGEN V. W. VON. *Jungle in the Clouds*. L.: Robert Hale Ltd., 1946.
- HAYDENBLIT 1996 — HAYDENBLIT R. Dental variation among four Prehispanic Mexican populations // *American Journal of Physical Anthropology*, 100. 1996. P. 225–246.
- HANES 1988 — HANES R. C. *Lithic Assemblages of Dirty Shame Rockshelter. Changing Traditions in the Northern Intermontane*. Eugene, 1988. (University of Oregon Anthropological Papers. 40).
- HANSELL 1987 — HANSELL P. *The Formative in Central Pacific Panama: La Mula — Sarigua // Chiefdoms in the Americas / R. D. Drennan, C. A. Uribe, eds. Lanham, N. Y., L.: University Press of America, 1987. P. 119–152.*
- HARCUS 1998 — HARCUS S. Review of «Athapascan Language Studies: Essays in Honor of Robert Young / E. Jelinek a.o., eds. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1996» // *International Journal of American Linguistics*, 64 (1). 1998. P. 73–78.
- HARDMAN 1985 — HARDMAN M. J. *Aymara and Quechua: languages in contact // South American Indian Languages, Retrospect and Prospect / H. E. M. Klein, L. R. Stark, eds. Austin: University of Texas Press, 1985. P. 517–643.*
- HARRIS 1979 — HARRIS D. R. Continuities and change in tropical savanna environment // *Current Anthropology*, 20 (2). 1979. P. 394–397.
- HARRIS 1988 — HARRIS M. H. *The ceramics of Tobago and Barbados. A report on studies in progress // Recent Studies in Pre-Columbian Archaeology / N. J. Saunders, O. de Montmollin, eds. Oxford, 1988. (BAR International Series. 421, part 1). P. 245–273.*
- HARRIS 1968 — HARRIS M. *The Rise of Anthropological Theory. A history of theories of culture*. N. Y.: Crowell, 1968.
- HART ET AL. 2002 — HART J. P., ASCH D. L., SCARRY C. M., CRAWFORD G. W. The age of common bean (*Phaseolus vulgaris* L.) in the northern Eastern Woodlands of North America // *Antiquity*, 76 (292). 2002. P. 377–383.
- HATT 1949 — HATT G. *Asiatic Influences in American Folklore*. København: Ejnar Munksgaard, 1949.
- HATT 1951 — HATT G. The corn mother in America and in Indonesia // *Anthropos*, 46 (5–6). 1951. P. 853–914.
- HAURY ET AL. 1959 — HAURY E. W., SAYLES E. B., WASLEY W. W., ANTEVS E., LANGE J. F. *The Lehner Mammoth Site. University of Arizona, Program in Geochronology Contributions / Reprinted from American Antiquity*, 25 (1). 1959. P. 1–42.
- HAYS-GILPIN, HILL 1999 — HAYS-GILPIN K., HILL J. H. The flower world in material culture: an iconographic complex in the Southwest and Mesoamerica // *Journal of Anthropological Research*, 55 (1). 1999. P. 1–37.
- HAWLEY, ELLIS DODGE 1989 — HAWLEY ELLIS F., ELLIS DODGE A. The spread of Chaco/Mesa Verde/McElmo Black-on-White pottery and the possible simultaneous introduction of irrigation into the Rio Grande // *Journal of Anthropological Research*, 45 (1). 1989. P. 47–52.

- HAYNES 1987 — HAYNES C. V. Clovis origin update // *The Kiva*, 52 (2). 1987. P. 83–93.
- HAYNES 1999 — HAYNES C. V. Monte Verde and the pre-Clovis sites in America // *Scientific American Discovering Archaeology*, 1 (6). 1999. P. 1–12. (Special Report: Monte Verde Revisited).
- HEALY 1984 — HEALY P. F. Northeast Honduras: a Precolumbian frontier zone // *Recent Developments in Isthmian Archaeology: Advances in the Prehistory of Lower Central America* / F. W. Lange, ed. Oxford., 1984. P. 227–241. (BAR International series. 212).
- HECKENBERGER 1998 — HECKENBERGER M. J. Manioc agriculture and sedentism in Amazonia: the Upper Xingu example // *Antiquity*, 72 (277). 1998. P. 633–648.
- HEISER 1990 — HEISER C. New perspectives on the origin and evolution of New World domesticated plants: summary // *Economic Botany*, 44 (3, Suppl.). 1990. P. 111–116.
- HENSHAW 1883 — HENSHAW H. W. Animal carving from mounds of the Mississippi Valley // *2nd Annual Report of the Bureau of Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution (1880–1881)*. Wash.: Smithsonian Institution, 1883. 123–166.
- HERRANZ 1987 — HERRANZ A. H. El lenca de Honduras: una lengua moribunda // *Mesoamerica (Guatemala)*, 8 (14). 1987. P. 429–466.
- HERRERA ET AL. 1981 — HERRERA L., BRAY W., MCEWAN C. Datos sobre la arqueología de Araricuara (comisaría del Amazonas Colombiana) // *Revista Colombiana de Anthropología*, 23. 1981. P. 183–251.
- HERSKOVITS 1957 — HERSKOVITS M. J. Review of «The Trickster, a Study in American Indian Mythology. By Paul Radin» // *Journal of American Folklore*, 70 (277). 1957. P. 280–281.
- HEWITT 1903 — HEWITT J. N. B. Iroquoian cosmology // *21th Annual Report of the Bureau of American Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution (1899–1900)*. 1903. P. 127–360.
- HEYES, PLOTKIN 1989 — HEYES C. M., PLOTKIN H. C. Replicators and interactors in cultural evolution // *What the Philosophy of Biology Is. Essays dedicated to David Hull* / M. Ruse, ed. Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publishers. P. 139–162.
- HILBERT 1968 — HILBERT P. P. Archäologische Untersuchungen am Mittleren Amazonas. Berlin, 1968. (Marburger Studien zur Völkerkunde. 1).
- HILBERT, HILBERT 1979 — HILBERT P. P., HILBERT K. Archäologische Untersuchungen am Rio Nhamundá, unterer Amazonas // *Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*, 1. 1979. P. 439–450.
- HILL 2000 — HILL J. H. Toward a linguistic prehistory of the Southwest: «Azteco-Tanoan» and the arrival of maize cultivation // *Journal of Anthropological Research*, 58. 2000. P. 457–475.
- HILTUNEN 1999 — HILTUNEN J. J. Ancient Kings of Peru. The Reliability of the Chronicle of Fernando de Montesinos; Correlation of the Dynasty Lists with Current Prehistoric Periodization in the Andes. Helsinki: Hakapaino Oy, 1999.

- HOFFECKER ET AL. 1996 — HOFFECKER J. F., POWERS W. R., BIGELOW N. H. Dry Creek // *American Beginnings. The Prehistory and Palaeoecology of Beringia* / F. H. West, ed. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1996. P. 343–352.
- HOFFMAN 1985 — HOFFMAN C. A. Current research: Caribbean // *American Antiquity*, 50 (1). 1985. P. 173–175.
- HOFFMAN, LYNCH 1990 — HOFFMAN C. A., LYNCH T. F. Current research: Caribbean // *American Antiquity*, 55 (1). 1990. P. 166–169.
- HOLMES ET AL. 1996 — HOLMES C. E., VANDERHOEK R., DILLEY T. E. Swan Point // *American Beginnings. The Prehistory and Palaeoecology of Beringia* / F. H. West, ed. Chicago; L.: The University of Chicago Press. P. 319–323.
- HOOPES 1994 — HOOPES J. W. Ford revisited: a critical review of the chronology and relationships of the earliest ceramic complexes in the New World, 6000–1500 B.C. // *Journal of World Prehistory*, 8 (1). 1994. P. 1–49.
- HOSLER 1988 — HOSLER D. Ancient West Mexican metallurgy: South and Central American origins and West Mexican transformations // *American Anthropologist*, 90 (4). 1988. P. 832–855.
- HOSLER 1994 — HOSLER D. *The Sounds and Colors of Power. The Sacred Metallurgical Technology of Ancient West Mexico*. Cambridge, Mass.; London: The MIT Press, 1994.
- HOSLER ET AL. 1990 — HOSLER D., HOLM O, LECHTMAN H. Axemones and their relatives. Wash.: *Dumbarton Oaks Library and Collections*. (Studies in Pre-Columbian Art and Archaeology. 30).
- HONIGMAN 1981 — HONIGMAN J. J. Kaska // *Handbook of North American Indians*. Vol. 6. Subarctic. Wash.: Smithsonian Institution, 1981. P. 442–450.
- HOUSTON 1996 — HOUSTON S. Review of «The Writing System of La Mojada and Associated Monuments. By Lloyd B. Anderson. 2nd ed. 2 vols. Wash., 1993» // *International Journal of American Linguistics*, 62 (4). 1996. P. 419–431.
- HUCKELL 1982 — HUCKELL B. B. The distribution of fluted points in Arizona: a review and update. Tucson, 1982. (University of Arizona Archaeological Series. 145).
- HUCKELL 1996 — HUCKELL B. B. The Archaic prehistory of the North American Southwest // *Journal of World Prehistory*, 10 (3). 1996. P. 305–373.
- HULTKRANTZ 1957 — HULTKRANTZ E. *The North American Indian Orpheus Tradition. A Contribution to Comparative Religion*. Stockholm, 1957. (The Ethnographical Museum of Sweden. Monograph Series. Publication. 2).
- HURT 1960 — HURT W. R. The cultural complexes from the Lagoa Santa region, Brazil // *American Anthropologist*, 62 (4). 1960. P. 569–589.
- HURT 1977 — HURT W. R. The edge-trimmed tool tradition of Northwest South America // *University of Michigan, Museum of Anthropology, Anthropological Papers*, 61. 1977. P. 268–294.

- HURT 1986 — HURT W. R. The cultural relationships of the Alice Boër site, state of São Paulo, Brazil // *New Evidence for the Pleistocene Peopling of the Americas* / A. L. Bryan, ed. Orono: Center for the Study of Early Man, University of Maine at Orono. P. 215–219.
- HURT, BLASI 1969 — HURT W. R., BLASI O. O projeto arqueológico Lagoa Santa — Minas Gerais, Brasil // *Arquivos do Museu Paranaense, New Series, Arqueologia*, 4. 1969. P. 1–63.
- HYMES 1964 — HYMES D. Directions in (ethno-) linguistic theory // *American Anthropologist*, 66 (3), part 2. 1964. P. 6–56.
- ICELAND, HESTER 1996 — ICELAND H. B., HESTER T. R. The earliest Maya? Origins of sedentism and agriculture in the Maya Lowlands // *The Prehistory of the Americas* / T. R. Hester, L. Laurencich-Minelly, S. Salvatori, eds. Forli: XIII International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences., 1996. P. 11–17.
- IMBELLONI 1957 — IMBELLONI J. Le genti indigene dell'America // *Le Razze e i Popoli della Terra. Vol. IV: Oceania-America* / R. Biasutti, ed. Torino: Editore torinese, 1957. P. 307–330.
- ISEMINGER 1996 — ISEMINGER W. R. Mighty Cahokia // *Archaeology*, 49 (3). 1996. P. 30–37.
- JACKSON 1983 — JACKSON J. E. *The Fish People: Linguistic exogamy and Tucanoan Identity in North-West Amazonia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. (Cambridge Studies in Social Anthropology. 39).
- JENNINGS 1968 — JENNINGS J. D. *Prehistory of North America*. N. Y. etc.: McGraw-Hill Book Company, 1968.
- JENNINGS 1983 — JENNINGS J. D., ED. *Ancient South Americans*. San Francisco: W. H. Freeman & Co, 1983.
- JETT 1987 — JETT S. C. Additional information on split-twig and other willow figurines from the Greater Southwest // *American Antiquity*, 52 (2). 1987. P. 392–396.
- JETT, MOYLE 1986 — JETT S. C., MOYLE P. B. The exotic origins of fishes depicted on prehistoric Mimbres pottery from New Mexico // *American Antiquity*, 51 (4). 1986. P. 688–720.
- JIJÓN Y CAAMAÑO 1938 — JIJÓN Y CAAMAÑO J., ED. *Sebastián de Benalcázar*. Vol. 2. Quito, 1938.
- JOCHELSON 1904 — JOCHELSON W. The mythology of the Koryak // *American Anthropologist*, 6 (4). 1904. P. 413–425.
- JOHNSON, MACNEISH 1972 — JOHNSON F., MACNEISH R. S. Chronometric dating // *The Prehistory of the Tehuacan Valley*. Vol. 4 / F. Johnson, ed. Austin, L.: University of Texas Press, 1972. P. 3–55.
- JONES 2003 — JONES D. Kinship and deep history: exploring connections between cultural areas, genes, and languages // *American Anthropologist*, 105 (3). 2003. P. 501–514.
- JONES, WATSON 1988 — JONES J. P., WATSON P. Pre-Columbian collections in Birmingham City Museum // *Recent Studies in Pre-Columbian Archaeology*. Part II / N. J. Saunders, O. de Montmollin, eds. Oxford, 1988. (BAR International Series. 421, part 2). P. 565–590.

- JONES 1991 — JONES T. L. Marine-resource value and the priority of coastal settlement: a California perspective // *American Antiquity*, 56 (3). 1991. P. 419–443.
- JONES ET AL. 1999 — JONES T. L., BROWN G. M., RAAB L. M., McVICKAR J., SPAULDING W. G., KENNETH D. J., YORK A., WALKER P. L. Environmental imperatives reconstructed // *Current Anthropology*, 40 (2). 1999. P. 137–170.
- JOYCE 1988 — JOYCE R. A. Ceramic traditions and language groups of prehispanic Honduras // *Journal of Steward Anthropological Society*, 15 (1–2). 1988. P. 158–186.
- JUSTESON, KAUFMAN 1993 — JUSTESON J. S., KAUFMAN T. Epi-Olmec writing // *Science*, 259 (5102). 1993. P. 1703–1711.
- KALTWASSER ET AL. 1986 — KALTWASSER J., MEDINA A., ASPILLAGA E., CACERES I. Punta cola de pescado encontrada en Chile Central // *Revista Chilena de Antropología*, 5. 1986. P. 11–16.
- KAPLAN, SMITH 1988 — KAPLAN L., SMITH C. E., JR. Carbonized plants remains from the Calima region, Valle del Cauca, Colombia // *Pro Calima*, 5. 1988. P. 43–44.
- KAUFMAN 1990 — KAUFMAN T. Language history in South America. What we know and how to know more // *Amazonian Linguistics. Studies in Lowland South American Languages*, D. L. Payne, ed. Austin: University of Texas Press, 1990. P. 15–67.
- KAULICKE 1980 — KAULICKE P. Beiträge zur Kenntnis der lithischen Perioden in der Puna Junins, Peru. Bonn, 1980.
- KEEGAN 1995 — KEEGAN W. F. Modeling dispersal in the prehistoric West Indies // *World Archaeology*, 26 (3). 1995. P. 400–420.
- KELLY 1974 — KELLY J. C. Pictorial and ceramic art in the Mexican Cultural Littoral of the Chichimec Sea // *Art and Environment in Native America* / E. King, I. R. Traylor, Jr., eds. Lubbock, 1974. P. 23–54. (Texas Tech University, Special Publications. 7).
- KEELEY 1987 — KEELEY R. L. A comment on the Pre-Clovis deposits at Meadowcroft rockshelter // *Quaternary Research*, 27. 1987. P. 32–34.
- KELLY 1997 — KELLY R. L. Late Holocene Great Basin prehistory // *Journal of World Prehistory*, 11 (1). 1997. P. 1–49.
- KELLY 1993 — KELLY T. C. Preceramic projectile-point typology in Belize // *Ancient Mesoamerica* 4. 1993. P. 205–227.
- KENSINGER 1981 — KENSINGER K. M. Recent publications in Panoan linguistics // *International Journal of American Linguistics*, 47 (1). 1981. P. 68–75.
- KERN 1984 — KERN A. A. Variáveis para a definição e a caracterização das tradições pré-cerâmicas Humaitá y Umbú // *Archivos do Museum de Historia Natural*. 6–7 (1981–1982). 1984. P. 99–108.
- KEY 1978 — KEY M. R. Araucanian genetic relationships // *International Journal of American Linguistics*, 44 (4). 1978. P. 280–293.
- KING 1985 — KING F. B. Early cultivated cucurbits in Eastern North America // *Prehistoric Food Production in North America* / R. I. Ford, ed. Ann Ar-

- bor, 1985. P. 73–97. (Museum of Anthropology, University of Michigan, Anthropological Papers. 75).
- KIPNIS 1998 — KIPNIS R. Early hunter-gatherers in the Americas: perspectives from Central Brazil // *Antiquity*, 72 (277). 1998. P. 581–598.
- KLEIN 1985 — KLEIN H. E. M. Current status of Argentine indigenous languages // *South American Indian Languages, Retrospect and Prospect* / H.E. M. Klein, L. R. Stark, eds. Austin: University of Texas Press, 1985. P. 691–731.
- KLEIN, STARK 1979 — KLEIN H. E. M., STARK L. R. South American Indian languages: Retrospect and Prospect // *International Journal of American Linguistics*, 45 (4). 1979. P. 360–361.
- KOCH 2002 — KOCH A. The Inuit population of Greenland re-evaluated // *To the Aleutians and Beyond. The Anthropology of William S. Laughlin* / B. Frolich, A. B. Harper, R. Gilberg, eds. Copenhagen: Department of Ethnology, The National Museum of Denmark, 2002. P. 193–205.
- KOERPER, HEDGES 1996 — KOERPER H. C., HEDGES K. Patayan anthropomorphic figurines from an Orange County site // *Journal of California and Great Basin Anthropology*, 18 (2). 1996. P. 204–220.
- KOLATA 1983 — KOLATA A. L. The South Andes // *Ancient South Americans* / J. D. Jennings, ed. San Francisco: W. H. Freeman & Co, 1983. P. 241–285.
- KONGAS 1960 — KONGAS E. K. The Earth-Diver (Th. A 812) // *Ethnohistory*, 7 (2). 1960. P. 151–180.
- KOROTAYEV, KAZANKOV 2000 — KOROTAYEV A., KAZANKOV A. Regions based on social structure // *Current Anthropology*, 41 (5). 2000. P. 668–690.
- KRAPPE 1946 — KRAPPE A. H. A Solomon legend among the Indians of the North Pacific // *Journal of American Folklore*, 59 (233). 1946. P. 309–314.
- KROEBER 1923 — KROEBER A. L. *Anthropology*. N.Y.: Harcourt, Brace, 1923.
- KROEBER, PARSONS 1970 — KROEBER A. L., PARSONS T. The concepts of culture and of social systems // *Man Makes Himself. A Reader in Modern Cultural Anthropology* / E. Hammel, W. S. Simmons, eds. Boston: Little, Brown, & Co, 1970. P. 84–87.
- KRUPNIK, FITZHUGH 2001 — KRUPNIK I., FITZHUGH W. W., EDS. *Gateways. Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902*. Wash.: Smithsonian Institution, 2001.
- KUBLER 1991 — KUBLER G. *Esthetic Recognition of Ancient Amerindian Art*. New Haven, L.: Yale University Press, 1991.
- KURTZ, NUNLEY 1999 — KURTZ D. V., NUNLEY M. C. Ideology and work at Teotihuacan: a hermeneutic interpretation // *Man*, 28 (4). 1999. P. 761–778.
- LACOMBE, CHAUCHAT 1986 — LACOMBE J.-P., CHAUCHAT C. Il y a 10000 ans: l'homme de Paijan // *Archeologia*, 209. 1986. P. 44–47.
- LADD 1964 — LADD J. *Archaeological Investigations in the Parita and Santa Maria Zones of Panama*. Wash.: Smithsonian Institution, 1964. (Bureau of American Ethnology. 193).

- LAHR 1995 — LAHR M. M. Pattern of Modern human diversification: implications for Amerindian origins // *Yearbook of Physical Anthropology*, 38. 1995. P. 163–198.
- LANGE 1990 — LANGE F. W. Current research: Central America // *American Antiquity*, 55 (4). 1990. P. 855–857.
- LANGENBAEK 1987 — LANGENBAEK C. H. La cronología de la región arqueológica Tairona vista desde Paparé, municipio de Ciénaga // *Boletín de Arqueología*, 2 (1). 1987. P. 83–101.
- LANNING 1963 — LANNING E. A pre-agricultural occupation on the Central Coast of Peru // *American Antiquity*, 28 (3). 1963. P. 360–371.
- LARSEN 1982 — LARSEN C. S. The anthropology of St. Catherines Island // *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*, 57 (3). 1982. P. 159–270.
- LARSEN 1992 — LARSEN C. S. Population decline and extinction in La Florida // *Disease and Demography in the Americas* / J. W. Verano, D. H. Ubelaker, eds. Wash.; L.: Smithsonian Institution Press, 1992. P. 25–39.
- LARSEN, THOMAS 1982 — LARSEN C. S., THOMAS D. H. The anthropology of St. Catherines Island. The St. Catherines Period mortuary complexes // *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*, 57 (4). 1982. P. 271–342.
- LARSEN, RAINEY 1948 — LARSEN H., RAINEY F. G. Ipiutak and the Arctic Whale Hunting Culture. N. Y., 1948. (*Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*. 42).
- LATHRAP 1963 — LATHRAP D. W. Possible affiliations of the Machalilla complex of Coastal Ecuador // *American Antiquity*, 29 (2). 1963. P. 239–241.
- LATHRAP 1970 — LATHRAP D. W. The Upper Amazon. N. Y., Wash.: Praeger Publishers, 1970.
- LATHRAP 1977 — LATHRAP D. W. Real Alto: an ancient ceremonial center // *Archaeology*, 30 (1). 1977. P. 2–13.
- LATHRAP, TROIKE 1988A — LATHRAP D. W., TROIKE R. C. Relationships between linguistic and archaeological data in the New World // *Journal of the Steward Anthropological Society*, 15 (1–2). 1988. P. 4–22.
- LATHRAP, TROIKE 1988B — LATHRAP D. W., TROIKE R. C. Californian historical linguistics and archaeology // *Journal of the Steward Anthropological Society*, 15 (1–2). 1988. P. 99–157.
- LAURENCICH-MINELLY 1983 — LAURENCICH-MINELLY L. Il Sito Barra Honda. Un apporto alla storia e alla cultura precolombiana della Nicoya (Costa Rica). Bologna: Università degli Studia di Bologna, 1983.
- LAYRISSÉ, WILBERT 1999 — LAYRISSÉ M., WILBERT J. The Diego Blood System and the Mongoloid Realm. Caracas: Fundación La Salle de Ciencias Naturales, Instituto Caribe de Antropología y Sociología, 1999. (Monograph seria 44).
- LEBLANC 1983 — LEBLANC S. A. The Mimbres People. Ancient Pueblo Painters of the American Southwest. L.: Thames and Hudson, 1983.
- LEE 1986 — LEE T. A., JR. La lingüística histórica y la arqueología de los zoque-mixe-popolucas // *1ra Reunión de Investigadores del Area Zoque*. Tecpatán, Chiapas: Centro de Estudios Indígenas, 1986. P. 7–34.

- LEHMANN 1951 — LEHMANN H. Le personnage couché sur le dos: sujet commun dans l'archéologie du Mexique et de l'Equateur // Selected Papers of the 29th International Congress of Americanists. Vol. 1. N. Y., 1951. P. 291–298.
- LEHMANN-NITSCHKE 1918–1937 — LEHMANN-NITSCHKE R. Mitología sudamericana. Vols. 1–18. Buenos Aires: Universidad Nacional de La Plata, 1918–1937.
- LEHMANN-NITSCHKE 1919 — LEHMANN-NITSCHKE R. La cosmogonía según los Puelche de la Patagonia // Revista del Museo de La Plata, 24 (2). 1919. P. 182–205.
- LEHMANN-NITSCHKE 1936 — LEHMANN-NITSCHKE R. Ein Mythenthema aus Perú und dem westlichen Nordamerika (Der Liebestrick mit den Staudammen) // Anthropos, 31 (1–2). 1936. 235–238.
- LEKSON 1984 — LEKSON S. H. Great Pueblo Architecture of Chaco Canyon, New Mexico. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1984.
- LÉVI-STRAUSS 1964 — LÉVI-STRAUSS C. Le Cru et le Cuit. Paris: Plon, 1964.
- LÉVI-STRAUSS 1966 — LÉVI-STRAUSS C. Du Miel aux Cendres. Paris: Plon, 1966.
- LÉVI-STRAUSS 1968 — LÉVI-STRAUSS C. L'Origine des Manières de Table. Paris: Plon, 1968.
- LÉVI-STRAUSS 1976 — LÉVI-STRAUSS C. Cultural Anthropology. Vol. 2. Tr. from French by M. Layton. N. Y.: Basic Books, 1976.
- LINARES 1980 — LINARES O. F. Conclusions // Adaptive Radiations in Prehistoric Panama / A. J. Ranere, O. F. Linares, eds. Cambridge: Harvard University, 1980. P. 233–247.
- LINARES ET AL. 1975 — LINARES O. F., SHEETS P. D., ROSENTHAL E. J. Prehistoric agriculture in tropical highlands // Science, 187 (4172). 1975. P. 137–145.
- LINARES, SHEETS 1980 — LINARES O. F., SHEETS P. D. Highland agricultural village in the Volcan Baru region // Adaptive Radiations in Prehistoric Panama / A. J. Ranere, O. F. Linares, eds. Cambridge: Harvard University, 1980. P. 44–55.
- LINDIG 1979 — LINDIG W. Zur Entstehung des Formativums im östlichen Nordamerika // Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie, 1. 1979. P. 247–334.
- LINES, LINES 1967 — LINES M. M. DE, LINES J. A. Costa Rica: monumentos históricos y arqueológicos. México: Instituto Panamericano de Geografía y Historia, 1967. (Publicación. 229).
- LINNÉ 1929 — LINNÉ S. Darien in the past. The archaeology of eastern Panama and northwestern Colombia. Göteborg: Elanders boktryck, 1929.
- LIPPI 1986 — LIPPI R. D. Arqueología de los Yumbos // Miscelanea Antropologica Ecuatoriana, 6. 1986. P. 189–207.
- LLAGOSTERA 1979 — LLAGOSTERA A. M. 9.700 years of maritime subsistence on the Pacific: an analysis by means of bioindicators in the North of Chile // American Antiquity, 44 (2). 1979. P. 309–324.

- LLAGOSTERA 1992 — LLAGOSTERA A. M. Early occupations and the emergence of fishermen on the Pacific coast of South America // *Andean Past*, 3. 1992. P. 87–109.
- LOOS 1973 — LOOS E. E. Algunas implicaciones de la reconstrucción de un fragmento de la gramática del proto-pano // *Estudios panos*. T. 2. Yarinacocha, Peru: Instituto Lingüístico de Verano, 1973. P. 263–280.
- LÓPEZ CASTAÑO 1989 — LÓPEZ CASTAÑO C. E. Evidencias paleoindias en el Valle Medio del río Magdalena (municipios de PuertoBerrío, Yondo y Remedios, Antioquia) // *Boletín de Arqueología*, 4 (2). 1989. P. 3–23.
- LOTHROP 1937 — LOTHROP S. K. Coclé. An Archaeological Study of Central Panama Vol. 1. Cambridge: Harvard University, 1937. (Memoires of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. 7).
- LOTHROP 1943 — LOTHROP S. K. Coclé. An Archaeological Study of Central Panama Vol. 2. Cambridge: Harvard University, 1943. (Memoires of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. 8).
- LOTHROP 1950 — LOTHROP S. K. Archaeology of Southern Veraguas, Panama. Cambridge: Harvard University, 1950. (Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. 9 (3)).
- LOTHROP 1952 — LOTHROP S. K. Metals from the Cenote of Sacrifice, Chichen Itza, Yucatan. Cambridge: Harvard University, 1952. (Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. 10 (2)).
- LOTHROP 1963 — LOTHROP S. K. Archaeology of the Diquis Delta, Costa Rica. Cambridge: Harvard University, 1963. (Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University. 51).
- LOUKOTKA 1968 — LOUKOTKA C. Classification of South American Indian Languages. Los Angeles: Latin American Center, University of California, 1968.
- LOWIE 1908 — LOWIE R. H. The test-theme in North American mythology // *Journal of American Mythology*, 21 (81–82). 1908. P. 97–148.
- LOWIE 1940 — LOWIE R. H. American Culture History // *American Anthropologist*, 42 (3). 1940. P. 409–428.
- LUNDBERG 1978 — LUNDBERG E. South American-Mesoamerican contacts: the evidence from Lower Central America // *Journal of the Steward Anthropological Society*, 9 (1–2). 1978. P. 77–97.
- LUOMALA 1940 — LUOMALA K. Oceanic, American Indian, and African Myths of Snaring the Sun. Honolulu, 1940. (Berenice P. Bishop Museum Bulletin. 168).
- LUOMALA 1965 — LUOMALA K. Motif A728: Sun caught in Snare and certain related motifs // *Fabula*, 6 (3). 1965. P. 213–252.
- LYMAN, O'BRIEN 1998 — LYMAN R. L., O'BRIEN M. J. The Goals of Evolutionary Archaeology // *Current Anthropology*, 39 (5). 1998. P. 615–652.
- LYNCH 1980 — LYNCH T. F. Guitarrero Cave. Early Man in the Andes. N. Y.: Academic Press, 1980.
- LYNCH 1983 — LYNCH T. F. The Paleoindians // *Ancient South Americans* / J. Jennings, ed. San Francisco: W. H. Freeman & Co, 1983. P. 87–137.

- LYNCH 1989 — LYNCH T. F. Chobchi cave in retrospect // *Andean Past*, 2. 1989. P. 1–32.
- LYNCH 1990 — LYNCH T. F. Glacial-age man in South America? A critical review // *American Antiquity*, 55 (1). 1990. P. 12–36.
- LYNCH 1991 — LYNCH T. F. Lack of evidence for glacial-age settlement of South America: reply to Dillehay and Collins and to Gruhn and Bryan // *American Antiquity*, 56 (2). 1991. P. 348–356.
- LYNCH 1994 — LYNCH, THOMAS F. L'homme des glaciation en Amérique du Sud: une vision Européenne // *L'Anthropologie*, 98 (1). 1994. P. 32–54.
- LYNCH ET AL. 1985 — LYNCH T. F., GILLESPIE R., GOWLETT J. A. J., HEDGES R. E. M. Chronology of Guitarrero Cave, Peru // *Science*, 229 (4716). 1985. P. 864–867.
- LYNEIS 1995 — LYNEIS M. M. The Virgin Anasazi, far western Puebloans // *Journal of World Prehistory*, 9 (2). 1995. P. 199–241.
- MACCURDY 1911 — MACCURDY G. G. A Study of Chiriquian Antiquities. New Haven: Yale University Press, 1911. (Memoires of the Connecticut Academy of Arts and Sciences. 3).
- MACNEISH 1958 — MACNEISH R. S. Preliminary Archaeological Investigations in the Sierra de Tamaulipas. Philadelphia, 1958. (Transactions of the American Philosophical Society. 48, part 6).
- MACNEISH 1986 — MACNEISH R. S. The Preceramic of Middle America // *Advances in World Archaeology*, 5. 1986. P. 93–129.
- MACNEISH ET AL. 1970 — MACNEISH R. S., NELKEN-TERNER A., COOK A. G. Second Annual Report of the Ayacucho Archaeological-Botanical Project. Andover, Mass.: Robert S. Peabody Foundation for Archaeology, 1970.
- MACNEISH ET AL. 1980 — MACNEISH R. S., WILKERSON S. J., NELKEN-TERNER A. First Annual Report of the Belize Archaic Archaeological Reconnaissance. Andover, Mass.: Phillips Academy, 1980.
- MADSEN, SIMMS 1998 — MADSEN D. B., SIMMS S. R. The Fremont Complex: a behavioral perspective // *Journal of World Prehistory*, 12 (3). 1998. P. 255–336.
- MALAKOFF 1998 — MALAKOFF D. Rock dates thrown into doubt, researcher under fire // *Science*, 280 (5372). 1998. P. 2041–2042.
- MALINOWSKI 1926 — MALINOWSKI B. *Myth in Primitive Psychology*. N. Y.: W. W. Norton, 1926.
- MALINOWSKI 1948 — MALINOWSKI B. *Magic, Science and Religion and other essays*. Selected and with introduction by R. Redfield. Boston: Beacon Press; Glenve, Ill.: The Free Press, 1948.
- MALLAM 1982 — MALLAM R. C. Ideology from the Earth: effigy mounds in the Midwest // *Archaeology*, 35 (4). 1982. P. 60–62.
- MALPASS 1985 — MALPASS M. Preceramic occupation of the Casma valley // *Willay*, 18. 1985. P. 12–13.
- MALPASS — MALPASS M. Two preceramic Formative period occupations in the Cordillera Negra: preliminary report // *Recent Studies in Andean Prehistory*

- and Protohistory / Papers from the Second Annual Northeast Conference on Andean Archaeology and Ethnohistory, D. P. Kviatok, D. H. Sandweiss, eds. Cornell University, S. a P. 15–39.
- MĀNEHEN-HELFEN 1936 — MĀNEHEN-HELFEN O. Japan-Kalifornien (zum Amaterasu-Mythos) // *Anthropos*, 31 (5–6). 1936. S. 938–943.
- MANN ET AL. 1998 — MANN D. H., CROWELL A. L., HAMILTON T. D., FINNEY B. P. Holocene geologic and climatic history around the Gulf of Alaska // *Arctic Anthropology*, 35 (1). 1998. P. 112–131.
- MANSUR-FRANCHOMME 1984 — MANSUR-FRANCHOMME M. E. Préhistoire de Patagonie. Industrie Nivell 11 de la province de Santa Cruz: technologie lithique et trace d'utilisation. Oxford, 1984. (BAR International Series. 216).
- MARCOS, MANRIQUE 1988 — MARCOS J. G., MANRIQUE M. DE. De la dualidad fertilidad-virilidad a lo explícitamente femenino o masculino: la relación de las figurinas con los cambios en la organización social, Valdivia, Real Alto, Ecuador // *The Role of Gender in Pre-Columbian Art and Architecture* / V. E. Miller, ed. Lanham: University Press of America, 1988. P. 35–51.
- MARGERY PEÑA 1994 — MARGERY PEÑA E. Notas y comentarios sobre motivos concurrentes en algunas versiones indoamericanas del mito de La Larga Noche // *Filología y Lingüística*, 20 (2). 1994. P. 147–190.
- MARGERY PEÑA 1995 — MARGERY PEÑA E. Sobre el desarrollo y la distribución geográfica del motivo de la misteriosa ama de casa (N 831.1) en la tradición oral indoamericana // *Filología y Lingüística*, 21 (2). 1995. P. 107–130.
- MARGOLIS, CARTER 1979 — MARGOLIS M. L., CARTER W. E. Brazil. Anthropological Perspectives. Essays in Honor of Charles Wagley. N. Y.: Columbia University Press, 1979.
- MARTÍNEZ 2001 — MARTÍNEZ G. A. 'Fish-tail' projectile points and megamammals: new evidence from Paso Otero 5 (Argentina) // *Antiquity*, 75 (289). 2001. P. 523–528.
- MASCHNER 1999 — MASCHNER H. D. G. Prologue to the prehistory of the Lower Alaska peninsula // *Arctic Anthropology*, 36 (1–2). 1999. P. 84–102.
- MATHENY 1987 — MATHENY R. T. An early Maya metropolis uncovered. El Mirador // *Natural Geographic*, 172 (3). 1987. P. 316–339.
- MATSON, CHISHOLM 1991 — MATSON G. G., CHISHOLM B. Basketmaker II subsistence: carbon isotopes and other dietary indicators from Cedar Mesa, Utah // *American Antiquity*, 56 (3). 1991. P. 444–459.
- MATSUMOTO 1928 — MATSUMOTO N. Essai sur la mythologie japonaise. Paris, 1928. (Austro-Asiatica 2).
- MAYBURY-LEWIS 1979 — MAYBURY-LEWIS D., ED. Dialectical Societies. The Gê and Bororo of Central Brazil. Cambridge, London, 1979. (Harvard Studies in Cultural Anthropology. 1).
- MAYER 1982 — MAYER E. F. Metallgeld und Metallbesitz in Altamerika // *Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*, 4. 1982. S. 287–293.

- MAYER-OAKES 1986 — MAYER-OAKES W. J. Early man projectile and lithic technology in the Ecuadorian Sierra // *New Evidence for the Pleistocene Peopling of the Americas* / A. L. Bryan, ed. Orono: Center for the Study of Early Man, University of Maine at Orono, 1986. P. 133–156.
- MCCARTNEY, VELTRE 1996 — MCCARTNEY A. P., VELTRE D. W. Anangula core and blade site // *American Beginnings. The Prehistory and Palaeoecology of Beringia* / F. H. West, ed. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1996. P. 433–550.
- MCEWAN, BRUCE DICKSON 1978 — MCEWAN G. F., BRUCE DICKSON D. Valdivia, Jomon fishermen, and the nature of the North Pacific: some nautical problems with Meggers, Evans, and Estrada's (1965) transoceanic contact thesis // *American Antiquity*, 43 (3). 1978. P. 362–371.
- MCGIMPSEY 1956 — MCGIMPSEY C. R. III. Cerro Mangote; a preceramic site in Panama // *American Antiquity*, 22 (2). 1956. P. 151–161.
- MEGGERS 1966 — MEGGERS B. J. Ecuador. N. Y., Wash.: Praeger, 1966.
- MEGGERS, EVANS 1957 — MEGGERS B. J., EVANS C. Archaeological Investigations at the Mouth of the Amazon. Wash.: Smithsonian Institution, 1957. (Bureau of American Ethnology. 167).
- MEGGERS, EVANS 1973 — MEGGERS B. J., EVANS C. An interpretation of the cultures of Marajo Island // *Peoples and Cultures of Native South America* / D. R. Gross, ed. Garden City, N. Y.: Natural History Press, 1973. P. 39–47.
- MEGGERS, EVANS 1983 — MEGGERS B. J., EVANS C. Lowland South America and the Antilles // *Ancient South Americans* / J. D. Jennings, ed. San Francisco: W. H. Freeman & Co, 1983. P. 287–335.
- MELTZER 1993 — MELTZER D. J. Search for the First Americans. Montreal: St. Remy Press; Wash.: Smithsonian Books, 1993.
- MELTZER 1995 — MELTZER D. J. Clocking the first Americans // *Annual Review of Anthropology*, 24. 1995. P. 21–45.
- MELTZER ET AL. 1994 — MELTZER D. J., ADOVASIO J. M., DILLEHAY T. D. On a Pleistocene human occupation at Pedra Furada, Brasil // *Antiquity*, 68 (261). 1994. P. 695–714.
- MEIGHAN 1977 — MEIGHAN C. W. California // *Chronologies in New World Archaeology* / R. E. Taylor, C. W. Meighan, eds. N. Y. etc.: Academic Press, 1977. P. 223–240.
- MENA 1997 — MENA F. Middle to Late Holocene adaptations in Patagonia // *Patagonia. Natural History, Prehistory, and Ethnography at the Uttermost End of the Earth* / C. McEvan, L. A. Borrero, A. Prieto, eds. Princeton: Princeton University Press, 1997. P. 46–59.
- MENDONÇA DE SOUZA 1984 — MENDONÇA DE SOUZA A. Següencia arqueológica da Bacia do Parana — fases pré-cerâmicas: Cocal, Paranã e Terra Ronca // *Archivos de Museu de Histori Natural* 6–7: 81–87.
- METRAUX 1932 — METRAUX A. Mitos y cuentos de los Índios Chiriguanos // *Revista del Museo de La Plata*, 33. 1932. P. 119–184.

- METRAUX 1935 — METRAUX A. El universo y la naturaleza en las representaciones míticas de dos tribus salvajes // Revista del Instituto de Etnología de la Universidad Nacional de Tucumán, 3 (1). 1935. P. 131–144.
- METRAUX 1944 — METRAUX A. South American thunderbirds // Journal of American Folklore, 57 (224). 1944. P. 132–135.
- METRAUX 1946 — METRAUX A. Twin heroes in South American mythology // Journal of American Folklore, 59. 1946. P. 114–122.
- METRAUX 1948 — METRAUX A. Ensayos de mitología comparada sudamericana // América Indígena, 8 (1). 1948. P. 9–30.
- MIGLIAZZA 1985 — MIGLIAZZA E. C. Languages of the Orinoco-Amazon basin // South American Indian Languages, Retrospect and Prospect / H. E. M. Klein, L. R. Stark, eds. Austin: University of Texas Press, 1985. P. 17–139.
- MILLER 2001 — MILLER J. Keres: engendered key to the Pueblo prehistory // Ethnohistory, 48 (3). 2001. P. 495–514.
- MILLER 1984 — MILLER W. R. The classification of the Uto-aztecan languages based on lexical evidence // International Journal of American Linguistics, 50 (1). 1984. P. 1–24.
- MILLON 1988 — MILLON R. The last years of Teotihuacan dominance // The Collapse of Ancient States and Civilizations / N. Yoffee, G. L. Cowgill, eds. Tucson: University of Arizona Press, 1988. P. 102–164.
- MINNIS ET AL. 1993 — MINNIS P. E., WHALEN M. E., KELLEY J. H., STEWARD J. D. Prehistoric macaw breeding in the North American Southwest // American Antiquity, 58 (2). 1993. P. 270–276.
- MOBJERG 1999 — MOBJERG T. New adaptations in the Saqqaq culture of Greenland, c. 1600–1600 B.C. // World Archaeology, 30 (3). 1999. P. 452–465.
- MOHR CHAVEZ 1982 — MOHR CHAVEZ K. L. The archaeology of Marcavalle, an Early Horizon site in the valley of Cuzco, Peru. Part 1 // Baessler-Archiv, 28 (2). 1982. P. 203–329.
- MOONEY 1896 — MOONEY J. The Ghost-dance Religion, and the Sioux Outbreak of 1890. Wash., 1896. (14th Annual Report of the Bureau of American Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution, 1892–1893. Part 2).
- MORROW, MORROW 1999 — MORROW J. E., MORROW T. A. Geographic variation in fluted projectile points: a hemispheric perspective // American Antiquity, 64 (2). 1999. P. 215–231.
- MOSS 1998 — MOSS M. L. Northern Northwest Coast regional overview // Arctic Anthropology 35 (1): 88–111.
- MOSS, ERLANDSON 1995 — MOSS M. L., ERLANDSON J. M. Reflections on North American Pacific Coast prehistory // Journal of World Prehistory, 9 (1). 1995. P. 1–45.
- MOSS, ERLANDSON 1998 — MOSS M. L., ERLANDSON J. M. Early Holocene adaptations on the Southern Northwest coast // Journal of California and Great Basin Anthropology, 20 (1). 1998. P. 13–25.
- MONTANÉ 1968 — MONTANÉ J. Paleo-Indian remains from Laguna de Tagua-Tagua, Central Chile // Science, 161 (3846). 1968. P. 1137–1138.

- MONTGOMERY 2002 — MONTGOMERY J. Dictionary of Maya Hieroglyphs. N. Y.: Hoppocrene Books, Inc., 2002.
- MORLAN 1986 — MORLAN R. Pleistocene archaeology in Old Crow basin: a critical reappraisal // *New Evidence for the Pleistocene Peopling of the Americas* / A. L. Bryan, ed. Orono: Center for the Study of Early Man, University of Maine at Orono, 1986. P. 27–48.
- MUNFORD ET AL. 1995 — MUNFORD D., CARMO ZANINI M. DO, NEVES W. A. Human cranial variation in South America: implications for the settlement of the New World // *Brazilian Journal of Genetics*, 18 (4). 1995. P. 673–688.
- MURRAY 1999 — MURRAY M. S. Local heroes. The long-term effects of short-term prosperity — an example from the Canadian Arctic // *World Archaeology*, 30 (3). 1999. P. 466–483.
- MYERS 1974 — MYERS T. P. Spanish contacts and social change on the Ucayali river, Peru // *Ethnohistory*, 21 (2). 1974. P. 135–157.
- MYERS 1976 — MYERS T. P. Isolation and ceramic change: a case from the Ucayali river, Peru // *World Archaeology*, 7 (3). 1976. P. 333–351.
- MYERS 1987 — MYERS T. P. Archaeological evidence from Achaual Tipishca, Lower Huallaga river, Peru // *Ñawpa Pacha*, 22–23. 1987. P. 211–224.
- NAMI 1989 — NAMI H. G. New dates for the Paleoindian societies of South America // *Current Research in the Pleistocene*, 6. 1989. P. 18–19.
- NAMI 1996 — NAMI H. G. New assessments of early human occupation in the Southern Cone // *Prehistoric Mongoloid Dispersals* / T. Akazawa, E. J. E. Szathmáry, eds. Oxford, N. Y., Tokyo: Oxford University Press, 1996. P. 245–269.
- NEITZEL 1994 — NEITZEL J. E. Boundary dynamics in the Chacoan regional system // *The Ancient Southwestern Community* / W. H. Wills, R. D. Leonard, eds. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1994. P. 209–240.
- NEVES 1998 — NEVES E. G. Twenty years of Amazonian archaeology in Brazil (1977–1997) // *Antiquity*, 72 (277). 1998. P. 625–632.
- NEVES, BLUM 2000 — NEVES W. A., BLUM M. The Bull burial: a comment on Green et al. // *American Antiquity*, 65 (1). 2000. P. 191–193.
- NEVES ET AL. 1999 — NEVES W. A., POWELL J. F., OZOLINS E. G. Modern human origins as seen from the peripheries // *Journal of Human Evolution*, 34. 1999. P. 129–133.
- NEVES ET AL. 2000A — NEVES W. A., POWELL J. F., OZOLINS E. G. Extra-continental morphological affinities of Lapa Vermelha IV, Hominid 1: a multivariate analysis with progressive numbers of variable // *Homo*, 50 (3). 2000. P. 263–282.
- NEVES ET AL. 2000B — NEVES W. A., POWELL J. F., OZOLINS E. G. Extra-continental morphological affinities of Palli Aike, Southern Chile // *Interciência*, 24 (4). 2000. P. 258–263.
- NEVES ET AL. 2000C — NEVES W. A., MUNFORD D., CARMO ZANINI M. DO. Cranial morphological variation and the colonization of the New World: towards a four migration model // *Ciência e Cultura*, 51 (3–4). 2000. P. 151–165.

- NEVES ET AL. 2000D — NEVES W. A., BLUM M., KOZAMEH L. Were the Fuegians remainders of a Paleoindian non-specialized morphology in the Americas? // *Current Research in the Pleistocene*, 16. 2000. P. 90–92.
- NEVES, PUCCIARELLI 1989 — NEVES W. A., PUCCIARELLI H. M. Extra-continental biological relationships of early South American human remains: a multivariate analysis // *Ciência e Cultura*, 41 (6). 1989. P. 566–575.
- NEVES, PUCCIARELLI 1991 — NEVES W. A., PUCCIARELLI H. M. Morphological affinities of the first Americans: an exploratory analysis based on early South American human remains // *Journal of Human Evolution*, 21. 1991. P. 261–273.
- NEVES, PUCCIARELLI 1998 — NEVES W. A., PUCCIARELLI H. M. The Zhoukoudian Upper Cave skull 101 as seen from the Americas // *Journal of Human Evolution*, 34. 1998. P. 219–222.
- NIMUENDAJU 1937 — NIMUENDAJU C. The Gamella Indians // *Primitive Man*, 10 (3–4). 1937. P. 58–71.
- NIMUENDAJU 1952 — NIMUENDAJU C. The Tapajo. Trans. and ed. by J.H. Rowe // *Kroeber Anthropological Society Papers*, 6. 1952. P. 1–25.
- NOBLE 1965 — NOBLE G. K. Proto-Arawakan and its Descendents. Bloomington: Indian University Center in Anthropology, Folklore, and Linguistics. (Publication. 38).
- NOELLI 1998 — NOELLI F. S. The Tupi: explaining origin and expansion in terms of archaeology and of historical linguistics // *Antiquity*, 72 (277). 1998. P. 648–663.
- NORDENSKIÖLD 1930 — NORDENSKIÖLD E. L'archéologie du Bassin de l'Amazone. Paris: G. Van Oest, 1930.
- NUNGAK, ARIMA 1969 — NUNGAK Z., ARIMA E. Eskimo Stories from Povungnituk, Quebec. Ottawa: The National Museums of Canada, 1969. (Bull. 235: Anthropological Series. 90).
- NUÑEZ 1983 — NUÑEZ L. A. Paleoindian and Archaic cultural periods in the arid and semiarid regions of Northern Chile // *Advances in World Archaeology*, 2. 1983. P. 161–203.
- NUÑEZ 1986 — NUÑEZ L. A. Evidencias arcaicas de maíces y cuyes en Tili-viche: hacia el semisedentarismo en el litoral fértil y quebradas del norte de Chile // *Revista Chungara*, 16–17. 1986. P. 25–47.
- O'BRIEN 1956 — O'BRIEN A. The Diné: Origin Myths of the Navaho Indians. Wash.: Smithsonian Institution, 1956. (Bureau of American Ethnology. 163).
- OLSEN BRUHNS 1972 — OLSEN BRUHNS K. Illicit tomb looting in Colombia // *Archaeology*, 25 (2). 1972. P. 140–143.
- OLSEN BRUHNS 1983 — OLSEN BRUHNS K. A view from the bridge: Intermediate area sculpture in thematic perspective // *Baessler-Archiv*, 30 (1). 1983. P. 147–180.
- OLSEN BRUHNS 1992 — OLSEN BRUHNS K. Monumental sculpture as evidence for hierarchial societies // *Wealth and Hierarchy in the Intermediate Area* / F. W. Lange, ed. Wash.: Dumbarton Oaks Library and Collections, 1992. P. 131–156.

- OLSEN BRUHNS 1994 — OLSEN BRUHNS K. *Ancient South America*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- OLSEN BRUHNS ET AL. 1976 — OLSEN BRUHNS K., GÓMEZ O.O., CHRISTIANSEN O. A projectile point from the department of Quindío, Colombia // *Ñawpa Pacha*, 14. 1976. P. 69–71.
- OLTROGGE, CAMPBELL 1980 — OLTROGGE D., CAMPBELL L. Proto-Tol (Jicaque) // *International Journal of American Linguistics*, 46 (3). 1980. P. 205–223.
- O'NEILL ET AL. 2004 — O'NEILL B. L., CONNOLY T. J., FREIDEL D. *A Holocene geographical record for the Upper Willamette Valley, Oregon. The Long Tom and Chalker Sites*. Eugene: University of Oregon.
- OPPENHEIMER 2003 — OPPENHEIMER S. *The real Eve. Modern Man's Journey out of Africa*. New York: Carrol & Graf, 2003.
- ORTIZ-TRONCOSO 1981 — ORTIZ-TRONCOSO O. R. Inventory of radiocarbon dates from Southern Patagonia and Tierra del Fuego // *Journal de la Société des Américanistes*, 67. 1981. P. 185–211.
- OSSA 1976 — OSSA P. P. A fluted fishtail projectile point from La Cumbre, Moche valley, Peru // *Ñawpa Pacha*, 13. 1976. P. 97–98.
- OTERO 1951 — OTERO G. A. *La piedra mágica. Vida y costumbres de los indios Callahuayas de Bolivia*. México, 1951. (Ediciones especiales del Instituto indigenista interamericano. 5).
- PADDOCK 1987 — PADDOCK J. *Cholula en Mesoamerica* // *Notas Mesoamericanas* (Universidad de las Americas, Puebla), 10. 1987. P. 21–70.
- PAGE 1982 — PAGE J. Inside the sacred Hopi homeland // *National Geographic*, 162 (5). 1982. P. 607–629.
- PALMA 1969 — PALMA J. El sitio de Tagua-Tagua en el ámbito paleo-americano // *Actas del V Congreso Nacional de Arqueología*. La Serena, 1969. P. 315–325.
- PARKER 1963 — PARKER G. J. La clasificación genética de los dialectos quechuas // *Revista del Museo Nacional*, 32. 1963. P. 241–252.
- PARR 1974 — PARR R. T. *A Bibliography of the Athapaskan Languages*. Ottawa (National Museum of Man Mercury Series, Ethnology Division. Paper 14).
- PATTERSON 1971 — PATTERSON C. C. Native copper, silver and gold accessible to early metallurgists // *American Antiquity*, 36 (3). 1971. P. 286–321.
- PAYNE 1981 — PAYNE D. L. Bosquejo fonológico del proto-shuar-candoshi: evidencia para una relación genética // *Revista del Museo Nacional*, 45. 1981. P. 323–377.
- PEARSALL 1978 — PEARSALL D. M. Early movements of maize between Mesoamerica and South America // *Journal of Steward Anthropological Society*, 9 (1–2). 1978. P. 41–75.
- PEARSALL 1988 — PEARSALL D. M. An overview of Formative period subsistence in Ecuador: palaeoethnobotanical data and perspectives // *Chacmol*, 19. 1988. P. 149–158.
- PEARSALL, PIPERNO 1990 — PEARSALL D. M., PIPERNO D. R. Antiquity of maize cultivation in Ecuador: summary and reevaluation of the evidence // *American Antiquity*, 55 (2). 1990. P. 324–327.

- PERROTTA, PODESTA 1978 — PERROTTA E., PODESTA C. Contribution to the San José and Santa María cultures, Northwest Argentina // *Advances in Andean Archaeology*. The Hague, Paris: Mouton. P. 535–551.
- PERRY 1980 — PERRY R. J. The Apachean transition from the Subarctic to the Southwest // *Plains Anthropologist*, 25. 1980. P. 279–296.
- PETERSON 1980 — PETERSON D. A. The introduction, use and technology of fiber-tempered pottery in the Southeastern United States // *Early Native Americans. Prehistoric demography, economy, and technology* / D. L. Browman, ed. The Hague, Paris: Mouton. P. 363–372.
- PHILLIPS, BROWN 1978 — PHILLIPS P., BROWN J. A. Pre-Columbian Shell Engravings from the Craig Mound at Spiro, Oklahoma. Part 1. Cambridge: Peabody Museum Press, 1978.
- PINTAL, MARTIJN 2002 — PINTAL J.-Y., MARTIJN C. A. Early bird archaeologists among the Bake Apples: a quick swoop along Quebec's Lower North Shore // *Honoring our Elders. A History of Eastern Arctic Archaeology* / W. W. Fitzhugh, S. Loring, D. Odess. eds. Wash.: Smithsonian Institution, 2002. P. 217–225.
- PIPERNO 1984 — PIPERNO D. R. A comparison and differentiation of phytoliths from maize and wild grasses: use of morphological criteria // *American Antiquity*, 49 (2). 1984. P. 361–383.
- PIPERNO 1989 — PIPERNO D. R. Non-affluent foragers: resource availability, seasonal shortages, and the emergence of agriculture in Panamanian tropical forest // *Foraging and Farming: The Evolution of Plant Exploitation* / D. R. Harris, G. C. Hillman, eds. London etc.: Unwin Hyman, 1989. P. 538–554.
- PIPERNO 1991 — PIPERNO D. R. The status of phytolith analysis in the American tropics // *Journal of World Prehistory*, 5 (2). 1991. P. 155–191.
- PIPERNO 1998 — PIPERNO D. R. Paleoethnobotany in the Neotropics from microfossils: new insights into ancient plant use and agricultural origins in the tropical forest // *Journal of World Prehistory*, 12 (4). 1998. P. 393–449.
- PIPERNO, CLARY 1984 — PIPERNO D. R., CLARY K. M. Early plant use and cultivation in the Santa Maria basin, Panama // *Recent Developments in Isthmian Archaeology: Advances in the Prehistory of Lower Central America* / F. W. Lange, ed. Oxford, 1984. P. 85–121. (BAR International series. 212).
- PIPERNO, PEARSALL 1998 — PIPERNO D. R., PEARSALL D. *The Origins of Agriculture in the Neotropics*. San Diego etc.: Academic Press, 1998.
- PLAZAS, FALCHETTI 1986 — PLAZAS C., FALCHETTI A. M. Cerámica arcaica en las sabanas de San Marcos, Sucre // *Boletín de Arqueología*, 1 (2). 1986. P. 16–23.
- PLOG 1983 — PLOG F. Political and economic alliances on the Colorado Plateau, A.D. 400–1450 // *Advances in World Archaeology*, 2. 1983. P. 289–330.
- PLOG 1997 — PLOG S. *Ancient Peoples of the American Southwest*. L.: Thames and Hudson, 1997.
- POHL 1837 — POHL J. E. *Reise im Innern von Brasilien in den Jahren 1817–1821, Bd. 2*. Wien, 1837.

- POKOTYLO, MITCHEL 1998 — POKOTYLO D. L., MITCHEL D. Prehistory of Northern Plateau // Handbook of North American Indians. Vol. 12. Plateau. Wash.: Smithsonian Institution, 1998. P. 81–102.
- POLITIS 1985 — POLITIS G. G. Hombre temprano y glyptodontidos en la región pampeana (argentina): el sitio de caza La Moderna / Ponencia presentada en el simposio de cazadores-recolectores de America, 45 Congreso Internacional de Americanistas, Bogotá, 1985.
- POLITIS, GUTIÉRREZ 1998 — POLITIS G. G., GUTIÉRREZ M. A. Gliptodontes y casadores-recolectores de la region Pampeana (Argentina) // Latin American Antiquity, 9 (2). 1998. P. 111–134.
- POWELL ET AL. — POWELL J., NEVES W. A., OZOLINS E., PUCCIARELLI H. M. Afinidades biológicas extra-continetales de los dos esqueletos más antiguos de América: implicaciones para el poblamiento del Nuevo Mundo // Antropología Física Latinoamericana [In press].
- PRENCEL 1990 — PRENCEL R. W. Review of «W. H. Wills. Early Prehistoric Agriculture in the American Southwest. Santa Fe, 1988. School of American Research Press» // Journal of Field Archaeology, 17. 1990. P. 475–478.
- PRASAD 1989 — PRASAD M. Some Aspects of the Varatha-Katha in Epics and Puranas. Delhi: Maheshwari Prasad, 1989.
- PRICE 1982 — PRICE B. J. Cultural materialism: a theoretical review // American Antiquity, 47 (4). 1982. P. 709–741.
- PRICE 1985 — PRICE D. Nambikwara languages: linguistic and geographical distance between speech communities // South American Indian Languages, Retrospect and Prospect / H. E. M. Klein, L. R. Stark, eds. Austin: University of Texas Press, 1985. P. 304–324.
- PROUS 1981 — PROUS A. Fouilles du Grand Abri de Santana de Riacho (Minas Gerais), Brésil // Journal de la Société des Américanistes, 67. 1981. P. 163–187.
- PROUS 1986A — PROUS A. L'archéologie au Brésil. 300 siècles d'occupation humain // L'Anthropologie, 90 (2). 1986. P. 257–306.
- PROUS 1986B — PROUS A. Os mais antigos vestígios arqueológicos no Brasil Central (estados de Minas Gerais, Goiás e Bahia) // New Evidence for the Pleistocene Peopling of the Americas / A. L. Bryan, ed. Orono: Center for the Study of Early Man, University of Maine at Orono. P. 173–182.
- PROUS 1991 — PROUS A. Fouilles de l'Abri du Boquete, Minas Gerais, Bresil // Journal de la Societe des Americanistes, 77. 1991. P. 77–109.
- PROUS 1996 — PROUS A. Recent studies on rock art in Brazil // Rock Art Studies. News of the World I / P. G. Bahn, A. Fossati, eds. Oxford, 1996. P. 215–219. (Oxbow Monograph. 72).
- PROUS, GUIMARÃES 1984 — PROUS A., GUIMARÃES C. M. Recentes descobertas sobre os mais antigos caçadores de Minas Gerais e da Bahia // Archivos do Museu de Historia Natural, 6–7. 1984. P. 33–32.
- PROUS, MALTA 1991 — PROUS A., MALTA I. M. Santana do Riacho. T. 1. Belo Horizonte: Universidad Federal de Minas Gerais, 1991. (Arquivos do Museu de História Natural. 12).

- PRUFER 1974 — PRUFER O. H. The Hopewell Cult // *New World Archaeology. Readings from Scientific America*. San Francisco: Freeman, 1974. P. 235–243.
- RADCLIFFE-BROWN 1958 — RADCLIFFE-BROWN A. R. *Method in Social Anthropology*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1958.
- RADIN 1956 — RADIN P. *The Trickster. A Study in American Indian Mythology*. N. Y.: Philosophical Library, 1956.
- RAJNOVICH 1989 — RAJNOVICH G. Visions in the quest for medicine: an interpretation of the Indian pictographs of the Canadian Shield // *Midcontinent Journal of Archaeology*, 14 (2). 1989. P. 179–225.
- RAMER 1996 — RAMER A. M. Tonkawa and Zuni: two test cases for the Greenberg classification // *International Journal of American Linguistics*, 62 (3). 1996. P. 264–288.
- RANDS 1957 — RANDS R. L. Comparative notes on the hand-eye and related motifs // *American Antiquity*, 22 (3). 1957. P. 247–257.
- RANERE — RANERE A. J. Preceramic shelters in the Talamancan range // *Adaptive Radiations in Prehistoric Panama / A. J. Ranere, O. F. Linares, eds*. Cambridge: Harvard University. P. 16–43.
- RASMUSSEN 1930 — RASMUSSEN K. *Intellectual Culture of the Iglulik Eskimos*. Copenhagen, 1930. (Report of the Fifth Thule Expedition 1921–1924. 7 (1)).
- RAVINES 1967–1968 — RAVINES R. Piedras pintadas del sur del Perú // *Revista del Museo Nacional*, 35. 1968. P. 312–319.
- RAYMOND 1993 — RAYMOND S. J. Ceremonialism in the Early Formative of Ecuador // *Senri Ethnological Studies*, 37. 1993. P. 25–43.
- RAYNEY 1941 — RAYNEY F. G. *Eskimo Prehistory: the Okvik Site on the Punnuk Islands*. New York, 1941. (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. 37 (4)).
- REANIER 1996 — REANIER R. E. Putu and Bedwell // *American Beginnings. The Prehistory and Palaeoecology of Beringia / F. H. West, ed*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1996. P. 505–511.
- REFF 1991 — REFF D. T. *Disease, Depopulation, and Culture Change in Northwestern New Spain, 1518–1764*. Salt Lake City: University of Utah Press, 1991.
- REICHEL-DOLMATOFF 1957 — REICHEL-DOLMATOFF G. Momil: a Formative sequence from the Sinú Valley, Colombia // *American Antiquity*, 22 (3). 1957. P. 226–234.
- REICHEL-DOLMATOFF 1962 — REICHEL-DOLMATOFF G. Puerto Hormiga: un complejo prehistórico marginal de Colombia (nota preliminar) // *Revista Colombiana de Antropología*, 10. 1962. P. 349–354.
- REICHEL-DOLMATOFF 1971A — REICHEL-DOLMATOFF G. *Amazonian Cosmos. The Sexual and Religious Symbolism of the Tukano Indians*. Chicago, London: University of Chicago Press, 1971.
- REICHEL-DOLMATOFF 1971B — REICHEL-DOLMATOFF G. Early pottery from Colombia // *Archaeology*, 24 (4). 1971. P. 338–345.

- REICHEL-DOLMATOFF 1972 — REICHEL-DOLMATOFF G. The cultural context of early fiber-tempered pottery in Northern Colombia // *Florida Anthropologist*, 25 (2), part 2. 1972. P. 1–8.
- REICHEL-DOLMATOFF 1975 — REICHEL-DOLMATOFF G. *The Shaman and the Jaguar. The Study of Narcotic Drugs among the Indians of Colombia*. Philadelphia: Temple University Press, 1975.
- REICHEL-DOLMATOFF 1985A — REICHEL-DOLMATOFF G. *Los Kogi. T. 1*. Bogota: Procultura, 1985.
- REICHEL-DOLMATOFF 1985B — REICHEL-DOLMATOFF G. *Monsú. Un sitio Arqueológico*. Bogotá: Biblioteca Banco Popular, 1985.
- REICHEL-DOLMATOFF 1986 — REICHEL-DOLMATOFF G. *Arqueologia de Colombia*. Bogotá: FUNBOTANICA, 1986.
- REID 1984 — REID K. C. Fire and ice: new evidence for the production and preservation of Late Archaic fiber-tempered pottery in the Middle-latitude Lowlands // *American Antiquity*, 49 (1). 1984. P. 55–76.
- RENFREW 1996 — RENFREW C. Language families and the spread of farming // *The Origins and Spread of Agriculture and Pastoralism in Eurasia* / D. R. Harris, ed. L.: University College London Press, 1996. P. 70–92.
- RENOUF 1999 — RENOUF M. A. P. Prehistory of Newfoundland hunter-gatherers: extinctions or adaptations // *World Prehistory*, 30 (3). 1999. P. 403–420.
- RENOUF, MURRAY 1999 — RENOUF M. A. P., MURRAY M. Two winter dwellings at Phillip's Garden Dorset site in Northwestern Newfoundland // *Arctic Anthropology*, 36 (1–2). 1999. P. 118–132.
- RICHARDSON 1973 — RICHARDSON J. B. III. The preceramic sequence and the Pleistocene and post-Pleistocene climates of Northwest Peru // *Variations in Anthropology* / D. W. Lathrap, J. Douglas, eds. Urbana: Illinois Archaeological Survey, 1973. P. 199–211.
- RICHARDSON 1978 — RICHARDSON J. B. III. Early man on the Peruvian North Coast, early maritime exploitation and the Pleistocene and Holocene environment // *Early Man in America from a Circum-Pacific Perspective* / A. L. Bryan, ed. University of Alberta, 1978. P. 274–289.
- RICHARDSON 1981 — RICHARDSON J. B. III. Modelling the development of sedentary maritime economies on the coast of Peru: a preliminary statement // *Annals of Carnegie Museum*, 50 (5). 1981. P. 139–150.
- RICHARDSON 1983 — RICHARDSON J. B. III. The Chira beach ridges, sea level change and the origins of maritime economies on the Peruvian coast // *Annals of Carnegie Museum*, 52 (11). 1983. P. 265–272.
- RICHARDSON 1986 — RICHARDSON J. B. III. Maritime before maritime: 8500 B.C. evidence for maritime economies in Southern Peru / Paper presented at the 51st meeting of the Society for American Archaeology. New Orleans, 1986.
- RICK 1980 — RICK J. W. *Prehistoric Hunters of the High Andes*. N. Y. etc.: Academic Press, 1980.
- RICK 1987 — RICK J. W. Dates as data: an examination of the Peruvian Pre-ceramic radiocarbon record // *American Antiquity*, 52 (1). 1987. P. 55–73.

- RICK 1988 — RICK J. W. The character and context of Highland Preceramic society // *Peruvian Prehistory* / R. W. Keatinge. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1988. P. 3–40.
- RIEFF ANAWALT 1992 — RIEFF ANAWALT P. Ancient cultural contacts between Ecuador, West Mexico, and the American Southwest: clothing similarities // *Latin American Antiquity*, 3 (2). 1992. P. 114–129.
- RIESEBERG, SEILER 1990 — RIESEBERG L. H., SEILER G. J. Molecular evidence and the origin of the development of the domesticated sunflower (*Helianthus annuus*, Asteraceae) // *Economic Botany*, 44 (3, Suppl.). 1990. P. 79–91.
- RILEY, HEDRICK 1978 — RILEY C. L., HEDRICK B. C., EDS. *Across the Chichimec Sea. Papers in Honor of J. Charles Kelley*. Carbondale; Edwardsville: Southern Illinois University Press; London; Amsterdam: Feller & Simons, Inc.
- RILEY ET AL. 1990 — RILEY T. J., EDGING R., ROSSEN J. Cultigens in Prehistoric Western North America // *Current Anthropology*, 31 (5). 1990. P. 525–542.
- RITZENTHALTER, QUIMBRY 1962 — RITZENTHALTER R. E., QUIMBRY G. I. The Red Ocher culture of the Upper Great Lakes and adjacent areas // *Fieldiana: Anthropology*, 36 (11). 1962. P. 243–275.
- RIVAL 1996 — RIVAL L. M. *Hijos del Sol, Padres del Jaguar. Los Huaorani Ayer y Hoy*. Quito: Ediciones Abya-Yala, 1996.
- RIVET 1942 — RIVET P. Un dialecte Hoka colombien: le Yurumanguí // *Journal de la Société des Américanistes*, 34. 1942. P. 1–59.
- ROBB 1993 — ROBB J. A social prehistory of European languages // *Antiquity*, 67 (257). 1993. P. 747–760.
- ROBRAHN GONZÁLEZ 1995 — ROBRAHN GONZÁLEZ E. M. Os grupos ceramistas pré-coloniais do Brasil Central: origens e desenvolvimento // *Anais da VIII Reunião Científica da Sociedade de Arqueologia Brasileira* / A. A. Kern, ed. Vol. 2. Porto Alegre, 1995. P. 233–248.
- ROBRAHN GONZÁLEZ 1998 — ROBRAHN GONZÁLEZ E. M. Regional pottery-making groups in southern Brazil // *Antiquity*, 72 (277). 1998. P. 616–624.
- RODRIGUES 1958 — RODRIGUES A. D. Die Klassifikation des Tupi-Sprachstammer // *Proceedings of the 32 International Congress of Americanists (Copenhagen 1956)*. Copenhagen, 1958. P. 679–684.
- RODRIGUES 1974 — RODRIGUES A. D. Linguistic groups of Amazonia // *Native South Americans. Ethnology of the Least Known Continent* / P. J. Lyon, ed. Boston, Toronto: Little, Brown & Co, 1974. P. 51–58.
- RODRIGUES 1982A — RODRIGUES A. D. O tronco Tupí // *Poratim*, Agosto 1982.
- RODRIGUES 1982B — RODRIGUES A. D. O tronco Macro-Jê // *Poratim*, Setembro 1982.
- RODRIGUES 1982C — RODRIGUES A. D. A família Aruák // *Poratim*, Dezembro 1982.
- RODRIGUES 1985A — RODRIGUES A. D. Evidence for Tupi-Carib relationships // *South American Indian Languages, Retrospect and Prospect* / H. E. M. Klein, L. R. Stark, eds. Austin: University of Texas Press, 1985. P. 371–404.

- RODRIGUES 1985B — RODRIGUES A. D. The present state of the study of Brazilian Indian languages // *South American Indian Languages, Retrospect and Prospect* / H. E. M. Klein, L. R. Stark, eds. Austin: University of Texas Press, 1985. P. 405–439.
- RODRIGUES 1985C — RODRIGUES A. D. Relações internas na família linguística Tupi-Guarani // *Revista de Antropologia*, 27–28. 1985. P. 33–53.
- ROE 1989 — ROE P. G. Of rainbow dragons and the origin of designs: Waiwai and the Shipibo Ronin Ehua // *Journal of Latin American Indian Literature Journal*, 5 (1). 1989. P. 1–67.
- ROE 1991 — ROE P. G. Gift of the birds: avian proto-cultural donors and ogres in Waiwai mythology // *Past, Present, and Future. Selected Papers on Latin American Indian Literatures from the VIII International Symposium* / M. H. Preuss, ed. Culver City, California: Labyrinthos, 1991. P. 89–110.
- ROHTER 1999 — ROHTER L. An ancient skull challenges long-held theories // *The New York Times*, Thursday, October 26. P. F5.
- ROLLINS ET AL. 1986 — ROLLINS H. B., RICHARDSON J. B. III, SANDWEISS D. H. The birth of El Niño: geoarchaeological evidence and implications // *Geoarchaeology: an International Journal*, 1 (1). 1986. P. 3–15.
- ROOSEVELT 1980 — ROOSEVELT A. C. *Parmana. Prehistoric Maize and Manioc Subsistence along the Amazon and Orinoco*. N. Y. etc.: Academic Press, 1980.
- ROOSEVELT 1988 — ROOSEVELT A. C. Interpreting certain female images in prehistoric art // *The Role of Gender in Pre-Columbian Art and Architecture* / V. E. Miller ed. Lanham: University Press of America, 1988. P. 1–34.
- ROOSEVELT 1991 — ROOSEVELT A. C. *Moundbuilders of the Amazon. Geophysical Archaeology on Marajo Island, Brazil*. San Diego etc.: Academic Press, 1991.
- ROOSEVELT 1992 — ROOSEVELT A. C. *Arqueologia amazônica // História dos Índios no Brasil* / M. Carneiro da Cunha, ed. São Paulo: Companhia das Letras, Fapesp, SMG, 1992. P. 53–86.
- ROOSEVELT ET AL. 1991 — ROOSEVELT A. C., HOUSLEY R. A., IMAZIO DA SILVEIRA M., MARANCA S., JAHNSON R. Eight millennium pottery from a prehistoric shell midden in the Brazilian Amazon // *Science*, 254. 1991. P. 1621–1624.
- ROOSEVELT ET AL. 1996 — ROOSEVELT A. C., LIMA DA COSTA M., LOPES MACHADO C., MICHAH M., MERCIER N., VALLADAS H., FEATHERS J., BARNETT W., IMAZIO DA SILVEIRA M., HENDERSON A., SILVA J., CHERNOFF B., REESE D. S., HOLMAN J. A., TOTH N., SCHICK K. Paleoindian cave dwellers in the Amazon: the peopling of the Americas // *Science*, 272 (5260). 1996. P. 373–384.
- ROSSEN 1998 — ROSSEN J. Unifaces in Early Andean Culture History: The Nanchoc Lithic Tradition of Northern Peru // *Andean Past*, 5. 1998. P. 241–299.
- ROSTAIN 1994 — ROSTAIN S. Archéologie du littoral de Guyane, une région charnière entre les influence culturelles de l'Orénoque et l'Amazonie // *Journal de la Société des Américanistes*, 80. 1994. P. 9–46.

- ROOTH 1957 — ROOTH A. B. Creation myths of the North American Indians // *Anthropos*, 52. 1957. P. 497–508.
- ROOTH 1962 — ROOTH A. B. The Raven and the Carcass. An investigation of a motif in the deluge myth in Europe, Asia and North America. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1962. (Folklore Fellows Communications. 186).
- ROUSE, CRUXENT 1963 — ROUSE J., CRUXENT J. Venezuelan Archaeology. New Haven, L.: Yale University Press, 1963.
- ROWE 1950 — ROWE J. H. The Idabaez: unknown Indians of the Choco coast // *Kroeber Anthropological Society Papers*, 1. 1950. P. 34–44.
- ROWE 1974A — ROWE J. H. Linguistic classification problems in South America // *Native South Americans. Ethnology of the Least Known Continent* / P.J. Lyon, ed. Boston, Toronto: Little, Brown & Co., 1974. P. 43–50.
- ROWE 1974B — ROWE J. H. Indian tribes of South America, the tribal distribution map // *Native South Americans. Ethnology of the Least Known Continent* / P.J. Lyon, ed. Boston, Toronto: Little, Brown & Co., 1974. P. 433.
- RUDE N. 1997 — RUDE N. On the history of nominal case in Sahaptin // *International Journal of American Linguistics*, 63 (1). 1997. P. 113–143.
- RUE 1989 — RUE D. J. Archaic Middle American agriculture and settlement; recent pollen data from Honduras // *Journal of Field Archaeology*, 16 (2). 1989. P. 177–203.
- RUSSO, HEIDE 2001 — RUSSO M., HEIDE G. Shell rings of the southeast US // *Antiquity*, 75 (289). 2001. P. 491–492.
- RUSSO, HEIDE 2002 — RUSSO M., HEIDE G. The Joseph Reed shell ring // *The Florida Anthropologist*, 55 (2). 2002. P. 67–87.
- RYDEN 1964 — RYDEN S. Tripod ceramics and grater bowls from Mojos, Bolivia // *Völkerkundliche Abhandlungen*, 1. 1964. P. 261–270.
- SALATHÉ 1932 — SALATHÉ G. Les indiens karimé // *Revista del Instituto de Etnología de la Universidad Nacional de Tucumán*, 2 (2). 1932. P. 297–316.
- SALES BARBOSA 1984 — SALES BARBOSA A. O arcaico em Goiás // *Archivos de Museu de História, Natural*, 6–7. 1984. P. 47–67.
- SALGADO 1986 — SALGADO H. L. Investigaciones arqueológicas en el curso medio del Rio Calima, Cordillera Occidental, Colombia // *Boletín de Arqueología*, 1 (2). 1986. P. 3–15.
- SAMPAIO-SILVA 1994 — SAMPAIO-SILVA O. Mitos e rituais indígenas do Nordeste Brasileiro e identidade étnica // *Bulletin of the International Congress on Urgent Anthropological and Ethnological Research*, 36. 1994. P. 55–60.
- SANDERS 1982 — SANDERS W. T. Cultural evolution and ecological succession in the Valley of Guatemala: 1500 BC — AD 1524 // *Maya Subsistence* / K. V. Flannery, ed. N. Y. etc.: Academic Press, 1982. P. 19–63.
- SANDWEISS 1983 — SANDWEISS D. H. Landscape alteration and prehistoric human occupation on the North coast of Peru // *Annals of the Carnegie Museum*, 52 (12). 1983. P. 277–298.
- SANDWEISS 1996 — SANDWEISS D. H. Mid-Holocene cultural interaction between the North Coast of Peru and Ecuador // *Latin American Antiquity*, 7 (1). 1996. P. 41–50.

- SANDWEISS ET AL. 1989 — SANDWEISS D. H., RICHARDSON J. B. III, REITZ E. J., HSU J. T., FELDMAN R. A. Early maritime adaptations in the Andes: preliminary studies at the ring site, Peru // *Ecology, Settlement and History in the Osmore Drainage, Peru* / D. S. Rice, C. Stanish, R. Phillip, eds. Oxford. P. 35–88. (BAR International Series. 545. Part 1).
- SANDWEISS ET AL. 1998 — SANDWEISS D. H., MCINNIS H., BURGER R. L., CANO A., OJEDA B., PAREDES R., CARMEN SANDWEISS M. DEL, GLASCOCK M. D. Quebrada Jaguay. Early South American maritime adaptations // *Science*, 281. 1998. P. 1830–1832.
- SANDWEISS ET AL. 1999 — SANDWEISS D. H., CANO A., OJEDA B., REQUÉ J. Pescadores paleoíndios del Perú // *Investigación y Ciencia*, octubre 1999. P. 55–61.
- SANOJA, VARGAS 1978 — SANOJA M., VARGAS I. The Formative cultures of the Venezuela Oriente // *Advances in World Archaeology*, 1. 1978. P. 259–276.
- SANOJA, VARGAS 1983 — SANOJA M., VARGAS I. New light on the prehistory of Eastern Venezuela // *Advances in World Archaeology*, 2. 1983. P. 205–244.
- SANTOS-GRANERO 1991 — SANTOS-GRANERO F. The Power of Love. The Moral Use of Knowledge amongst the Amuesha of Central Peru. London: Athlone Press. (Monographs on Social Anthropology. 62).
- SAPIR 1949 — SAPIR E. Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture, and Personality. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1949.
- SCHMERLER 1931 — SCHMERLER H. Trickster marries his daughter // *Journal of American Folklore*, 44 (172). 1931. P. 196–207.
- SCHMITZ 1981A — SCHMITZ P. I. La evolución de la cultura en centro y noreste de Brasil entre 14,000 y 4,000 años antes del presente // *Pesquisas, Antropologia*, 32. 1981. P. 7–39.
- SCHMITZ 1981B — SCHMITZ P. I. La evolución de la cultura en el sudoeste de Goiás // *Pesquisas, Antropologia*, 32. 1981. P. 41–70.
- SCHMITZ 1981C — SCHMITZ P. I. Industrias líticas en el sur de Brasil // *Pesquisas, Antropologia*, 32. 1981. P. 107–130.
- SCHMITZ 1981D — SCHMITZ P. I. El Guaraní en Río Grande do Sul. La colonización del monte y los frentes de expansión // *Pesquisas, Antropologia*, 32. 1981. P. 185–205.
- SCHMITZ 1981E — SCHMITZ P. I. La arqueología del noreste argentino y del sur de Brasil en la visioon del Dr. Oswaldo F. A. Menghin y de los arqueólogos posteriores // *Pesquisas, Antropologia*, 32. 1981. P. 207–223.
- SCHMITZ 1985 — SCHMITZ P. I. Estratégias usadas no estudo dos caçadores do Sul do Brasil; algunos comentarios // *Pesquisas, Antropologia*, 40. 1985. P. 75–96.
- SCHMITZ 1986 — SCHMITZ P. I. Cazadores antiguos en el sudoeste de Goiás, Brasil // *New Evidence for the Pleistocene Peopling of the Americas* / A. L. Bryan, ed. Orono: Center for the Study of Early Man, University of Maine at Orono. P. 183–193.

- SCHMITZ 1987 — SCHMITZ P. I. Prehistoric hunters and gatherers of Brasil // *Journal of World Prehistory*, 1 (1). 1987. P. 53–126.
- SCHMITZ ET AL. 1981 — SCHMITZ P. I., BARBOSA A. S., WÜST I., MOEHLECKE S. Arqueología del centro y sur de Goyás // *Pesquisas, Antropologia*, 32. 1981. P. 85–106.
- SCHMITZ ET AL. 1982 — SCHMITZ P. I., WÜST I., MOEHLECKE S., THIES U. M. E. Arqueologia do centro-sul de Goyás. Uma fronteira de horticultores indígenas no centro do Brasil. São Leopoldo, 1982. (Pesquisas, Antropologia 33).
- SCHMITZ ET AL. 1984 — SCHMITZ P. I., WÜST I., MOEHLECKE S. Os horticultores do centro-sul de Goyás // *Arquivos de Museu de Historia Natural*, 6–7. 1984. P. 221–234.
- SCHOBINGER 1973 — SCHOBINGER J. Nuevos hallazgos de punta cola de pescado, y consideraciones en torno al origen de la cultura de cazadores superiores toldense (Fell I) en Sudamerica // *Atti del 40 Congresso Internazionale degli Americanisti*. Vol. 1. Roma, 1973. P. 33–50.
- SCHOBINGER 1995 — SCHOBINGER J. El arte rupestre mas antiguo de América del Sur — una ojeada sintética // *Anais da VIII Reunião Científica da Sociedade de Arqueologia Brasileira. Coleção Arqueologia 1/ A. A. Kern, ed. Vol. 1. Porto Alegre, 1995. P. 97–106.*
- SCHOBINGER, GRADIN 1985 — SCHOBINGER J., GRADIN C. J. L'arte delle Ande e della Patagonia: pitture rupestri dei cacciatori della Patagonia e degli agricoltori andini. Milano: Jaca Book, 1985.
- SCHUBER 1988 — SCHUBER C. Climatic changes during the last glacial maximum in Northern South America and the Caribbean: a review // *Interciencia (Caracas)*, 13 (3). 1988. P. 128–137.
- SCHWERIN 1972 — SCHWERIN K. H. Arawak, Carib, Ge, Tupi: cultural adaptation and cultural history in the tropical forest, South America // *Actas y Memorias del 39 Congreso Internacional de Americanistas*. Vol. 4. Lima: Instituto de Estudios Peruanos, 1972. P. 39–57.
- SEARS, SULLIVAN 1978 — SEARS W. H., SULLIVAN S. O. Bahamas prehistory // *American Antiquity*, 43 (1). 1978. P. 3–25.
- SEBEOK 1977 — SEBEOK T. A., ED. *Native Languages of the Americas*. Vol. 2. N. Y.; L.: Plenum Press, 1977.
- SEKI 1993 — SEKI Y. La transformación de los centros ceremoniales del Período Formativo en la Cuenca de Cajamarca, Perú // *Senri Ethnological Studies*, 37. 1993. P. 143–168.
- SHAUL 1988 — SHAUL D. L. Esselen linguistic prehistory // *Journal of the Steward Anthropological Society*, 15 (1–2). 1988. P. 47–58.
- SHAUL 1995 — SHAUL D. L. The Huelel (Esselen) language // *International Journal of American Linguistics*, 61 (2). 1995. P. 191–239.
- SHAW 1998 — SHAW R. D. An archaeology of the Central Yupic: a regional overview from the Yukon-Kuskokwim delta, Northern Bristol Bay, and Nunivak island // *Arctic Anthropology*, 35 (1). 1998. P. 234–246.
- SHEETS 1994 — SHEETS P. D. Chipped stone artifacts from the Cordillera de Tilaran //

- Archaeology, Volcanism, and Remote Sensing in the Arenal Region, Costa Rica / P. D. Sheets, B. R. Mckee, eds. Austin: Texas University Press, 1994. P. 211–254.
- SHIMADA 1987 — SHIMADA I. Horizontal and vertical dimensions of prehistoric states in North Peru // *The Origins and Development of the Andean State* / J. Haas, T. Pozorski, S. Pozorski, eds. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 130–144.
- SHIMADA 1990 — SHIMADA I. Cultural continuities and discontinuities on the northern North Coast of Peru, Middle-Late Horizon // *The Northern Dynasties: Kingship and Statescraft in Chimor*, M. E. Moseley, A. Cordy-Collins, eds. Wash.: Dumbarton Oaks Library and Collections, 1990. P. 297–392.
- SHIMADA 1988 — SHIMADA M. Prehistoric subsistence in the North Highlands of Peru: Early Horizon to Late Intermediate // *Economic Prehistory of the Central Andes*, E. S. Wing, J. C. Wheeler, eds. Oxford, 1988. P. 131–147. (BAR International Series. 427).
- SIEGEL, ROE 1986 — SIEGEL P. E., ROE P. G. Shipibo archaeo-ethnography: site formation processes and archaeological interpretation // *World Archaeology*, 18 (1). 1986. P. 96–115.
- SIMÕES 1981 — SIMÕES M. F. Coletores-pescadores ceramistas do litoral do Salgado (Para); nota preliminar. Belém — Para, 1981. (Boletim do Museu Paraense Enilio Goeldi, Antropologia. 76).
- SKINNER 1914 — SKINNER A. The cultural position of the Plains Ojibway // *American Anthropologist*, 16 (2). 1914. P. 314–318.
- SLANDER 1964 — SLANDER D. Lithic material from Panama — fluted points from Maddan Lake // *35 Congreso de Americanistas. Actas y memorias. Vol. 1. México*, 1964. P. 183–192.
- SMITH 1986 — SMITH B. D. The archaeology of the Southeastern United States: from Dalton to de Soto, 10,500 B. P. — 500 B. P. // *Advances in World Archaeology*, 5. 1986. P. 1–92.
- SMITH 1997 — SMITH B. D. The initial domestication of Cucurbita pepo in the Americas 10,000 years ago // *Science*, 276. 1997. P. 932–934.
- SMITH, EWING 1952 — SMITH B. D., EWING L. Kiva Mural Decorations at Awatovi and Kawaika-a. Cambridge, 1952. (Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology. 37).
- SMITH 1978 — SMITH M. E. A model for the diffusion of the shaft tomb complex from South America to West Mexico // *Journal of the Steward Anthropological Society*, 15 (1–2). 1978. P. 179–204.
- SNARSKIS 1977 — SNARSKIS M. J. Turrialba (9-FG-T), un sitio paleoindio en el este de Costa Rica // *Vínculos*, 3 (1–2). 1977. P. 13–25.
- SNARSKIS 1979 — SNARSKIS M. J. Turrialba: a Paleo-Indian quarry and workshop site in Eastern Costa Rica // *American Antiquity*, 44 (1). 1979. P. 125–138.
- SNARSKIS 1982 — SNARSKIS M. J. The Precolumbian art of Costa Rica // *Archaeology*, 35 (1). 1982. P. 54–58.
- SNOW 1976 — SNOW D. *The Archaeology of North America*. N. Y.: The Viking Fund, 1976.

- SPENCER 1959 — SPENCER R. F. The North Alaskan Eskimo. Wash.: Smithsonian Institution, 1959. (Bureau of American Ethnology. 171).
- SPENCER, REDMOND 1992 — SPENCER C. S., REDMOND E. M. Prehispanic chiefdoms of the Western Venezuela llanos // *World Archaeology*, 24 (1). 1992. P. 134–157.
- STAHL 1986 — STAHL P. W. Hallucinatory imagery and the origin of early South American figurine art // *World Archaeology*, 18 (1). 1986. P. 134–150.
- STALLER 2001 — STALLER J. E. Reassessing the development and chronological relationships of the Formative of Coastal Ecuador // *Journal of World Prehistory*, 15 (2). 2001. P. 193–256.
- STALLER 2003 — STALLER J. E. An examination of the palaeobotanical and chronological evidence for an early introduction of maize (*Zea mays* L.) into South America: a response to Pearsall // *Journal of Archaeological Science*, 30. 2003. P. 373–380.
- STALLER, THOMPSON 2000 — STALLER J. E., THOMPSON G. Reconsiderando la introducción del maíz en el occidente de América del Sur // *Bulletin Français des Études Andines*, 30 (1). 2000. P. 123–156.
- STALLER, THOMPSON 2002 — STALLER J. E., THOMPSON G. A multidisciplinary approach to understanding the initial introduction of maize into Coastal Ecuador // *Journal of Archaeological Science*, 29. 2002. P. 33–50.
- STARK 1983 — STARK L. R. Las lenguas indígenas de las tierras bajas de Ecuador: historia y condiciones actuales // *América Indígena*, 23 (4). 1983. P. 797–820.
- STARK 1985 — STARK L. R. Indigenous languages of Lowland Ecuador: history and current status // *South American Indian Languages, Retrospect and Prospect* / H. E. M. Klein, L. R. Stark, eds. Austin: University of Texas Press, 1985. P. 157–193.
- STEADMAN 1998 — STEADMAN D. W. The population shuffle in the Central Illinois valley: a diachronic model of Mississippian biocultural interactions // *World Archaeology*, 30 (2). 1998. P. 306–326.
- STEELE ET AL. 1998 — STEELE T., ADAMS J., SLUCKIN T. Modelling Paleoindian dispersals // *World Archaeology*, 30 (2). 1998. P. 286–305.
- STEWART 1943 — STEWART J. H. Some Western Shoshoni myths. Wash., 1943. P. 249–299. (Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology. 136 (31)).
- STEWART 1949 — STEWART J. H. Cultural causality and law: a trial formulation of early civilization // *American Anthropologist*, 51. 1949. P. 1–27.
- STIMMELL 1994 — STIMMELL C. Going to pot: a technological overview of North American Arctic ceramics // *Threads of Arctic Prehistory: Papers in Honor of William E. Taylor, D. Morrison, J.-L. Pilon*, eds. Hull, Quebec, 1994. P. 35–56. (Canadian Museum of Civilization, Mercury Series, Archaeological Survey of Canada Paper 149).
- STOLTMAN 1972A — STOLTMAN J. B. Preface // *Fiber-tempered Pottery in Southeastern United States and Northern Colombia: its Origins, Context and Significance* / R. P. Bullen, J. B. Stoltman, eds. Gainesville, 1972. P. I–IV. (Florida Anthropological Society Publications. 6).

- STOLTMAN 1972B — STOLTMAN J. B. The Late Archaic in the Savannah River region // Fiber-tempered Pottery in Southeastern United States and Northern Colombia: its Origins, Context and Significance / R. P. Bullen, J. B. Stoltman, eds. Gainesville. P. 37–62. (Florida Anthropological Society Publications. 6).
- STONE 1957 — STONE D. The Archaeology of Central and Southern Honduras. Cambridge, 1957. (Papers of the Peabody Museum of American Ethnology, Harvard University. 49 (3)).
- STORRIE 2003 — STORRIE R. Equivalence, personhood and relationality: processes of relatedness among the Hoti of Venezuelan Guiana // Journal of Royal Anthropological Institute, 9. 2003. P. 407–428.
- STOTHERT 1985 — STOTHERT K. E. The preceramic Las Vegas culture of coastal Ecuador // American Antiquity, 50 (3). 1985. P. 613–637.
- STOTHERT 1990 — STOTHERT K. E. La prehistoria temprana de la península de Santa Elena, Ecuador: cultura de Vegas. Guayaquil: Banco Central del Ecuador, 1990. (Miscelánea Antropológica Ecuatoriana, Serie monográfica. 10).
- STOTHERT 1992 — STOTHERT K. E. Early economies of coastal Ecuador and the foundations of Andean civilization // Andean Past, 3. 1992. P. 43–54.
- STRENSKI 1987 — STRENSKI I. Four Theories of Myth in Twentieth-Century History. Cassirer, Eliade, Levi-Strauss and Malinowski. Iowa City: University of Iowa Press, 1987.
- STURTEVANT 1960 — STURTEVANT W. C. The significance of ethnological similarities between Southeastern North American and the Antilles. New Haven, 1960. (Yale University Publications in Anthropology. 64).
- STURTEVANT 1964 — STURTEVANT W. C. Studies in ethnohistory // American Anthropologist, 66 (3), part 2. 1964. P. 99–131.
- SUÁREZ 1973 — SUÁREZ J. A. Macro-Pano-Tacanan // International Journal of American Linguistics, 39 (3). 1973. P. 137–154.
- SUTTER — SUTTER R. The Prehistoric peopling of South America as inferred from genetically controlled dental traits // Andean Past, 7. [In press].
- SWADESH 1964 — SWADESH M. Linguistic overview // Prehistoric Man in the New World / J. D. Jennings, E. Norbeck, eds. Chicago, L., Toronto: University of Chicago Press, 1964. P. 527–556.
- SWALLEY, BLAKE 2003 — SWALLEY J., BLAKE M. Sweet beginnings. Stalk sugar and the domestication of maize // Current Anthropology, 44 (5). 2003. P. 675–703.
- SWANTON 1929 — SWANTON J. R. Myths and Tales of the Southeastern Indians. Wash.: Smithsonian Institution, 1929. (Bureau of American Ethnology. 88).
- TANKERSLEY, MUNSON 1992 — TANKERSLEY K. B., MUNSON C. A. Comments on the Meadowcroft Rockshelter radiocarbon chronology and the recognition of coal contaminants // American Antiquity, 57. 1992. P. 321–326.
- TARBLE 1985 — TARBLE K. Un nuevo modelo de expansión Caribe para época prehispánica // Antropológica, 63–64. 1985. P. 45–81.
- TARPENT 1997 — TARPENT M.-L. Tsimshianic and Penutian: problems, methods, results, and implications // International Journal of American Linguistics, 63 (1). 1997. P. 65–112.

- TAYLOR ET AL. 1985 — TAYLOR R. E., PAYEN L. A., PRIOR C. A., SLOTA P. JR., GILLESPIE R., GOWLETT J. A. J., HEDGES R. E. M., JULL A. J. T., ZABEL T. H., DONAHUE D. J., BERGER R. Major revisions in the Pleistocene age assignments for North American human skeletons by C-14 accelerator mass spectrometry: none older than 11,000 C-14 years B. P. // *American Antiquity*, 50 (1). 1985. P. 136–140.
- TEIT 1919–1921 — TEIT J. A. Tahltan tales // *Journal of American Folklore* 32, (123). 1921. P. 198–250; 34 (133). 1921. P. 223–253, 34 (134). 1921. P. 335–356.
- TELLO 1923 — TELLO J. C. Wira Kocha // *Inca*, 1 (1, 3). 1923. P. 93–320, 583–606.
- TEMME 1982 — TEMME M. Excavaciones en el sitio precerámico de Cabilan (Ecuador) // *Miscelánea Antropológica Ecuatoriana*, 2. 1982. P. 135–164.
- THOMPSON 1996 — THOMPSON C. The Na-Dene middle voice: an impersonal source of the D-element // *International Journal of American Linguistics*. 62 (4). 1996. P. 351–378.
- THOMPSON 1951 — THOMPSON S. *The Folklore*. N. Y.: The Dryden Press, 1951.
- THOMPSON 1955–1958 — THOMPSON S. *Motif-Index of Folk Literature*. Vol. I–VI. Copenhagen; Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958.
- THOMPSON 1965 — THOMPSON S. The star husband tale // *The Study of Folklore* / A. Dundes, ed. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1965. P. 414–474.
- THOMPSON 2000 — THOMPSON S. *Tales of the North American Indians*. Mineola, New York: Dover Publications, 2000. (Originally published in 1929 by Harvard University Press).
- TOIVONEN 1937 — TOIVONEN Y. H. Pygmäen und Zugvögel. Alte kosmologische Vorstellungen // *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 24 (1–3). 1937. P. 87–126.
- TORERO 1974 — TORERO A. *El Quechua e la Historia Social Andina*. Lima: Universidad Ricardo Palma, 1974.
- TORERO 1984 — TORERO A. El comercio lejano y la difusión del quechua: el caso de Ecuador // *Revista Andina*, 2 (2). 1984. P. 367–389.
- TORERO 1986 — TORERO A. Deslindes lingüísticos en la costa norte peruana // *Revista Andina*, 4 (2). 1986. P. 523–548.
- TORERO 1987 — TORERO A. Lenguas y pueblos altiplánicos en torno al siglo XVI // *Revista Andina*, 5 (2). 1987. P. 329–405.
- TORERO 1989 — TORERO A. Areas toponímicas e idiomas en la sierra norte peruana. Un trabajo de recopilación lingüística // *Revista Andina*, 7 (1). 1989. P. 217–257.
- TORERO 1990 — TORERO A. Procesos lingüísticos e identificación de dioses en los Andes Centrales // *Revista Andina*, 8 (1). 1990. P. 237–263.
- TORERO 1992 — TORERO A. Acerca de la familia lingüística uruquilla (Uru-Chipaya) // *Revista Andina*, 10 (1). 1992. P. 171–191.
- TORERO 1993 — TORERO A. Lenguas del nororiente peruano. La hoya de Jaen en el siglo XVI // *Revista Andina*, 11 (2). 1993. P. 447–472.

- TRUBITT B. D. 2000 — TRUBITT B. D. Mound building and prestige goods exchange: changing strategies in the Cahokia chiefdom // *American Antiquity*, 65 (4). 2000. P. 669–690.
- TUCK 1974 — TUCK J. A. An Archaic Indian cemetery in Newfoundland // *New World Archaeology. Readings from Scientific American*. San Francisco: W. H. Freeman & Co, 1974. P. 105–114.
- TUCK 1987 — TUCK J. A. Review of «Prehistory of the Eastern Arctic by M. S. Maxwell. N. Y.: Academic Press, 1985» // *American Antiquity*, 52 (2). 1987. P. 420–421.
- TURNER 1983 — TURNER C. G. Dental evidence for the peopling of the Americas // *Early Man in the New World*, R. Shutler, ed. Beverly Hills, L., New Delhi: Beverly Hills, 1983. P. 147–157.
- TURNER 1986 — TURNER C. G. The first Americans: the dental evidence // *Natural Geographic Research*, 2 (2). 1986. P. 37–46.
- TURNER 1992 — TURNER C. G. Microevolution of East Asian and European populations: a dental perspective // *The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia*, T. Akazawa, K. Aoki, & T. Kimura, eds. Hokusen-sha Publishing Co., 1992. P. 415–438.
- TURNER, BIRD 1981 — TURNER C. G., & J. BIRD. Dentition of Chilean Paleo-Indians and peopling of the Americas // *Science*, 212 (4498). 1981. P. 1053–1055.
- TURNER, MACHADO 1984 — TURNER C. G., MACHADO L. M. C. Um novo padrão de desgaste dentário e evidência de alto consumo de carboidratos numa população esquelética arcaica do Brasil // *Archivos do Museu de História Natural*, 6–7. 1984. P. 201–206.
- TYKOT, STALLER 2002 — TYKOT R. H., STALLER J. E. The importance of early maize agriculture in Coastal Ecuador: new data from La Emergencia-na // *Current Anthropology*, 43 (4). 2002. P. 666–677.
- UPHAM 1994 — UPHAM S. Nomads of the Desert West: a shifting continuum in prehistory // *Journal of World Prehistory*, 8 (2). 1994. P. 113–167.
- URBAN 1992 — URBAN G. A história da cultura brasileira segundo as línguas nativas // *História dos Índios no Brasil* / M. Carneiro da Cunha, ed. São Paulo: Companhia das Letras, 1992. P. 87–102.
- URBAN, SHERZER 1988 — URBAN G., SHERZER J. The linguistic anthropology of Native South America // *Annual Review of Anthropology*, 17. 1988. P. 283–307.
- URTON 1981 — URTON G. At the Crossroads of the Earth and the Sky. An Andean Cosmology. Austin: University of Texas Press, 1981.
- VARGAS 1981 — VARGAS A. I. Investigaciones arqueológicas en Parmana: los sitios de La Gruta y Ronquin, estado Guarico, Venezuela. Caracas, 1981. (Biblioteca de la Academia Nacional de la Historia. Estudios Monográficos y Ensayos. 20).
- VEHIK 2001 — VEHIK S. C. Hunting and Gathering Tradition: Southern Plains // *Handbook of North American Indians*. Vol. 13. Plains. Wash.: Smithsonian Institution, 2001. P. 146–158.

- VELLARD 1938 — VELLARD J. Contribution a l'archéologie des Andes Vénézuéliennes (première note) // *Journal de la Société des Américanistes*, 30 (1). 1938. P. 115–145.
- VIDAL 1999 — VIDAL S. M. Amerindian groups of Northwest Amazonia. Their regional system of political-religious hierarchies // *Anthropos*, 94 (4–6). 1999. P. 515–528.
- VILLALÓN 1987 — VILLALÓN M. E. Una clasificación tridimensional de lenguas Caribes // *Antropológica*, 62. 1987. P. 23–47.
- VOORHIES 1982 — VOORHIES B. An ecological model of the Early Maya of the Central Lowlands // *Maya Subsistence* / K. V. Flannery, ed. N. Y. etc.: Academic Press, 1982. P. 65–95.
- VOORHIES ET AL. 1981 — VOORHIES B., WAGNER E., MORA A. L. Un yacimiento arqueológico en el Bajo Delta del Orinoco, Venezuela // *Antropológica*, 55. 1981. P. 31–50.
- WARD 1999 — WARD J. V. The Late Quaternary of the Western Amazon: climate, vegetation, and humans // *Antiquity*, 73 (280). 1999. P. 287–302.
- WARING 1968 — WARING A. J. The Archaic and some shell rings // *Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology*, 58. 1968. P. 243–246.
- WATERMAN 1987 — WATERMAN P. P. A Tale-Type Index of Australian Aboriginal Oral Narratives. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1987. (Folklore Fellows Communications. 238).
- WATERMAN 1914 — WATERMAN T. T. The explanatory elements in the folktales of the North American Indians // *Journal of American Folklore*, 27. 1914. P. 1–54.
- WEBB 1968 — WEBB C. H. The extent and content of Poverty Point culture // *American Antiquity*, 33 (3). 1968. P. 297–321.
- WEBB 1977 — WEBB C. H. The Poverty Point Culture. Baton Rouge: Louisiana State University, 1977.
- WEBER 1981 — WEBER R. L. An analysis of Santa Maria urn painting and its cultural implications. Chicago: Field Museum of Natural History. (Fieldiana: Anthropology, New Series 2).
- WEBER 1987 — WEBER R. L. Current research. The Amazon, Eastern Brazil, and the Orinoco // *American Antiquity*, 52 (1). 1987. P. 175–180.
- WEBER 1992 — WEBER R. L. Late prehistoric iconography in the Upper Amazon // *Journal of Steward Anthropological Society*, 20 (1–2). 1992. P. 99–120.
- WEDEL 2001 — WEDEL R. W. Plains Village Tradition: Central // *Handbook of North American Indians*. Vol. 13. Plains. P. 173–185.
- WEISS 1975 — WEISS G. Campa Cosmology. The World of a Forest Tribe in South America. New York, 1975. (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. 52, part 5).
- WEST 1996 — WEST F. H. The archaeological evidence // *American Beginnings. The Prehistory and Palaeoecology of Beringia* / F. H. West, ed. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1996. P. 537–559.

- WHISTLER 1988 — WHISTLER K. W. Pomo prehistory: a case for archaeological linguistics // *Journal of the Steward Anthropological Society*, 15 (1–2). 1988. P. 64–98.
- WHITLEY, DORN 1987 — WHITLEY D. S., DORN D. I. Rock art chronology in Eastern California // *World Archaeology*, 19 (2). 1987. P. 150–164.
- WICKLER, SEIBST 1982 — WICKLER W., SEIBST U. Alt-ekuatorische Spinnwirtel und ihre Bildmotive // *Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*, 4. 1982. P. 315–427.
- WHALEN, MINNIS 2001 — WHALEN M. E., MINNIS P. E. The Casas Grandes Regional System: A Late Prehistoric Polity of Northwestern Mexico // *Journal of World Prehistory*, 15 (3). 2001. P. 313–364.
- WHITTEN 1979 — WHITTEN R. G. Comments on the theory of Holocene refugia in the culture history of Amazonia // *American Antiquity*, 44 (2). 1979. P. 238–251.
- WILBERT 1974 — WILBERT J. *The Thread of Life. Symbolism of Miniature Art from Ecuador*. Wash.: Dumbarton Oaks Library and Collections. (Studies in Pre-Columbian Art and Archaeology. 12).
- WILBERT, SIMONEAU 1984 — WILBERT J., SIMONEAU K. *Folk Literature of the Tehuelche Indians*. Los Angeles: UCLA Latin American Center Publications, University of California, 1984.
- WILBERT, SIMONEAU 1993 — WILBERT J., SIMONEAU K. *Folk Literature of South American Indians. General Index*. Los Angeles: University of California, 1993. (UCLA Latin American Studies. 80).
- WILFORD 1998 — WILFORD J. N. In Peru, evidence of an early human maritime culture // *The New York Times*, September 22.
- WILLEY 1951 — WILLEY G. R. A preliminary report on the Monagrillo Culture of Panama // *Selected Papers of the 29th International Congress of Americanists*. Vol. 1. N. Y., 1951. P. 173–180.
- WILLEY 1966 — WILLEY G. R. *An Introduction to American Archaeology*. Vol. 1. North and Middle America. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, Inc., 1966.
- WILLEY 1971 — WILLEY G. R. *An Introduction to American Archaeology*. Vol. 2. South America. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, Inc., 1971.
- WILLEY 1974 — WILLEY G. R. *Das Alte Amerika B.*, 1974. (Propyläen Kunstgeschichte. 18).
- WILLEY 1984 — WILLEY G. R. Changing conceptions of Lowland Maya culture history // *Journal of Archaeological Research*, 40 (1). 1984. P. 41–59.
- WILLEY, MCGIMSEY 1954 — WILLEY G. R., MCGIMSEY C. R. *The Monagrillo culture of Panama*. Cambridge, 1954. (Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology. 49 (2)).
- WILLEY, PHILLIPS 1958 — WILLEY G. R., PHILLIPS P. *Method and Theory in American Archaeology*. Chicago: University of Chicago Press, 1958.
- WILLIG 1996 — WILLIG J. A. Environmental context for early human occupation in Western North America // *Prehistoric Mongoloid Dispersals /*

- T. Akazawa, E. J. E. Szathmáry, eds. Oxford, N. Y., Tokyo: Oxford University Press, 1996. P. 249–253.
- WILSON 1991 — WILSON S. M. Current research: the Caribbean // *American Antiquity*, 56 (1). 1991. P. 143–149.
- WILSON 1996 — WILSON S. M. The rise of complex societies in the Caribbean // *The Prehistory of the Americas* / T. R. Hester, L. Laurenchich-Minelli, S. Salvatori, eds. Forli: XIII International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences, 1996. P. 33–43.
- WISSLER 1914 — WISSLER C. Material cultures of the North American Indians // *American Anthropologist*, 16 (3). 1914. P. 447–505.
- WISSLER 1929 — WISSLER C. *An Introduction to Social Anthropology*. N. Y.: Henry Hoft, 1929.
- WOOD 1967 — WOOD R. *An Interpretation of Mandan Culture History*. Wash.: Smithsonian Institution, 1967. (Bureau of American Ethnology. 198).
- WOOD 2001 — WOOD R. Plains Village Tradition: Middle Missouri // *Handbook of North American Indians*. Vol. 13. Plains. Wash.: Smithsonian Institution, 2001. P. 186–195.
- WORKMAN 1998 — WORKMAN W. B. Archaeology of the Southern Kenai Peninsula // *Arctic Anthropology*, 35 (1). 1998. P. 146–159.
- WORKMAN 2002 — WORKMAN W. B. The Kachemak connections: prehistoric cultural relationships between the Kenai Peninsula and the Kodiak Archipelago ca. 3000 to 1000 years ago // *To the Aleutians and Beyond. The Anthropology of William S. Laughlin* / B. Frolich, A.B. Harper, R. Gilberg, eds. Copenhagen: Department of Ethnology, The National Museum of Denmark, 2002. P. 333–346.
- WRIGHT 1978 — WRIGHT G. A. The Shoshonian migration problem // *Plains Anthropologist*, 23. 1978. P. 113–137.
- WRIGHT 1981 — WRIGHT J. V. Prehistory of the Canadian Shield // *Handbook of North American Indians*. Vol. 6. Subarctic. Wash.: Smithsonian Institution, 1981. P. 86–96.
- WÜST 1998 — WÜST I. Continuities and discontinuities: archaeology and ethnoarchaeology in the heart of the Eastern Bororo territory, Mato Grosso, Brazil // *Antiquity*, 27 (277). 1998. P. 663–675.
- YARBOROUGH, YARBOROUGH 1998 — YARBOROUGH M. R., YARBOROUGH L. F. Prehistoric maritime adaptations of Prince William Sound and the Pacific coast of the Kenai Peninsula // *Arctic Anthropology*, 35 (1). 1998. P. 132–145.
- YESNER 1998 — YESNER D. R. Origins and development of maritime adaptations in the Northwest Pacific region of North America: a zooarchaeological perspective // *Arctic Anthropology*, 35 (1). 1998. P. 204–222.
- YESNER 2003 — YESNER D. R. Paleoecology of the Boisman Culture in North Pacific perspective // *Fifth World Archaeological Congress* (Washington, June 21–26, 2003). Wash.: Smithsonian Institution, etc. P. 285–286.
- YOKE 1998 — YOKE II R. M. The introduction of the bow and arrow and lithic resource use at Rose Spring (CA-INY-372) // *Journal of California and Great Basin Anthropology*, 20 (1). S. 26–52.

- ZELLER 1983 — ZELLER K. R. Das Krokodil/der Kaiman in Vorstellung und Darstellung südamerikanischer Indianer. München: Klaus Reimer Verlag, 1983.
- ZERRIES 1954 — ZERRIES O. Wild- und Buschgeister in Südamerika. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1954.
- ZERRIES 1969 — ZERRIES O. Entstehung oder Erwerb der Kulturpflanzen und Beginn Bodenbaues im Mythos Indianer Südamerikas // Paideuma, 15. 1969. S. 64–124.
- ZERRIES 1984 — ZERRIES O. Die Rolle des Ameisenbären in Vorstellung und Ritual ausserandiner Indianer // Zeitschrift für Ethnologie, 109 (2). 1984. S. 181–229.
- ZUCCHI 1968 — ZUCCHI A. R. Algunas hipótesis sobre la población aborigen de los Llanos Occidentales de Venezuela // Acta Científica Venezolana, 19. 1968. P. 135–139.
- ZUCCHI 1972 — ZUCCHI A. R. Aboriginal earth structures of the Western Venezuelan Llanos // Caribbean Journal of Science, 12 (1–2). 1972. P. 95–106.
- ZUIDEMA 1992 — ZUIDEMA T. The Tairona of ancient Colombia // The Ancient America Art from Sacred Landscapes. The Art Institute of Chicago, 1992. P. 245–257.

Указатель ЭТНОЯЗЫКОВЫХ ГРУПП

С прописной буквы даны названия селений или провинций, служащие для обозначения связанных с ними языковых или локальных групп. Со строчной буквы — обозначения этносов и языков. Обычным шрифтом указаны номера страниц, жирным курсивом — номера иллюстраций с картами распространения языков (с. 262–272). Звездочкой без отсылки к странице отмечены этносы, упомянутые в таблице 1 (с. 179–186). Отсылки к другим таблицам не даются.

- абаанги, 141
абенаки*
абипон*, **10**
ава (канозйро), 143, **10**
авакатек, **7**
авоель*, 227
Австралия (мифология
аборигенов Австралии), 189,
203, 207, 212, 218, 224, 230, 256
агуаруна *см.* хиваро
ажуру*, 227
айкана *см.* уари
айну*, 20, 27, 162, 189, 194, 196,
203, 211, 215, 217, 224, 225,
231, 238, 245–246, 254, 256
аймара*, 122, 239, 246, **9**
айова*, 70, 74, 85, 190–192, 194,
197, 216, 226, 227, 231, 233,
238, 244, 256, **6**
айорео *см.* самуко
акаваи* (акавои), 202, 203, **11**
аквен, 135
Акома *см.* пуэбло
акроа, 135, **10**
акурийо*, 217, **11**
алабама *см.* мускоги
алакалуф *см.* огнеземельцы
алгонкины, 32, 44, 45, 47, 69, 71,
72, 74, 75, 84, 160, 186, 215,
251, 252, **3, 6**
собственно*, 197, **6**
алеуты*, 10, 12, 23, 24, 27, 30,
193, 196, 207, 208, 213, 214,
224, 234, 253, **3**
алсеа*, 20, 50, 195, 211, 233, 242
алтайцы, 200
алютик *см.* эскимосы
амауака *см.* пано
амниапя*, 143, **10**
ампква*, 196, 238

- амусго, **7**
 амуэша*, 147, 203, 205, 212, 213,
 225, 241, **9**
 анамбэ*, 215, **10**
 ангайте*, 129, 206, 238
 ангмассалик *см.* эскимосы
 андоке*, 201, 202, 206, 214, 232,
 241, 245, 246, **8**
 аноэ, 143
 апалачи *см.* мускоги
 апаниекра *см.* тимбира
 апапокува *см.* гуарани
 апаран*, 203, 205, 207, 208, 215,
 218, 231, 244, **11**
 апачи, 14, 65, 67, 71, 191, 205,
 217
 западные*, 64, 191, 193,
 195–197, 218, 225, 226,
 227, 231–233, 238, 239,
 243, **5**
 липан*, 66, 190, 191, 193,
 195–198, 207, 218,
 225–227, 231–233, 235,
 238, 239, 243, **6**
 мескалери*, 71, 193, 226, 238, **5**
 хикарилья*, 71, 191, 193, 197,
 198, 205, 208, 218, 225–
 227, 232, 233, 238, 239,
 245, **5**
 чирикауа*, 64, 191, 193, 197,
 198, 218, 226, 232, 233,
 238, 239, **5**
 апинайе*, 108, 135, 202, 205, 207,
 216, 231, 243, 234, 245–247, **10**
 араваки, 123, 141, 145, 147, 149,
 151, 153–155, 160, **9, 11**
 арапахо*, 70, 71, 190–194, 197,
 214, 216, 218, 225–227,
 231–234, 243–246
 арара, **10**
 арауа, 147, **8, 9**
 кулина*, 147, 206, 208, 245, **8, 9**
 паумари, 147, **9**
 ямамади, 147, **8, 9**
 арауканы* (мапуче), 123, 128,
 197, 203, 207, 208, 225, 227,
 238, 250
 арекуна *см.* пемон
 арикара *см.* кэддо
 арикем, 143, **9**
 арикена*, 201–203, 208, 214,
 225, **11**
 армяне, 202
 ару *см.* хаки
 аруа*, 143, 203, **9**
 аруан, 137, 142
 ассинибойн*, 70–72, 190–198,
 214, 216, 223, 226, 231–235,
 240, 243, 244, 246, 251
 стоуни, 70, 243
 Асуай*
 асурини*, **10**
 атакаменьо* (кунса), 123
 атакапа, 74, 75, **6**
 атапаски (северные), 32, 34,
 65, 69, 70, 160, 163, 204, **2, 3**
 атна*, 32, 33, 38, 204, 205,
 212, 213, 215–217, 224, **3**
 бивер*, 33, 190–192, 197, **3**
 верхние кускоквим*, 32, 191,
 192
 верхние танана*, 33, 191,
 194, 195, 205, 212, 213,
 215–217, 224, 233, **3**
 «горные индейцы», 32, **3**
 догриб*, 32, 34, 191, 192,
 218, **3**
 ингалик, 32, 193, 214, 217,
 232, 233, **3**
 йеллоунайф*, 32, 34, 191,
 192, **3**
 каска*, 20, 190, 192, 196, 214,
 215, 218, 224, 233, 234, **3**
 карьер*, 33, 40, 44, 190–192,

- 194, 195, 197, 198, 211,
215, 216, 231, 233, 235,
239, 240, 243, 245, 249, **3**
коюкон*, 32, 34, 191–193,
196, 202, 208, 211, 214,
215, 217, 224, 242, **3**
кучин*, 32, 191, 192, 194–
196, 198, 207, 208, 211–
217, 224, 231, 233, 234, **3**
сарси*, 33, 71, 191, 192, 207,
226, 227, 246, **3**
секани, 33, **3**
слейви*, 32, 34, 191, 192, 204,
212, 213, 215, 224, **3**
тагиш*, 20, 33, 191, 215, 217,
218, 224, 234, 241, **3**
талтан*, 33, 190, **3**
танайна*, 32, 193, 194, 196, 208,
214, 215–217, 224, 231, **3**
танана*, 32, 214–217, 224,
225, 234, **3**
тутчоне, 20, 33, 191, 194, 196,
234, **3**
хан*, 32, **3**
хэа*, 32, 191, 192, 194, 198,
204, 216, 218, **3**
чилкотин*, 33, 40, 44, 190,
193, 196, 214, 215–217,
224, 231, 234, 240, **3**
чипевайян*, 32, 34, 191, 192,
194–198, 212, 213, 215, 217,
224, 231, 233, 245, 246, **3**
цецот*, 33, 190, 215, 234, **3**
атапаски Калифорнии
и Орегона, **3, 4**
атарои*, **11**
атна *см.* атапаски
аттикамек, **6**
ауакэ, 152, **11**
африканские мифологии, 203, 256
ацтеки*, 14, 92, 190, 203, 225–
227, 241, **7**
ацугеви*, 49, 198, 214, 239, **4**
ачагуа*, 153, **6**
аче (гуаяки)*, 143, 203, 206, 211,
227, **10**
ачомави*, 49, 196, 211, 214, 238,
239, 242, **4**
ачуар *см.* хиваро
ашанинка (кампа)*, 14, 147, 194,
201–203, 205, 212, 233, 246, **9**
багуа, **8**
бакаири*, 148, 149, 203, 205, 217,
231, **10**
банива*, 205–208, 227, 232, 245,
8, 11
баннук *см.* нума
бара *см.* ваупес
барасана *см.* ваупес
барбакоа, 107, 122
гуамбия*, 107, 246, **8**
коайкер (авапит)*, 107, 122, **8**
каяпа (чачи)*, 107, 215, 122, **8**
колорадо (цачила)*, 107, 122,
193, 202, 206, 207, 215, 216,
225, 231, 232, 241, 242, 246, **8**
баре*, 217, 231, 232, **8, 11**
бари*, 105, 107, 205, 225, 241, 247, **8**
бауре*, 147, 153, 203, **9**
Баффинова Земля *см.* эскимосы
беллабелла *см.* хейлцук
беллакула *см.* сэлиши
беотук, 46, **2**
бивер *см.* атапаски
билокси*, 73, 75, 201, 212,
246, **6**
бора*, 201, 205, 214, 225, 231,
246, **8**
бороро*, 129, 136, 137, 196, 203,
205, 208, 231, 235, 240, 245–
247, **10**
ораримугудогэ, 136
умутина*, 206–208, 214, 234,
202, **10**

- борука*, 99, 246
 ботокудо*, 133, 203, 204, 211,
 217, 218, **10**
 бракаморо *см.* хиваро
 брибри*, 99, 206, 225, 231, 241,
 246
 буряты, 203, 227
 вавенок*
 вайвай*, 201, 202, 204, 206, 208,
 211, 212, 214, 232, **11**
 вайлаки, 49, 233, **4**
 вакаши, 39, 42
 валапай *см.* юма
 валлавалла *см.* сахаптин
 Вальпи *см.* пуэбло
 ваорани*, 152, 201, 202, **8**
 вапишана*, 147, 153, 191, 192,
 203, 204, 206, 214, 217, 232,
 233, **11**
 ваппо*, 49, 196, 238, 241, **4**
 варрау*, 153, 190, 193, 195,
 201–207, 212, 214–218, 225,
 226, 231, 232, 235, 240, 243,
 244, 246, **11**
 варихио*, 91, 191
 васко *см.* чинук
 Ваупес*, 175, 203, 205
 бара*, 201, 202, 206, 207, 214
 барасана*, 201, 202, 203, 205,
 207, 214, 231, 232, 240,
 241, 245–247, **8**
 десана*, 201–203, 207, 231,
 232, 240, 242, **8**
 кабияри*, 201, 202, 205,
 207, 214, 232, 241, 245,
 205, **8**
 катаполитани, **8**
 кубео*, 151, 203, 206, 207,
 245, 246, **8**
 летуама*, 201–203,
 205–207, 211, 214, 215,
 232, 241
 макуна*, 151, 201, 202, 205,
 207, 214, **8**
 пира-тапуя*, 151, 227
 сириано*
 сиуси, **8**
 тайбано*
 татуйо*, 201, 202, 205, 207,
 208, 214, 232, 245, 246
 тукано собственно*, 206,
 207, **8, 11**
 туюка, **8**
 уанана*, 203, **8**
 уфайна*, 201–203, 205,
 206, 214, 247, **8**
 юкуна*, 207, 208, 215, 232,
 240, 244, **8**
 яхуна*, **8**
 ваура *см.* шингуано
 вашо*, 55, 232, 234, **4**
 ваюру, 143, **10**
 венатчи *см.* сэлиши
 верхние кускоквим *см.* ата-
 паски
 верхние танана *см.* атапаски
 виандот *см.* гуроны
 вийот (вишоск) *см.* ритва
 Вила-Бела*, 205
 вилела*, 203, 206, 212, 225
 вилкут, **4**
 виннебаго*, 70, 74, 75, 85, 191,
 197, 225, 226, 231, 233, 234, **6**
 винту*, 50, 191, 192, 196, 197,
 205, 226, 231, 233, 238–240,
 242, **4**
 вичита *см.* кэддо
 вишрам *см.* чинук
 габриэлино *см.* така
 галиби *см.* карибы
 гамела*, 138, **10**
 гавиано*
 гетар, **7**
 гитксан *см.* цимшиан

- горотире *см.* каяпо
 госиют *см.* нума
 Гренландия *см.* эскимосы
 гровантр*, 45, 70, 71, 190–197,
 218, 226, 227, 231–235, 243, **3**
 гуайкуру, 129
 гуайми*, 99, 225, **9**
 гуале *см.* мускоги
 гуамбиа *см.* барбакоа
 гуамо, 154, **11**
 гуана, 129
 гуане, **8**
 гуарани*, 142–144, 147, 202–
 205, **10**
 апапокува*, 202, 207, 214,
 217, 231, **10**
 кайгуа*, 202, 214, 232, 233, **10**
 мбиа*, 202, 204, 211, 214,
 247, **10**
 ньяндева*, 225
 чирипа*, 211, 214, 217, **10**
 гуарасу*, 202, 205, 206, 211, 214,
 217, 232, 233, 246
 гуаратагая, 143, **9**
 гуараю*, 129, 143, 201, 202, 205,
 214, 217, **9**
 гуато, **10**
 гуатусо*, 99, 192, 205, 227,
 241, **7**
 гуахибо*, 147, **8**
 гуаяберо*, 147, 203, 215, 225,
 231, 232, 242, **8**
 куива*, 147, 201–203, 205,
 206, 208, 213, 217, 225,
 227, 233, 242, 245, **8**
 сикуани*, 147, 203–208, 211,
 213, 215, 217, 225, 227,
 231, 232, 241, 242,
 245–247, **8**
 гуахиро*, 108, 147, 194, 195, 212,
 226, 227, **8**
 гуачичиль, **7**
 гуаяберо *см.* гуахибо
 гуроны (вкл. виандот) *см.*
 ирокезы
 Дабайба*, 194, 202
 дакота*, 70–72, 181, 251
 санти*, 70, 190–194, 196, 197,
 226, 231, 234, 235, 243,
 246, **6**
 тетон* (лакота), 70, 194, 195,
 197, 225–227, 231, 234,
 243, 244, 246
 янктон*, 70, **6**
 янктонаи, 70, **6**
 дегиха, 70, 71, 74
 делавары (ленапел)*, 47, 73, 75,
 191, 192, 227, **6**
 ден, 121, **8**
 десана *см.* ваупес
 диагита, 123
 диегеньо *см.* юма
 джошуа*, 238, **4**
 догриб *см.* атапаски
 же*, 131, 133, 135–138, 154, 155,
 160, 161, **10**
 жейко, **10**
 журуна*, 143, 144, 203, 214, 217,
 240, **10**
 зоро*, **9**
 зуньи *см.* пуэбло
 иглулик *см.* эскимосы
 идабаэс, 105, **8**
 ика* (ихка), 105, 201, 225, 241, **8**
 икито*, 152, **8**
 иллиной*, 73, 74, 193, 198, **6**
 Имбабура*, 232, 242
 инга (ингано)*, 107, 225, 241, **8**
 ингалик *см.* атапаски
 инки*, 121, 201, **8**
 инуит *см.* эскимосы
 инупиак *см.* эскимосы
 ипаи *см.* юма
 ипурина*, 203, 206, **9**

- иранше*, 147, 153, 201–203, 205,
208, 211, 212, 214, 215, 226, 227,
231, 234, 241, 243, 244, 246, **10**
- ирокезы* (северные; *см. также*
чироки), 46–48, 75, 194,
201, **6**
- гуроны*, 191, 192, 197, 208, **6**
- мохавки*, 191, 192, 226, **6**
- онейда*, 191, 192, **6**
- онондага*, 191, 192, 226, 231,
239
- сенека*, 190–192, 195, 196,
198, 199, 208, 226, 227,
231, 233, 243–264, **6**
- сусквеханнок, 46, 73, **6**
- тускарора*, 46, 73, **6**
- Ислета *см.* пуэбло
- ительмены* (камчадалы), 189,
193–195, 207, 215, 224, 233,
238, 254
- итонама*, 154, **8**
- ица*, **7**
- ишиль*, 232, **7**
- ияк*, 37, 38, 43, 163, 190, 193,
212, 213, 215–217, 224, 233, **3**
- йеллоунайф *см.* атапаски
- йокуц*, 49, 52, 190–193, 239, 241, **4**
- чукчанси*, 191, 192, **4**
- кабекар*, 99, 202, 206, 225, 241, 246
- кабияри *см.* ваупес
- кавайису *см.* нума
- кадувео*, 119, 129, 205, 212, 227,
234, 240, 242, 243, **10**
- кадьякцы 193, 217, 224, 234, 247
- казахи, 198, 207
- каинганг*, 131–133, 135, 225,
227, 240, **10**
- кайгуа *см.* гуарани
- кайова*, 69, 71, 191, 195, 223,
227, 231–233, 242, 244, 246, **6**
- кайова-апачи*, 194, 197, 226, 227,
232, 233, 238, 239, 240, 243, 246
- кайова-таньо, 58, 69
- какетио, **8**
- какчикель*, 93, 225, **7**
- калапало *см.* шингуано
- калапуя*, 50, 194, 196, 211, 214,
231, 233, 238, 240–242, 243,
244, 246, **3**
- калиана (сапэ), 152, **11**
- калинья *см.* карибы
- калispель *см.* сэлиши
- калуза, 74, 84, **6**
- кальяуайя*, 122, 184, **9**
- камакан*, 133, 214, 225, **10**
- камаракото *см.* пемон
- камаюра *см.* шингуано
- кампа *см.* ашанинка
- камса (сибундой)*, 105, 151, 225, **8**
- камчадалы *см.* ительмены
- канамари (южные катукина), **9**
- канамарэ (араваки), **9**
- кандоши, 152
- канело*, 152, 201, 202, 205, 206,
214, 231, 233, 241, 243, **8**
- канза, 70, 194, **6**
- каничана*, 154, **9**
- канозэйро *см.* ава
- канхобаль*, 225, 241, **7**
- Каньяр*
- каньяр (каньяри)*, 215, 225, **8**
- капанауа *см.* пано
- каража*, 137, 195, 203, 205, 207, 208,
214, 217, 227, 234, 245, 246, **10**
- карибу *см.* эскимосы
- карибы*, 19, 106, 108, 147–149,
153–155, 160, 190, 203, **8, 10, 11**
- Доминики*, 201–203, 206,
214, 246
- собственно, т. е. галиби*,
калинья*, каринья*, 149,
194, 203–208, 212, 215,
218, 244, 246, 247, **11**
- «черные» *см.* карифуна

- каринья *см.* карибы 208, 211–213, 215–217, 224, 226, 232, **3**
- карири*, 137, 138, 208, **10**
- карифуна*, 149
- карихона*, 148, 203, 206–208, 240, 241, 244–247, **8**
- карок*, 49, 194, 205, 208, 211, 212, 214, 231, 238, 239, **4**
- карьер *см.* атапаски
- каска *см.* атапаски
- каскал, **7**
- кат, 121, **8**
- катамба*, 73, 75, 161, 191, 217, 238, 240, **6**
- катавиши* (оз. Теффэ), 155, 203, 205, 207, 208, 240, 245, 246
- катаполитани *см.* ваупес
- катламет *см.* чинук
- като*, 226, 238, 239, 240, 246, **4**
- катукина, 155, **9**
- кауапана, 152
- кауилья *см.* така
- кауки, 122
- кахита, 91, **7**
- майо*, 91, 225, 226
- яки*, 91, 202, 225, 226, 241
- кашибо *см.* пано
- кашинауа *см.* пано
- кашуяна*, **11**
- каювава, 154, **9**
- каюз, 40, 50, **4**
- каяби*, 144, 191, 197, 201–203, 206, 208, 211, 212, 214, 215, 217, 240, **10**
- каяпа (чачи) *см.* барбакоа
- каяпо*, 135, 138, 202–205, 207, 208, 227, 231, 234, 243, 244, 246, **10**
- южные, 135, 138, **10**
- горотире, 135
- кубен-кран-кегн, 135
- шикрин, 135
- кватиутль*, 38, 190–193, 195, 208, 211–213, 215–217, 224, 226, 232, **3**
- квилеут*, 39, 190, 194–196, 211, 212, 214, 215, 224, 234, 241, 242, **3**
- квинолт *см.* сэлиши
- квопо*, 74, 191, 192, 194, **6**
- кекчи*, 88, 203, 225, 226, 232, 239, 241, 242, 244, **7**
- керанди, 129
- кердален *см.* сэлиши
- кереки*, 189, 196, 215, 233, 238
- керес *см.* пуэбло
- кечуа*, 107, 120–122, 161, 194, 195, 203, 205, **8, 9**
- кечуа I (вкл. уанка), 121, 194, 203
- кечуа II, 121, 152
- «лесные» (кечуа восточного Эквадора; *см. также* канело, напо)*, 151
- чинчай, 120, **9**
- юнгай, 120
- Сантьяго-дель-Эстеро*, 203
- кикапу*, 73, 190–192, 195, 197, 225–227, 244, 246, **6**
- килива *см.* юма
- кингнам, 121, 122, **8**
- китанемук *см.* серрано
- киче*, 87, 93, 215, 225, 226, 241, 253, **7**
- клакамас *см.* чинук
- клаллам *см.* сэлиши
- кламат*, 50, 194, 196, 198, 203, 232, 233, 238, 240, 241, **4**
- модок*, 191, 194, 196, 198, 203, 231, 232, 238, 239, 241, 242, **4**
- кликитат *см.* сахаптин
- коайкер *см.* барбакоа
- коги* (кагаба), 99, 107, 175, 201–203, 207, 208, 215, 225, 226, 232, 242, 246, **8**

- коасати *см.* мускоги
 кокама*, 141, 149, 152, 155, 202, **8**
 коксоагмиут *см.* эскимосы
 кокопа *см.* юма
 колорадо (цачила) *см.* барбакоа
 команчи *см.* нума
 комечингон, 123
 комокс *см.* сэлиши
 конибо *см.* пано
 конков, 50
 коняг (кадьякцы) *см.* эскимосы
 кора*, 91, 92, 225, 238, **7**
 корегуахе*, 151, 196, 205, 206, 211, 244–246, 205, **8**
 коряки*, 189, 193, 194, 196, 208, 212–215, 217, 224, 225, 233, 235, 238, 240, 245, 246, 254
 костаньо*, 49–51, 197, **4**
 коулиц *см.* сэлиши
 верхние коулиц *см.* сахаптин
 Кочити *см.* пуэбло
 кофан*, 107, 151, 205, 206, 216, 225, 231, 232, 242, 243, **8**
 коюкон *см.* атапаски
 крахо *см.* тимбира
 кренье *см.* тимбира
 кри* (в целом), 70, 191, 192, 194, 197, 213, 215, 227, 226, 232, 233, 235, 246, **2, 3, 6**
 болотные*, 198, 202, 207, 216, 225, 231, 234, 245, **6**
 восточные*, 190, **6**
 западные лесные*, **3**
 степные*, 71, 190, 193, 195–197, 212, 233–234, 245, 246, 251, **3**
 крикати *см.* тимбира
 крики *см.* мускоги
 кроу*, 70, 71, 73, 191–195, 197, 198, 225–227, 233, 238, 440, 243, 245
 Куба (метисы Кубы)*, 203, 225
 кубен-кран-кегн *см.* каяпо
 кубео *см.* ваупес
 куива *см.* гуахибо
 куика, **8**
 куикатеки*, 89, 239, **7**
 куиккуру *см.* шингуано
 кулина *см.* арауа
 кульи, 121, **8**
 кумана*, 154, 203, 211, **9**
 куниба*, 201, 202, 214, 231, **8**
 куна*, 99, 150, 201–204, 206, 214, 225, 231, 240, 247, **8**
 кунса *см.* атакаменьо
 купеньо *см.* така
 куруая*, **10**
 кус*, 50, 193, 196, 205, 211, 214, 233, 234, 240, 242
 кусабо *см.* мускоги
 куташо*, 133, **10**
 кутенай*, 40, 44, 191, 196, 211, 215, 231–235, 238, 241–243, 245, **3**
 кучин (лушо) *см.* атапаски
 кэддо, 58, 69–71, 73, 75, 82, 191, 194, 197, 201, 202, 214, 225–227, 231, 234, 238, 243, 245, 246
 арикара*, 70, 71, 74, 191, 192, 195, 226, 232, 233, 238, 239, 243, 244, 251, **6**
 вичита*, 70, 71, 74, 195–197, 214, 225, 227, 233–235, 238, **6**
 китцаи, 70
 пауни*, 70, 71, 74, 190, 191, 193–197, 225–227, 231, 233–235, 238, 243, 246, 251, **6**
 собственно*, 74, **6**
 Лагуна *см.* пуэбло

- лакандоны*, 196, 206, 225, 227,
249, **7**
- лакота *см.* тетон
- лассик*, 240, **4**
- лаче, **8**
- леко, 154, **9**
- ленапе *см.* делавары
- ленгуа*, 129, 203, 215, 227, **10**
- ленка*, 93, 226, 241, **7**
- Летисия (метисы Летисиин)*
- летуама *см.* ваупес
- лиллуэт *см.* сэлиши
- лингва жерал *см.* неенгату
- липан *см.* апачи
- лкунген *см.* сэлиши
- локоно*, 147, 201–203,
205–208, 212, 214, 215,
217, 232, 233, 244, 246,
247, **11**
- луизеньо *см.* така
- луле, 129
- лумми *см.* сэлиши
- лушо *см.* кучин
- майду*, 20, 50, 191–193, 196,
197, 231–234, 238–240,
242, **4**
- майна*, 152
- майо *см.* кахита
- майоруна *см.* пано
- маипуре*, 153, **11**
- майхуна*, 151, 203, 211, 216, 227
246, **8**
- майя (в целом), 19, 87–89, 98,
249, **7**
- юкатек (майя Юкатана)*,
203, 225, 226, 241, **7**
- майями*, 73, 191, 195, 225, **6**
- мака*, 21, 129, 191, 208, 212,
225, 231, 234, 238, 241, 244,
246
- маках *см.* нутка
- макиритаре*, 153, 201–203, 205,
206, 211, 214, 215, 232, 240,
241, 247, **11**
- макро-же, 138, 155, 161
- маку*, 21, 151, 232, **8, 11**
- макуна *см.* ваупес
- макурап*, 207, **9**
- макуши*, 191, 204, 205–208, 214,
215, 232, 242, **11**
- малаката *см.* хиваро
- малали, 133, **10**
- малесит*, 244, 246
- мам*, 225, 241, **7**
- манао*, 206, 212, 241, **11**
- манаси *см.* чикито, **9**
- манге, **7**
- мандан*, 70, 71, 191, 192, 194,
214, 225–227, 238, 243, 246,
251
- манси, 227
- манта, **9**
- манитенери *см.* пиро
- мапидиан*, 207, **11**
- мапуче *см.* арауканы
- марава, 147, **8**
- марикопа *см.* юма
- Марково* (метисы Марково),
191, 192, 194, 224
- марубо *см.* пано
- масатеки*, 89, 202, 225, 240, 241,
244, **7**
- масауа, **7**
- маской, 129, **10**
- матагальпа *см.* мисумальпа
- матако*, 129, 195, 202–205, 211,
212, 214, 216, 217, 227, 231,
234, 235, 240–242
- матлацинка, 92, **7**
- маттол, **4**
- мачигенга*, 147, 201–203, 205,
207, 212, 227, 241, **9**
- мауэ*, 143, 191, 203, 208, 212,
232, 241, 244, **10**

- машакали, 133, **10**
 машко *см.* харакмбет
 мбайя*, 129, 217, 227, **10**
 мбиа *см.* гуарани
 медные *см.* эскимосы
 мекенс, 143, **9**
 Меланезия (фольклор и культура), 171, 207, 254
 меномини*, 45, 73, 74, 190–192, 194–199, 206, 215, 216, 225–227, 231, 238, 240, 243, 246, **6**
 мескалоро *см.* апачи
 мехинаку *см.* шингуано
 мивок*, 49, 191–193, **4**
 микмак*, 46, 190, 191, 194, 196, 197, 225–227, 231, 232, 234, **2**
 миранья, 151
 мискито *см.* мисумальпа
 миссисага*, 231
 миссури, 70, 74, 85, **6**
 мисумальпа, 99
 матагальпа, **7**
 мискито*, 99, **7**
 суму (вкл. ульва)*, 99, 226, 240, 242, 243, **7**
 михе-соке, 89, 226, 232, 242, **7**
 михе*, 89, 92, 225, 226, 232, 239, 241, 242, **7**
 пополука*, 88, 89, 207, 225, 226, 232, 242
 Саюла пополука*, 240, **7**
 соке*, 89, 189, 225, 226, 232, 242, **7**
 сьерра пополука*, 202, **7**
 тапачультеки, **7**
 тешистепек, **7**
 миштеки*, 89, 90, 202, 227, 241, 244, **7**
 Мияко (фольклор островов Мияко)*, 201
 мовима, 154, **9**
 модок *см.* кламат
 мокови*, 129, 202, 212, 215, 217, 234, 235, 238, 241
 молала, 50, 191
 мондэ, 143, **9**
 монтанье*, 190–192, 195, 196, 226, 232, 233, 235, 245, 246, **2, 6**
 моно (моначе) *см.* нума
 мопан*, 203, 225, 232, 239, 242, 249, **7**
 морэ*, 154, **9**
 мосетен*, 128, 150, 153, 203, 205, 227, **9**
 мотосингле, **7**
 мохаве *см.* юма
 мохавки *см.* ирокезы
 мохеган*, 47, 195, **6**
 мохо*, 147, 153, 225, **9**
 мочика, 121, 124
 муинане *см.* уитото
 муиски*, 105–107, 225, 241, **8**
 мундуруку*, 143, 144, 191, 195, 206, 207, 212, 214, 218, 225, **10**
 мура*, 155, 202, 206, **9, 10**
 мурато*, 206, 227, **8**
 муруи *см.* уитото
 мускоги*, 74, 75, 82, 160, 201
 алабама*, 74, 190, 191, 195, 226, 227, 231, 232, 238, 241, 243–246, **6**
 апалачи, 74, **6**
 гуале, 74, **6**
 коасати*, 74, 191, 195, 226, 227, 231, 232, 234, 235, 242, **6**
 крики*, 74, 83, 84, 196, 198, 201, 226, 227, 231, 243, 246, **6**
 кусабо, 74, **6**
 семинолы*, 74, 211, 227
 таскеги* (принадлежность к мускогам предположительна), 191
 хичити*, 74, 191, 226, 243, **6**

- чикасо*, 74, 226, **6**
 чоктав*, 74, 225–227, **6**
 мусо*, 225, **8**
 мучик, 121, **8**
 навахо*, 64–67, 191–193, 197,
 207, 208, 217, 218, 225–227,
 232, 233, 238, 240, 241, 243,
 245, **5**
 на-дене, 31, 32, 38, 45, 160
 намбиквара*, 154, 201–203, 214,
 225, 227, 232, 243, 241, **9, 10**
 Намбэ *см.* пуэбло
 нанайцы*, 190–192, 194, 203
 напо*, 152, 191, 201, 202, 205,
 206, 211, 214, 216, 231, 232,
 240, 242, 243, 247, **8**
 наскапи*, 191, 192, 194, 196, 197,
 215, 216, 226, 233, 245, 246, **2**
 натчез*, 74, 75, 191, 226, 227,
 231, **6**
 науа*, 91–94, 225, **7**
 науат Пуэблы*, 241, 244
 науатль (науа) Веракруса*, 92,
 195, 226, 232
 науатль Западной Мексики*,
 191, 238, 241
 нахуква *см.* шингуано
 невети *см.* нутка
 негидальцы*, 191, 192, 194, 196,
 238
 неенгату, 141, 142, 151
 нетсилик *см.* эскимосы
 нивакле*, 129, 203, 206, 208, 211,
 212, 227, 231, 233, 234, 238,
 240, 241, 243, 244
 нивхи*, 189, 195, 196, 203, 207,
 245, 254
 никарао*, 92, 93, **7**
 ниписинг, **6**
 нисенан*, 50, 238, 242, **4**
 нискуальми *см.* сэлиши
 нитинат *см.* нутка
 номлаки*, 233, 239, **4**
 нонама *см.* чоко
 нонгатл, **4**
 нума, 53–55, 67
 баннук*, 53, 191, 192
 госиют*, 196, 198, 231–233,
 238, 239, 240, 242
 кавайису*, 53, 54, 191–193,
 197, 198, 208, 231, 232,
 238, **4**
 команчи*, 14, 53, 71, 196–198,
 218, 231–233, **6**
 моно (моначе)*, 53, 54,
 191–193, 196, 231, 233,
 238, 240, 242, **4**
 павиоцо*, 53, 198, 231–233, 238
 пайют северные*, 14, 53, 54,
 196, 198, 238–242, 246, **4**
 пайют Оуэнс-Вэли*, **4**
 пайют Серпрайз-Вэли*
 пайют южные*, 53–55, 67,
 197, 208, 246, 231, 232,
 238, 239, **4, 5**
 панаминт, 53, 54, 239
 чемеуэви*, 53, 198, 231, 232,
 238, 241, **4, 5**
 шошони* (северные,
 восточные, западные),
 53, 54, 67, 160, 191, 194–
 198, 200, 202, 227, 231–
 234, 238–240, 242, 249, **5**
 юте*, 53, 54, 191, 197, 198, 216,
 226, 231–233, 238–242
 нутка*, 14, 39, 190–195, 211–214,
 216, 217, 224, 235, **3**
 маках (мако)*, 21, 39, 202,
 211, **3**
 невети, 39
 нитинат, 39
 ньяндева *см.* гуарани
 нэсс *см.* цимшиан
 нэ персэ *см.* сахаптин

- огнеземельцы*, 127, 155, 194, 250
 алакалуф*, 128–130, 207, 208, 225
 она *см.* селькнам
 селькнам*, 128, 129, 193, 202, 207, 208, 225, 245, 250
 хауш, 128, 129
 чоно, 128
 яганы (ямана)*, 128–130, 193, 202, 206–208, 212, 225, 245
 оджибва (чиппева)*, 45, 70, 191–198, 214–216, 223, 225–227, 231–235, 245, 246, 251, **6**
 степные*, 71, 195, 231, **6**
 окайна*, 151, 201–203, 205, 214, 246, **8**
 оканакон *см.* сэлиши
 Окинава (фольклор островов Окинава)*, 194
 омагуа*, 152, 155, 202, 225, **8**
 омаха*, 70, 190, 191, 197, 225–227, 231, 244, **6**
 омурано, **8**
 она *см.* огнеземельцы
 онейда *см.* ирокезы
 онондага *см.* ирокезы
 Орайби *см.* пуэбло
 ораримугудоге *см.* бороро
 оровари, 154, **9**
 орочи*, 190, 194–196, 211, 214, 217, 224, 226, 231, 238, 243, 246
 осэдж*, 70, 74, 85, 190, 191, 193, 196, 197, 216, 225, 226, 231–233, 238, **6**
 оти, 21, 138, **10**
 ото*, 21, 70, 74, 85, 194, 227, 234, **6**
 Отовало*
 отомак, 154, **8, 11**
 ото-манге, 89, 90, 92, 93, 98, 160, **7**
 отоми*, 89, 92, 225, 241, 246
 ото-паме, 89
 оттава*, 191, 192, 225, **6**
 офайе*, 202, 214, 244, **10**
 офо, 21, **6**
 оямпи*, 143, 201, 202, 205, 206, 208, 211, 212, 214, 217, 218, 231, 243, 244, 247, **11**
 ояна*, 194, 201, 202, 205–208, 212–216, 231, 232, 240, 246, **11**
 павиоцо *см.* нума
 Пагуате *см.* пуэбло
 пайпай *см.* юма
 пайют *см.* нума
 палеоазиаты, 224, 252, 256
 паликур*, 141, 147, **11**
 палмела, 148, **9**
 пальта *см.* хиваро
 паме, **7**
 панаминт *см.* нума
 панаре*, 201, 202, 214, 225, **11**
 панатауа, **9**
 панкарару, 138
 пантагора, **8**
 пано (*см.* также пано-такана), 123, 141, 149, 150
 амауака*, 203, 211, 232
 капанауа*, 149, 246
 кашибо*, 149, 205, 212, 225, **9**
 кашинауа*, 149, 150, 201–203, 205, 212, 214, 216, 217, 231, 232, 246, **9**
 конибо*, 141, 149, 201, 202, 211, 225, 227, **8, 9**
 майоруна* («лесные»), 150, **8**
 марубо*, 149, 205, 246, **8**
 «речные» (пано на Укаяли)*, 149
 северные, **8**
 сетебо*, 149, 206, 227, 232, **8, 9**
 чакобо*, 150, 203, 205, 212, 214, 227, 246, **9**
 центральные, 149, **8, 9**

- шаранауа*, 149, 201, 202, 214, 231, 233, 246
- шипибо*, 141, 149, 197, 201–203, 206, 207, 211, 212, 214, 216, 217, 225, 233, 242, 243, 245, 246, **8, 9**
- яминауа*, 149, 201, 212, 214
- пано-такана, 123, 128, 149, 150, **9**
- папаго*, 53–55, 58, 62, 67, 68, 91, 226, 231, 235, 238, 241, **5**
- паракана*
- пареси*, 147, 196, 202–208, 211, 212, 214–216, 227, 231, 234, 240, 243, 244, 247, **9, 10**
- паринтинтин*, 144, 205, 206, 212, 214, 217, 225, 244, 246, **9, 10**
- парири, **10**
- пассамакводди*, 196, 197, 231, 234, 245
- Пасхи (мифология острова Пасхи), 118
- паташо, 133, **10**
- патвин*, 50, 191, 192, 242, **4**
- паумари *см.* арауа
- пауни *см.* кэддо
- паусерна*, 143, 201, 205, **9**
- паэс*, 107, 202, 231, 246, **8**
- пая *см.* печ
- паягуа, **10**
- пеба, 152
- пекос *см.* пуэбло
- пемон*, 205, 215, 232, **11**
- арекуна*, 201, 202, 212, 214, **11**
- камаракото*, **11**
- таулипан*, 202, 205, 207, 208, 215, 232, 233, **11**
- пенобскот*, 46, 190, 191, 195, 196, 233, 244
- пенути, 44, 49, 50, 161, **4**
- печ (пая)*, 93, 99, 202, **7**
- пиапоко*, 247, **8**
- пиароа*, 147, 153, 194, 203, 208, 225, 240, **8, 11**
- Пикурис *см.* пуэбло
- пилага *см.* тоба
- пима*, 53–55, 58, 62, 67, 68, 91, 195, 197, 225, 226, 232, 233, 235, 238, 241, 242, **5**
- пиментейра, 148, **10**
- пипиль*, 14, 92, 231, 240, 241, **7**
- пира-тапуя *см.* ваупес
- пиро (араваки)*, 147, 205, 217, **9**
- манитенери, **9**
- пиро *см.* пуэбло
- пихао*, 227, **8**
- поком, 93
- покомам*, **7**
- покомчи*
- Полинезия, полинезийцы, 118, 162
- помо*, 20, 49, 51, 191, 192, 196, 225, 226, 238, 239, 240–242, **4**
- понка*, 70, 190, 191, 197, 225–227, 244, **6**
- пополока* (семья ото-манге), 225, **7**
- пополука *см.* михе-соке
- потауатоми*, 197, 231, 238, **6**
- потигуара, 192, **10**
- пуинаве*, 151, 207, 208, **8**
- пукина, 122, 123, **9**
- пури-короадо, 133, **10**
- пурубора, 143, **9**
- пуэбло, 57, 58, 60, 64–67, 69, 226, **5**
- Акома*, 58, 197, 215, 225, 226, **5**
- Вальпи, 58
- зуньи*, 57, 67, 160, 195, 197, 225–227, 232, 233, 238, 240, **5**
- Ислета*, 58
- керес*, 57, 191, 193, 197, 215, 225–227, 238, 242, **5**
- Кочити*, 58, 232, 235

- Лагуна*, 58
 Намбэ*, 58
 Орайби, 58
 Пагуате*, 58
 пекос, 58, **5**
 Пикурис*, 58
 пиро, 58, 147, 206, 233, 246, **5**
 Сандиа*, 58
 Сан-Ильдефонсо*, 58
 Сан-Хуан*, 58
 Сан-Фелипе*, 58
 Санта-Ана*, 58
 Санта-Клара*, 58
 Санто-Доминго*, 58
 Сеама*, 58
 Сиа*, 30, 58, 215, 232, 233, 239
 таньо (тано), 57, 58, **5**
 Таос*, 58, 60, 195, 196, 231–233
 тева*, 58, 69, 197, 208, 226, 227,
 232, 235, 238–240, **5**
 Тесукэ*, 58
 тива*, 69, 190, 191, 195, 196, 215,
 225–227, 235, 238, 240, **5**
 това *см.* Хемес
 Хано, 58
 Хемес* (това), 58, 225, **5**
 хопи*, 53, 54, 57, 190, 191,
 194, 197, 208, 226, 227,
 232, 233, 235, 238, 241, **5**
 пуэльче*, 128, 129, 198, 200, 202,
 241, 250
 пуяллуп *см.* сэлиши
 Пьюджет-Саунд *см.* сэлиши
 рабиналь, 93
 рама*, 99, 202, 206, 246
 рамарама, 143, **9**
 рамкокамекра *см.* тимбира
 рикбакца*, 138, 201, 202, 206,
 212, 214, 233, 240, 243, 244,
 246, **10**
 ритва, 44, 45, 49
 вийот*, 45, 49, 231, 238, 242, **4**
 юрок*, 20, 45, 49, 196, 205,
 208, 215, **4**
 Русское Устье* (метисы
 Русского Устья), 191, 192,
 212
 сакатек, **7**
 сакирап*
 салива*, 153, 225, **8**
 салинан*, 50, 51, 191–193, **4**
 самиш *см.* сэлиши
 самуко*, 129, 203, 204, **10**
 айорео*, 129, 203, 212, 213,
 238, **10**
 чамакоко*, 129, 195, 196, 202,
 207, 208, 211, 225, 227,
 233–235, 240, 241, 243,
 244, 246, **10**
 санапана*, 129, 227
 Сандиа *см.* пуэбло
 санема *см.* яноама
 санпуаль *см.* сэлиши
 санти *см.* дакота
 Сан-Ильдефонсо *см.* пуэбло
 Сан-Хуан *см.* пуэбло
 Сан-Фелипе *см.* пуэбло
 Санта-Ана *см.* пуэбло
 Санта-Клара *см.* пуэбло
 Санто-Доминго *см.* пуэбло
 Сантьяго-дель-Эстеро *см.* кечуа
 сапаро*, 201, 202, 205, 214, **8**
 сапотеки*, 89, 90, 195, 202,
 225–227, 240, 241, 244, **7**
 сапэ *см.* калиана
 сарси *см.* атапаски
 саук*, 73, 191–193, 225–227,
 243, 245, **6**
 сахаптин*, 40, 44, 238, **3**
 западные, 196, 226, 232, 233,
 246
 валлавалла*
 верхние коулиц*, 196
 кликитат*, 40, 190, 191,

- 193, 196–198, 211, 214,
215, 231, 233, **3**
тенино*, 40, 215, 232
якима*, 40, 190, 191, 196,
214, 215, **3**
нэ персэ*, 40, 190, 191, 193,
194, 196, 198, 240, 231–
233, 235, 245, 246
- Сеама *см.* пуэбло
секани *см.* атапаски
секоя*, 151, 191, 203, 205, 206,
233, **8**
селькнам *см.* огнеземельцы
селькупы, 193, 227
семинолы *см.* мускоги
сенека *см.* ирокезы
серрано *см.* така
сери*, 57, 68, 208, 225, 226, 232,
233, 238
сетебо *см.* пано
сечелт *см.* сэлиши
сечура, 121, **8**
Сиа *см.* пуэбло
сибоней, 157
сибундой *см.* камса
сикуани *см.* гуахибо
симако *см.* урарина
синкион*, 196, 240, 242, **4**
сиона*, 49, 151, 191, 201–203,
206, 214, 216, 227, 241, 245,
246, **8**
сирионо*, 143, **9**
сиу (*см.* также дакота, дегиха,
кроу, хидатса, ассинибойн),
69–74, 85, 161, 252
сиуси *см.* ваупес
сиуслав, 50
скагит *см.* сэлиши
сквамиш *см.* сэлиши
слейви *см.* атапаски
снохомиш *см.* сэлиши
снукуалли *см.* сэлиши
- соке *см.* михе-соке
солто*, 195, 202, 226, 231, **6**
сонгиш *см.* сэлиши
сонора, 57
стоуни *см.* ассинибойн
стрейт *см.* сэлиши
субтиаба, 90, 99, **7**
суму *см.* матагальпа
сусквеханнок *см.* ирокезы
суя*, 135, 138, 205, 207, 208, 214,
244, 246, **10**
сэлиши, 39, 42–44, 161, 186, 190,
191, 199, 201, 216, 249, 251
беллакула*, 190, 192–196,
205, 211–217, 224, **3**
береговые* и внутренние,
224, 237, 238, 251
венатчи*
дувамиш*
калиспель*, 211, 232, 241, **3**
квинолт*, 39, 190, 195, 196,
211, 212, 231, 234, 240–
242, **3**
кердален*, 211, 241, **3**
клаллам*, 190, 194, 211, 215,
216, 234, 235, **3**
комокс*, 190, 193, 211–216,
240, 241, **3**
коулиц*, 39, 190, 194, 199,
212, 216, 231–235, 240–
241, 242, **3**
лиллуэт*, 39, 40, 190, 194,
196, 211, 214, 215, 231,
235, 238, 240–243, 245,
246, **3**
лкунген (стрейт)*, 208, 234, **3**
лумми*, 274
маклшут*
нискуалли*
оканагон*, 39, 193, 211, 232,
233, 241, **3**
пуяллуп*, 194, 196, 234, 241

- Пьюджет-Саунд*, 190–192,
 194, 196–198, 211, 215, 216,
 226, 231–234, 241–243, **3**
 самиш*, 214
 санпуаль*, 39, 190, 193,
 194, 196, 197, 205, 211,
 214, 216, 235, 240, 241,
 242, **3**
 сечелт*, **3**
 скагит*, 190, 196, 211, 216,
 233, 235, 241, 242
 сквамиш*, **3**
 снохомиш*, 190, 196, 211,
 215, 232, 233, 235, 240,
 242
 снукуалли*, 190, 234
 сонгиш*
 стрейт *см.* лкунген
 твана*, 194, 217, 234, 241, **3**
 тилламук*, 20, 39, 190, 191,
 193, 194, 198, 211, 214,
 215, 231, 233–235, 241, **3**
 томпсон*, 39, 190–192, 194,
 196, 198, 201, 211, 214,
 215, 231, 232, 235,
 238–242, 245, 246, **3**
 флетхед*, 39, 194, 241, **3**
 халкомелем*, 190, 193, 208,
 211, 214, **3**
 чехалис*, 39, 190–192, 194,
 196–198, **3**
 шусвап*, 39, 40, 190–198,
 204, 211, 212, 214, 215,
 231, 232, 234, 235,
 238–242, 245, 246, **3**
 тагиш *см.* атапаски
 таино*, 146, 149, 157, 207, 208,
 227
 тайбано *см.* ваупес
 тайрона, 106, 107, 119
 така*, 51–53, 238
 габриэлино (вкл. хуаненьо)*,
 51, 52, **4**
 луизеньо*, 52, 225, 238, 241, **4**
 кауилья*, 52, 198, 225, 238,
 241
 китанемук*, 193, 238, 242, **4**
 купеньо*, 225, **4**
 серрано*, 52, 191, 193, 231,
 235, 238, 240–242, **4**
 татавьям (принадлежность к
 така предположительна), **4**
 хуаненьо *см.* габриэлино
 такана* (*см. также* пано-
 такана), 19, 149, 150, 154,
 195, 201–203, 205–208, 225,
 227, 231, 233, 235, 241,
 244–246, **9**
 такельма*, 50, 191, 196, 231, 233,
 238, 240, 241, 242, **4**
 таламанка (*см. также*
 брибри, кабекар), 99
 талтан *см.* атапаски
 тальян, 121, **8**
 талыши, 202
 таманак*, 203, 202, **11**
 тамаулипек, **7**
 танана *см.* атапаски
 танайна *см.* атапаски
 таньо *см.* пуэбло
 Таос *см.* пуэбло
 тапажо*, 225, **10, 11**
 тапарита, 154, **11**
 тапачультепек *см.* михе-соке
 тапирепе*, 138, 143, 201, 202,
 205, 217, 225, 234, **10**
 тапьетэ*, 129, 205, 217
 тараски*, 90, 225, 226, **7**
 тараумара*, 91, 225, 226, 238, 241
 тариана*, 206, 231, 240, 244, **8**
 тарума*, 153, **10, 11**
 таскеги *см.* мускоги
 татавьям *см.* така
 татуйо *см.* ваупес

- таулипан *см.* пемон 224, 241, **3**
- твана *см.* сэлиши
- тева *см.* пуэбло
- текистлатеки*, 90, 99, 225, 241, **7**
- тенетехара* (тембе), 144, 191, 203, 205, 206, 208, 211, 214, 217, 218, 231, 232, 233, 240, 244–246, **10**
- тенино *см.* сахаптин
- тепекано*, 226, **7**
- тепеуа*, 88, 89, 91, **7**
- тепеуан*, 91, 241, **7**
- теремембе, **10**
- терено*, 129, 227, 242, **10**
- терраба, 99
- Тесукэ *см.* пуэбло
- тетон *см.* дакота
- теуэльче*, 123, 128, 129, 193, 195, 198, 200, 202, 207, 225, 238, 250
- Теффэ (озеро) *см.* катавиши
- тешистепек *см.* михе-соке
- тива *см.* пуэбло
- тилламук *см.* сэлиши
- тимбира, 135, **10**
- апаниекра*, 135, 243, **10**
- крахо*, 135, 204, 206, 208, 214, 216, 234, 243, 244, 246, **10**
- кренье*, 135, 202, **10**
- крикати, 135, **10**
- рамкокамекра*, 135, 202, 203, 205, 207, 216, 218, 234, 243, **10**
- тимотэ, 107, **8**
- тимукуа, 74, **6**
- типаи *см.* юма
- тлапанеки*, 90, **7**
- тлинкиты*, 14, 21, 31, 33, 37, 38, 40–43, 163, 190–198, 207, 211, 214–217, 224, 235, 241, 255, **3**
- внутренние*, 191, 217, 218, 224, 241, **3**
- тоба (вкл. пилага)*, 129, 190, 191, 196, 203, 212, 227, 231, 234, 235, 238–244, 246, **10**
- това *см.* пуэбло
- толова*, 226, **4**
- толупан *см.* хикаке
- тольтеки, 92
- ТОМПСОН *см.* сэлиши
- тонкава*, 69, 72, 160, 196, 197, 227, 238, 239, 243, **6**
- тотонаки*, 88, 89, 201, 202, 208, 225, 226, 241, **7**
- тохолабаль*, 225, **7**
- трики (трике)*, 89, 202, 240, 244, **7**
- трио*, 201–203, 205–208, 211, 212, 214, 217, 218, 245, 246, **11**
- трумаи *см.* шингуано
- тукано (*см.* также Ваупес), 21, 147, 151, 203, 227, 231, 232, 243, 244, 246, **8, 11**
- восточные, 151
- западные*, 151
- тукуна* (тикуна), 20, 147, 152, 201–203, 205, 206, 214, 225, 227, 231, 232, 233, 241, 242, **8**
- тумбес, **8**
- туле (полярные) *см.* эскимосы
- тунебо*, 105, 201, 225
- туника*, 74, 75, 215, 246, **6**
- тупари*, 143, 201–203, 207, 208, 214, 227, 240, 244, 246, **9**
- тупи (тупи-гуарани), 129, 132, 133, 136, 141–144, 147, 154, 155, 160
- тупина, 143, **10**
- тупинамба*, 137, 141–145, 205, 214, 231, 235, **10**
- тускарора *см.* ирокезы
- тутело*, 73, 75, **6**
- тутутни*, 296, **4**
- тутчоне *см.* атапаски

- тшукаррамаэ*, 246
 тюбатулабаль*, 53–55, 191, 192,
 238, 242, **4**
 уаве*, 90, 194, 225, **6**
 уамачуко, 241, **8**
 уамбиса *см.* хиваро
 уанана *см.* ваупес
 уанка (*см.* также кечуа I), 194
 уанкавилька, **8**
 уаньям, 154, **9**
 уари* (айкана), 119, 122, 205,
 227, 234, **9**
 Уарочири, 235, **9**
 уарпэ, 123
 уастеки*, 88, 225, 227, 241, **7**
 удэгейцы*, 190, 194–196, 203,
 211, 215, 224, 243, 246
 уильта*, 189, 214, 224, 231
 уитото*, 151, 201–203, 205, 214,
 216, 225, 227, 231, 232, 241,
 244–247, **8**
 муинане, 151
 муруи, 151
 уичоль*, 20, 91, 92, 225, 226, 232,
 241, 242, 249, **7**
 ульва *см.* суму
 ульчи*, 194, 195, 211
 умутина *см.* бороро
 урарина (симако)*, 152, 206,
 218, **8**
 уру, 122
 уруак, 152, **11**
 урубубу*, 144, 201, 202, 205, 207,
 208, 211, 214, 217, 231, 247, **10**
 урукилья, 122, 123, **9**
 уруку, 143, **9**
 уруми, 143, **9**
 ути, 49
 уфайна *см.* ваупес
 флетхед *см.* сэлиши
 фокс*, 73, 191, 192, 197, 198,
 208, 227, 231, 233, 238, 243,
 251, **6**
 фулнио, 133
 хавасупай *см.* юма
 хайда*, 31, 38, 42, 163, 190, 191,
 193, 195–198, 207, 211–217,
 224, 241, 245–247, 255, **3**
 хайсла, 39, **3**
 хакальтека*, **7**
 хакару, 122
 хакасы, 200, 201
 хаки (ару), 122
 халкомелем *см.* сэлиши
 хан *см.* атапаски
 ханамбре, **7**
 Хано *см.* пуэбло
 ханты, 278, 290
 харакмбет (машко)*, 154,
 201–203, 205, 206, 214, 232, **9**
 хауш *см.* огнеземельцы
 хейлцук (беллабелла)*, 39, 190,
 194–196, 211, 214–217, 234,
 241, **3**
 Хемес *см.* пуэбло
 хиваро*, 151, 152, 234, 238, **8**
 агуаруна*, 197, 198, 201, 202,
 205, 207, 208, 214, 216,
 218, 231–234, 241, 243,
 246, **8**
 ачуар*, 152, 205, 206, 231, **8**
 бракаморо, 152
 малаката, 152, **8**
 пальта, 152, **8**
 уамбиса*, 152, 201, 203, 205,
 202, 225, **8**
 шуар*, 152, 201, 203, 205, 206,
 211, 216, 225, 231, 232–234,
 241–243, 246, **8**
 хидатса*, 70, 191–194, 227, 242,
 243, 238
 хикаке (толупан)*, 90, 93, 99,
 157, 225, 226, **7**
 хикарилья *см.* апачи

- хичити *см.* мускоги
 хишкарьяна*, 201–203, 205, 211,
 212, 214, 232, **11**
 хок, 49–51, 55, 68
 хопи *см.* пуэбло
 хоти, 152, **11**
 хуаненьо *см.* габриэлино
 хупа*, 190, 193, 194, 211, **4**
 хэа *см.* атапаски
 цачила *см.* колорадо
 цельталь*, 225, **7**
 цецот *см.* атапаски
 цимшиан*, 38–40, 42, 44, 190,
 193–198, 211, 214–217, 224,
 241, 246, 247, **3**
 нэсс, 38
 гитксан, 38
 цоциль*, 14–88, 202, 215, 225,
 226, 231, 232, 241, 242, 247, **7**
 цутухиль*, 202, 225, **7**
 чакобо *см.* пано
 чамакоко *см.* самуко
 чанэ, 143
 чапакура, 154, **9**
 чарруа, 128, 129, **10**
 чатино*, 89, 208, **8**
 чачапоя, **8**
 чачи *см.* каяпа
 чаяуита*, 152, 201, 202, 206, 214,
 225, 241, **8**
 челканцы, 213
 чемакум*, 39, **3**
 чемеуэви *см.* нума
 черноногие*, 33, 45, 70, 71,
 190–195, 197, 207, 208, 211,
 214–216, 218, 225–227,
 231–234, 242–246, 251, **3**
 чехалис *см.* сэлиши
 чиапанеки, **7**
 чибча, 98, 99, 105–107, 160
 чивере (*см.* также айова, ото,
 миссури), 70, 71, 74
 чикао *см.* шингуано
 чикасо *см.* мускоги
 чикито*, 129, 138, 225
 чилула*, 49, **4**
 чилкотин *см.* атапаски
 чиман*, 154, 201, 203, 206, 207,
 225, **9**
 чимарико*, 49, 239, **4**
 чимила*, 105, 205, 215, 241, **8**
 чинантеки*, 89, 195, 202, 225, 241, **7**
 чинук*, 39, 40, 50, 190, 238, **3**
 васко*, 193, 211, 234
 вишрам (вишом)*, 208, 226,
 234
 катламет*, 191, 192, 196, 211,
 212, 231, 239–241
 клакамас*, 190, 193, 196–198,
 215, 231–233, 235, 239,
 240, 242
 нижние чинук*, 190, 196, 208
 чипайя*, 123, 235
 чипевайян *см.* атапаски
 чиппева *см.* оджибва
 чиригуано*, 143, 196, 203, 205,
 211, 216, 217, 225, 235, 238, 241
 чирикауа *см.* апачи
 чирипа *см.* гуарани
 чироки*, 46, 48, 72–75, 83, 191,
 192, 201, 202, 214, 226, 227,
 232, 233, 240, 246, **6**
 читимача*, 74, 75, 191, **6**
 чоко*, 105, 107, 194, **8**
 нонама (ваунана)*, 201, 205,
 206, 215, 225, 226, 246, **8**
 эмбера*, 201, 203, 205, 225, **8**
 чоктав *см.* мускоги
 челон, **8, 9**
 чоль*, 14, 225, 231, 232, 242, **7**
 чон, 128, 129, 150, 160
 чоно *см.* огнеземельцы
 чонталь*, 194, 225, **7**
 чороте*, 129, 194, 203, 204, 207,

- 217, 211, 212, 216, 231, 233–235
 чоротега, 90, 93, 99, **7**
 чорти*, 202, 225, 226, **7**
 чочо, **7**
 чугач *см.* эскимосы
 чукчанси *см.* йокуц
 чукчи*, 189, 190, 193, 194, 196,
 214, 215, 217, 218, 224, 234,
 238, 247, 248, 254
 чумаш*, 50–52, 191, 197, 207,
 231, 232, 238, 247, **4**
 чух*, 206, 240, **7**
 шаванте*, 135, 208, 227, 234, **10**
 шакриба, 135, **10**
 шапра, 152
 шаранауа *см.* пано
 шаста*, 49, 196, 206, 212, 231,
 232, 238, 239, 240, 242, **4**
 шеберо, **8**
 шейены*, 70, 71, 190–192, 195,
 197, 214, 218, 226, 227, 231,
 232–234, 243, 245
 шеренте*, 135, 202, 208, 234, **10**
 шета*, 132, 133, **10**
 шикрин *см.* каяпо
 шингуано*, 154, 155, 203, 205, **10**
 ваура*, 147, 205–208, 212, 214,
 227, 231, 235, 241–245
 калапало*, 148, 205, 206,
 208, 216, 217, 231, 235,
 244–246
 камаюра*, 155, 203, 205–208,
 211, 214, 226, 231, 232,
 245
 кукуру*, 148, 205, 216, 217,
 231, 241–243
 мехинаку*, 193, 206–208,
 227, 245, 246
 нахуква, 148, 149
 трумаи*, 147, 155, 203, 205,
 208, 214, 217, 231, 243
 чикао, 148
 яулапити*, 207, 227
 шинка, 93, 99, **7**
 шипая*, 143, 144, 201–203, 206,
 212, 214, 216, 218, 227, 231,
 240, 243, **10**
 шипибо *см.* пано
 шони*, 75, 191, 226, **8**
 шошони *см.* нума
 шуар *см.* хиваро
 шусвап *см.* сэлиши
 эвенки*, 189, 191, 192, 194–196,
 203, 204, 214, 238, 246
 эвены*, 189, 191, 192, 194, 216,
 238
 эмбера *см.* чоко
 эмерильон*, 201, 202, **11**
 эсеэха*, 203, 205, 227, **9**
 эскимосы, 12, 21, 23–29, 32–
 34, 70, 160, 189, 195, 224,
 227, 231, 234, 243, 245, 247,
2, 3
 азиатские*, 190, 193, 195,
 196, 204, 212–215, 218,
 224, 225, 231, 233, 238,
 241, 245–248, 253, **3**
 алютик (*см.* также коняг,
 чугач), **3**
 ангмассалик*, 202, 212–215,
 248, 253, **2**
 Баффиновой Земли*, 23,
 203, 212, 213, 215, 245,
 247, **2**
 Гренландии* (*см.* также
 полярные эскимосы
 и ангмассалик), 23, 193,
 194, 201, 212, 213, 227,
 247, **2**
 иглулик*, 23, 198, 201, 202,
 206, 212, 213, 215, 224,
 225, 227, 245–248, **2**
 инуит*, 29, 32, 203, 214,
 216, 224, 231, 248, 252,

- 253, **2, 3**
 инупиак*, 23, 190, 193–195,
 203, 212–217, 224, 227,
 241, 245, 247, 248, **3**
 карибу*, 23, 190, 198,
 212–214, 245, **2, 3**
 коксоагмиут* (эскимосы
 Лабрадора), 21, 23, 201,
 202, 212, 213, 215, 224, 245
 коняг (кадьякцы)*, 23, 28, 29, **3**
 медные*, 23, 193, 194, 198,
 207, 212, 213, 224,
 245–247, **2, 3**
 науканские, 23
 нетсилик*, 23, 196, 198, 201,
 202, 212–214, 227, 247, **2**
 острова Нунивак*, 202, **3**
 острова Саутхемптон, 28, **2**
 полярные (туле)*, 23, 25, 28,
 29, 202, 212, 213, 215, 233,
 234, 245–248, **2**
 сиреникские, 23
 туле *см.* полярные
 устья (дельты) Маккензи*,
 32, 193, 194, 198, 212, 213,
 217, 224, **2, 3**
 чаплинские, 23
 чугач*, 23, 28, 29, 33, 190, 193,
 194, 197, 212, 216, 217,
 224, 234, **3**
 центральные юпик*, 193,
 194, 202, 207, 217, 224,
 225, 233, 247, **3**
 юпик, 23, 29, 32, 197, 207,
 253, **2, 3**
 эскоалеуты, 23, 28, 30, 32
 эсмеральда, 105, **8**
 эсселен, 50, 51, **4**
 юагиры*, 189, 207, 212–214,
 216, 224, 240, 241
 юкатек *см.* майя
 юки*, 49, 196, 225, 238, 239, **4**
 юкуна *см.* ваупес
 юма*, 51, 52, 55, 57, 67, 68, 205,
 226, 241
 валапай*, 55, 67, 231, 238, **5**
 диегеньо *см.* ипаи, типаи
 ипаи*, 55, 226, 231, 241, 255, **4**
 килива*, 55, 201, 226
 кокопа*, 55, 225, 226, 238, **5**
 кочими, 55
 марикопа*, 55, 231, **5**
 мохаве*, 14, 55, 191, 194, 205,
 208, 225, 231, 283, **5**
 пайпай*, 55, **4**
 типаи*, 55, **4**
 хавасупай*, 55, 67, 191, 193,
 197, 227, 231, 238, 240,
 242, **5**
 явапай*, 55, 67, 191, 193, 196,
 233, **5**
 юма собственно*, 55, 58, **5**
 юпа* (юкпа), 192, 203, 244,
 246, **8**
 юпик *см.* эскимосы
 юракаре*, 128, 154, 205, 225,
 227, **9**
 юри, **8**
 юрок *см.* ритва
 юруманди, 105, **8**
 юте *см.* нума
 юто-ацтеки, 51, 52, 54, 57, 59, 62,
 69, 92, 98, **4, 7**
 ючи*, 74, 75, 191, 201, 225, 226,
 232, **7**
 ябарана*, 201, 202, 205, 214, 227,
 232, **11**
 ябути*, 138, **9**
 явапай *см.* юма
 яганы *см.* огнеземельцы
 ягуа*, 152, 201, 202, 206, 207,
 211, 214, 227, 240, 241, 246,
 247, **8**
 яки *см.* кахита

- якима *см.* сахаптин
якуты, 26, 204, 214
ямамади *см.* арауа
ямана *см.* огнеземельцы
яминауа *см.* пано
яна*, 49, 194, 198, 226, 231,
238–242, **4**
янктон *см.* дакота
яноама (яномамо)*, 153, **11**
санема*, 153, 201, 203, 205–
207, 212, 215, 227, 231–
233, 246, **11**
янам, 153, **11**
яномам*, 153, 196, 203, 205,
212, **11**
яномами*, 153, 203, 205, 208,
212, 227, 231, 247, **11**
Япония, японцы*, 189, 195, 212,
213, 215, 224, 225, 235, 245,
254
ярури*
яруро*, 154, 202, 203, 205, 207,
225, 227, 232, 242, 245, 8, **11**
яуйо, 122, **9**
яхуна *см.* ваупес

Научное издание

Березкин Юрий Евгеньевич

МИФЫ ЗАСЕЛЯЮТ АМЕРИКУ

Ареальное распределение фольклорных мотивов
и ранние миграции в Новый Свет

Ответственный редактор Е. Савина
Ведущий редактор А. Князева
Компьютерная верстка: А. Павлов

ОБЪЕДИНЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
103051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 8
Факс: (495) 624-5761; тел.: (495) 744-3170
e-mail: info@ogi.ru

Заказать книги ОГИ можно:
тел. (495) 744-3171, e-mail: info@ogi.ru

Оптовые продажи:
тел. (495) 744-3171, e-mail: info@ogi.ru

За пределами России наши книги можно купить:
www.esterum.com

Книги издательства ОГИ можно приобрести:
м. «Пушкинская», «Театральная», «Кузнецкий Мост», ул. Петровка, д. 26, стр. 8,
кафе «Улица ОГИ»;
м. «Чистые Пруды», Кривоколенный пер., д. 10, стр. 5,
кафе «Билингва»;
м. «Чистые Пруды», Потаповский пер., д. 8/12, стр. 2,
клуб «Проект ОГИ»;
м. «Площадь Революции»/«Лубянка», ул. Никольская, д. 19/21, кафе «Пирогои»;
м. «Охотный Ряд»/«Театральная», ул. Большая Дмитровка,
д. 12/1, стр. 1, кафе «Пирогои»;
м. «Перово», Зеленый просп., д. 5/12, кафе «Пирогои».

Подписано в печать 02.02.2007
Формат 60×90 1/16. Объем 22,5 печ. л. Гарнитура Garamond.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ №